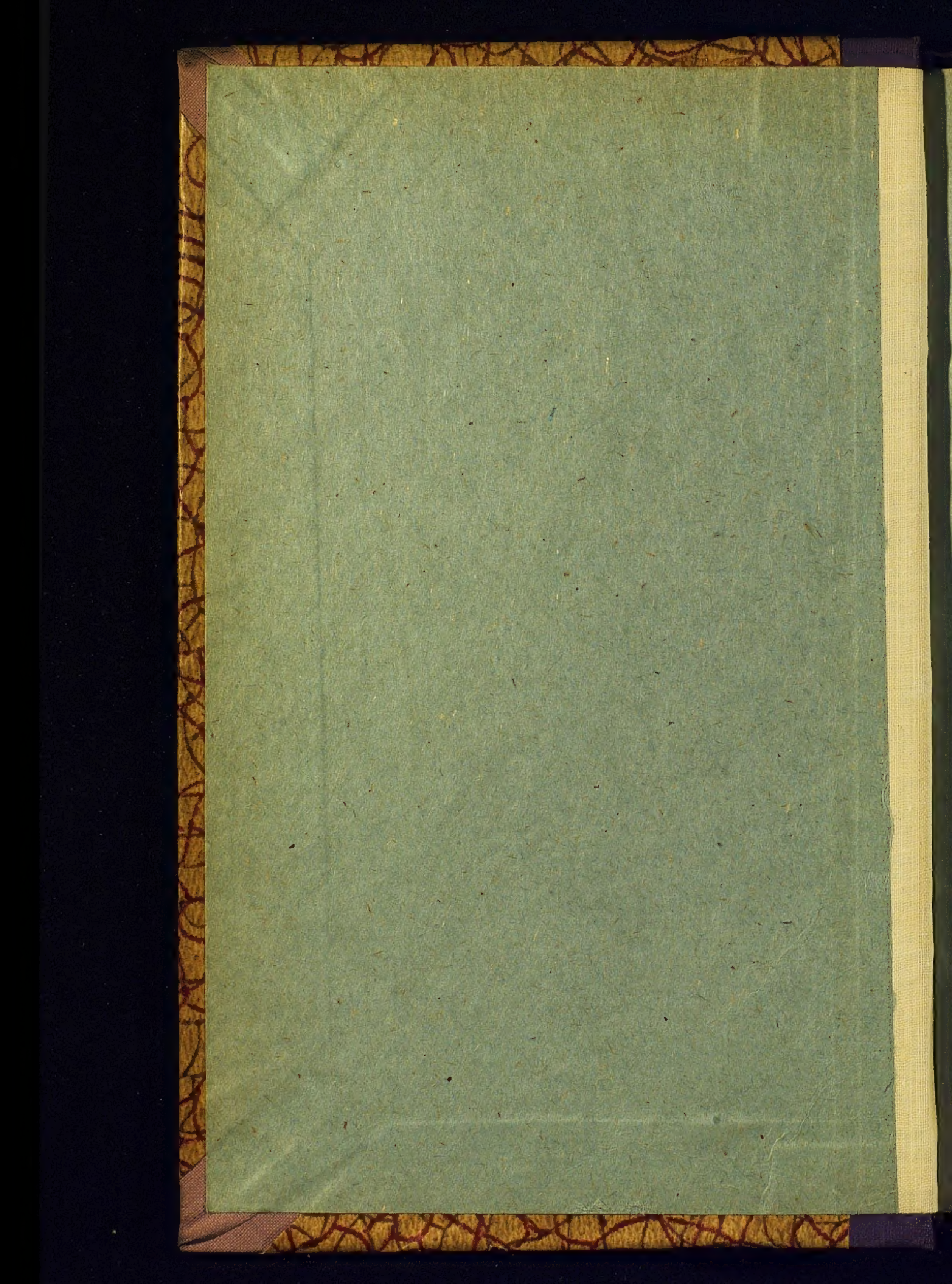
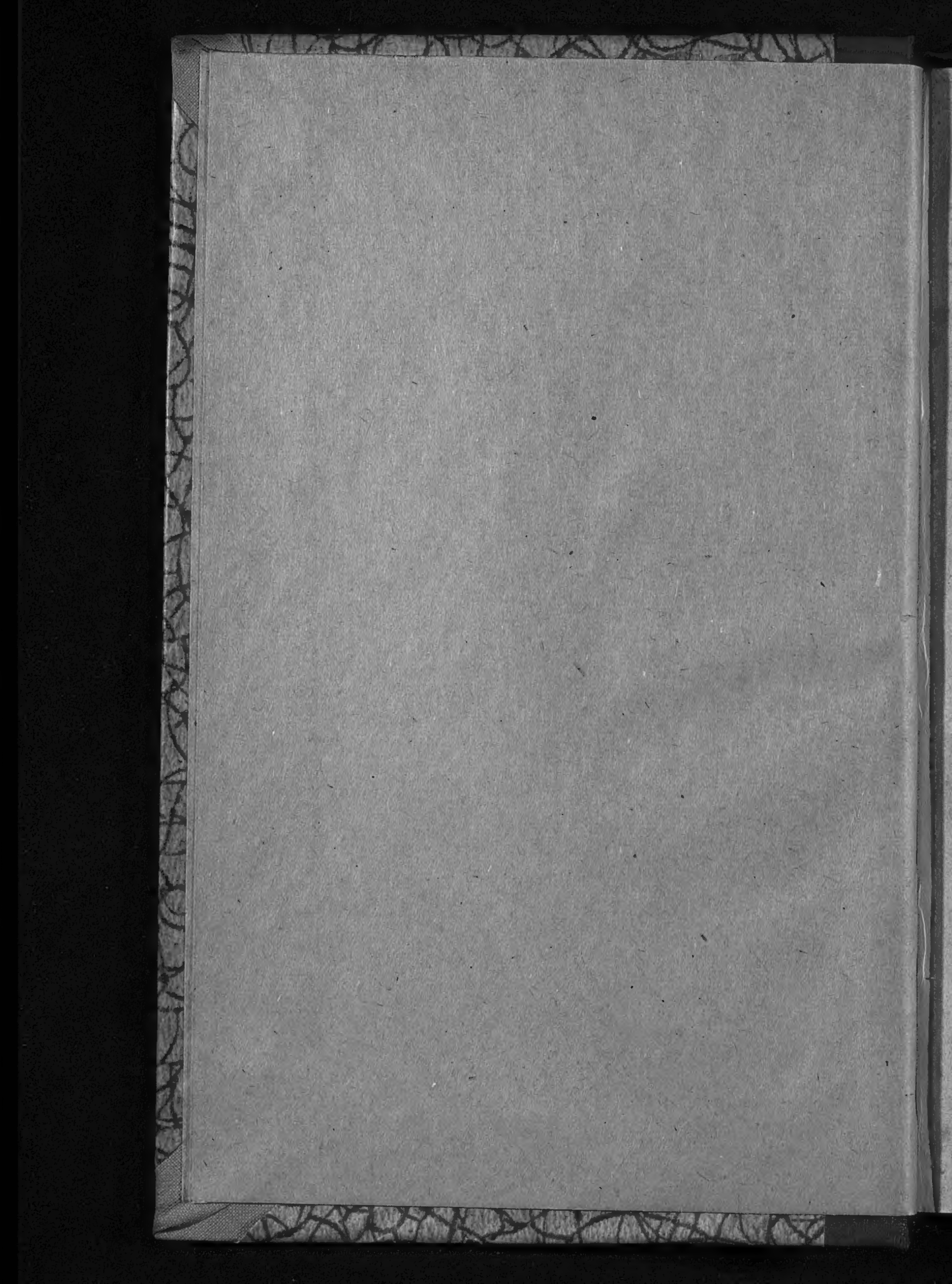

34 9/42

Джордж Киркпатрик.

Война... ради чего?

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ • 1920

Джордж Р. Киркпатрик

„Война... ради чего?“

Государственное Издательство
Петроград, 1920

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

«Пушечное мясо начало размышлять и, подумав хорошенько, перестает восхищаться тем, что из него сделали мишень.»

Виктор Гюго.

«Кивок лорда—завтрак... для дурака.»

Пословица.

«Бедняки, для которых алчная война свой зев огромный открывает.»

Вильям Шекспир.

«Патриотизм — это ваше убеждение в том, что данная страна потому выше всех остальных, что в ней родились вы!»

Джордж Бернард Шоу.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Книга Дж. Р. Киркпатрика предназначалась исключительно для читателей-американцев, поэтому многие намеки, многие рассуждения «на злобу дня», к сожалению, не вполне понятны для русского. То, с чем американец сжился — история его страны, ее государственное устройство, парламентская жизнь, система выборов, положение рабочего класса—все это в громадном большинстве случаев почти неизвестно среднему русскому читателю. Только при знакомстве с условиями американской жизни и с главнейшими историческими эпизодами заполнятся содержанием и загорятся нужными красками те пылкие страницы книги Киркпатрика, которые в противном случае могут показаться ничего не говорящими, а иной раз, даже, пожалуй, несколько скучными для русского читателя. Поэтому читателю очень рекомендуется прочесть хотя бы «Историю Северо-Американских Соединенных Штатов» А. В. Бабина (2 тома, Петроград, 1912, изд. автора), чтобы составить себе представление об истории той страны, которая за последние годы стала играть весьма важную роль на мировой сцене.

Два слова об языке и стиле автора. В предисловии к X изданию Киркпатрик говорит, что им не принимались во внимание «условные приятности вежливого составления книг». В другом месте он указывает, что книги, изящно написанные, прекрасно изданные, слащавые и по внешнему виду, и по внутреннему содержанию, напоминают собою снежки, которые стали бы кидать по направлению к аду, с целью понизить его температуру. Сам автор вступает в борьбу с адом весьма решительно, и поэтому его язык, его стиль часто походят на дубину, которой он размахивает направо и налево и бьет слушателей по голо-

нам, чтобы они скорее очнулись от спячки и откликнулись на зов, с которым он обращается к ним.

С этой точки зрения стиль автора иногда слишком тяжеловат, сплошь и рядом встречаются повторения, совершенно неожиданные метафоры, черезчур резкие отдельные слова и целые фразы. Самый метод распределения материала показывает, что автор хотел в кратчайший срок сосредоточить на своих словах максимальное внимание слушателей. Часто он гонится за эффектной фразой, за эффектной расстановкой слов и фраз, злоупотребляет разными шрифтами и подчеркиванием фраз, чтобы лучше их выделить, и т. д. При чтении вслух книга Киркпатрика должна производить гораздо большее впечатление чем при чтении «про себя» и «для себя». Русскому читателю, привыкшему сразу находить суть дела и сразу схватывать сущность вопроса, чужды приемы, которые практикует Киркпатрик, очень часто испестряющий целую страницу особо резко выделенными фразами.

Но редкая искренность и преданность руководящей идее, страстное желание притти на помощь страждущему брату-человеку, глубокое знакомство с предметом, масса ценных выдержек из книг известнейших ученых и писателей, все это искупает некоторые недостатки книги, заставляет смотреть на них сквозь пальцы и не может лишить автора нашей признательности за смелость и правдивость его речей, за справедливую и надлежащую оценку войны, всякой войны, за веру в то, что пробудившееся и восставшее против поработителей человечество сможет добиться лучшей участи, сможет стать действительно свободным и могучим, не прибегая к насилию, неся миру свет знания и борясь со злом свободным словом — книгой.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Справедливость успокаивает.

Справедливость исцеляет раны и язвы социального тела.

Справедливость уничтожает всякий грабеж — незаконный и законный.

Справедливость умиротворяет.

Несправедливость жалит.

Несправедливость жжет, возмущает—она убивает общественность и создает конфликты.

Несправедливость мешает братству.

Несправедливость необщественна—антиобщественна—и поэтому она является социальной язвой.

Несправедливость, организованная несправедливость — душа всякой формы общественного строя, основанного на системе классового труда.

Цель всякого общественного строя, основанного на системе классового труда, заключается в грабеже.

Ограбленный сопротивляется—иногда.

Грабитель готов к сопротивлению—всегда.

Во всяком обществе, основанном на системе классового труда, в распоряжении правящего класса всегда имеются:

Во-первых, *вооруженная стража*, готовая:

готовая служить клыком и кулаком грабителю правящему классу,

готовая подавлять возмущающихся рабов,

готовая подавлять возмущающихся крепостных,

готовая подавлять возмущающихся наемных рабочих,

готовая защищать систему классового труда,

готовая оказывать содействие развитию системы классового труда,

готовая вызвать на бой, разгромить, захватить и подвергнуть побоям ограбленный рабочий класс.

Во-вторых, *невооруженная стража*, в состав которой входят лишенные всякой гордости продажные людишки, социальные хамелеоны, моральные евнухи, политические лакеи,—интеллектуальные проститутки—готовые:

готовые издавать законы в интересах правящего класса,
готовые толковать законы в интересах правящего класса,
готовы исполнять законы в интересах правящего класса,
готовые лукаво улещать и надувать обреченный на труд рабочий класс,
готовые лукаво учить рабочий класс смирению, унижению и удовлетворенности,
готовые лукаво учить рабочий класс подобострастию и повиновению,
готовые громкими словами лукаво одурачивать и хлороформировать рабочий класс,

готовые реветь о «законе и порядке», когда безработные начинают громко требовать хлеба или работы и когда голодные забастовщики раскрывают уста для самозащиты,

готовые «во имя Христа» (и за жалование) прославлять войну и обращаться с воплями к «Господу битв» (а также к «Господу мира»), моля о победе; готовые освящать оптовое убийство и льстить забрызганным кровью победителям; готовые хныкать и бормотать над истерзанными осколками снарядов трупами жертв, лицемерно сморкаться и драть себе глотку, рассыпаясь в утешениях по адресу обездоленных войною вдов и сирот; готовые насмехаться, за плату, над своими погубленными жертвами; готовые проповедывать рабочим, что они должны сражаться с адом, чтобы «получить награду на небесах».

Многие из моих братьев, моих обманутых младших братьев, служат в армии: их соблазнили поступить на военную службу, исполнять обязанности вооруженных стражей. Их обманули. Ими злоупотребляют. Многие из них сходят с ума. В длинном списке болезней, освобождающих наших обманутых братьев от службы, сумасшествие стоит на третьем месте (Отчет военного министерства за 1908 г.).

И на самом деле солдат обманывают, ими злоупотребляют и их покрывают стыдом. Они даже кончают с собой, чтобы скрыть свой позор или избежать оскорблений. Из числа записавшихся на военную службу в 1908 году покончило с собой в двадцать шесть раз больше, а в 1909 году—в тридцать девять раз больше, чем в 1907 г.

Молодые люди, состоящие на службе в армии, все больше и больше начинают испытывать отвращение к гнусному ремеслу, но так как солдаты все в большей степени начинают гнушаться военной службой и стремятся сбежать, то военное министерство все больше и больше старается удержать их, как крыс в ловушке. Военный министр хвастался в своем отчете за 1908 год, что теперь установлена «особо выработанная система... почти совершенная, прекрасно рассчитанная, обеспечивающая быстрый и верный арест и наказание дезертиров... которая окажет значительное влияние на понижение числа преступлений до минимума». Таким путем молодых людей ловят в ловушку и мучат. Некоторые из них убивают себя.

Людей, принадлежащих к рабочему классу, сбивают с толку как внутри армии, так и вне ее.

Они не понимают.

Но они поймут!

А когда они поймут, то их классовая верность и классовая гордость поразят весь мир. Они выпрямятся, полные громадной классовой силы, и станут защищать—*себя*. Они не будут больше клянчить и попрошайничать, но единодушно обратятся *с требованиями*. Они уйдут из арсеналов, заклепают все пушки по всему миру; они отнесутся с презрением к командиру; они никогда не будут бить полицейской дубинкой или колоть штыками какого-нибудь забастовщика. И, заняв места в законодательных учреждениях всего мира, они очистят от разжиревших паразитов политическое и промышленное тело общества.

Но всего этого они не сделают и не смогут сделать, пока не очнутся от сна—пока не очнутся, *потому что поймут*.

Поэтому я беру слово «к порядку дня»: Наиболее важный вопрос, стоящий в программе нынешней мировой политики, заключается в том, что надо разбудить рабочий класс, чтобы он по-

нял сам себя, чтобы он стал сознательным, чтобы он увидел самого себя, а также ясно увидел многовековые козни, которые строил правящий класс. Прежде всего нужно разбудить рабочий класс, чтобы он об'единился как в области общественной, так и в области промышленной и политической и овладел во всем мире всей политической властью, овладел ею—для самозащиты. Величайшим делом данного момента должно быть пробуждение рабочего класса для увенчания победой эволюции человечества, для промышленной свободы рабочего класса, для мира и спокойствия, рожденных от справедливости, для красоты и славы братства всех людей!

Эта книга написана для того, чтобы помочь научить и пробудить рабочий класс. И если эта беспритязательная книга хотя бы в самой ничтожной степени принесет с собою луч света уму моих младших братьев на борту громадных стальных боевых кораблей и в голых пасмурных казармах, зажжет свет в умах моих обездоленных и обманутых братьев и сестер на заводах, на копях и на фермах и тем самым поможет побудить мой класс к познанию себя, как класса, поможет с большей настойчивостью пред'явить требования о справедливости и об организации общества на новых, социалистических основаниях, то моя награда покажется мне слишком щедрой.

Джордж Р. Киркпатрик.

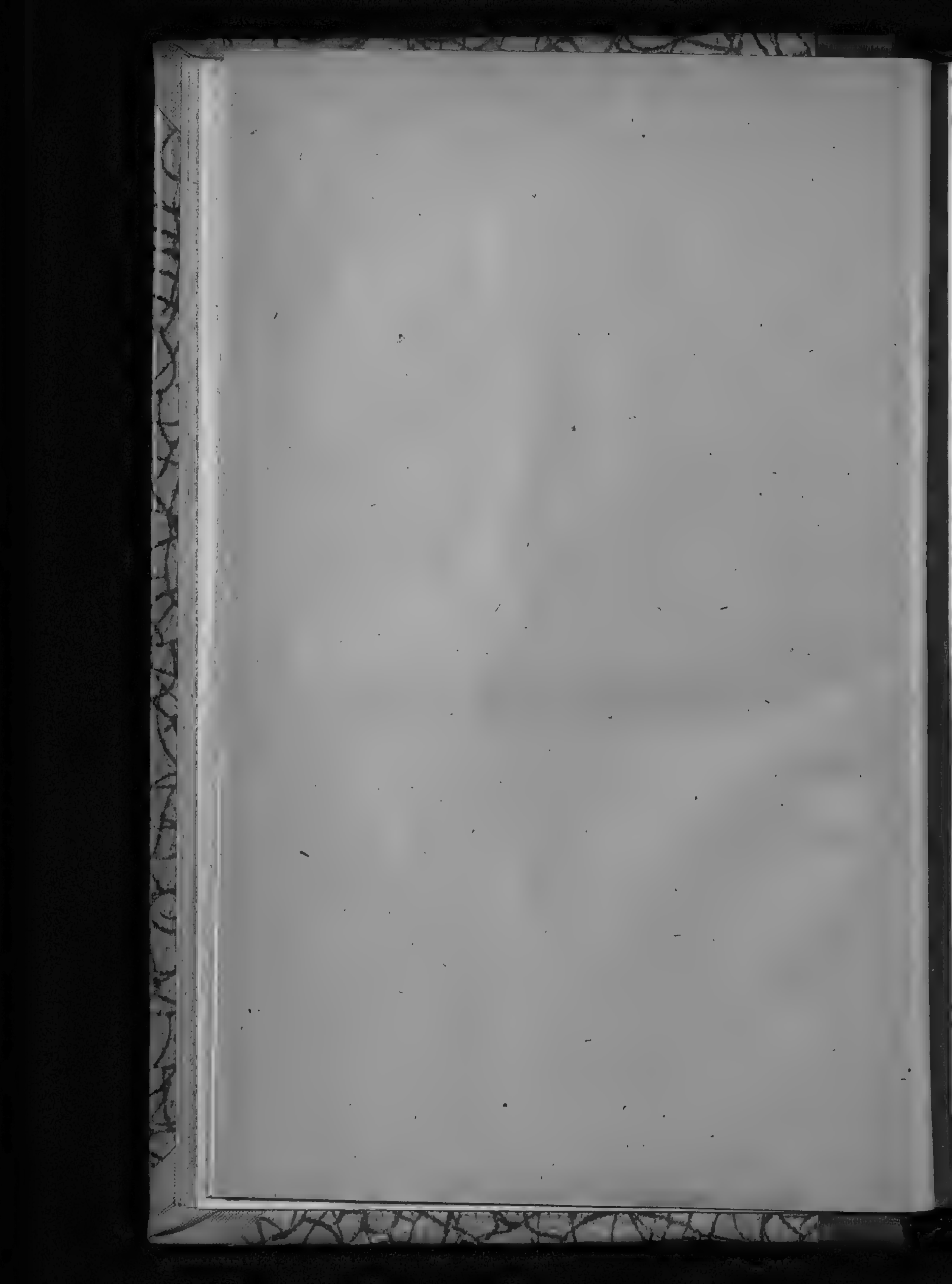
4-го июля 1910 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДЕСЯТОМУ ИЗДАНИЮ.

Пользуюсь случаем, чтобы обратиться с несколькими словами к тем из моих читателей, которые могут найти, что и в стиле, и в методе, и в расположении материала в этой книге проскальзывает полнейшее пренебрежение к условным приятностям вежливого составления книг. Мне кажется, что как слезливый, так и технически-слащавый метод «надлежащей трактовки» вопросов, посвященных войне и милитаризму, досточно заезжены и оказались никуда негодными. «Война... ради чего?» не предназначена для того, чтобы послужить изящной побрякушкой. Она написана для того, чтобы послужить оружием в рукопашной борьбе, она предназначена для тех мужчин и женщин, которые слишком искренни, слишком велики, слишком заняты, чтобы обращать внимание на более изящную гравировку своего боевого оружия. Вместе с тем, я шлю с величайшим удовольствием свою сердечнейшую благодарность тем щедрым товарищам, которые, сражаясь с безумием и суетностью войны и милитаризма, оказали мне деятельную помощь при спешной работе по изданию этой книги, выходящей в свет в десятый раз на протяжении трех лет и восьми месяцев.

Дж. Р. К.

Апрель 1914 г.

Война... ради чего?

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Задушевное обращение к человеку из рабочего класса.

Брат!

Кто бы ты ни был, где бы ты ни жил на земле, я обращаюсь к тебе с приветом.

Ты член рабочего класса.

И я член рабочего класса.

Мы братья.

Братья по классу.

Повторим же это: братья по классу.

Запишем эти слова в своих сердцах и запечатлеем их в уме своем:—братья по классу.

Я протягиваю тебе правую руку.

Я ручаюсь тебе.

Вот в чем я даю тебе поруку:

Я отказываюсь убивать твоего отца. Я отказываюсь умерщвлять сына твоей матери. Я отказываюсь всаживать штык в грудь брата твоей сестры. Я отказываюсь истреблять возлюбленного твоей милой. Я отказываюсь лишать жизни мужа твоей жены. Я отказываюсь зверски убивать отца твоего малютки. Я отказываюсь орошать землю кровью и не желаю, чтобы слепли от слез милые глаза. Я не желаю убивать тебя, а потом прятать свои окровавленные кулаки в складках знамени, *чье бы оно ни было*. Я не желаю переживать по ночам адские кошмары, поддавшись на лесть упитанных выскочек, пройдох и трусов, презирающих наш класс с общественной точки зрения, грабящих его экономически и предающих в политике.

Итак, захочешь ли ты дать свою поруку мне и всем членам нашего рабочего класса?

Присядь на минуту и давай поговорим о войне. Мы, рабочий люд, обмануты, нас поймали в ловушку, в какой-то чудовищный стальной капкан, называемый войной.

И меня тоже сладкоречивые «передовые граждане» старались улестить изо всех сил. Они хитро уговаривали меня вступить в милицию и армию и быть готовым итти на войну. У них были мягкие голоса и кроткие улыбки, они старались, чтобы война показалась мне блестящим занятием, очень блестящим. Но я решил не соблазняться войной и не итти воевать—по крайней мере до той поры, пока блеск войны не сделается настолько сильным, чтобы привлечь к участию в войне всех тех хитрецов, кто пытался сделать войну привлекательной для меня. Я ждал долго. Я все еще жду. Таким образом у меня было очень много удобных случаев, чтобы поразмыслить обо всем этом. И чем больше я думаю над войной, тем яснее вижу, что штык—это колющее орудие, сделанное рабочим классом, заостренное рабочим классом, изящно отполированное рабочим классом, а потом «из патриотических побуждений» всаживаемое рабочим классом в рабочий класс—ради класса капиталистов.

Трудящиеся человеческие пчелы жалят друг друга.

Если бы я записался на службу у Министерства Убийства, то чувствовал бы себя совершенно смущенным и стал бы стыдиться самого себя. Все это ясно для меня теперь. Вот ход моих мыслей, брат:

Идя на войну, я должен работать, как лошадь, и быть бедным, как мышь, должен быть смиренным, как жаба, покорным, как овца, и повиноваться, как собака; я должен сражаться, как тигр, быть кровожадным, как акула; носить тяжести, как мул, и есть черствую пищу, как полумертвый от голода волк; за пятнадцать или двадцать долларов в месяц я должен выступать против своего собственного рабочего класса и, стало-быть, строить из себя осла и давать возможность другим загребать жар моими руками; а после войны я был бы встречен обществом с пренебрежением, и те же самые выдающиеся «передовые граждане», которые ублажали меня и заманивали на войну, стали бы насмешливо называть меня паразитом,

живущим чужими соками, дворовой собакой и разражались бы по моему адресу лошадиным ржанием; а я чувствовал бы себя обезьяной и выглядел бы ощипанным святочным гусем.

Право, я рад, что вижу все это ясно.

Я хочу, чтобы и ты видел это ясно.

«Передовые граждане» никогда не будут иметь случая похохотать надо мной, когда я занимаюсь «шагистикой», которой они сами не захотели бы заниматься. Что же касается ухода на войну, то их трудно было бы убедить, чтобы они сами пошли воевать.

Помимо того, ни один член рабочего класса никогда не сможет сказать, что я добровольно взялся за оружие против своего собственного класса.

Если бы, однако, много лет тому назад я вступил в милицию или в армию, то был бы все-таки совершенно невинным, хотя и причинял бы добровольно зло своему классу, потому что я не понимал этого—не понимал в то время. Но теперь совсем иное. Все изменилось ныне—потому что теперь я понимаю. И я хочу, чтобы ты это понял. В самом деле, мы, члены рабочего класса, должны были бы помочь друг другу понять. С этой целью и написана эта книга. Ты позволишь мне об'ясниться вполне откровенно, не правда ли?

Ты заметишь, что эта книга—книга небольшая *)—она бесконечно меньше того обширного предмета оптового убийства, который называется войной. Но запомни благосклонно, что эта книжка, заключающая в себе советы—главным образом советы,—написана для рабочего класса, написана для тех, кто слишком измучен жизнью и чьи глаза часто бывают слишком полны пыли, и пота, и слез для того, чтобы читать большие и «ученые» книги о войне. Книга эта написана, конечно, на пользу рабочего класса—и только рабочего класса. Жизнь и любовь рабочего класса, его надежды и счастье, его кровь и слезы слишком священны, чтобы их расточать злобно, как они расточались и расточаются лукавыми королями, царями, президентами, императорами и промышленными тиранами земли.

---

*) Автор этой совершенно непритязательной книги ставил себе определенную цель (о чем сказано в предисловии, а также и здесь) и преследовал, как он смеет надеяться, определенный план и метод для достижения этой цели.

В этой книге нет лести.

Нас слишком много улещают коварные люди.

Лесть смущает большинство людей. Лесть ослепляет нас—вот почему дельцы и их невооруженные охранники улещают рабочий народ.

Во время роения можно сбить с толку, безнадежно смутить множество смышленых работниц-пчел, просто ударив около них в пустой жестяной таз или барабан и громко выкрикивая почти патриотически-глупое слово: «Бум! Бум! Тум! Тум!». И, правда, там далеко, у нас дома на старой ферме в Огайо мы часто одурманивали роящихся пчел именно таким простым способом—чтобы держать их в рабстве, следовательно, приручить их и иметь подле себя. Мы хотели ограбить их—попозднее—когда они окончат работу.

Эта хитрость прекрасно действует и в человеческом обществе. Класс капиталистов пользуется очень успешно этим методом, применяя его к человеческим пчелам-работницам, к рабочему классу.

Миллионы разумных рабочих могут быть сбиты с толку—и гораздо легче ограблены позднее—если им просто льстить с осторожностью, а потом забить около них в барабан и выкрикивать лукаво приятно-пустые слова: «Знамя! Знамя! Патриотизм! Патриотизм! Молодцы ребята!».

Заблудившиеся ночные бабочки кидаются прямо в огонь, потому что он *светит*. Сбитый с пути рабочий люд бросается в войну и сжигает свое счастье, гасит собственную жизнь—как ночная бабочка—потому что война *раскрашена* в яркие краски. Ведь в светящемся пламени свечи бабочка совершает самоубийство. В блеске «славы» военной тысячи рабочих совершают на самом деле самоубийство. Это станет для тебя яснее, когда ты прочтешь эти главы.

Брат, помоги мне сорвать маску с этого легализованного насилия над рабочим классом, с этого ужасного и «славного» преступления, которое называется войной. В этом ужасном «Пиршестве Смерти» мы, рабочий народ, плюем друг другу в лицо, в дикой ярости мы орем друг на друга, мы шлем проклятия и убиваем своих собственных братьев по классу, мы глупо валяемся в своей собственной крови и опустошаем свои собственные дома—просто потому, что нам коварно приказано так делать. Стало-быть, мы и дики и смешны. Смешны, сказал я? Да, смешны. Это слово звучит грубо,

не правда ли? Но, запомни, во *всех* войнах рабочий класс всегда бывает подло принижен, оскорблен, поруган.

Мы ощипанные святочные гуси—патриотически ощипанные.

Когда мы, рабочий люд, слышим звуки флейты и барабана и видим нескольких изящно одетых, сытых офицеров и видим их длинные ножи мясников, ножи, называемые саблями,—то наши смущенные сердца начинают биться быстро и кровь слепо и самоубийственно становится горячей и страстной... Смотри же, брат! Берегись! Запомни: всегда, во всех войнах, везде рабочий класс приводится в замешательство, сбивается с толку—а потом проницательные люди делают из нас свои послушные орудия, делают из нас лошаков, дураков и простаков.

— «Под знамена!»—Это звучит хорошо, но бьет слепо по рабочему классу.

— «Под знамена!»—Это звучит прекрасно и величественно. Очень!

— «Под знамена!»—Это вино для мозга рабочего класса.

— «Под знамена!»—Это делает миллионы людей из нашего класса слепыми и годными для использования.

— «Под знамена!»—Это возбуждает дикую страсть, хитро называемую «патриотизмом».

— «Под знамена!»—Это *никогда* не сбивает с толку человека в цилиндре или в котелке.

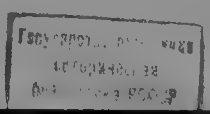
— «Под знамена!»—Это приманка, которую кладут для дураков, пустой прикорм для мулов, отпускаемый каждым тираном—королем, царем и президентом, стоящим во главе правительств, установленных правящим промышленным классом *).

Правительства—в настоящее время при капитализме—составлены из «передовых граждан».

Эти правительства «передовых граждан» ссорятся из-за дел—из-за рынков и территорий.

Гордые, эти правительства «передовых граждан» напыщенно решают «оберегать свою честь»—свою доказанную честь—«*во что бы то ни стало*».

*) «И, как простак, умрешь, солдат,
«Экий ты простак, солдат».
Редиард Киплинг: «Молодой британский солдат», в «Балладах».

Безмозглые, они не могут уладить свои ссоры при помощи мозгов.

Впадающие в дикое состояние, они решают, что «сила создает право».

Бесчеловечные, они хотят «решить дело оружием».

Трусливые, они решают избегать всякой личной опасности—для себя самих.

Зная, что рабочий класс легковерен и годен для использования, эти правительства «передовых граждан» решают использовать *рабочих* в качестве ударного кулака.

Хитрые, они решают *овладеть мозгом* труженика—решают *учить* рабочий класс:

Быть преданным знамени автоматически—т.-е. патриотически.

Быть преданным знамени слепо,—хотя «передовые граждане» не бывают преданными знамени в момент смертельной опасности.

Быть преданным знамени слепо—под поощрительные возгласы трусов в цилиндрах и котелках.

Быть преданным знамени слепо—все равно, *«где бы оно ни было и все равно, как бы несправедлива ни была война»*.

Быть преданным знамени слепо—хотя бойцам рабочего класса не дано право голоса в об'явлении войны.

Быть преданным знамени «патриотически», как крепостные защищают господ, покупающих и продающих их, словно свою собственность, — «патриотически», как древние рабы защищали тех самых помещиков, которые грабили рабов, оскорбляли их жен и насиловали их дочерей.

Быть преданным знамени безмозгло—как безгласный скот идет за одураченным быком в окровавленные ряды скотобойни.

Быть преданным знамени безмозгло—как лягушка глотает приманку из красного коленкора, таящую в себе смертоносный крючок.

Быть преданным знамени автоматически, итти за ним к ужасам и аду огневой линии,—автоматически—до пламенеющего пушечного жерла и там умерщвлять, как мясник, других рабочих или быть умерщвленным другими рабочими, которые так же автоматически идут за другим знаменем — как дураки, употребляемые трусами в качестве ударного кулака. А передовые граждане преуспели, конечно, в делании того, что они решили делать. Они *пагубно* выучили нас.

Патриотически носим мы на себе ярмо в течение целых столетий—столетий, печальных от слез и красных от крови и пламени.

Патриотически в течение десятилетий мы брали приступом мир под грохот пушек—но ни разу не выиграли действительной победы *для своего класса.*

А в течение ста лет — когда мы могли голосовать — мы глупо шли за политическим пройдохой к баллотировочному ящику, а затем покорно выпрашивали себе законов, хныкали об облегчении и униженно задабривали «реформатора».

Легковерно глотаем мы ложь клеветника, парализующую наши мозги, связывающую наши руки и кладущую нас под кнут работодателя.

Оглушенные и ошеломленные дурацким «ура!», мы бредем по собственной крови, пока те, кого мы любим, надрываются в об'ятиях отчаяния.

А когда бывают забастовки, чтобы добиться хлеба, чтобы добиться лучшего положения для женщин и малых детей, мы давим слепо народ, сидя верхом на лошади, и лупим дубинками друг друга, мы слепо идем друг на друга в штыки на заводах, слепо уничтожаем друг друга на копях, слепо выметаем улицы и холмы из пулеметов потоками свинца и стали; и тысячами других способов наш класс слепо истребляет свой же класс в жестокой и глупой гражданской войне в капиталистической промышленности — дешево мы ссужаем и отдаем себя в наем для своей собственной пагубы.

Ах, мой друг, вот наступает политическое землетрясение, которое поглотит политических проституток и промышленных паразитов и цезарей общества—когда наш класс широко раскроет глаза и увидит великое красное преступление—не только на полях сражений, но и вокруг заводов и перед дверью хижины рудокопа. Не слепо, а гордо и смело будут рабочие тогда—но не раньше—защищать *самих себя.*

Эта книга — не пошлость паразита, не притворство лицемера в парламенте шарлатанства, эта книга—не слепое сетование по поводу войны и не скучное исследование вопроса о милитаризме и не хныканье труса о мире.

Эту книгу не предполагалось сделать неприятной; откровенно предполагалось, чтобы она была кратким, пронзительным криком: «Берегись!», и следовательно, чтобы она была путеводным столбом на дороге производителя к власти.

Слишком долго, слишком безумно и мрачно, слишком легковерно разбивал обольщенный рабочий класс свои сердца и орошал землю своей кровью и слезами; слишком смиренно и бессильно обливаются труженики потом, понукая друг друга по глупости, а потом—словно обманутые дети — легковерно вручают плоды избранной культуры, одежду, пищу, вино и кров грабителям и правителям, которые их презирают и предают.

А ради чего?

По привычке.

О, мои братья по классу, на каком бы языке вы ни говорили, какому бы Богу вы ни служили, как бы горько ни проклинали вы тех, кто стал бы учить и будить вас—где бы вы ни были, в казармах ли или в копях, в арсеналах или на заводах, в траншеях ли на фронте или на деревенских пашнях,—давайте крепко стиснем друг другу руки—*все мы из одного класса.* Давайте поговорим об этом. И будемте откровенны между собой при обсуждении этого вопроса. Мы должны быть очень откровенны. И давайте будемте друзьями. Даже в то время, когда я пишу эти строки, могущественные эскадры стальных кораблей с тяжелыми орудиями носятся на всех парах взад и вперед по морям, провоцируя, оскорбляя, вызывая на бой; а в разных частях мира тысячи наших братьев по рабочему классу умерщвляют друг друга в войнах, которых *они* не об'являли, и они поступают так просто потому, что не понимают друг друга. А не понимают они друг друга только потому, что *они никогда не обсуждали этого вопроса между собой* откровенно и по дружески—как братья, без лести и без горечи по отношению друг к другу.

Так как теперь мы с тобой будем рассматривать этот вопрос сами по себе и для самих себя, то мы можем на минуту,—но только на одну минуту,—разойтись во взглядах на что-нибудь; но если мы и не согласимся друг с другом, то, давай, останемся каждый при своем мнении, только без горького чувства по отношению один к другому. Будем помнить, что мы братья по классу, и пусть ничто не омрачает нашей дружбы или классовой преданности. Кое о чем, касающемся войны, нужно сказать просто, даже напрямик—это все такие вещи, которые никому не могут польстить или послужить для кого нибудь приятным комплиментом. Запомни также, что

льстящий друг—друг опасный. Поэтому я отказываюсь льстить тебе.

Запечатлей в мозгу своем: *рабочий* класс должен защищать *рабочий* класс.

В национальном и в интернациональном товариществе мы должны держаться друг друга, *как единый класс в классовой* лояльности.

А теперь, прежде всего, давай посмотрим, чем является война (одна из фаз великой классовой борьбы) для *нашего* класса.

«....Рассказывают, что в нашей и неприятельской армии (русской и японской) появилось много душевно-больных. У нас открыто четыре психиатрических покоя...

«.....проволока, обрубленная с одного конца, резнула воздух и обвила трех солдат. Колючки рвали мундиры, вонзались в тело, и солдаты с криком, бешено кружились...

«....кружились, переваливались один чрез другого...

«....У одной этой загородки погибло не менее двух тысяч человек. Пока они рубили проволоку и путались в ее змеиных извивах, их осыпали непрерывным дождем пуль и картечи...

«....было очень страшно, и эта атака кончилась бы паническим бегством, если бы знали, в каком направлении бежать. Но десять или двенадцать непрерывных рядов проволоки и борьба с нею, целый лабиринт волчьих ям с набитыми на дне кольями так закружили головы, что положительно нельзя было определить направления.

«Одни, точно сослепу, обрывались в глубокие воронкообразные ямы, повисали животами на острых кольях, дергаясь и танцуя, как игрушечные паяцы; их придавливали новые тела, и скоро вся яма до краев превращалась в копошащуюся груду окровавленных живых и мертвых тел. Отовсюду тянулись руки, и пальцы на них судорожно сокращались, хватая все, и кто попадал в эту западню, тот уже не мог выбраться назад: сотни пальцев, крепких и слепых, как клешни, сжимали ноги, цеплялись за одежду, валили человека на себя, вонзались в глаза и душили. Многие, как пьяные, бежали прямо на проволоку, повисали на ней и начинали кричать, пока пуля не кончала с ними...

«.... некоторые страшно ругались; другие хохотали, когда проволока схватывала их за руку или за ногу, и тут же умирали...

«.... Мы пошли пешком...

«.... И с каждым нашим шагом зловеще нарастал этот дикий, неслыханный стон...

«.... как будто стонал красный воздух, как будто стонали земля и небо...

«.... уже чувствовались перекошенные рты, издающие эти голоса...

«.... кто-то громко застонал призывным, плачущим стоном...

«.... Эти темные бугорки копошились и ползали, как сонные раки, выпущенные из корзины, раскоряченные, странные, едва ли похожие на людей в своих оборванных смутных движениях...

«.... Уже не хватало места в вагонах, и вся одежда наша стала мокра от крови, как будто долго стояли мы под кровавым дождем, а раненых все несли...

«.... Некоторые подползали сами, иные подходили, шатаясь и падая. Один солдат почти подбежал к нам. У него было размозжено лицо, и остался один только глаз, горевший дико и страшно, и был он почти голый...

«.... Я уже терял силы и отошел к стороне... отдохнуть. От насохшей крови руки оделись точно в черные перчатки, и с трудом сгибались пальцы...

«.... Широким, скребущим, плачущим стоном наполнилась палата, и отовсюду к нам повернулись бледные, желтые, изможденные лица, иные без глаз, иные в таком чудовищном уродстве, как будто из ада вернулись они»... *).

Разве не показалось бы странным видеть банкира, епископа, председателя железнодорожного о-ва, угольного короля, судью, приостанавливающего дело, возбужденное против нарушителя закона о труде, и сенатора Соединенных Штатов, если бы они все извивались на кольях и волчьих ямах среди десятков других людей, грудами наваленных на них,—если бы все они царапали друг друга, пинались, проклинали, визжали, вопили, стонали, истекали кровью, умирали—«*за знамя*»—патриотически?

Право, такое зрелище было бы странным и интересным.

Поистине странным и интересным—*но абсолютно невозможным.*

---

*) Л. Андреев, «Красный смех».

И это имеет свое основание.

Позволь об'яснить мне его—в следующей главе—после того, как ты на минуту обратишь внимание на изучение другого образчика славы.

ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ СЛАВЫ.

Бородинское сражение (Россия) 7 сентября (26 августа) 1812 года.

Сражение:

132.000 русских—с 640 пушками
133.000 французов—с 590 пушками
12 часов убийств—сражение закончилось к закату солнца.

Слава:

65.000 раненых к закату солнца
25.000 убитых к закату солнца
25.000 умерших вскоре на поле сражения от ран, холода и голода, пока они лежали, купаясь в крови, покрытые снегом, льдом и славой.

Бесконечный страх, бесконечные муки, бесконечная печаль, разбитые сердца и слезы для множества не украшенных орденами, не воспетых и никем не упомянутых женщин и детей в домах покорно умерщвленных людей.

«Войска (у Бородина) были истомлены, так что лишь немногие мертвецы были похоронены, а тысячи раненых были оставлены без призора в течение нескольких дней и умерли. *Через семь недель после сражения*, когда русские, преследуя отступающих французов, овладели вновь полем сражения, оно было усеяно пятьюдесятью тысячами трупов и более чем тридцатью тысячами издохших лошадей во всех стадиях разложения».

Грохот пушек—презрительная насмешка над гордыми претензиями цивилизации.

Война—насмешка.

Война—насмешка Дьявола над Человеческой Расой.

Война—свидетельство. Во время войны человеческая раса оступается—падает обратно через столетия—прямо в дебри.

Война отнимает трон у царства Красоты и венчает на царство Зверя—в человеческом образе.

Война—помрачение Брата и упадок Божества в человеческом сердце и уме.

Всякая война есть поражение, поражение и для жертв и для победителей, для живых и для мертвых, и для наций, которые спорят (обнаруживая социальную глупость и политическую неспособность) под дым и рев пушек, улаживая свои пререкания ногтями и клыками—свинцом и железом. Война—международное глумление над чудеснейшим плодом, зреющим ныне на «тернистом древе времени»—над Федерацией всего Человечества.

Война выдает бесчеловечность за храбрость, безумие за мужество и человекоубийство за патриотизм; война принизила мир ревностью, прокляла его ненавистью, наполнила мир страхом и помрачила его стонами и воплями; война запятнала землю кровью и слезами, разбила здоровье и рассеяла по земле части тел миллионов сильных людей и наполнила проезжие дороги ковыляющими калеками; война заполонила мир вдовами и сиротами, у которых разбиты сердца, опустошены дома и уничтожены надежды. Война ставит завоевателя выше воспитателя, а убийцу—выше художника; война, как организованная сила и жестокость, плюет на религию, воспринимает образ действия тигра и акулы. Сила порождает право. Война умерщвляет ласкового, проклинает кроткого, попирает нежного, сокрушает под железной пятой и кулаком сердце сестры и лицо брата.

Прошлое омрачено двумя тучами—тучей ленивых людей—коршунов, которые питаются жизнями надрывающихся, обли-

вающихся потом трудящихся, коршунов, которые истребляют невольников, рабов и отдающих в наем свой труд; омрачено и другой тучей — тучей хищных сарычей, парящих и пиршествующих над умерщвленными тружениками, зверски убитыми, разоренными и поруганными на десятках тысяч полей сражений.

Война расчистила широкую, широкую проезжую дорогу, покрытую развалинами, через все века, дорогу, усеянную обломками, багровую от пламени, окаймленную крестами, тюрьмами, трупами, черепами, скелетами и могилами. И непрестанно, даже и ныне, этот окровавленный зверь, широко простирает свои челюсти, с которых капает кровь, с диким и голодным воем требуя все новых, новых, новых жертв.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что такое война?

Война—это оптовое, научное самоубийство для рабочего класса по приказу его политических и промышленных хозяев.

Война—это:

Для домов рабочего класса—опустошение.

Для жён рабочего класса—мука.

Для матерей рабочего класса—одиночество.

Для детей рабочего класса—сиротство.

Для возлюбленных рабочего класса—страдание.

Для избраннейших мужчин рабочего класса нации—разбитое здоровье или смерть.

Для общества—одичание.

Для мира—поражение.

Для бульдогов—намек.

Для дьявола—восторг.

Для смерти—жатва.

Для хищных птиц—пиршество.

Для могилы—победа.

Для червей—праздник.

Для народов—долги.

Для справедливости—ничто.

Для заповеди «не убий»—бурный хохот.

Для литературы—реализм бойни.

Для художника—увековечение оптового убийства.

Для общественного сада—статуя знаменитого мясника, каменная или бронзовая.

Для Рузвельтов—удобный случай похвастаться и похвалиться кровью и выиграть «военный рекорд» для политических целей.

Для Брианов—военный титул и «военный рекорд» для политических целей.

Для Христа—унижение.

Для слов: «вложи меч свой»—злостная насмешка.

Для проповедников обеих сторон—яростные моления о победе.

Для учителей воскресных школ — дымящиеся от крови рассказы для нежных деток и беспомощно-впечатлительных мальчиков.

Для банкиров — облигации, проценты (и заместители рабочего класса).

Для крупных заводчиков — дела, барыши (и заместители рабочего класса).

Для крупных дельцов разного рода—«хорошие времена» (и заместители рабочего класса).

Для передовых дельцов, для лидеров политических партий, для выдающихся проповедников, для передовых воспитателей, для передовых издателей, для передовых читателей — для всех этих напыщенных патриотов, кто храбро болтает о войне, кто героически болтает о знамени, кто прекрасно говорит о национальной чести и болтает о славе битвы—для всех этих завывающих болтунов — во всяком случае, не положение рядовых пехотинцев на передовых позициях *под огнем*, где им, весьма вероятно, могли бы разорвать в клочки их деликатно раздушенное тело.

Следовательно война—это ад *для рабочего класса* *).

---

*) См. главу седьмую: «Для отцов и для юношей». Отделы 14, 15, 16: «Разве некоторые из наших теперешних богачей не были в свое время солдатами»?

Это правда, конечно, что в древние времена передовые граждане много сражались, — но это было очень давно, в те дни, когда никому еще и не снился пулемет. Даже две тысячи лет тому назад выскочки из плутократов уже начали проявлять некоторые следы достаточной смышлености, чтобы избежать добровольной отправки в ад—пешком.

Профессор Е. А. Росс говорит:

«Служба в римской кавалерии, сперва обязательная для всех, кто мог доставить двух лошадей, сделалась затем признаком превосходства. Молодые люди из высших слоев все чаще и чаще оставляли службу в пехоте, и легионы кавалерии стали закрытым аристократическим корпусом... В конце концов богатые поняли, что богатство должно выкупать своего владельца от всякой тягостной обязанности. Во времена Цезаря «среди солдат нельзя было больше обнаружить ни малейших следов лиц, принадлежащих к высшим классам»... Набор производился самым неправильным и недобросовестным образом. Многие лица, подлежащие военной службе, совершенно оставлялись в стороне... Римская городская кавалерия прозябала в эту эпоху просто в виде какой-то конной дворянской гвардии; ее раздушенные всадники и превосходные породистые лошади принимали участие только в столичных празднествах; так называемая городская пехота являлась наемным войском, набранным из низших слоев городского населения».

В настоящее время начальством Гарвардского университета поощряется движение организовать в университете «фешенебельный кавалерийский отряд». Мало вероятно, чтобы в этот «фешенебельный кавалерийский отряд» имели возможность вступать члены рабочих союзов, столь презираемых от всей души покровителем штрейкбрехеров — экс-президентом Эллиотом. Члены рабочих союзов могут потом, во время забастовки, безоружные и беспомощные попасться под руку высоко-образованному «фешенебельному кавалерийскому отряду», в виде мишеней для практики.

После того, как все «сказано и сделано» относительно войн в прошедшем и настоящем — что же в действительности разрешается посредством так называемой великой войны?

Которая из двух враждующих наций благороднее?

Это ли решается войной?

Ничего подобного.

Которая из двух истекающих кровью наций более утончённа, более чувствительна, чтобы взывать о справедливости, или которая из двух наций имеет более великую литературу, или более тонко понимает изящные искусства, или более предана прикладным искусствам и наукам, или больше всего содействует углублению философии — которая из двух враждующих наций более цивилизована в истинном смысле слова,—это ли решается войной?

Ничего подобного.

Которая из двух борющихся сторон более общественна в истинном смысле слова? Выясняется ли это войной?

Ничего подобного.

У которой из наций более правое дело? Тогда ведь это решается войной?

Ничего подобного.

Которая из наций делает больше для прогресса человеческого рода? Это ли выясняет война?

Ничего подобного.

Война не решает таких вопросов.

Ну, хорошо же. Что же тогда решается, когда две нации выходят на войну?

А просто: *кто может лучше драться.*

Только и всего.

А это как раз то же самое, что решается, когда дерутся две акулы, или когда цапаются два кота, или грызутся два щенка, или когда кровожадный ястреб бьется со сладкоголосой певчей птичкой: кто превосходит другого, *как боец*.

Война—это гнусный способ вскрывать кровеносные сосуды у возбужденного рабочего класса для «удовлетворения чести» и спасения гордости и дел коронованных и некоронованных подлецов из правящих классов. Никогда не бывает войны и она никогда не может быть, пока *рабочий* люд не захочет маршировать, рыть окопы, биться в бою, истекать кровью и умирать. А рабочий люд никогда не хочет умерщвлять и быть умерщвляемым оптом, пока влиятельные, но не кладущие охулки на руку люди из класса капиталистов или «высоко образованные» прислужники класса капиталистов не начнут *возбуждать*, лукаво или по незнанию, скром-

ных тружеников и вызывать в них глупое чувство дикой ненависти по отношению к врагу. Прежде всего появляются «могущественные передовицы», «большие речи», «красноречивые проповеди» и жестокие моления по поводу войны. Потом звуки флейты и барабана; потом оглушение покорных одураченных рабочих; затем вербовка; потом махание платочками и «прощайте, ребята, прощайте, прощайте!»; потом бойня и кровь; потом слезы и налоги.

Правда, конечно,—великая правда—и это отмечается здесь с радостью и признательностью—некоторые из образованных влиятельных людей слишком высоко цивилизованы, слишком утонченно благородны, чтобы унизиться до бесстыдства: заниматься пробуждением дремлющего в человеческой груди тигра. Некоторые из них отметают от себя с гордостью злостную роль человека, бросающего головешки в воспламеняющееся воображение истомленных тружеников. У них есть мужество—истинное мужество. Их мы приветствуем с глубокой признательностью.

Но каждый белоручка из выскочек, каждый трус с золотым обрезом, каждый проституирующий себя в интеллектуальном смысле слова, каждый проповедник, высказывающийся «за войну», каждая самоокапывающаяся политическая акула и каждый откормленный богатей-мироед, кто смеет помогать возбуждать рабочий класс для ада войны—всех их, всех до одного—в случае войны—нужно заставить поплясать на огневой линии под отвратительную музыку пушечного рева, *пока его собственный, разорванный на части труп не украсит собою поля «великого сражения»*.

И для этого—как для части собственной своей эмансипации—рабочий класс должен был бы поспешить захватить власть управления и следовательно, вступив в легальное обладание властью, быть в состоянии издавать все законы, касающиеся войны, и заставить подчиняться им.

Начиная с этого времени и раз навсегда впредь рабочие союзы, политические партии рабочего класса и все другие рабочие организации должны были бы *для использования на будущее время* тщательно *запоминать* всех мужчин—издателей, учителей, проповедников, законников, лекторов и «замечательных дельцов» и политиканов и «государственных деятелей», кто *говорит*, или *пишет*, или даже *бьет в ладоши* в пользу войны; и в случае войны,

вскормленной ими, всех их, всех до одного, следовало бы заставить *по специальному предписанию* сражаться в рядах пехоты, без права на повышение, на передовых позициях, пока *они* не получат *своей* доли холодного свинца и холодной стали. Пусть тогда маршируют народные витии, пусть палят крикуны, пусть говоруны истекают кровью, пусть завывающие отправляются в ад,—заставьте их итти на огневую линию и заставьте их стоять под огнем—тогда будет гораздо меньше завываний о «чести» и «славе» войны и *меньше скромных жилищ бедняков будет осуждено на опустошение из-за войны.*

Но, ты видишь, для подобной самозащиты рабочий *класс* должен как можно скорее захватить власть управления в свои руки. Ты видишь это, не так-ли?

Друг, не проклинай милиционеров и солдат. Нет, нет, не проклинай их. Они наши братья. *Об'ясняй*—с настойчивым терпением *об'ясняй* им, что капиталисты стараются сделать из них свои орудия и пушечное мясо. *Об'ясняй* им по-братски и в строю и вне строя, пока наши братья по классу не проснутся повсюду—в строю и вне строя—и не увидят *ясно, что значит* пулемет с рабочим, стоящим *позади*, и с рабочим, стоящим *перед дулом пулемета.*

Брат, запечатлей в уме своем и сделай понятным уму наших братьев:—рабочий класс сам должен охранять рабочий класс.

Если бы матери, сестры, любовницы и жены всего мира могли вообразить себе грохот пушек и почувствовать брызги крови на лице своем, могли увидеть и услышать ужасы полей сражений и агонию в военных госпиталях, то они никогда бы больше не были так глупы, чтобы улыбаться ласково спесивым тунеядцам «высшим чинам», когда они, эти раззолоченные профессиональные мясники, гордо выступают, как павлины, в бальных залах или парадируют по улицам во время военных упражнений. И женщины эти стали бы тогда смотреть с полным презрением на оратора, выступающего на защиту войны.

Женщины всего мира должны питать величайшую благодарность к писателям, создавшим могущественным пером своим картины войны. Страшный, но верный реализм некоторых из таких описа-

ний войны заставляет возненавидеть даже самое слово «война». Такими описаниями переполнен роман Эмиля Золя «Разгром». «Разгром» должен был бы находиться в миллионе частных американских библиотек. Ниже приведена страница из пламенеющих огнем описаний Золя полей сражений во время франко-прусской войны 1870—71 гг.

«Еще ни разу за весь день не гремела артиллерия так громко, как теперь... Словно все подземные силы сорвались с цепей; земля тряслась, небеса были в огне. Кольцо изрыгающих пламя бронзовых жерл, окружавших Седан, восемьсот пушек германских армий... расточали свою энергию на прилежащие поля... Слышался грохот, говоривший о разрушении и гибели... Иные лежали ничком, уткнувшись лицом в лужу крови, подвергаясь опасности задохнуться, другие грызли землю, пока их рты не наполнялись сухой землей, другие—там, где снаряд падал среди группы солдат—представляли собою груду перемешанных, переплетенных, исковерканных членов и раздробленных туловищ... Несколько солдат, гнавших почтенную даму из дома, заставили ее дать им спичек, чтобы поджечь собственные ее постели и занавески. Зажженные пылающими головнями, поддерживаемые потоками керосина, пожары возникали и распространялись по всем кварталам; это уже не было больше цивилизованное военное столкновение, это был бой дикарей, обезумевших от долго откладывавшегося состязания, горящих местью за своих мертвецов, за груды своих павших, на которых они наступали на каждом шагу. Вопящие, орущие банды переходили через улицы среди удушливого дыма и падающих угольев, увеличивая ужасный шум, в котором слышались разнообразные звуки: пронзительные крики, стоны, треск ружейной пальбы, грохот падающих стен. Люди едва могли различать друг друга; большие багровые тучи поднимались прямо к солнцу и затмевали его свет, неся с собой невыносимое зловоние гари и крови, насыщенное омерзением бойни. Во всех кварталах все еще продолжалась работа смерти и разрушения: человек-зверь сорвался с цепи. Глупая ярость, сумасшедшее бешенство человека, пожирающего своего брата—человека... Лошади становились на дыбы, брыкались и опрокидывались; люди сбрасывались с седел словно сорванные порывом вихря. Некоторые из них, пораженные в какую-нибудь жизненную часть

тела, удерживались в седле и скакали вперед, рядами, с бессмысленным, невидящим взором... Иные падали с седел головой вперед и зарывались лицом в мягкую землю. Другие приподнимались с земли и сидели, вперив взор в солнце, с остановившимся от ужаса взглядом, с глазами, которые, казалось, выкатывались из орбит... Тут была красивая вороная лошадь, строевая офицерская лошадь, у нее вывалились внутренности, и она делала бешеные усилия, стараясь подняться и путаясь передними ногами в своих внутренностях... Из храбрецов, принявших участие в сегодняшнем деле, две трети остались на поле сражения... Лейтенант, у которого изо рта вытекала кровавая пена, в агонии рвал горстями траву, и его окоченевшие пальцы были все еще врыты в землю. Немного дальше капитан, лежа ничком на животе, поднял голову, чтобы излить свои страдания в воплях и криках, и смерть настигла его и закрепила в этом странном положении... После этого дорога шла вдоль края небольшого оврага, и тут они увидели зрелище, которое увеличило их ужас до наивысших пределов, едва они взглянули вниз в пропасть, куда, казалось, целая рота была снесена огненным дуновением; овраг был завален трупами; обвал, лавина изувеченных и изуродованных людей, согнутых и переплетенных в запутанный, неразрешимый узел, людей, тщетно хватавшихся во время падения искривленными пальцами за желтую глину обрыва, чтобы спастись. И мрачная стая воронья отлетела прочь, шумливо каркая, и рои мух, целыми тысячами слетавшиеся на запах свежей крови, жужжали над телами, летая взад и вперед».

Но пусть такой факт огнем врежется в твой мозг, чтобы спасти тебя от ада и разбудить для революции—вот этот факт:

Нигде на всех этих полях сражений среди разбитых в дребезги винтовок и подбитых орудий, среди сбитых перевязочных пунктов и расщепленных снарядных ящиков, нигде в лужах и месиве из крови и песку, нигде среди раздутых и загрязненных трупов издохших лошадей и распухших тел мужчин и мальчиков, нигде нельзя было бы найти исковерканных, вздутых и засиженных мухами трупов банкиров, епископов, политических деятелей, «мозговых капиталистов» и других элегантных и замечательных лиц, принадлежащих к «*самому наилучшему* классу общества».

Почти нельзя было бы найти.

Вполне понятно, — эти гордые, коварные *интеллигентные* люди не были там, *на огневой линии.*

Слушайте, о, слушайте же—вы, обманутые толпы осужденных на труд, пожираемых войною работников всех наций:

Если хозяева жаждут крови, пускай они перерезывают себе глотки.

Нам не надо крови другого народа, и мы отказываемся расточать свою кровь.

Пусть тот, кто хочет «великих побед», *идет на огневую линию и получает их там.*

Если война настолько хороша, чтобы голосовать за нее или *молиться* за нее, то она настолько же хороша, *чтобы итти на нее, в самую гущу ее*, где блестят штыки, сверкают сабли, ревут пушки, трещат винтовки, разрывается мясо, брызжет кровь, ломаются кости, разлетаются мозги, *в самую гущу*, где люди трудятся, обливаются потом, мерзнут, издыхают с голоду, убивают, стонут, вопят, молятся, смеются, воют, проклинают, сходят с ума и умирают,—*в самую гущу*, где плоть и кровь преданных изменнически мужчин и мальчиков растаптывается и превращается в красное месиво из грязи под воющими пушечными снарядами, под железными подковами скачущих галопом лошадей и под окованными сталью колесами стремительно несущихся пушечных лафетов.

«Что такое война?»

Говорят, «*война—это ад*».

Так пусть же отправляются в ад те, кому нужен ад!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положение, а также и об'яснение.

Положение должно быть ясно видимо для каждого члена рабочего класса, кто хочет помочь себе и своим товарищам-рабочим избежать злостного жертвоприношения рабочего класса классом капиталистов.

В главе десятой этой книги необщественный характер нынешней формы и структуры общества поясняется более основательно,

но здесь мы только отметим столкновение *классовых* интересов в войне. Война «вещь хорошая» для одного класса и война просто ад для другого класса.

Кому *нужна* война? И для чего?

Кто *об'являет* войну? И для чего?

Кто *сражается* на войне? И для чего?

Задай себе прямо эти вопросы в уме своем.

Сперва изучи положение, затем об'яснение.

Прежде займемся положением. Вот оно:

Капиталисты—«генералы от промышленности»—«передовые граждане»:

«Война *нужна* нам.

«Господин продающий свою силу, это вовсе не *ваше* дело, *почему* нам, деловым людям, нужна война. С вашей стороны просто наглость задавать такие вопросы. Маленькие мальчики и рабочие должны сидеть смирно и не произносить ни слова. Вы, бедные, обманутые продавцы силы, вы должны только как следует работать и обливаться потом, пока *мы* не прикажем *вам* отправляться на фронт.

«Ха, ха, ха! Когда нам, деловым людям, нужна война, мы устраиваем войну, не обращая внимания на то, нравится ли это или нет рабочему люду. Мы только показываем им какой-нибудь ярко-расцвеченный кусок коленкора и понуждаем их итти под знамена. Затем они живо идут «за пушкой» (а также и перед пушкой). Им это очень нравится—мы научили их любить это.

«Они такие покладистые».

Государственные деятели — политические деятели — «передовые граждане»:

«*Об'являем* войну мы.

«Господин продающий свой труд, не задавайте нам неуместных вопросов относительно того, *почему* мы, государственные люди, об'являем войну. Это *наше* дело. Занимайтесь своим делом—работайте,—работайте только и обливайтесь потом,—пока мы, государственные люди, не прикажем вам итти на фронт и не бросим вас на какой-нибудь другой рабочий люд другой страны. Когда мы заключаем, что надо об'явить войну, мы не принимаем во внимание пожеланий рабочих. Мы просто не занимаемся этим.

«Они такие покладистые».

Братья по рабочему классу—они идут на фронт—убивать «врага», своих братьев по классу.

«*Сражаемся* на войне мы.

«Друг, пожалуйста, не *обращайся к нам* с просьбой об'яснить тебе, почему мы сражаемся на войне. Право, мы сами не знаем, почему мы сражаемся на войне. Мы, современные продавцы силы, поступаем совершенно так же, как поступали древние рабы и невольники, которые были движимой собственностью господ.

Правящие граждане: «Война *нужна* нам».

«Мы покорно делаем то, что нам велят делать «лучшие люди». Приглаженные, вылощенные люди приказывают нам «ринуться на фронт»—и тогда мы покорно марширует прямо на позиции и сметаем все.

«Это мы причиняем слезы, проливаем кровь, делаем калек и трупы. Мы чертовски покладистые—и мы этого совершенно не понимаем. Конечно, нам не нравится стрелять и колоть штыками друг

друга. Нам кажется так странно, что рабочему классу всегда приказывают стрелять в рабочих,—но наши «лучшие», наши «выше нас стоящие в общественном положении», «люди с мозгами» велят нам «показать себя во-всю»—значит, все должно быть в порядке. Великие дельцы часто говорят нам: «Если в чем нуждается эта страна, то только в доверии». Хорошо же, мы, рабочий люд, оказываем свое доверие—и имеем его—а также мозоли, волдыри и холодный свинец.

«Мы такие покладистые».

Об'яснение *).

А. Война нужна капиталистам, потому что—

Война повышает цены большинства вещей.

Война подгоняет дело—она оживляет его: чем больше крови, тем больше спекуляций.

Война знаменует бо́льшее помещение капитала и бо́льшие барыши—чем больше крови, тем больше процентных бумаг, тем больше процентов; больше земли и больше ренты: больше не заработанного дохода.

Война помогает разрешить вопрос о безработице. Просто надо выгнать излишек рабочих на широкое поле и заставить их избить друг друга—зверски умертвить друг друга. Это так просто и легко.

Война заставляет рабочий люд рукоплескать и завывать так громко, что он не в состоянии *думать*. Тогда легко взнуздать и оседлать его. Это несомненно продуманный план,—и действительно, он пользуется успехом. Война—защита войны—делает часто газеты гораздо более популярными и поэтому более доходными **).

---

*) Об историческом происхождении войны и рабочего класса, см. главу XI.

**) Современная газета—это арена римского цирка, испанский бой быков, английская призовая драка, сваленные в одну кучу.

«Распространение грамотности сделало из печати главнейшее орудие кровожадности. За пол-пенни всякий мужчина, женщина и ребенок могут поощрять и вскармливать те стремления к крови и к физической жестокости, подавление которых цивилизация считает своей главнейшей целью и реализация которых в буквальном смысле слова предоставляется... солдатам, мясникам, спортсменам и немногим другим приспособленным для этого профессиям... Наиболее значительный урок войны (с бурами) состоит в разобла-

Война расширяет внутренний рынок для безделушек, т. е. для флейт и барабанов, при помощи которых одни рабочие возбуждают других и приводят себя в кровожадный раж—«готовые умереть за свои жилища и страну», например, за Соединенные Штаты, где гораздо больше половины всего населения не имеет собственных жилищ и живет в наемных помещениях и больше одной восьмой всего населения живет в заложенных домах (данные переписи 1900 г.) и где почти весь рабочий класс находится в таких бедственных условиях, что не может даже иметь сливок—настоящих сливок и в обильном количестве—к своему дешевому кофе. Флейта с барабаном и несколько патриотическое настроение легко овладевают рабочим классом.

«Кивок лорда—завтрак для дурака».

Война... видишь ли, во время войны солдаты ничего не производят, но потребляют и уничтожают громадные количества всего.

Таким образом во время войны солдаты создают бо́льший рынок—хотя они ничего и не создают для этого рынка. Это очень приятно для тех капиталистов, чьи ничтожные души не могут мечтать и строить планы ни о чем ином высшем, как только о расширении рынков—а стало-быть, о том, как бы иметь побольше возможности выжимать пот из бо́льшего количества наемников, просто для того, чтобы получать больше барышей. Похороны очень нравятся похоронным бюро и гробовщикам, а война имеет привлекательный вид для класса капиталистов.

Война—*приготовление* к войне в огромном масштабе современности—создает рынок для громаднейшего количества товаров, продаваемых капиталистическим классом, как, например, для стали, одежды, кожаных изделий, дерева, пищевых продуктов, лошадей и тому подобное. Правда, все это будет хуже, чем растрачено, но со-

---

чении тех методов, посредством которых шайка людей, финансистов и политических деятелей, может овладеть умом нации, возбуждать ее страсти и проводить свою политику». (Джон Хобсон, «Физиология джингоизма».) «Биржи (европейские Wall Streets) Запада сделали из Каира и Александрии охотничьи парки для своей спекуляции. Их класс владеет половиной европейской прессы или оказывает на нее влияние. Он влияет на образование и часто образовывает половину европейских правительств». (Фредерик Гаррисон, «Национальные и социальные проблемы»).

вершенно в том же роде, как класс капиталистов высказывает желание уничтожить часть сбора—кофе, например, в Бразилии,—чтобы поднять цены на него ради бо́льшего барыша, точно так же капиталистический класс хочет раздуть пламя войны и побуждает «к военным приготовлениям», обширным и бессмысленным «военным приготовлениям», чтобы получить рынок, на который можно было бы выбросить с пользой для себя колоссальные запасы товаров.

Передовые граждане: «*Об'являем* войну мы».

«На этом можно заработать!»

Война—это средство открыть для современной капиталистической эксплоатации или покровительствовать новым территориям, как, например, Египет, Алжир, Мадагаскар, Южная Африка, Индия, Аляска, Филиппинские острова, Борнео, Сандвичевы острова, Куба, Порто-Рико, Китай, Корея.

Сенатор Соединенных Штатов А. Дж. Беверэдж таким образом касается этого вопроса:

«Каждая прогрессивная нация Европы занимается в настоящее время поисками новых земель для их колонизации и новых правительств для управления ими».

Дж. Х. Роз:

«Короче сказать, кристаллизация национального существования у себя дома вызвала необходимость ревностной эксплоатации новых земель, что является столь достойной замечания чертой теперешней жизни».

А вот слова Джона Джея:

«Слишком истинно, как бы это ни было позорно для человеческой природы, что нации будут воевать всякий раз, когда они будут иметь надежду получить что-нибудь благодаря войне».

Александр Гамильтон так насмехается над напыщенными государственными деятелями, жаждущими крови для барышей: «Сделала ли до сих пор торговля что-нибудь бо́льшее, чем обмен военным снаряжением? Разве любовь к богатству—не такая же доминирующая и побуждающая к предприимчивости страсть, как и стремление к власти или славе? Разве не столько же было войн, основанных на коммерческих соображениях, с тех пор, как возникла господствующая система наций, сколько их было раньше, вызванных жадным желанием добиться территории или господства? Разве дух торговли не являлся во многих случаях новым возбудительным средством для аппетитов как той, так и другой стороны?»

Профессор Симон Н. Паттен (Пенсильванского университета) прямо констатирует:

«Большинство наций образовалось путем завоеваний и следовательно стало развиваться при господствующем и подчиненном классах. Первый захватывает излишек и заставляет второй работать ради простого минимума».

Нью-иоркский «World» похвально-откровенен по отношению к этому вопросу:

«Торговля и завоевание были всегда главнейшими причинами войны. Оборотная сторона бо́льшей части столкновений всегда заключала в себе коммерческий лозунг: «торговля следует за флагом».

В качестве примеров войн, вызванных экономическими причинами, «World» приводит войны Венеции и Генуи, крестовые по-

ходы, нашу франко-индейскую войну, американскую революционную войну и американскую гражданскую войну.

Генерал Фред. Д. Грант, из армии Соединенных Штатов, кидает следующее замечание в лицо жирным, упитанным магнатам:

«Это ваши государственные деятели и ваш народ создают войны. Сначала народ раздражается, обычно вследствие каких-нибудь коммерческих операций. Затем вопрос берут в свои руки государственные деятели и идут на компромисс или пытаются пойти на компромисс, если силы наций приблизительно равны. Если они не равны, то сильнейший бьет слабейшего по лицу, и тогда для решения вопроса приглашается солдат».

Война *теснее сжимает* лапу, наложенную правящим промышленным классом на рабочий класс, как у себя дома, так и по всему миру.

Война—заметь это—война непременно сосредоточивает общественное внимание на *одном* предмете, на войне, на событиях, происходящих на поле сражения. Это дает коварным капиталистам полную возможность действовать втихомолку, обделывать свои делишки в темноте, пока народ «не смотрит» на них, дает им случай проскользнуть в городские общественные учреждения, занять места в законодательных учреждениях отдельных штатов и в общегосударственных, а затем иметь «хорошие дела»—получать патенты, контракты, льготы и разные другие выгодные привилегии.

Вот сущность вопроса:

При капитализме *потребительная* способность рабочего *деспотически ограничивается.* При системе классового труда жизнь рабочего всегда *деспотически подавляется,* рабочего *заставляют производить больше, чем ему позволяют потреблять,* оставляя излишки для правящего класса. Во время рабства, конечно, жизнь раба деспотически ограничивалась его господином. Бесправный раб был человеком-животным, которым пользовались для производства того, что оправдывало бы издержки по его «содержанию» *и давало бы еще некоторый излишек.* Конечно, это легко понять, не так ли? При крепостном праве жизнь крепостного деспотически ограничивалась его хозяином-помещиком. Крепостной был домашней скотиной, которой пользовались для производства того, что оправдывало бы издержки по его «содержанию» и давало бы еще

некоторый излишек. Ведь, это ясно видно, не правда ли? А теперь, в эпоху капитализма, жизнь рабочего, отдающего свой труд внаймы, деспотически ограничивается, ставится в определенные границы его хозяином-эксплоататором, который отпускает рабочему вознаграждение, именуемое *заработной платой*. Рабочим пользуются, как скотиной, для производства того, что возмещало бы расходы по его *содержанию*—давало бы средства к жизни для него и для его семьи—*и еще некоторый излишек*.

Граждане, которых ведут: «*Сражаемся* на войне мы».

Примечание: *На заработную плату* не купишь *в изобилии* прекрасной пищи. *На заработную плату* не купишь *сколько угодно* хорошей одежды. *На заработную плату* не достанешь себе, *какое нужно*, хорошее помещение. *На заработную плату* не приобретешь *сколько угодно* первоклассной мебели. Хотя живущий на заработную плату способен производить и хочет производить все это в изобилии, однако его заработок не позволяет ему *потреблять* эти вещи в любом количестве. *На заработную плату не купишь* столько равноценных предметов, сколько производит труд, оплаченный этим заработком.

Таким образом остаются излишки.

Если ты на минуту подумаешь об этом (если ты захочешь *подумать*), то ты поймешь, каким образом гладкий откормленный наниматель часто утверждает с улыбкой, что «теперь благоденствие—времена хорошие—нечего жаловаться» и так далее—когда два миллиона бедняков испытывают жестокую нужду. Ты видишь, *он* улыбается так же ласково и братски, как гиена—*он чувствует себя хорошо*, он может улыбаться, пока остаются излишки. Они его. Это очень приятно—для него.

Излишки—очаровательные излишки.

Излишки—для *«наших самых лучших людей»*.

«.... Как только (в эволюции промышленности) производимые количества продуктов начинали во всем превосходить неотложные житейские потребности, начиналась борьба за овладение излишками. Применявшиеся при этом методы были настолько же разнообразны, насколько был плодовит человеческий ум» (Листер Ф. Уорд, «Динамическая социология», т. I).

Не только бесправными рабами и крепостными, *но и живущими на заработную плату* пользуются просто, единственно *и неизменно* в качестве *домашних животных* для производства излишков для господ.

Рабство являлось средством для получения излишков.

Крепостничество являлось средством для получения излишков.

Капитализм тоже является средством для получения излишков.

Стесняя, принимая репрессивные меры, ограничивая жизнь наемника, капиталист-предприниматель снимает пенки с излишков. *Принижая* жизнь наемника, предприниматель *повышает* уровень своих жизненных условий при помощи излишков, *легально* похищенных у жизни наемника.

В эпоху капитализма отдающий внаймы свой труд принуждается под кнутом грозящего ему голода, принуждается из страха перед штыком, принуждается под угрозою судебного приговора, принуждается всем этим производить излишки.

Кроме того, что он производит *эквивалент получаемой им заработной платы* и покрывает все другие необходимые издержки производства, рабочий вынужден трудиться в течение томительных

часов для производства *этого излишка* для своего капиталиста-предпринимателя (см. примечание в конце этой главы).

Этот излишек—священная просфора капиталиста.

Этот излишек—сердечное желание капиталиста.

Этот излишек — магнит, цель, единый и единственно только истинный бог капиталистического класса.

Этим излишком капиталист покрывает «другие свои издержки», а также оплачивает издержки по политической кампании своей партии, дает взятки городским советам, легислатуре штатов и общенациональной, судьям, мэрам, губернаторам и президентам — и областному военному начальству.

На этот излишек капиталист покупает тонкие вина, чудные автомобили, яхты, ложи в опере и виллы—«и так далее».

При помощи этого излишка капиталист балует своих любимцев—паразитов, мужчин и женщин, и оказывает им покровительство.

Этот священный излишек!

Сладкий и сочный излишек, вскипающий, вскипающий и неизменно вскипающий на поверхности источника капитализма, т.-е. возникающий из некоторых *«священных» прав собственности*, — из права иметь в частном обладании промышленные основы общества.

Излишек—украденная жизнь, выкачанная легально посредством системы заработной платы из жил тружеников, живущих ею.

Излишек.

Пусть слово это глубоко запечатлеется в твоем уме.

Устреми взгляд свой на этот излишек.

А теперь заботливо отметь:

Первое:—Часть этого излишка капиталисты потребляют сейчас лично.

Второе:—Часть этого излишка капиталисты помещают с выгодой для себя.

Третье:—Для части этого излишка должен быть найден *иностранный* рынок.

Несмотря на то, что миллионы честных работников, труд которых создал этот излишек, несмотря на то, что сами они и миллионы их жен и детей дохнут с голода и дрожат, нуждаясь в этом излишке,—все же часть его должна быть *вывезена из страны*. Для части излишка, которую капиталистический класс не потребляет лично и

не может с выгодой поместить—для этой части излишка должен быть найден *иностранный* рынок, хотя миллионы страдают и болеют ради более высокой заработной платы, на которую можно было бы приобрести этот излишек, вывозимый за границу. Так как твой *заработок не дает тебе возможности* приобрести и воспользоваться даже этой частью излишка, то нужно найти *иностранный* рынок и *защищать* его.

Вот мы и доходим *до штыка и пулемета*—для чего они нужны.

Запечатлей в своей памяти, *обсуди со своими товарищами-рабочими* следующее:

Капиталистам нужны солдаты, матросы, милиция, казаки, Пинкертоны, «угольная и железная» полиция и так далее — главным образом по трем существенным причинам:

Во-первых, чтобы *обуздывать* рабочих и *принуждать их соглашаться* на производство излишков, т. е. на производство в большем количестве, чем можно купить на заработную плату; или, другими словами, чтобы *принуждать их соглашаться* производить гораздо больше того, что им позволено потреблять. А если предприниматель не может добыть себе проституированного болтуна и лжеца, чтобы улестить рабочих согласиться,—ну что же, есть еще штык.

Видишь?

Во-вторых, чтобы *открыть иностранные рынки* для той части излишка, которую рабочим не позволяют потреблять, а капиталисты не потребляют сами или не помещают с выгодой.

В-третьих, чтобы *защищать иностранные рынки* для этой части излишка *и защищать иностранные капиталы.*

Профессор Т. Н. Карвер (Отд. политической экономии в Гарвардском университете) прекрасно констатирует этот факт:

«Пока нет соперничества, торговля совершается, конечно, мирным путем по доброй воле тех, кто торгует друг с другом. Но в тот момент, как две нации начинают развивать в обширных размерах производство товара в одном и том же направлении индустрии, в этот момент торговля превращается в меч, разделяющий стороны и отбрасывающий во враждебный лагерь всех тех, кто является соперником в обладании тем же самым рынком... Благоденствие одного есть гибель другого. Такие нации выступают друг

против друга, как два индейских племени, когда на данном участке хватает добычи только для одного» («Социология и социальный прогресс»).

Так торговля превращается в милитаризм.

Протекционная тарифная стена служит уликой и признанием существования стеснительных национальных излишков продуктов.

Капиталист-предприниматель не желает, чтобы наемные рабочие задумывались над этим.

«Не говорите ни слова,—предостерегают капиталисты,—рабочие совершенно не должны видеть суть дела.

«Ха, ха, ха! Все, что им нужно,—это работа.

«Как они покорны! Как они смиренны, словно ягнята... Только подумайте, что было бы, если б они поднялись... Эй, вы, лакеи, сюда! Сюда, подкупные лекторы, ораторы и издатели! Делайте свое *дело!* Обрабатывайте языком рабочий народ! Говорите рабочему классу, чтобы он был удовлетворен, и покорен, и доволен; проповедуйте им, что все будет очень хорошо после дождичка в четверг! Ха, ха, ха! Все уладится для рабочих *в конце концов*. Но не рассказывайте им, в каком конце!

«Рассказывайте рабочим, что *«что-нибудь* да когда-нибудь *наверное* произойдет». Говорите им, чтобы они были терпеливы и *надеялись*, «надеялись на лучшую участь *там, на небесах»*. (См. главу одиннадцатую).

«Сойдет и так».

«Если рабочие пойдут на забастовку, чтобы добиться маленького, крохотного ломтика излишка — ну что ж, у нас, *капиталистов*, есть милиция, у нас, *капиталистов*, есть полиция, у нас, *капиталистов*, есть казаки, у нас, *капиталистов*, есть конная гвардия штата, у нас, *капиталистов*, есть регулярные войска и матросы, у нас, *капиталистов*, есть также суды и тюрьмы и «кутузки», у нас, *капиталистов*, есть весь этот вооруженный, подкупленный аппарат, помогающий нам снова загонять рабочих голодом на работу.

«У нас «верное дело».

«Лгите гнусно. Охраняйте спокойствие.

«*Пусть никто не говорит рабочим относительно этого излишка*. Если рабочий увидит эту чудную вещь, именуемую из-

лишком, то он перестанет быть ручным, слепым, покорным чурбаном, довольствующимся только *частью* продукта своего труда... Но, что бы ни случилось—мы, деловые люди, контролируем власть управления—и это дает нам возможность использовать всех судей в форменном платье и всех вооруженных людей в хаки, нам нужно *защищать свой излишек, свою добычу.* Смиренный, удовлетворенный, довольный рабочий такое полезное животное — совершенно такое же подходящее животное, как и раб. Подобно рабу, он согласен производить излишки. *Если он противится, мы стегаем его кнутом и лупим* дубинкой полисмена или колем штыком».

Обсуди со своими товарищами-рабочими и это.

Приходится, кроме того, иметь вооруженных людей, *все больше и больше вооруженных людей* для нового и специального назначения. Теперь растет новая опасность, громадная и мрачная — как надвигающаяся буря. Армия безработных—голодная, оскорбленная и злая, которой не позволяют работать, не позволяют производить, не позволяют ничем пользоваться, даже не позволяют просить—эта армия раздраженных, внушающих отвращение, злых мужчин и женщин заглядывает в окна хозяйских дворцов, где хозяева угощаются со своими любимчиками разными хорошими вещами и насмехаются над безработными. При *современных* машинах, *современных* методах, *современном* знании и *современном* искусстве рабочие могут производить *громадные* излишки с такой быстротой, что капиталисты *не в состоянии использовать их со всей поспешностью ни на внутренних, ни на внешних рынках.* Поэтому они не могут—не смеют—использовать всех рабочих в течение всего времени, когда все рабочие хотят работать. Таким образом некоторые предприятия действуют в продолжение всего лишь части времени, другие работают при уменьшенном составе рабочих, и, значит, миллионы рабочих, желающих работать, остаются за бортом на заводах, остаются за бортом на копях и остаются за бортом у дверей мастерских, где *они выпрашивают позволения послужить обществу*, производя ему полезные предметы. Миллионы людей находятся в опасности потерять работу, миллионы работают часть времени, миллионы получают сокращенную заработную плату, миллионы вовсе не имеют работы — миллионы—эти миллионы становятся неспокойными, раздражительными,

они начинают *задумываться*; капиталист опасается, как бы эта покорная раздражительность и задумчивость *не выросла* в общий *громкий, смелый крик протеста и требования со стороны рабочего класса.*

Поэтому капиталистам становится нужны еще новые милитаристические законы—и они их получают.

Капиталистам нужно, чтобы самые сильные, самые здоровые безработные вступали в ряды милиции или армии и были готовы притеснять других безработных, были готовы всадить штык в покрытую лохмотьями грудь более слабых братьев, если бы они стали слишком громко приходить в отчаяние от голода.

Поэтому Конгресс 1907—1908 гг., законодательствуя, как обычно, на службе у класса капиталистов, логически, естественно, послушно, *еще больше* увеличил состав вооруженной охраны—милиции, армии и флота—боевой машины, кулака капиталистического класса. В марте 1908 г. правительство Соединенных Штатов внезапно открыло в Нью-Иорке много сверхкомплектных вербовочных станций на открытом воздухе в общественных парках, где можно было найти десятки тысяч безработных, унылых, голодных людей. Главным доводом со стороны офицеров-вербовщиков было: «сколько угодно хорошей пищи и одежды и не так много работы».

Капиталистам нужны солдаты и милиционеры из рабочего класса, чтобы поддерживать их в таком состоянии при помощи лести и поощрения для «охраны собственности», чтобы они не обращали внимания на тот факт, что вооруженные защитники собственности совершенно не имеют никакой своей собственности, чтобы ее охранять.

Это так просто и удобно.

Капиталистам, конечно, нужна война и слуги-воины, но капиталисты слишком ловки, слишком уважают самих себя, слишком горды, чтобы подставлять свои собственные упитанные, гладкие тела под современные убойные машины. Во время войны или «рабочих беспорядков» эти «выдающиеся граждане» остаются дома, едят тонкую пищу, носят хорошее платье, спят в теплых кроватях, располагающих к мечтательному состоянию, и потихоньку посмеиваются над бедными околпаченными парнями, которые едят на передовых позициях «морские сухари»; они остаются дома и строят планы

относительно новых барышей, все новых и новых барышей от увеличивающихся излишков...

Капиталисты соединяются друг с другом и держатся все вместе. Капиталисты составляют *лойальный* класс. Класс капиталистов даже нанимает людей из рабочего класса для защиты винтовкой капиталистического класса. Искусно предприниматели сбивают с толку рабочих и нанимают их, чтобы поставить «к пушке» и убивать рабочих, стоящих перед пушкой.

В. Политические деятели об'являют войну:

Потому что капиталистам война нужна.

Политические деятели—или сами капиталисты, или политические лакеи капиталистов, и эти бесстыдные низкопоклонники получают плату должностями и при удобном случае урывают свою долю. Капиталисты оплачивают издержки по кампании своих политических прихвостней, и, конечно, когда бы капиталистам ни *понадобилась* война, их политические проституированные лакеи *об'являют* войну *). По окончании войны, при больших публичных оказиях, политические деятели преподносят какую-нибудь красноречивую и шумливую ерунду вдовам и сиротам и бедным старым изувеченным ветеранам относительно «славы» войны, относительно «величия» избивать самим и быть избиваемыми.

Вот тут-то и начинается потеха для политических деятелей, а иной раз и для *некоторых* министров при виде, как переполненный рабочими оперный театр или лужайка парка разражается аплодисментами и неистовствует, когда политические деятели, а иной раз некоторые министры орут и завывают и рассказывают рабочему классу разные разности относительно славы и величия войны. Ничего нет удивительного, если политические деятели тайком посмеиваются.

Как это до глупости смешно!

Честь умерщвлять своих братьев и быть умерщвляемым—самим собою!

«Об'явление войны» делает сановников и правителей популярными. В нашей собственной стране «военные» президенты, «воен-

*) В качестве отличного примера см. главу VI «Заманенные в окопы, потом выкинутые за борт».—Пятая иллюстрация.

ные» губернаторы, «военные» члены Конгресса ***почти неизменно выбираются вновь.***

«Искушения политических партий бывают разного рода... Худшее из них—это искушение вступить в войну... Многие войны были начаты или продолжались для того, чтобы укрепить династию или партию, чтобы снискать ей популярность или по крайней мере спасти от непопулярности, чтобы отвлечь умы людей от внутренних вопросов, которые сделались щекотливыми, или уничтожить воспоминания о прежних ссорах, ошибках или преступлениях. К несчастью, опыт только показывает слишком очевидно, как можно пробудить страсть к дракам и какую большую популярность можно приобрести в случае успешной войны» (В. Лекки, «План жизни»).

Политические деятели не вступают в милицию или в армию для действительной службы под огнем—о, нет! Нет, благодарю вас! Они проводят законы, чтобы «сделать службу привлекательной», но они настолько предусмотрительны, что не позволяют привлекательностям привлечь их самих.

Дело в том, мой друг, что «подтягивание» со стороны высшего начальства, холодная пища, холодные палатки, холодный свинец, холодная сталь и жалкие пятнадцать или двадцать долларов в месяц за то, чтобы убивать и быть убитым—и холодный, холодный клочок земли для собственного хладного тела, вместе с безграничной скорбью, вздохами, рыданиями, слезами и одиночеством для милых сердцу—все это не *привлекает* тех проницательных людей, кто получает барыши благодаря войне, и тех коварных людей, кто об'являет войну.

Капиталисты-сановники,—т. е. мелкие людишки с большими претензиями,—политические деятели из класса капиталистов, политические деятели, финансируемые капиталистами и для капиталистов,—все они образуют союз и держатся вместе.

Капиталист-«реформатор» всегда стоит *за капитализм*,—хотя ему и хочется слегка попрыскать его духами. Все они составляют лойяльный *класс*. Они пользуются всей властью управления, включая и военное министерство, для защиты капиталистического *класса*. Они даже нанимают рабочих—с винтовками.

С. Сражаются на войне рабочие:

Потому что они смиренны, скромны, покорны и кротки и всегда с доверчивостью готовы исполнять послушно все, что бы ни при-

казали им делать их лукавые политические и промышленные хозяева. Поэтому, когда бы капиталистам ни захотелось воевать, а политическим деятелям—об'явить войну, обманутый, одураченный *рабочий* затягивает ремни у ранца, вскидывает на плечо винтовку (или берет дубинку полицейского), целует жену и детей на прощанье и марширует на фронт драться на войне, которая *ему* не нужна, на войне, которой *он* не об'являл, на войне, принижающей *его* и вредящей *ему*, так как она наносит ущерб *его классу*, — и марширует на фронт, чтобы зверски убивать *других* рабочих, которых он *не знает* и против которых *он ничего не имеет*, он вопит, убивает, умерщвляет,—потому что...—просто лишь потому...—потому что несколько лукавых проходимцев, именуемых «выдающимися людьми», предписывают ему так делать.

Он с криком наносит удар, он с воплем падает под ударом—просто потому, что *не понимает* коварной, дьявольской штуки, которую разыграли над ним и его классом.

Молодых рабочих легко улещают вступить в милипию или в армию, чтобы помогать классу капиталистов *заставлять рабочий класс сидеть спокойно и дохнуть с голоду* или получать *дешевую* пищу, *дешевую* одежду, *дешевый* кров и *дешевую* обстановку, *как все*, что им причитается за *всю* их работу в течение *всей* их жизни.

Представь себе, что у рабочего есть сын, служащий в местном отряде милиции, и представь себе, что г. Работников об'являет забастовку ради прибавки в две-три никкелевых монетки в день, чтобы *купить на них пищу получше для родной матери и маленьких братьевъ и сестер юного милиционера*. Этому юноше-милиционеру могут приказать стрелять или колоть штыком его собственного отца, который борется путем забастовки за несколько лишних центов, чтобы купить лучшую пищу для смиренной матери и голодных маленьких братьев и сестер—если отец его *во время забастовки не сидит смирно и не отличается послушанием*, когда местные промышленные хозяева загоняют его голодом на старую работу со старой заработной платой.

Капиталист размахиваст бичом-голодом над спиной рабочего отца, а рабочий-сын приставляет к отцовской груди винтовку... Отец должен сдаться. Так юноша-милиционер приносит вред своему

классу, оскорбляет собственного своего отца, помогает унизить своих младших братьев и сестер и плюет в лицо собственной матери.

Война—это классовая война.

Милиционеры и полицейские—это *местные солдаты*, готовые исполнить приказ стрелять в своих соседей, друзей и родственников во время борьбы за существование. Во время промышленной гражданской войны класс капиталистов морит голодом, соблазняет и подкупает рабочий класс, чтобы побить обе сражающиеся стороны.

Правители управляют. Они рассуждают—и выигрывают, потому что рассуждают.

Поразмысли над этим, молодой человек. Будь лойален по отношению к собственным отцу и матери, по отношению к своим братьям и сестрам и по отношению к своему классу. Будь классово-лойальным.

Рабочий класс сам должен спасти *рабочий класс.*

Прочти десятую главу: «Ну, а что же нам делать теперь?»

Примечание. Читателю из рабочего класса чрезвычайно важно узнать, почему предприниматель не хочет, чтобы рабочие получали сведения о том, что касается ценности, добавочной стоимости, нормах добавочной стоимости, прибыли, нормы прибыли, прибыли в пользу класса капиталистов, прибыли в пользу индивидуального капиталиста-предпринимателя, распределения награбленной при эксплоатации добычи между капиталистами и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Стоимость войны — в цене крови и наличными.

Отдел I. — Цена крови.

«Что касается войны, то я называю ее убийством».

Джемс Рэссель Лоуэлл.

«Герой—разновидность убийцы».

Виктор Гюго.

При современном промышленном строе общества человеческая кровь, человеческая жизнь так дешевы, что даже жизнь милого

малютки, отдающего внаймы свой труд на фабрике, может быть куплена за несколько центов в день — почти-что как бракованный товар на рынке, на «рабочем рынке». Право, жизнь тружеников, членов рабочего класса, так дешева, что цена крови во время войны считается сравнительно малозначащей, — ее считают малозначащей все кроме тех, кого называют с насмешливым пренебрежением «людьми сентиментальными». Эти «сентиментальные люди» позволяют себе утверждать, что превосходство цивилизации какой-нибудь нации более неоспоримо доказывается ее благоговейным уважением к чистоте и достоинству человеческой крови, чем дешевой и чванной похвальбой своими броненосцами, «чистокровным» скотом, «чистокровными лошадьми» и «молодыми людьми, не только желающими, но *горящими нетерпением* сражаться» *) или хвастливым об'явлением нации о нашей «готовности» пролить кровь труженика у дверей фабрики или на поле сражения.

Дешево проливаемая человеческая кровь указывает, несомненно, на то, что цивилизация в основе своей груба и низка.

Пока человеческая кровь, человеческая жизнь не станет слишком священной, чтобы ее продавать за наличные во избежание голода или покупать за наличные для того, чтобы извлекать прибыль на вымененной трудовой силе — слишком священной, чтобы служить предметом продажи и мены на «рынке труда», точно лошади и бараны, которых покупают и продают на «скотопригонных площадках», — до тех пор было бы просто невозможно определить в цене крови гнусную стоимость войны, было бы невозможно вычислить и обратить в деньги величину красного преступления, совершенного против рабочего класса, — против «бедняков, для которых алчная война свой зев огромный открывает».

Стоимость войны в цене крови?

Война проливает кровь умерщвленных солдат.

Война проливает кровь несражающихся.

Война портит кровь солдат, пораженных гибельными для здо-

---

*) «Мне нужны для армии молодые люди, не только желающие, но горящие нетерпением сражаться». Эта грязная и дикая фраза — одно из избранных изречений Теодора Рузвельта в публичной речи, которой этот дешевый, знаменитый и многопрославленный крикун опозорил звание президента американской «республики».

ровья лихорадками, кровь солдат, у которых язвы и раны гноятся без перевязок на поле сражения или плохо залечиваются в военных госпиталях. Во время войны болезни поражают на смерть вчетверо больше солдат, чем их погибает от свинца и стали *).

Война портит кровь нации, отбирая для убоя людей с более здоровой кровью, извращая этим естественный метод отбора более слабых индивидов для их уничтожения.

Война дает возможность относительно более слабому в борьбе за существование размножаться в несоразмерной степени.

Война препятствует, по вычислению, рождению в среднем одного ребенка от каждого солдата, умерщвленного на поле сражения или проводящего на службе три года или больше в мирное или военное время (Чаттертон-Хилл, «Наследственность и подбор в социологии»).

Война портит кровь нации, хуже чем просто расточая огромные запасы пищевых средств, и таким образом недостаточно прокармливая тех, кто трудится.

Война портит кровь нации, оскверняя кровь громадного числа солдат и вследствие этого оскверняя кровь женщин и детей—венерическими болезнями, развивающимися в необыкновенной степени вблизи казарм, во время войны и непосредственно после войны.

Президент Вильям Г. Тафт в бытность свою военным министром сказал:

«Венерические болезни снова были из всех болезней за этот год наиболее важными по своему вредному влиянию на действующую силу армии. В больничном рапорте неизменно указывалось 739 больных по этой рубрике заболеваний, что равняется потере целого года службы приблизительно одиннадцати рот пехоты... Венерические болезни стояли на втором месте, как повод для выхода в отставку» (Ежегодный отчет военного министра 1907 г., стр. 17).

Еще позднее военный министр Дж. Л. Диккинсон сообщает нижеследующее об осквернении крови солдат:

«Болезни, влияющие на чрезвычайно большой процент негодных к службе, идут в таком порядке постепенности: венерические болезни, туберкулез, малярия, ревматизм, воспаление миндалевидных желез, дизентерия, понос, бронхит, корь, тиф.

---

*) См. главу V, отдел II; главу VIII, отдел 11.

«*Венерические болезни дают больший процент заболеваний, чем все остальные болезни, взятые вместе*» (Ежегодный отчет военного министра 1909 г., стр. 17).

И еще позднее «Отчет военного министра за 1912 г.», стр. 12 и 13, сознается, что

«Высокий процент венерических болезней продолжает служить упреком для американской армии. Ежедневное среднее количество больных, страдающих этими болезнями, за последний календарный год *превышало* среднее ежедневное количество больных, страдающих *всеми другими* из числа наиболее серьезных заболеваний, *взятых вместе...* Тем не менее... общий итог всех заболеваний в этом отношении составляет для нашей армии постыдный рекорд, превышая общее количество больных в армии любого из цивилизованных государств»...

Один из наиболее известных всему миру публицистов, Вильям Г. Стэд, говорит об этом следующим образом:

«Четверо из пяти любых английских солдат, прослуживших два года или больше, осквернены венерическими болезнями».

В настоящей главе, посвященной вопросу о стоимости войны «в цене крови» и наличными, для «цены крови» можно будет привести всего лишь несколько статистических данных, достаточных для того, чтобы указать, с целью пояснения, какое количество крови было *в действительности пролито* на войне за последние три поколения. Авторитетными источниками для этих статистических данных послужили, главным образом, «Наследственность и подбор в социологии» Чаттертон-Хилля; Ж. де-Лапужа—«Социальный подбор» и Ж. Блоха «Будущее войны».

Горячий, красный поток, хлещущий из разорванных кровеносных сосудов рабочего класса, соблазненного или принужденного принять участие в «Пиршестве Смерти»—умерщвлять или быть умерщвляемым—за промежуток времени, немногим бóльший, чем одно краткое минувшее столетие, может быть измерен так:

За французские войны эпохи Революции 1789—1795:

Французов	1.800.000
Других европейцев	2.500.000

За войны империи 1795—1815:

Французов 2.600.000

Других европейцев 3.500.000

За европейские и американские войны с 1815 г.:

согласно вычислению Лапужа 9.450.000

Общий итог (невероятный итог!) . . . 19.850.000 *).

В этот итог не включена пролитая кровь приблизительно еще ста миллионов людей, раненых в сражении, *но не убитых*.

Чрезвычайно важно обратить также внимание на то, что в этот чудовищный итог в двадцать миллионов—в круглых цифрах—не входят многие миллионы *несражавшихся*, кто так или иначе погиб во время войн и *в связи с войнами*, и необозримое количество несражавшихся, *раненых*, но не погибших, и огромное количество крови, испорченной и оскверненной болезнями.

Число людей, погибших, как комбаттанты, во время франко-прусской войны, равняется 215.000. Лапуж высчитывает, что за время короткой франко-прусской войны число смертей среди не-комбаттантов *превысило* на 450.000 число смертей, *которые имели бы место при нормальной высоте смертности* в течение периода войны, *если бы был мир*. Это значит, что в течение этой короткой войны 1870—71 гг. число не-комбаттантов, смерть которых последовала из-за войны, превысило *больше, чем вдвое*, число погибших непосредственно на войне. Если теперь принять эту дополнительную жатву смерти среди не-комбаттантов за верную, взяв ее хотя бы меньше, чем в *половинном резмере* для всех войн цивилизованного мира за последние, скажем, сто лет, протекших с 1789 г., то мы можем, не делая большой ошибки, *прибавить* к двадцати миллионам умерщвленных на поле сражений и в военных госпиталях—я говорю, мы можем к этим двадцати миллионам прибавить еще столько же миллионов тех людей, кто был сметен смертельным дыханием войны, как те четыреста пятьдесят тысяч не-комбаттантов 1870—71 гг.

Тогда получается «общий» итог в сорок миллионов (40.000.000) мужчин, женщин и детей, умерщвленных на самом деле или

---

*) По Чаттертон-Хиллю в «Наследственности и подборе»—итог равняется 21.000.000.

погибших иным каким способом, как результат *ста лет* «великолепной» и «славной» и «великой» и «христианской» войны; и эти сорок миллионов жизней (будь благословенна *«таинственная* воля Господа, Кто господствует», но не управляет в эпоху капитализма) были по большей части *жизнями рабочего класса.*

Сорок миллионов жизней, истребленных за одно краткое столетие Марсом, «славным» богом битв.

Одно христианское столетие—это пиршество для сатаны, громкий хохот, доносящийся из Ада.

Одно христианское столетие—это рана на груди рабочего класса.

Одно христианское столетие—это Марс и Цезарь, плюющие в лицо благородному кроткому Христу.

Одно христианское столетие—это море крови.

Одно христианское столетие—это океан слез.

Одно христианское столетие—это избиение на бойне одних братьев другими.

Одно христианское столетие—это вопли, стоны и рыдания.

Марс, бог войны, пожиратель мужчин, бич женщин и проклятие малюток; Марс—«распря и бойня... условие его существования» в том, чтобы кидаться в бой, «не задаваясь вопросом, на чьей стороне правда... на голове его блестящий шлем и развевающееся перо»; Марс—«благообразный, величественный, быстрый, неутомимый, могущественный, гигантский... гонитель мудрости и бич смертных»; Марс, эмблемами которого служат копье и пылающий факел; любимые его животныя—ястреб и собака; Марс—истребитель человечества; Марс, дьявольски упивающийся слезами женщин и детей; Марс, насмешка над матерями—этот бог, зло рода людского, час за часом, *днем и ночью*, на протяжении целого последнего столетия пожирал человеческие существа, выпивал больше двух галлонов *) человеческой крови—каждые двадцать минут.

Целый поток крови пролился из глубокой, проклятой раны—войны—в груди рабочего класса. А мы в это самое утро двадцатого столетия христианской эры *слушаем* лицемерные, высокопарные

---

*) 12 бутылок.

речи, но видим повсюду похвальбу и вызов со стороны коронованных, лестью прославленных, негодяев и разбойников.

«Подлое недоверие, красноглазый пес ненависти,
«Правит миром, напуганное призраками врагов».

Повсюду мы видим коронованных и миропомазанных душегубов, готовящихся к войне. Скоро опять яростный гул «грома пушек» устрашит мир. Даже и теперь в Турции, России, Испании и Африке кровь покорных братьев по рабочему классу брызжет в лицо человечеству.

Просыпайтесь, братья, просыпайтесь!

Отказывайтесь! Отказывайтесь окрашивать этот мрачный мир в багровую краску кровью тружеников, введенных в обман насмешливой лестью позолоченных негодяев.

Заставим сенаторов, членов Конгресса и президентов—принудим царей, императоров, королей, лордов, герцогов, да и хозяев-промышленников,—заставим их всех до одного, всех этих продувных, гордых негодяев идти в кровавые лужи передовых позиций и принудим их стоять там, пока они не познают, пролив свою собственную кровь, что такое война для рабочего класса.

Захват правительственной власти рабочим классом для рабочего класса—к этому наш первый шаг.

Рабочий класс должен встать на защиту *рабочего* класса.

Отдел II.—Стоимость войны наличными.

Помни, помни всегда: Все расходы по ведению всех войн во всем мире во все времена оплачивались результатами продуктивного труда.

В конце концов всегда все военные издержки оплачиваются рабочим классом.

Во время войны:

1) Солдаты перестают производить богатства.

2) Солдаты продолжают потреблять богатства.

3) Солдаты активно уничтожают богатства.

Война обусловливает три главнейших статьи расходов, а именно:

Расходы, предшествующие войне:—приготовление.

Расходы во время войны:—непосредственные расходы, уничтожение имущества, потеря производительной силы и т. п.

Расходы после войны:—пенсии, проценты по займам и т. д.

«Определяя стоимость войны,—говорит один писатель,—нужно распределять рассматриваемые статьи расходов в таком порядке:

1) Приготовления к будущим войнам.

2) Прямые расходы.

3) Непрямые потери:

a) истребление и понижение стоимости имущества,

b) потеря стоимости труда,

c) убытки, нанесенные торговле,

d) перемещение капитала.

4) Последующие расходы:

a) компенсация уничтоженной собственности,

b) пенсии и пособия пострадавшим,

c) проценты по долгу, возникшему вследствие войны.

5) Ухудшение населения.

6) Моральные последствия и воздействия на побежденных».

Теперь попытаемся составить себе понятие о действительной стоимости войны вообще, занявшись прежде всего изучением денежной стоимости какой-нибудь войны, взятой в качестве примера. Возьмем американскую гражданскую войну. В дальнейшем обзоре статьи 4, b и 5 несколько переоценены, а статья 6 весьма недооценена. Кроме того нужно еще заметить, что в этот обзор гражданской войны включены не все статьи действительной стоимости войны в наличных деньгах, как, например, экономический убыток от ухудшения *национального* здоровья и потеря производительной способности солдат обеих враждовавших сторон *во время войны*. Эта потеря равняется, вероятно, более, чем двум миллиардам долларов (по американскому счету—двум биллионам). Две другие очень важные статьи, пропущенные здесь,—это сумма более двух миллиардов долларов, которая должна быть оплачена в будущем, в виде процентов по займам, сделанным во время гражданской войны, и в виде пенсий за войну, и сумма в 600.000.000 долларов, выплаченных с 1906 по 1910 г. в виде пенсий участникам войны. Во всяком случае, приняв во внимание со всей осторожностью указан-

ные пропуски, мы найдем, что общая сводка всех статей дает возможность определить стоимость войны в наличных деньгах.

Американская гражданская война.	Ее стоимость в наличных деньгах:
1) Прямые расходы южан	5.000 000.000 долл.
2) » » северян	5.000.000.000 »
3) Увеличение национального долга .	2.800.000.000 »
4) Проценты по национальному военному долгу:	
а) С 1865 по 1898 г.	2.562.619.835 »
в) С 1898 до 1910 г. (по смете) .	400.000.000 »
5) Пенсии, общий итог на 30 июня 1906 г.	3.259.195.396 д. 60 ц.
6) Потеря рабочей силы: Миллион лучших *мужчин*, умерщвленных в сражении или погибших во время войны от болезней *), или ставших совершенно или лишь отчасти нетрудоспособными, вследствие ран и болезней, в течение, в среднем, двадцати пяти лет, *следовавших* за войной: средняя потеря для общества на каждом убитом или неспособном к труду мужчине 500 долларов в год; за 25 лет на миллионе мужчин потеряно	12.500.000.000 —
Общий итог	31.521.815.231 д. 60 ц.

Эта сумма, превышающая тридцать один с половиною биллион (по европ. счету 31,5 миллиард) долларов, *эта* сумма отличается от «стоимости гражданской войны», как она определяется обычно в элементарных школьных учебниках истории для легковерных детей.

Рекомендую: пусть твой ребенок или ребенок кого-нибудь из твоих знакомых займется обсуждением этого вопроса в школе.

---

*) «В круглых цифрах.... так что можно сказать, не впадая в ошибку, что во время этой войны было убито более 700.000 человек». Професс. Мак-Мастер, «Школьная История Соединенных Штатов», стр. 422.

Ребенку нужно посодействовать в подготовке атаки на извращенное толкование «Истории Соединенных Штатов» в обыкновенной общественной школе.

Эта сумма в тридцать один с половиной биллион долларов очень заслуживает рассмотрения.

На эти деньги можно было бы приобрести по дому, стоимостью в 1.700 долларов, и обстановку для него в 400 долларов—для всего девяностомиллионного населения, считая шесть человек в каждом семействе; или:

Эта сумма равняется общей сумме сбережений двух миллионов фермеров за тридцать лет упорного труда, считая, что каждый фермер откладывает 500 долларов в год; и ее хватило бы, кроме того, на устройство восьмидесяти земледельческих училищ и девяноста училищ для учителей, причем *каждое* из этих ста семидесяти учреждений могло бы быть обеспечено землею, строениями и инвентарем, стоимость которых равнялась бы четырем миллионам долларов, а также обладало бы четырехмиллионным вкладом для оплаты текущих расходов; а остаток был бы достаточен для постройки двухколейного железнодорожного пути от Нью-Иорка до Сан-Франциско при стоимости мили пути свыше 48.000 долларов; или:

Эта сумма превышает стоимость всего урожая пшеницы за шестьдесят три года, собранной с 25.000.000 акров прекрасной земли, в среднем по двадцати бушелей с акра, при цене в один доллар за бушель; или:

Этой суммой можно было бы заплатить жалование двадцати пяти тысячам школьных учителей, считая по 625 долларов в год, от Рождества Христова до 1909 года и еще на остающиеся деньги открыть пятьдесят университетов, уплатив по десяти миллионов долларов за здания и инвентарь и предоставив каждому учреждению еще десятимиллионный фонд для покрытия текущих расходов; или:

Эта сумма равняется общей сумме сбережений пяти миллионов рабочих, откладывающих по доллару в день, в течение трехсот дней в году, в продолжение двадцати одного года.

А мы еще до сих пор не покончили с расходами, вызванными нашей гражданской войной, и долго еще не разделаемся с ними.

Профессор Альберт С. Боллье обращает наше внимание на тот факт, что мы еще до сих пор не разделались даже с расходами нашей революционной войны, которая была больше ста лет тому назад. О гражданской войне профессор Боллье говорит тоже:

«Вероятно, пройдет еще сотня лет, прежде чем будут заключены книги, в которых открыты счета по подавлению мятежа» («Финансовая история Соединенных Штатов», т. III).

Здесь будет вполне уместно напомнить читателю, что, конечно, как только солдаты вернулись домой после окончания гражданской войны, то они должны были приняться за работу, чтобы помочь образованию богатства для оплаты процентов и капитала по облигациям военных займов, находившихся в руках банкиров и других передовых граждан, которые были слишком ловки, чтобы итти самим па войну. Профессор Джон Ридпас следующим образом пишет о пиявках, обладателях облигаций военных займов:

«Для него (для капиталиста) совершенно безразлично, цветут ли в этом мире цветы в садах, зреют ли апельсины, улыбается ли мир урожаем пшеницы, или же все это затаптывается в кровавую грязь под копытами бешено несущейся кавалерии или уничтожается под взрывами ужасных снарядов. Иными словами, для него все это не имеет никакого значения, если оплата по купонам производится без задержки, а облигации в спросе».

Итак, мой друг, если бы достопочтенный господин Шумилов из Вашингтона или из местных законодательных органов, или откуда угодно, пригласил тебя и твоих соседей следующий раз 30 мая или 4 июля в лес и старался бы наполнить его дешевым и глупым треском речей по поводу величия и славы войны, то ты сейчас же удостоил бы его той дозы презрения, которую он заслуживает. Кроме того, ты постарался бы предохранить свою или соседскую молодежь от диких и опасных внушений, которые в подобных случаях распространяются многими из таких ораторов — постарался бы предохранить юношей, показав им и «оборотную сторону» войны. В таких случаях хорошо было бы распространять литературу о мирном происхождении справедливости.

Стоимость войны в наличных деньгах легко установить, изучая ежегодный национальный закон, которым вотируются расходы на милитаризм. Право, ежегодная стоимость в наличных деньгах нашей

драчливой политики, ежегодная стоимость развития национального кулака, ежегодная стоимость в наличных деньгах этого лицемерного «сохранения мира» путем приготовления к войне—заслуживает особенного внимания.

Общий средний годовой расход на милитаризм, т.-е. на военное и морское министерства (министерства убийства), составляет для Соединенных Штатов следующую сумму:

Армия и флот	200.000.000 долл.
Потеря производительной силы, хуже чем погибшая трудовая сила, 121.786 «отборных» мужчин (83.286 в армии и 38.500 во флоте), при оценке в 600 долл. на каждого человека в год	73.071.600 »
Проценты по государственному долгу (главным образом расходы на милитаризм) в настоящее время . . .	22.000.000 »
Пенсии (признанное бремя войны) . .	150.000.000 »
Обесценение фортов, арсеналов, кораблей, оружия и другого военного инвентаря, вследствие порчи и неизбежного списывания со счета «устаревших» убойных машин . . .	5.000.000 »
Общий итог	450.071.600 долл.

Так как ни одна из приведенных здесь статей не преувеличена и так как некоторые из них даже на много преуменьшены, то следует рассматривать общий итог в четыреста пятьдесят миллионов, как чрезвычайно осторожно сделанную оценку ежегодной стоимости (в мирное время) содержания национального кулака в боевой готовности *).

*) Ассигновки на один лишь флот достигали в 1910 г. 134.000.000 долл., что ровно в 10 раз больше сумм, ассигнованных в 1886 году. Нью-иоркский «World» оценивает (в передовой статье, март 1910 г.) ежегодный расход на милитаризм в Соединенных Штатах в 500.000.000 долл. Обратите внимание на изумительный факт, отмеченный на стр. 311 в подписи под рисунком.

Но четыреста пятьдесят миллионов долларов не дают человеческому уму достаточно точного представления об этой сумме, пока ее не рассматривать в величинах более крупных, чем отдельные доллары, и более мелких, чем миллион долларов. Поэтому для рассмотрения стоимости войны в наличных средствах удобнее взять за единицу расходов такую сумму, которая *нужна* для оплаты годовых расходов сына или дочери *бедняка* во время их обучения в первоклассном колледже или университете центральных западных Штатов.

Многие достаточные молодые люди и женщины платят в Соединенных Штатах за полное свое годовое содержание в первоклассном колледже или университете 250 долларов. Такой расчет подтверждается личными наблюдениями автора и недавно полученным автором письмом от президента университета в Айове.

Нашими ежегодными национальными расходами на милитаризм, в сумме 450.000.000 долл., можно было бы оплатить годовое содержание в колледже 1.800.000 молодых людей и женщин, т.-е. приблизительно в двенадцать раз больше того количества учащихся, которое было на 30 июня 1908 г. в пятистах семидесяти трех колледжах, университетах и технологических институтах Соединенных Штатов.

Пять процентов с 450.000.000 долларов *в продолжение шести минут* покрыли бы расходы по обучению одного человека в течение года, т.-е. дали бы 250 долларов.

Пяти процентов с суммы годовой стоимости милитаризма в Соединенных Штатах *на срок в две недели и три дня* было бы достаточно для содержания в университете в течение *четырех лет* целого полка молодых людей (1.000 человек).

Немного меньше семи процентов с 450.000.000 долл. в год было бы достаточно для оплаты расходов по одному году ученья такого количества молодых людей и женщин, которое равнялось бы общему составу армии и флота, включая офицеров, рядовых и прочих.

Расходы на милитаризм в Соединенных Штатах составили бы за два с половиной года сумму в 1.125.000.000 долл., если исходить из данных, указанных для одного года. *Три с половиной процента* с этой суммы *в год* составили бы 39.375.000 долл. Этими процентами

можно было бы покрыть годовые расходы по колледжу всех молодых людей и женщин, обучающихся во всех 573 колледжах, университетах и технологических институтах Соединенных Штатов на 30 июня 1908 г. (т.-е. 150.187 студентов), принимая средний ежегодный расход в 250 долларов. Кроме того получился бы еще остаток почти в 2.000.000 долл. для сверхсметных расходов.

По Диллону, «стоимость каждого из новых линейных кораблей, предназначаемых для французского флота, оценивается свыше 15.000.000».

«Председатель парламентской комиссии по рассмотрению сметы, Тооней, давая обещание бороться против новых линейных кораблей в 18.000.000, посвящает себя достойному делу».

Шесть и две трети процента в год со стоимости одного 15-ти-миллионного броненосца могли бы покрыть расходы *по четырехлетнему обучению* в колледже тысячи матросов, находящихся на борту такого корабля.

Шесть процентов за десять часов со стоимости 15-ти-миллионного броненесца могли бы покрыть все расходы молодого человека или женщины в продолжение *четырехлетней* работы для соискания степени баккалавра словесных наук в большом университете Айовы.

Один «дрэдноут» нового типа, принятого ныне для постройки судов британского флота (в действительности тип этот уже перенят всеми другими «великими державами»), одно из этих чудовищ будет стоить втрое дороже всех благородных зданий Чикагского университета, воздвигнутых на 30 июня 1905 года, *т.-е. втрое больше того, что стоят все великолепные залы, построенные в течение первых тринадцати лет никем не превзойденной строительной деятельности университета.*

Общая ценность всего подаренного и завещенного всем высшим учебным учреждениям в Соединенных Штатах за год по 30 июня 1908 г. равнялась 14.820.955 долл., т.-е. была на 179.000 долл. меньше стоимости одного первоклассного британского линейного корабля *).

---

*) Отчет министра просвещения 1908 г., т. II, стр. 617.

Если в сорока пяти государственных университетах Соединенных Штатов числится 6.750 преподавателей (150 в каждом), получающих в среднем оклад в 2.000 долл., то сумма их окладов меньше стоимости одного «дредноута».

Пять процентов со стоимости одного «дредноута» равнялись бы общей сумме жалованья 1.500 сельских учителей, получающих 500 долл. в год, или общей сумме жалованья 750 сельских священников, получающих 1.000 долл. в год (среднее жалованье пастора в Массачузетсе менее 800 долл.).

Один процент со стоимости одного «дредноута» мог бы покрыть жалованье всех президентов двадцати пяти главнейших университетов в Соединенных Штатах—при среднем жалованьи в 6.000 долларов в год.

Необходимо запомнить также, что линейный корабль делается устарелым, деклассируется и становится бесполезным через пятнадцать лет после того, как он впервые гордо спускается на воду. Но образование—систематическое развитие умственных и общественных способностей и вкусов, созревание стремлений к более полным, к более высоким, к более утонченным формам жизни, вооружение духа знанием и могуществом для удовольствий и дерзаний—образование, являющееся «для человеческой души тем же, чем скульптура для мраморной глыбы»—образование бессмертно в своих прекрасных достижениях.

Драчливая политика шумит громко и следовательно она велика; выглядит привлекательно и, стало-быть, она великолепна—так судит легковерный.

Драчливая политика основывается на легковерии невежества.

В связи с этим чрезвычайно важна одна информация, сообщаемая в личном письме к автору д-ром Вильямом Т. Гаррисом, бывшим в течение многих лет, предшествовавших 1906 году, нашим общенациональным министром просвещения. Информация заключается в следующем: «*В Соединенных Штатах из числа всех детей 76 на 100 никогда не вступают даже на первый курс высшего учебного заведения или соответствующих им училищ*».

Поразмысли над этим вопросом еще иначе.

Общая стоимость милитаризма в Соединенных Штатах за 1907—1908 гг. *в шесть с половиной раз превышала* общий доход (66.790.924 долл.) всех наших 464 университетов, колледжей и технологических институтов *от всех источников и на все потребности их за тот же самый год.*

Общая стоимость милитаризма в Соединенных Штатах за пятнадцать с половиной месяцев, кончая 30 июня 1909 г., превышала общую ценность всех книг, всех библиотек, земель, участков, зданий, обстановки, научных приборов, машин и всех вкладов, всех капиталов и всех «производительных фондов» разного рода, принадлежащих всем нашим 464 высшим учебным заведениям.

В Соединенных Штатах есть 464 колледжа, университета и технологических института, доступ в которые открыт только мужчинам или и мужчинам и женщинам; в библиотеках этих учреждений имеется всего 12.635.656 томов, оцениваемых (по словам нашего министра просвещения в его Отчете на 30 июня 1908 г., стр. 617) в 16.262.027 долл., каковая сумма почти равняется стоимости одной современной первоклассной смертоубийственной машины—одного «дредноута».

Одна 14-ти-дюймовая пушка стоит с оборудованием 170.000 долл. Один учебный выстрел по мишени стоит столько же, сколько обучение президента Джона Адамса в Гарвардском университете.

«Попадет ли твой снаряд в мишень или нет,
«А стоит он все же шестьсот долларов!
«Ты, шумливая, огнедышащая и могущественная,
«Каждый твой рев нам обходится в сто боченков
«Муки. Пламя твое пожирает двадцать тысяч
«Караваев хлеба. Молчи же!
«Миллион голодных ищет пищи,
«Чтобы снова наполнить свои рты хлебом».

Залп современного «дредноута» стоит почти двадцать тысяч долларов.

«Тот факт, что мы тратим за этот податной год 72% нашего совокупного дохода на приготовление к войне и на покрытие расходов, связанных с минувшими войнами (пенсии, платежи процентов и капитала по военным долгам), составляя всего лишь 28% до-

хода для покрытия всех наших остальных правительственных расходов, включая сюда внутренние улучшения, постройку общественных зданий, улучшение состояния рек и гаваней и охранение наших естественных рессурсов, этот факт, по-моему, ужасен» (речь Тоонея, члена Конгресса).

«За податной 1908—09 год обыкновенный доход Соединенных Штатов доходил до 604.000.000 долларов. Из этой суммы....70% было истрачено на прошлые войны и на приготовление к войне».

Та же самая «цивилизованная» дикость распространена повсюду.

«Великие страны собирают огромнейшие доходы... но столь же верно, что половина государственных доходов великих европейских стран тратится на то, что является в конечном итоге приготовлением ко взаимному умерщвлению» (Сэр Эдуард Грэй, министр иностранных дел в британском кабинете).

Дж. де-Молинари подводит итоги следующим образом:

«Две трети их (европейских держав) соединенных бюджетов идут на этот долг (военный долг) и на содержание вооруженных сил на суше и на море».

Нью-иоркский «World» говорит смело так:

«Военные приготовления ложатся чудовищным бременем во время мира.... В европейских армиях находится под ружьем шесть миллионов отборных мужчин в расцвете сил. Все это здоровые мужчины, из числа тех, кто мог бы быть чрезвычайно полезен для промышленности. Военные издержки Великобритании (теперь, в мирное время) включая и государственный военный долг—444.000.000 долларов, превосходят в настоящее время почти в шесть раз расходы по содержанию элементарных школ. В Германии разгораются все более и более ожесточенные споры из-за увеличивающегося военного дефицита, который приходится покрывать повышением налогового обложения.... Россия сводит счета с ежегодным дефицитом в своем бюджете в 200.000.000 долларов... а голод там не прекращается».

Все великие правительства мира увеличивают свои убойные вооружения, чтобы быть «готовыми к войне», т.-е. быть готовыми к провокации и бросанию дерзкого вызова. За последние десять лет ежегодные военные расходы Англии увеличились вдвое, но глупость все еще растет. Англия располагает 52 линейными кора-

блями, 4 броненосными крейсерами, 16 крейсерами, 84 истребителями миноносцев, 20 подводными лодками, и к ним должно быть еще прибавлено сразу 8 «дредноутов», стоимостью от 12.000.000 до 15.000.000 долларов каждый *), а также «соответственное» количество вспомогательных судов—броненосных и неброненосных крейсеров, миноносцев и т. п., в виде *дополнения* к существующему составу флота, на сумму свыше 300.000.000 долларов. У Франции имеется 21 линейный корабль с «соответственным» количеством вспомогательных судов и строится еще 8 линейных кораблей со вспомогательными судами. В Германии милитаризм доходит до еще большего безумия. В 1872 г., сейчас же после большой войны, Германская империя израсходовала 73.750.000 долларов на прямые расходы на милитаризм; в 1898 г. сумма расходов по министерствам убийства доходила до 337.500.000 долларов, не считая стоимости потерянной рабочей силы. Германский милитаризм поразительно вырос с 1898 г., и дух его так неистов и столь безумно правительство, уже обремененное «военными расходами», что в 1907—1908 гг. была совершена продажа облигаций на сумму в 25.000.000 долларов, как одно из особых усилий собрать специальный фонд, на который можно было бы завести еще новое убойное снаряжение (*очень важное* примечание на стр. 232).

И то же самое наблюдается у других «великих» держав.

Хотя Россия шатается сейчас под тяжестью четырех с половиной биллионов долларов государственного долга (около девяти миллиардов рублей) и принуждена была заключить в 1908 г. заем в 75.000.000 долларов, чтобы оплатить текущие расходы (и прилагала все старания, чтобы занять целых 400.000.000), хотя миллионы ее граждан стоят лицом к лицу с голодом и сотни тысяч людей вынуждены искать заработка на стороне, — все же русские сановники и моряки-специалисты занимаются разработкой морской программы на биллион долларов (около двух миллиардов рублей).

Выпуск долгосрочных процентных обязательств с целью собирания денег для теперешних расходов на милитаризм,

---

*) «Только-что законченный и одобренный мною проект предназначается для линейного корабля № 39. Этот корабль.... по окончании всех работ, уже готовый к плаванию, будет стоить около 15.000.000 долларов». Из речи Даниэльса, морского министра С.-А. С. Ш». См. «World» 9 января 1914 г.

как это делается ныне некоторыми государствами,—это есть просто закладывание будущего, закладывание жизней и способности к заработку еще неродившихся младенцев для удовлетворения жажды крови и золота нынешних плутократов и политических деятелей, которых никогда нельзя будет встретить на передовых позициях.

«Наверное, когда-нибудь некоторые факты огнем будут жечь сознание мыслящих людей... Безумие милитаристов повлечет за собою их гибель. Они с криком требуют броненосцев... а парламент или конгресс вотирует их. Но затем оказывается, что броненосцы не имеют цены без крейсеров, крейсера бесполезны без миноносцев, миноносцы бесполезны без истребителей миноносцев, и все они вместе не имеют значения без угольщиков, транспортов, госпитальных судов, плавучих мастерских, а все это опять-таки не имеет никакой цены без более глубоких гаваней, более крупных доков, более обширных морских верфей.

«А имеет ли все это какую-нибудь цену без офицеров и команд, на обучение которых были выброшены миллионы долларов? Когда же, наконец, флот торжественно спущен на воду, выступают вперед военачальники армии и доказывают, что в конце концов флот никуда не годится, если его не будут поддерживать колоссальные сухопутные силы. Так шаг за шагом заманиваются правительства в предательскую трясину, где они сперва вязнут, а в конце концов засасываются».

Дж. Роз, исследуя главнейшие события в эволюции Европы с 1870 года, пишет в своем «Развитии европейских наций»:

«Отдельный индивид подавлен чувством беспомощности при взгляде на окружающие его со всех сторон миллионы вооруженных людей. Он впал в состояние военного рабства, хотя он и свободен в конституционном смысле слова. Теперь он только невольник, трудящийся над тем, чтобы присоединить и своих несколько глыб к колоссальной пирамиде войны... От такой жизни не может возникнуть никакая песня... какая-то злобная Ярость, маскирующаяся в одежды Мира».

Почти повсюду военные долги взвалены, как горы, на народные спины. Двадцать три года тому назад (в 1887 году) профессор

Адамс (Мичиганского университета) бил тревогу и указывал на поразительный факт:

«Цивилизованные правительства нынешнего времени находятся под бременем задолженности, доходящей до 27.000.000.000 долларов. Сумма эта, в которую не включаются местные облигации всевозможного рода, равняется долгу по закладной в 722 доллара (теперь около 950 долларов) на каждую квадратную милю той территории, на которую распространяется юрисдикция обремененных долгами правительств, а задолженность, приходящаяся на каждого жителя, равняется 23 долларам. Общая сумма государственных долгов в семь раз превышает соединенный годовой доход всех обремененных долгами государств. Выплата наросших процентов потребовала бы непрерывного труда трех миллионов человек, если считать, что долг приносил бы пять процентов и выплачивалось бы, скажем, по полтора доллара в день... В предыдущем (восемнадцатом) столетии только Англия и Голландия были государствами, познавшими по собственному опыту бремя государственных долгов; но теперь это явление наблюдается почти повсеместно...

«Этот новый метод финансовой политики тем труднее понять, что он возник в такое время, когда богатство стало быстро увеличиваться. С каждым днем мир становится все богаче, так как природа все с большей готовностью отдает все свои силы на служение целям человека; однако, несмотря на увеличившийся достаток, правительства мира влезают с головой в долги».

Читатель должен запомнить, что тяжесть долгов, о которых говорит здесь д-р Адамс, касается *почти всецело военных долгов* и что они чрезвычайно возросли с 1887 года,—приблизительно до суммы в 35.000.000.000 долларов (в 1910 году), *почти в три раза превысив общую сумму наличных средств всего мира.*

(Позднее: Теперь (в 1913 г.) долги возросли до 41.736.701.000 долларов, в круглых цифрах—до *сорока двух биллионов долларов* (около 84 миллиардов рублей). Таким образом долги увеличились на 20% за последние 10 лет и на 100% за последние сорок лет).

«Поразмысли часок над этим страшным итогом,— пишет проф. Ридпаси:—подумай о гнете этого несносного злого духа, попробуй оценить весь ужас этого ада, взвесь несчастие и страдание тех, кто находится под гнетом, а потом—впадай в отчаяние и умри!

«Двадцать тысяч миллионов долларов! Сановники, филантропы, проповедники, журналисты, чьими устами вещает цивилизация, все вы, все до одного! Как вам нравится такая сумма? Разве этого не достаточно? Кто же должен платить по счету? Народ! А кто, не пошевелив пальцем, не перевернувшись на другой бок на своей пуховой постели, будет собирать эту постыдную жатву в течение всего двадцатого столетия? Плутократия!

«У Власти Денег было несравненное умение разжигать между народами войны, настаивать на столкновении, пока обе стороны не дойдут до неминуемого банкротства, скупать чудовищные долги обеих сторон, не жалея боченков золота, поднимать долговые обязательства до их нарицательной стоимости, изобретать патриотические прокламации для охраны национальной чести, и наконец нанимать печать и ораторские кафедры двух поколений для прославления преступления».

Генри Уорд Бичер так касается этой темы:

«Бо̀льшая часть долгов Европы—это капли сгущенной крови».

Поразмысли еще:

«За короткий промежуток времени въ восемнадцать месяцев (британская) военная партия, сидящая сейчас у нас на шее, промотала (во время бурской войны) больше денег, чем рабочий класс ухитрился бы отложить из своего заработка за целое царствование покойной королевы Виктории» (т.-е. с 1837 по 1901 г.). «Кропотливые сбережения двух поколений были пущены на ветер (во время бурской войны) одним кровожадным взмахом».

В следующей таблице показано, в какой пропорции великие капиталистические правительства тратят достояние поруганного народа на образование и на милитаризм—при драчливой политике.

	Образование.	Милитаризм.
Англия	1 дол.	4,25 дол.
Франция	1 »	4,80 »
Германия	1 »	2,57 »
Австрия	1 »	4,50 »
Соединенные Штаты	1 »	1,25 »
Дания	1 »	3,66 »
Греция	1 »	5,00 »

	Образование.	Милитаризм.
Швеция	1 дол.	2,25 дол.
Италия	1 »	9,00 »
Бельгия	1 »	2,00 »
Швейцария	1 »	0,54 »
Россия	1 »	12,00 »

Один американский воспитатель так писал о цивилизованной дикости, которую можно видеть в растрате этих народных сокровищ, хуже чем просто расточаемых:

«Государственные долги Европы представляют собою ряд огромнейших преступлений против народа. Они возникли благодаря ведению ненужных войн и для содержания ненужных постоянных армий. По отношению к государственным долгам весь народ можно разделить на *два* класса: один класс *обладает* этими долгами, а другой *платит* по ним проценты. В таком отношении будут находиться на веки вечные и будущие поколения. Каждое дитя, рождающееся в Европе, получает по наследству или состояние в долговых обязательствах, или обязательство уплачивать по ним проценты. Так *плоды великих преступлений претворяются или в определенное преимущество для одного класса, или в определенное зло для другого класса.*

«Если бы не надо было набирать постоянные европейские армии и заводить флоты и содержать их, и если бы доход, предназначаемый на их содержание, шел на школы, то теперь не было бы в Европе ни одного необразованного. Если бы распустить эти постоянные армии и флоты и обратить доход, употребляемый ныне на их содержание, на школы и поступать так в течение пятидесяти лет, то к концу этого периода в Европе не осталось бы ни одного неграмотного» (Ким, «Разум и руки»).

Следующая выдержка из Хельмута фон-Герлаха заслуживает особенного внимания со стороны рабочего:

«Из всех германских политических партий одна, а именно партия социал-демократов, всегда была последовательной противницей милитаризма. Она видит в милитаризме сильнейшую поддержку капиталистического строя и поэтому с равной силой нападает на него и в теории и на практике. Ее лозунг: «Ни людей, ни денег!»

Но повсюду все больше возрастает это бессмысленное бремя. Конца все еще нет. Безумие тщеславия и жадности увеличивается повсюду в размерах, внушающих опасение; но хуже всего, что всемогущая капиталистическая пресса не предостерегает народ. К счастью, бывают и исключения, например, нью-йоркский «World». Смело и сильно предостерегал «World» недавно народ. В передовой статье от 20-го июля 1908 г. «World» говорил:

«Никакая мирная проповедь не могла бы произвести большего эффекта, чем опубликованная германским генеральным штабом оценка генералом Блюмом вероятной стоимости современной европейской войны. Предположив, что численность войск, которые Германия сможет призвать под знамена, достигнет 4.759.000 человек, стоимость для Германии войны с другой европейской державой, говорит он, будет обходиться (*прямые* расходы) в 1.500.000.000 долларов в год все время, пока будет длиться война. В соответствии с войной между Россией и Японией, во время которой японцы потеряли убитыми и ранеными 20% численности своих армий, Германия потеряла бы за тот же промежуток времени приблизительно 900.000 человек...

«Кровавый и денежный итог удвоился бы, если бы Германия вступила в состязание всего с одной державой. Если же в войну были бы втянуты три или четыре или еще более держав, что представляется весьма вероятным в виду существующих союзов, то Европа «истекла бы кровью» и погрузилась бы в пучину длительных бедствий.

«Такова другая сторона вопроса, и общественные деятели, говорящие развязно о войне, стараются, чтобы народ позабыл об этой стороне. Они не обращают внимания на громаднейший долг победоносной Японии и на ее фактическое обеднение, они не указывают на ужасное истощение рессурсов России, на ее рахитичные финансы, на ее сократившуюся торговлю и на десятки миллионов подыхающих с голоду подданных царя. Много лет пройдет, пока государственный кредит Великобритании, гордой национальным богатством, оправится от ущерба, нанесенного ему бурской войной, и правительство будет способно стать лицом к лицу с весьма неотложными внутренними реформами без опасений за свои доходы».

Государственная деятельность!

«Защита нашей внешней торговли»—таков один из наиболее веских доводов, которые выдвигают капиталисты-сановники в защиту обширных расходов на милитаризм, пренебрегая с невыносимым невежеством тем фактом, что общая ежегодная стоимость милитаризма для девятнадцати европейских государств, Соединенных Штатов и Японии (восемь миллионов долларов) составляет больше 66% общего ежегодного итога по вывозной торговле всех государств мира *).

Государственная деятельность!

«Великие» люди, ведущие «государственный корабль»... прямо на скалы!

Так народы все бродят и бродят, оступаясь, по дурацкому кругу, пока государственные деятели замышляют международное оптовое истребление, а рабочий класс слепнет от крови, пота и слез. Всё крупнее армии, всё крупнее флоты,—потом еще более крупные армии и еще более крупные флоты,—а потом еще более могущественные армии и флоты; потом невероятное податное обложение, невыносимое бремя; затем банкротство; затем ярость, восстание и революция—такова программа ближайшего будущего, по крайней мере, для восьми «великих» держав мира, если они будут продолжать, как сейчас, поддаваться тщеславию королей, царей, президентов, микадо и давать полную волю алчущим прибыли капиталистическим хозяевам мира. Милитаризм—это международный политический водоворот. Разверзается Мальштрём—зияет пучина, широко раскрывает она свою ужасную пасть для государственного корабля капитализма.

Не поддавайтесь обману.

Это искренняя, вполне обоснованная боязнь банкротства (а не совесть) главным образом заставляет многих сановных капиталистов работать теперь так шумно (и благочестиво) вместе с международными обществами мира.

Банкротство, восстание, революция.

---

*) «Внешняя торговля всех государств, взятых вместе, выражается в сумме около 12.000.000.000 долларовъ в год». Гарольд Больс—«Новый Интернационал».

Как раз подходящее время для Цезаря быть благочестивым и хныкать об «ограничении» вооружений! *(Поразительное свидетельство* см. на стр. 232).

Голодный раб начинает задавать вопросы упитанному сановнику.

Государственный корабль начинает крениться от надвигающейся бури.

Государственная деятельность!

Промышленная демократия близко стоит, чтобы воспользоваться и своим удобным случаем.

Производители сделаются наследниками плутократии.

Деспотизм роет себе могилу.

Касаясь этого вопроса, профессор Дж. Торольд Роджерс, настоящий большой авторитет, говорит так:

«Многие страны на земле были когда-то заняты богатыми и промышленными народами, но теперь они совершенно пустынны. Такой упадок может быть следствием разрушительных завоеваний, долгих и разорительных войн. Но *гибнет раса почти во всех случаях* из-за ошибки своих *правителей*... Народы сами себя не погубят, сказал Адам Смит, но *правительства* могут их погубить... Я не скажу, что такие зрелища никогда больше не повторятся, зрелища народов, гибнущих из-за пороков тех, кто ими управлял... Правительства могут заключать займы для того, чтобы замыслить войну, или для того, чтобы защищаться от нападений врага. Обычно правительство утверждает, что война вызвана последним соображением, тогда как каждому ясно, что играет тут роль первый мотив. Видят ли это их подданные или граждане или нет, но обычно и почти неизменно правительства так настойчиво или столь свирепо провозглашают это, что подданным остается только согласиться с ними» («Экономическое истолкование истории»).

Что значит для мира ежегодно нынешняя стоимость милитаризма? Никакой человеческий ум не сможет разобраться или проникнуться всем громадным значением политики, основанной на жажде крови и барышей, которая держит теперь в руках и осуждает на муки весь мир (см. примечание на стр. 82).

8.000.000.000—восемь биллионов долларов!

Выброшенные Марсу—окровавленному богу войны!

А между тем человечество коснеет в невежестве!

8.000.000.000 долларов, чтобы ослеплять и застилать глаза толпе ее собственной кровью и лохмотьями, пока у нее отнимают жизнь и грабят ее выдающиеся и почтенные мироеды, паразиты рода человеческого.

8.000.000.000—эта чудовищная сумма превышает всякое понимание. Произнеси ее: «Восемь биллионов долларов». Эта сумма затрудняет не только ум, но и губы и язык.

Представь себе на минуту мысленно эту сумму.

Теперь подумай над тем фактом, что в двадцати одной стране, а именно в европейских государствах, в Японии и в Соединенных Штатах, милитаризм обходится каждые двенадцать месяцев более, чем в восемь биллионов долларов.

Только одна статья в этих расходах на милитаризм равняется почти четырем биллионам долларов в год. Эта одна статья—не произведенное богатство, но богатство, которое *могло бы быть произведено,* если бы шесть миллионов пятьсот тысяч сильных, старательно подобранных молодых людей, находящихся в постоянных армиях этих двадцати одной страны, *были* заняты производством богатств при *современных* орудиях, при *современных* машинах и при *современном* знании производства. Нужно еще заметить, что в этот подсчет не включены—вся Южная Америка, Китай и другие обширные страны.

Восемь биллионов долларов—8.000.000.000!

Мужчины и женщины вздрагивают от ужаса, когда телеграф разносит по всему свету весть, что такой-то город пострадал от пожара на десять или на двадцать миллионов долларов. Попробуем составить себе представление о стоимости милитаризма, пускающего на ветер богатства, выразив эту стоимость в убытках от огня-истребителя.

8.000.000.000—восемь биллионов долларов!

Сумма эта, эти расходы по государственной деятельности бульдогов и тигров, эти издержки на милитаризм в двадцати одной «высоко цивилизованной» стране за двенадцать месяцев мирного времени равняются непрерывной потере от пожара свыше 913.000 долларов в час, или, приблизительно, 15.219 долларов в минуту, в продолжение целого года, днем и ночью.

Эта сумма, хуже чем просто расточаемая ежегодно на то, чтобы «быть готовым» к убийству, равняется убытку от пожара, пылающего день и ночь в продолжение целого года, пожирающего по семи домов в минуту, при стоимости каждого дома в 1.700 долларов и стоимости квартирной обстановки каждого такого дома в 475 долларов.

Средняя рабочая семья состоит приблизительно из шести членов—двоих родителей и четырех детей; такая средняя рабочая семья могла бы считать себя живущей в полном достатке, имея дом в 1.700 долларов стоимостью и квартирную обстановку, стоящую 475 долларов. В семи таких домах проживало бы сорок два человека.

Теперь представь себе непрерывный людской поток: мужчин, женщин и маленьких детей, испуганных, бледных, дрожащих, бегущих мимо тебя по улице под детский визг и слезы женщин, поток людей, изгоняемых пламенем из гибнущих домов. Мимо тебя каждую минуту пробегало бы сорок два человека, и так днем и ночью, год за годом, непрестанно, непрестанно,—какой-то бесконечный поток покорных и унылых душ, ввергнутых в бедствие... безжалостный огонь поглотил их счастье. Или:

Представь себе пожар, распространяющийся быстрее, чем бежит бодрым шагом сильный мужчина, представь себе пожар, распространяющийся все шире и шире, при скорости свыше восьми миль в час и пожирающий пятьдесят таких домов на протяжении каждой мили, пожар, совершающий каждый год *тридцать шесть* круговых пробегов, сжигающий все на своем пути и возвращающийся вновь, на пространстве от Нью-Иорка до С.-Луи, Миссури; или совершающий такой круговой пробег каждые десять дней,—представь себе убытки, ежегодные убытки от такого пожара—и ты получишь тогда, быть-может, некоторое представление о том, что стоит этим двадцати одной стране похвальба, чванство и благочестивое приготовление к решению своих споров силой, как тигры решают силой свои распри.

Словно злые духи ада сорвались с привязи и накинулись на землю. И это государственная деятельность!

Восемь биллионов долларов, буквально брошенных в огонь откормленными королями, императорами, царями, президентами и вспоенными шампанским пьяницами, заседающими в законодательных учреждениях двадцати одной «высоко цивилизованной» страны,—

в то время, как десятки миллионов тружеников дрожат и дохнут с голоду в этих самых странах, плохо одетые, в скверных жилищах, скудно питающиеся, взращивающие своих детей в темном невежестве, которое делает из них удобные орудия, простаков и дураков для передовых позиций.

Ежегодными расходами на милитаризм в этих двадцати одной стране (8.000.000.000 долларов) можно было бы покрыть расходы по содержанию в колледжах тридцати двух миллионов студентов в течение одного года, считая по 250 долларов на каждого студента.

Суммами, которые тратятся на милитаризм в этих двадцати одной стране за промежуток времени, меньший девяти с половиной часов, можно было бы покрыть все расходы 4.500 студентов Гарвардского университета в течение четырех лет, считая по 500 долларов в год на каждого студента.

Шестью процентами с этой суммы в 8.000.000.000 долларов в год можно было бы обеспечить четырехлетнее обучение в колледже 480.000 молодых людей и женщин, считая по 250 долларов на каждого студента в год.

8.000.000.000 долларов ежегодно—и это в мирное время!

Рукоплещите же в глупом веселье, о, вы, слепцы, обреченные кровавому богу Марсу!

Прославляйте!

Вопите «ура! ура!»—в идиотском радостном безумии!

Завывайте, дурачье, завывайте, кричите: «Да здравствует ад!».

За войну!

Война! Война! Война!

Она великая!

Не правда ли?

Она должна быть великой, для «великих людей», скажем так.

«Великие люди» никогда не обманывают покорных, обыденных рабочих людей. Никогда! Конечно, нет!

Когда «великие люди» будут взывать: «Собирайтесь, ребята, под знамена!», будут ли снова глупцами мои трудящиеся братья и станут ли они опять орудием для тех, кто вотирует в парламентах и конгрессах за эту обрызганную кровью бессмыслицу?

8.000.000.000 долларов тратятся каждые двенадцать месяцев на войну и на приготовления к ней, и, однако, *ни один проходимец*

в цилиндре или в котелке не спит в грязных казармах, не ест дешевого «обеда», которым кормят рядовых, не подвергается унизительным оскорблениям со стороны «высшего» офицерства и не проливает своей крови на передовых позициях—ни один—нигде во всем мире.

8.000.000.000 долларов—ежегодная стоимость алчного стремления—стремления к войне.

Ежегодная стоимость государственной деятельности дебрей.

Сумма, которую рабочий класс платит за то, что он смиренен, покорен и послушен, за то, что он готов к самоистреблению, готов умерщвлять своих братьев по рабочему классу.

8.000.000.000 долларов—это цена, которую платит рабочий класс за то, что он суеверен, невежественен, за то, что он не хочет научиться читать; за то, что он раболепен и пренебрегает возможностью ввести *рабочий* класс *в законодательные учреждения всего мира.*

8.000.000.000 долларов—эта сумма доказывает моральное банкротство, доказывает колоссальную дикость капиталистов, которым война *нужна*, и доказывает также интеллектуальное и моральное банкротство, безмозглую неспособность и невыразимую подлость тех пройдох с золотым обрезом, которых называют государственными людьми, кто всегда готов *об'явить* войну и кто постоянно обескровливает общество, «приготовляясь» так к войне, в которой они сами в качестве «деловых людей» не сражаются на передовых позициях, потому что они слишком для этого горды и хитры.

Этот итог показывает еще, что рабочий класс, обдираемый и надуваемый для того, чтобы можно было собрать каждый год такую сумму, соглашающийся по невежеству на это и сослепу орущий «ура» *в честь своего собственного уничтожения*, находится в состоянии загипнотизированного ребенка—он почти совершенно беспомощен, так как глаза его слепнут от слез, уши закладывает кровью, а души оцепенели и онемели, как у живых трупов.

Эта сумма — вся эта стоимость наличными — оказывается, при конечном ее анализе, *хитро извлеченной из жизней производительного класса*, рабочего класса,—*высосанной из жил покорной трудящейся толпы*, а рабочие так смиренны, слабы,

обескровлены, оглушены и тупы, они находятся постоянно в таком глупом и кротком остолбенении, что у них не хватает способности подняться в порыве святого негодования во весь свой рост, захватить правительственную власть в свои руки и смести с лица земли этот адский кошмар.

Война пожирает благосостояние рабочих.

Класс *капиталистов* не смеет *изложить рабочему классу откровенно все эти* факты. Повсюду раздается: «Тс! Тс! *Рабочий* класс не должен заниматься изучением тягостей войны».

Рабочие? «Они не должны *думать*. Они должны повиноваться».

Для рабочего класса существует всего одно слово: *Повинуйся!*

Один из очень видных авторитетов по вопросам войны говорит:

«За период новейшей истории я могу припомнить всего *одну, хоть какую-нибудь* попытку со стороны европейского правительства определить экономические последствия войны при *современных* условиях. Это было, когда в состав французского министерства входил г. Бюрдо (Burdeau). Он назначил комиссию из экономистов, чтобы установить, каким образом будет продолжать функционировать социальный организм во время войны, как можно будет доставлять населению Франции его насущный хлеб. Но не успел он *приступить к своим исследованиям, как уже натолкнулся на сильное противодействие со стороны военных властей*, и из уважения к их протесту работы комиссии были отложены *на неопределенное время.* С тех пор мы бредем вперед с повязкой на глазах» (Ж. Блох, «Будущее войны». Предисловие, стр. XLVIII).

Настоящий государственный деятель, сенатор Чарльз Сомнер сказал:

«*Вся история — не что иное, как пустой звук, и весь опыт—просто ошибка, если обширные военные приготовления... не являются постоянной провокацией войны... Они и вызвали то зло*, от которого должны были *предохранять*. В частной жизни к таким же последствиям приводит привычка носить оружие... Постоянная армия является для государства тем же, чем была шпага для современного джентльмена»...

(Август 1914 года. «*Приготовление к войне ее предотвращает*», — таков безумный аргумент милитариста, приводимый в

оправдание всех огромных расходов на милитаризм. *Этот аргумент теперь уничтожен, уничтожен отвратительной войной*, которая разразилась в Европе. А какая же ежедневная стоимость этой войны, к которой так великолепно приготовлялись, но которой не предотвратили?

Первоклассные издания — нью-иоркский «Independent», филадельфийский «North American» и нью-иоркский «World» ссылаются на то, что профессор Шарль Ришэ (Парижского университета) оценивает *ежедневную* стоимость нынешней войны в 49.750.000 долларов.

Но в рассчет профессора Ришэ не включается—им нелепо упускается из виду—потеря *рабочей силы* 20.000.000 человек, оторванных этой войной от промышленности. Если бы все эти сильные мужчины были столь же совершенно снабжены *продуктивными* орудиями, как они снабжены *разрушительными*, которые они сейчас пускают в ход, то каждый из них легко мог бы произвести богатств по крайней мере на 3 доллара в *день*, т.-е. все вместе на 60.000.000 долларов в *день*. А эти шестьдесят миллионов долларов, прибавленные к вышеуказанным пятидесяти миллионам, дают нам общую сумму ежедневной потери для человеческого общества в сто десять миллионов долларов. Такой суммы, затрачиваемой *каждые двадцать четыре часа*, хватило бы на постройку домов для 330.000 человек, считая по 2.000 долларов на каждый дом для семейства в шесть человек).

«Рабочие всего мира, соединяйтесь!». Очнитесь! Подумайте! Восстаньте. Сметите с лица земли проклятие войны.

Соединяйтесь на полях сражений в промышленности.

Соединяйтесь на полях сражений в политике.

Захватывайте правительственную власть в свои руки.

Используйте на самозащиту эту правительственную власть.

Великая рабочая масса, великое смиренное большинство!

Поднимайся во весь рост во всем своем неизмеримом классовом могуществе и стань властью.

Рабочий класс должен сам защищать рабочий класс.

«Не жди, чтобы цепи твои сами собой перековались в ключи свободы!».

Начинай.

Начинай теперь.

Начинай кампанию для овладения мозгами своего соседа по рабочему классу ради великого нового *движения за свободу рабочего класса.*

Сделай же что-нибудь.

Стань кем-нибудь.

Помоги победить, когда наступит наш день.

Война стоит денег.

Покорность тоже стоит—на нее рабочий класс тратит свой труд, свою кровь и слезы, свое счастье—свою жизнь.

Будем же защищать себя сами—как класс *).

---

*) Указанная на стр. 75 сумма в восемь биллионов долларов может показаться некоторым читателям преувеличенной. Для таких читателей я добавлю следующее:

Все Общества Мира всего света с готовностью признают Давида Старра Джордэна (президента Леландского Станфордского университета) одним из наиболее глубоких и выдающихся исследователей войны и милитаризма. В июньском номере 1912 года «The World's Work» проф. Джордэн пишет о государственных деятелях последних ста лет:

«Они с особой готовностью доходили до крайних пределов в увеличении долга или налогового обложения в интересах постоянных армий и морского могущества. И прямым следствием этого является то обстоятельство, что военный долг мира в займах, заключавшихся обычно для военных надобностей, выражается приблизительно в сумме 37.000.000.000 долларов........ Проценты, выплачиваемые всем миром по его государственным обязательствам, составляют приблизительно 1.500.000.000 долларов в год, и около 2.500.000.000 долларов тратится ежегодно на постоянные армии и боевые суда» (общий итог *четыре* биллиона, не считая при этом потери *рабочей* силы).

Теперь сопоставьте следующие данные:

1) Ежегодная уплата процентов	1.500.000.000 долл.
2) Ежегодные затраты на армии и флоты	2.500.000.000 »
3) *Потеря рабочей силы* (растраченной, неиспользованной, погибшей) по меньшей мере 7.500.000 солдат, числившихся в составе постоянных армий и флотов всего мира в 1913 году, оцениваемая так: каждый сильный, отборный, вытренированный мужчина способен произвести (при современных машинах и методах) различных благ на 3 доллара в день, а в 300 дней в году на	6.750.000.000 »
Общая стоимость ежегодного мирового бремени милитаризма	10.750.000.000 »

Десять и три четверти биллионов долларов.

(См. стр. 281 и специальную выдержку на стр. 313).

Гора книг: 16.262.027 долл. (стр. 66).

Общее количество всех книг, собранных за 270 лет, предшествовавших 1909 г., в библиотеках 464 главнейших колледжей и университетов Соединенных Штатов оценивается по официальным сведениям в 16.262.027 долл.

(Обрати особенное внимание на следующий рисунок).

Стальная гора: первоначальная стоимость 15.000.000 долл. (стр. 68).

Ежегодная стоимость: 5% годовых на понижение стоимости броненосца—больше 750.000; растраченная, потерянная (неиспользованная) рабочая сила 1.000 отборных мужчин, по 3 доллара в день, за 300 дней—900.000; жалование, стол, одежда, практическая стрельба, огромнейшие расходы на «содержание» и т. п. свыше 600.000. Общий итог свыше 2.250.000 долларов. (Сравни с предыдущим рисунком).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Ад.

Отдел I. — Современные убойные машины.

А, так ты собираешься уже итти на рекрутский пункт, не правда ли? Ладно, но ведь у тебя еще есть масса времени, успеешь записаться завтра, да и впереди еще целых семь дней будущей недели! Не торопись подписывать свою фамилию под контрактом. Подожди немного—подожди по крайней мере до тех пор, пока ты не ознакомишься с первыми двумя отделами этой главы.

Быть-может, тебя лихорадит?

Тогда охлади немного свой пыл перед записью!

Вернись мысленно к шестидесятым годам и прочти три-четыре строчки из истории американской гражданской войны перед тем, как пойти записываться. Они приведены здесь со слов выдающегося авторитета, А. С. Болльса:

«Благородные порывы, увлечение воинственной лихорадкой скоро поостыли, и пришлось прибегнуть к поощрению записи в войска....... В 1861 году все проезжие дороги были переполнены добровольцами, стремившимися с жаром на фронт, но в 1865 они шли уже более медленным шагом, отдавая себе более ясный отчет в азартной игре, называемой войной».

Федеральное правительство стало с бо̀льшим рвением прибегать к ненавистному методу, именуемому вербовкой, когда молодежь поняла, что на самом деле значит для нее война.

А профессор Джон Мак-Мастер (Пенсильванского университета) выясняет, что даже горячая кровь молодых южан остывала до пределов самой умеренной температуры, по мере того, как увеличивались размеры избиения. Он говорит:

«Юг был вынужден прибегать к самым отчаянным средствам в поисках солдат. Сперва каждый юноша горел желанием ринуться на фронт. Но мало по малу..... пришлось принуждать людей силой вступать в ряды войск, пришлось «вербовать» их...».

Прочти в связи с этим слова великого воина Союза, генерала Шермана:

«Признаюсь без стыда, что я устал, что я чувствую отвращение к войне. Ее слава—просто лунный свет. Даже самый блестящий успех достигается ценою трупов и искалеченных тел, страданиями и стонами далеких семейств, требующих от меня отдать им обратно погибших сыновей, мужей и отцов. Только те, кто не слышал ни единого выстрела, кто не слышал стонов и воплей раненых и изувеченных, могут кричать о новом кровопролитии, новой мести, новом разрушении».

Чрезвычайно важно, чтобы ты мог составить себе точное представление о чудовищной смертоносности современных убойных машин, перед тем, как пойти записываться. С тех пор, как генерал Шерман высказал свое мнение об американской гражданской войне, о чем мы только-что упоминали, убойные машины усовершенствовались изумительно.

Во время последней русско-японской войны отдельные солдаты, как гласят официальные отчеты и передают очевидцы, получили до семидесяти огнестрельных ран— были изрешетены—разнесены на клочки—свинцом и сталью, выпущенными из современных убойных машин. Ознакомившись с этой главой и со следующими, ты перестанешь удивляться, почему «самые лучшие люди» не записываются на действительную службу на позициях.

Прочти внимательно: Во время одного Мукденского сражения (русско-японская война) была развита бо̀льшая энергия, более смертоносная сила, чем когда бы то ни было во время американской гражданской войны на протяжении всего фронта от Чизапик-Бэй до устья реки Миссиссипи, т.-е. на протяжении 1.200 миль. Во время одного этого сражения было убито за десять дней непрерывного боя более людей, чем за любые сто дней сряду во время американской гражданской войны: русские потеряли 25% из 400.000 человек, а японцы 12% из 500.000.

Я позволил бы себе порекомендовать вам, братья, даже стал бы настаивать, чтобы вы навестили перед записью в войска своего дорогого пастора и прочитали бы с ним весь этот отдел об «Аде», а потом задали бы ему вопрос, не предполагает ли он или его сыновья записаться на действительную службу на передовых позициях, на службу сабли, винтовки и штыка. А потом вам следовало бы перекинуться словечком по душе со своим любезным другом, со своим банкиром, который принимает на себя заботу о ваших капиталах. Прочитайте с ним эту главу и спросите его, пылает ли он нетерпением ринуться на фронт и убеждает ли он своих сыновей и зятьев быть готовыми ринуться на фронт вместе с ним для настоящего боя «в об'ятиях смерти», «среди огненного дыхания урагана», где сверкают сабли, свищут пули и грохочут пушки.

Кстати, много ли денег ты откладываешь в банк? Часто ли ты навещаешь запросто банкира в его изящном доме? Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть, как ухаживает за дочерью банкира или крупного заводчика бедный солдатик, получающий пятнадцать долларов в месяц?

Едва ли!

Поднимайся, мой брат по рабочему классу!

Эти передовые граждане важничают перед тобой и могут прожужжать тебе все уши неистовой и пышной болтовней о том, как сделаться «храбрым парнем у орудия», но в то же время они презирают тебя с общественной точки зрения. Но не вставай глупо «к орудию» и не становись «перед пушкой»—по крайней мере пока ты не изучишь, что такое пушка.

Современная первоклассная винтовка может дать двадцать пять выстрелов в минуту. Из такой винтовки можно пронизать насквозь 60 сосновых досок, толщиной в один дюйм каждая. Из нее можно убить человека на расстоянии четырех миль. Пуля, обладающая достаточной силой, чтобы пробить однодюймовую сосновую доску, может убить человека или лошадь. Произведенные опыты показывают, что наилучшие современные винтовки развивают такую силу, что пуля проходит через мишень, устроенную следующим образом: пятнадцать слоев коровьей кожи, шестнадцать однодюймовых сосновых досок и твердая буковая доска в один и четыре пятых дюйма. Пули, выпущенные из винтовок, употреблявшихся во время американской гражданской войны, принесли бы немного вреда, проникнув в тело или пройдя сквозь тело солдата в передней шеренге. Стоявшие во второй или в третьей шеренге были бы вполне защищены телами людей, стоящих впереди них. *Теперь все переменилось.* Пуля, выпущенная из наилучшей современной винтовки, проходит через пять лошадей с расстояния 27 ярдов; через четыре лошади с 220 ярдов; через две лошади с 1.100 ярдов. Даже так недавно, как во время войны 1870—71 гг. и войны 1877—78 гг., пули, выпущенные из винтовок, принятых тогда в германской армии, не могли пробить человеческого черепа на расстоянии 1.760 ярдов, т.-е. одной мили; но при современных наилучших винтовках можно прострелить толстые бычачьи кости на расстоянии 3.850 ярдов, приблизительно двух и одной пятой мили. Опыты показывают, что пуля из современной наилучшей винтовки может пройти через трех людей на расстоянии 3.900 футов и через пятерых людей на расстоянии 1.200 футов. Во время американской гражданской войны приходилось стрелять на длинные дистанции, целясь высоко, чтобы пуля описала параболу. Таким образом пуля не задевала всех тех предметов, которые были расположены на поле сражения между ружьем и тем предметом, в который целились. Современная пуля летит прямо по

полю на сотни ярдов почти без повышения прицела; она летит только при самом маленьком повышении прицела на полмили и больше, сметая на своем пути все, что попадется ей по дороге между дулом ружья и мишенью *).

Можно составить себе представление о смертоносности современной винтовки еще другим путем. Блох говорит:

«По данным прусского генерала Ронэ, сотня искусных стрелков выведет из строя целую батарею, стреляя с расстояния 88 ярдов в течение двух и двух пятых минуты, с расстояния 1.100 ярдов в течение четырех минут, 1.320 ярдов в течение семи с половиной минут, 1.650 ярдов в течение двадцати двух минут»....

«У новой винтовки Спрингфильда, — говорит Фицморрис,—дальность полета пули равняется пяти милям, пуля обладает начальной скоростью в 2.300 футов в секунду при выходе из ствола, т.-е. достаточной скоростью, чтобы пробить сосновое дерево толщиною в четыре с половиной фута».

«Привлекательность» войны возрастает, конечно, вместе с вероятностью, что более высокая меткость неприятеля увеличит шансы каждого на получение в лоб некоторой «привлекательной» вещи. Точность стрельбы быстро улучшается благодаря непрерывной практической стрельбе, в которой упражняются во всех больших армиях мира. М-р Райт, бывший военный министр, говорит:

«Результаты практической стрельбы по мишеням за 1907 и 1908 гг. показывают, что средняя величина попаданий батареи быстро возросла... В 1906 г. количество попаданий увеличилось приблизительно в шестнадцать раз по сравнению с результатами, полученными в 1900 г. при стрельбе из такой же пушки, за такой же промежуток времени и при одинаковой дистанции».

Деликатное тело крупного дельца ни при каких обстоятельствах не будет служить мишенью для точно нацеленных пуль, выпущенных из современной винтовки. Ведь его тело особенно чувствительно и драгоценно. Да и кроме того, в этом нет никакой надобности: он может купить тело обыкновенного человека из рабочего класса, чтобы останавливать пули этим телом, приобретенным очень и очень

---

*) См. Ж. Блох, «Будущее войны»—это чрезвычайно ценная книга, она заключает в себе массу информаций относительно различных фаз войны при современных условиях.

дешево, заменяя им свое собственное. Так-то будет гораздо лучше думает крупный делец, и, разумеется, рабочий люд вполне с ним соглашается, как и вообще он соглашается с дельцами почти по любому другому вопросу.

Датская винтовка «Рексера»—еще один инструмент, годный для использования во время войны, а также и для умиротворения голодного народа во время забастовки. Винтовка «Рексера» весит всего лишь восемнадцать фунтов, снабжается она малокалиберными патронами очень большой силы; в действие она приводится легко и точно при помощи ручного переносного «станка»; ее можно очень удобно перевозить на лошади; продвигать быстро вперед на короткие дистанции, что может делать пехота; из нее можно стрелять с промежутками или, если требуется, открывать непрерывный огонь, выпуская по 300 пуль в минуту, просто лишь нажав собачку. Полк солдат или милиционеров, вооруженных такой винтовкой, мог бы уложить в течение двадцати минут один миллион пятьсот тысяч благоденствующих тунеядцев, открыв огонь по рядам диких голодных забастовщиков или безработных и выпуская только по 75 пуль в минуту. С такой винтовкой десять милиционеров могли бы «успокоить» пять тысяч забастовщиков, сделав двадцать пять тысяч выстрелов за десять минут.

Усовершенствованная убойная машина, именуемая пулеметом Максима, может выпустить в минуту 700 пуль, которые убьют человека на расстоянии полуторых миль, которые умиротворят забастовщика на расстоянии двух миль. Пулемет Гатлинга, снабженный электромотором, выпустит 1.800 смертоносных пуль в минуту.

«Пулемет Гатлинга, — говорит Моррис, — применяется теперь в усовершенствованном виде во всем мире. Он состоит из ряда ружейных стволов, расположенных вокруг центральной оси и приводимых во вращение при помощи рукоятки. В магазине имеются запасные патроны, которые опускаются вниз и входят в зарядную часть один за другим по мере того, как вращаются стволы. В последних улучшенных моделях это заряжение происходит с такой быстротой, что пулемет может делать до 3.000 выстрелов в минуту... Пулеметы предназначаются для действия против людей».

Один современный пулемет Гатлинга может разнести в дребезги в течение пяти минут забор из досок с расстоя-

ния мили и с такой же дистанции он может в семь минут скосить сосновый столб в фут толщиной.

Не записывайся же до будущей недели!

Ничего нет удивительного в том, что политические деятели и крупные дельцы «слишком заняты», чтобы итти рядами на передовые позиции—из патриотизма. И, конечно, им не хочется, чтобы их сыновья и зятья шли под самые пулеметы, изрыгающие смерть, шли под самый огонь современных убойных машин—из одного патриотизма.

Если сосредоточить огонь батареи современных пулеметов Гатлинга, скрытых, стреляющих бездымным порохом, расположенных в миле расстояния, чтобы звук стрельбы не был слышен, или снабженных бесшумными приборами Максима, если сосредоточить огонь такой батареи на полку, причем каждый пулемет выпускал бы тысячу пуль в минуту по обнаруженному врагу, то получилось бы вот что: этот полк растаял бы под влиянием невидимого и неслышного дуновения смерти.

Генерал Вильям Дюваль, состоящий на службе в военном штабе Соединенных Штатов и в военном колледже, считает, что бесшумные приборы Максима для огнестрельного оружия «произведут такой же переворот в военном искусстве, как бездымный порох. В психологическом отношении такая пушка удвоит страх, внушаемый неприятелем, в руках которого находится подобное оружие... Страх перед врагом... по крайней мере увеличится вдвое».

Приказать рабочему классу итти на войну при современном огнестрельном оружии—это все равно, что приказать рабочему изготовить пушку, зарядить ее, выкопать себе могилу, залезть в пушку, завопить: «Ура в честь смерти!» и затем выпалить из орудия.

Чтобы получить точное представление о действии современной убойной машины, пожалуй, будет лучше всего, во всяком случае безопаснее всего, прочитать, что производят такие орудия на самом деле на поле сражения, каким свинцовым и стальным ливнем, потоком, ураганом низвергаются они на ряды людей. Мирной пропаганде оказывают могущественную услугу такие книги, в которых излагаются вполне точные впечатления от войны, в которых рассказы-

вается обо всем, что было видано (и перечувствовано) на поле битвы при применении современного оружия. Из таких книг отметим особенно выдающиеся: «Люди-пули» Т. Сакураи, автор—японский солдат; «Порт-Артур: Чудовищный героизм», Ричарда Барри; «Красный смех», Леонида Андреева; «Разгром», Эмиля Золя; «Будущее войны», Жана Блоха.

Ниже приведены отрывки из только что отмеченной мимоходом яркой книги такого типа, «Люди-пули», трактующей о русско-японской войне:

«Зловещий ужас ее (битвы) можно наблюдать лучше, когда схватка закончена. Тень беспристрастной Смерти посещает одинаково и друга и врага. После окончания отвратительного истребления бесчисленные трупы, покрытые кровью, лежат ничком на траве и между камнями. О какой глубокой философии вещают их хладные лица! Когда мы увидали под Нань-Шанем мертвецов, мы не могли удержаться, чтобы не закрыть глаз от ужаса и отвращения... Некоторые были поражены в голову и лицо. Их мозги смешались с пылью и землей. Внутренности были вырваны, и с них капала кровь... У некоторых были спрятаны на груди фотографии жен и детей, и портреты эти были забрызганы кровью... После сражения мы захватили несколько поврежденных пулеметов. Мы их очень боялись... Он может так разбрызгивать свои пули, как поливаются улицы из водопроводной кишки. Он может покрывать большее или меньшее пространство, стрелять на бо́льшую или меньшую дистанцию, как пожелает наводчик... Если кто-нибудь попадет под огонь этой страшной истребительной машины, то три или четыре пули могут попасть в одно и то же место, образуя огромную рану... А звук, производимый им... он похож на стук ткацкого станка! Это отвратительный, страшный звук! Русские видят в пулемете своего лучшего друга. И действительно, как средство защиты, он приносит большую пользу. Они удивительно ловко обращаются с этими пулеметами. Они ждут, пока наши не подойдут к ним совсем близко, на какие-нибудь четыре или пять кен, и вот в ту минуту, когда мы готовы закричать с триумфом: «банзай», эта страшная машина начинает сметать нас губительным веником, и в результате груды и горы мертвых тел... После этого боя мы нашли одного солдата... в него попало не менее сорока семи пуль... Другой сол-

дат из соседнего полка получил свыше семидесяти ран. Эти примеры доказывают, какой разрушительной силой обладает пулемет. Врачи не могли определить границы отдельных ран: так их много бывало на одном теле, поэтому они изобрели новое название (новый термин): «все тело в виде пчелиных сотов от пулеметных ран»... Больше всего мы страдали всегда от этого пулемета... Тела павших храбрецов лежали грудами друг на друге, и кровь их стекала потоками по долине. Разбитые в дребезги кости, куски мяса, потоки крови смешались со сломанными саблями и расщепленными винтовками. Что может быть отвратительнее этого зрелища! Мы перепрыгивали или перешагивали через наваленные тела и шли вперед, зажав себе носы. С каким горем мы наступали на тела наших павших героев! Что за ужасная картина! Их трупы были навалены в два, в три и даже в четыре ряда... Зловещий стон вырывался из уст раненых, погребенных под грудами мертвецов. Когда эта храбрая атакующая колонна бросилась на неприятельские форты, наступая на трупы своих павших товарищей, страшная и умелая стрельба из пулеметов сразила их всех, у самых фортов, нагромоздив убитых на раненых... Спустя немного времени... снаряды начали быстро рваться над нашими головами. Вокруг нас падали разрывные пули, вздымая кверху и кровь и дым. Ноги, руки и шеи были разрублены и валялись повсюду черными пятнами. Я закрыл глаза...».

Как безгранично презирают хозяева мира тружеников, которых они посылают в такой, насыщенный кровью, ад! Шекспир так говорит о презрении господина к крови и телу простого солдата:

«Цыц, цыц; достаточно хорош, чтобы выбросить; пища для пороха, пища для пороха; ими как нельзя лучше можно заполнить яму».

А вот бросим взгляд на сражение под Седаном:

«Пусть наши читатели представят себе кучи разноцветных лохмотьев, склеенных кровью и мозгами, принявших самые странные образы от осколков костей. Пусть они вообразят людские тела без ног и ноги без тел, груды человеческих внутренностей, тянущихся за красными или синими мундирами, распотрошенные трупы в форме, тела, лежащие вокруг во всевозможных положениях, с расколотыми черепами, вырванными лицами, раздавленными бедрами.

кости, мясо и цветное сукно—все раздроблено, все словно истолчено в ступке. И это тянется на целые мили, не в очень большом количестве на каждом данном пространстве, но встречается все время в продолжение целого ряда тоскливых часов. Вот даже тогда читатели не смогут представить себе при самом живом воображении отвратительную действительную картину такой бойни» (сражение при Седане 1870 г.).

Установлено с полной достоверностью, что современная артиллерия способна причинить в сто шестнадцать раз больше вреда, чем артиллерия, применявшаяся германской армией в 1870 году. Даже такой простой прибор, известный под названием дальномера, чрезвычайно увеличивает успешность действия—он дает солдату возможность определить дистанцию в течение трех минут и затем немедленно засыпать людские мишени смертоносными снарядами. Этот прибор весит всего около шестидесяти фунтов и быстро совершенствуется. Одна батарея современной артиллерии может засыпать 1.450 снарядами десять пехотных полков, пока они успеют пройти полторы мили. Эти 1.450 снарядов при дистанционных трубках, поставленных на разрыв и поражение цели, сметут десять тысяч человек своими 275.000 пуль и осколками разорванных на части стаканов. Блох говорит:

«В 1870 году обыкновенная граната разрывалась при взрыве на 19—30 кусков. Теперь она разрывается на 240 частей. Шрапнель разбрасывала в 1870 году только 37 смертоносных пуль. Теперь она выбрасывает 340. Бомба, весившая около 70 фунтов, разрывалась тридцать лет тому назад на 42 осколка. Теперь, будучи снаряжена пироксилином, она разрывается на 1200 частей, каждая из которых летит с гораздо большей быстротой, чем более крупные осколки, разлетавшиеся при взрыве обыкновенного пушечного пороха. Считается, что такая бомба может уничтожить все живое в пределах 200 метров от места разрыва.... С увеличением числа пуль и осколков и с возрастанием сил, которые их разбрасывают, увеличивается также и площадь поражения. Осколки и пули несут смерть и разрушение не только для тех, кто находится вблизи взрыва, как в 1870 году, но на расстояние до 220 ярдов, причем выстрел может быть сделан с дистанции в 3300 ярдов (около двух миль)... В то время, когда

ружейный и артиллерийский огонь были вне всякого сравнения гораздо слабее, чем теперь, оставшиеся без помощи на полях сражения могли еще питать надежду на спасение. Но теперь, когда все поле сражения непрестанно покрывается градом пуль и осколков снарядов (даже ночью, потому что ныне пользуются прожекторами), остается слишком мало шансов для такой надежды».

Без сомнения, ты мог легко заметить, что мягкое, упитанное тело дельца не годится для того, чтобы задерживать пули. Вот здесь-то и идет в дело смиренный, слабый раб заработной платы— *настоящий материал для задержки пуль.*

В связи с этим вопросом запомни, что пуля, выпущенная из современной винтовки или пулемета Гатлинга, получает вращательное движение свыше 3800 оборотов в секунду. Это вращательное движение производит эффект взрыва, когда пуля ударяет в желудок, мочевой пузырь или сердце, т.-е. в те органы, где есть жидкости. Действие взрыва ужасно: со страшной силой «жидкости разбрызгиваются в разные стороны от разрушительного действия взрыва» (Блох).

Конечно, делец знает, что *его* тело никогда не разлетится на части от такой страшной штуки. Во всяком случае ему не приходится бояться. Он не пойдет на войну. Вместо себя он пошлет дешевого наемника, раба заработной платы. Он знает, что в положении дешевого рабочего, живущего на заработную плату, нет никакого различия по сравнению с наемным рабом, рабочий—раб из рабочего класса.

Ах, мой читатель из рабочего класса, различие *будет*, когда рабочий класс станет настолько горд и настолько проницателен, чтобы об'явить смело, что различие *есть!* Делец слишком горд и слишком проницателен, чтобы подставлять себя под современные машины, рвущие тело на части.

Не спеши записываться, брат! Подожди еще несколько дней! И через три недели не будет поздно. Ведь «самые *лучшие* люди» в твоем городе не спешат записываться! Разве ты не понимаешь, в чем дело? Прежде, чем записаться, прежде чем советовать записаться своему сыну или младшему брату, постарайся прочесть несколько книг, описывающих настоящую войну при усовершенствованных убойных орудиях. Блестящий военный корреспондент, Ри-

чард Барри, так описывает современную военную бурю в своей книге, посвященной описанию русско-японской войны—«Порт-Артур: Чудовищный героизм».

«К трем часам было получено второе приказание перейти в наступление... почти 15.000 человек у самого заграждения... теперь они пробиваются через него (проволочное заграждение)... полунагие, дикие, завывающие, даже японский стоицизм истощился. Вот они уже добрались до самого бруствера первых окопов. Они хлынули на него и ударяются о бруствер, как злые волны бьются о скалистый берегъ... Меткие стрелки выбивают офицеров, падающих, как мухи, которых сгоняют с патоки... Снова бросаются они, уже в десятый раз... Так они схватываются врукопашную, обливаются пòтом и кровью, кричат, умирают. Налет культуры слетает с такой же легкостью, как змея меняет свою кожу; они плюют друг в друга, грызутся, царапаются и душат, как их предки в незапамятное время... Стоимость! Обратившиеся в бегство оставили в *четырех окопах пятьсот трупов.* Другая сторона заплатила *в семь раз больше*—убитыми и ранеными—чтобы перевернуть страницу мировой истории войны, имя которой—Нань-Шань... Госпитальное судно каждый день отплывает в Японию, увозя от 200 до 1000 человек... Я лежал под жгучими лучами солнца, наблюдая, как солдаты кидались толпами на колючую проволоку под огнем пулеметов... только для того, чтобы растаять, как разлетается мякина от дуновения ветра... Саперы были встречены смертоносными брызгами Максима (пулеметов)... пулемет трещал, и глина сыпалась над моей головой. Я перенесся мысленно в котельную мастерскую или старался представить себе автоматическую клепальную машину. Из всех военных звуков звук стреляющего пулемета менее всего поэтичен, более всех неумолим... Полк стремительно отступал под огнем пулеметов, оставив *половину своего состава* на склонах... Осыпаемый со всех сторон, обманутый, разбитый, потерявший *две трети людей ранеными или убитыми...* потому что из этой (другой) бригады из 6000 человек осталось... невредимыми около 640... Мало того, при устройстве траншей... *приходилось пользоваться трупами для возведения* импровизированных *стен... Мертвецами пользовались*, чтобы скорее возвести валы... Скоро показалась заря, а с нею начался ад. Сражение возобновилось. В поле его

зрения было свыше сотни трупов и вдвое больше раненых. Стоны поднимались отовсюду, как пузыри кипящей жидкости. Оружие лихорадочно отбрасывалось. Спины сгибались в отчаянии... Почти доведенный до сумасшествия жаждой и голодом, он (раненый солдат, оставленный без помощи на поле сражения в течение нескольких дней) наконец разрезал кровеносные сосуды у трупа одного из своих недавно умерших товарищей и этим жил (т.-е. сосал кровь из трупа товарища?). Он нашел червей, копошившихся в ранах ног. Он разорвал рубашку у какого-то трупа и перевязал раны... Как похоже на живое существо воет снаряд—словно какой-то дикий зверь, в бешеном порыве вонзающий в землю и скалы кровожадные клыки, терзающий багровое мясо свирепыми когтями и обжигающий своим зловонным дыханием ядовитого пороха порывы осеннего ветра!.. Всю дорогу вверх от подножья холма... их почти не тревожили, поэтому они осмелели. Но русский генерал... приказал своим людям не открывать огня, пока мы не подойдем на расстояние прямого выстрела, и тут встретить нас пулеметами... Прицел был настолько верен, а огонь так силен, что *почти две трети команды было скошено сразу*... Затем начали бить пули. Это был совсем иной удар, чем слышанный нами до сих пор, и хотя я никогда не слышал раньше, с каким звуком проникает пуля в тело, но я не мог ошибиться в звуке. Пуля проникает в землю с резким и сердитым звуком, а в тело с треском и болезненно, с всплеском, словно грязь от копыт лошади шлепает в лицо... Парапеты четырех фортов ожили от взрывающейся шрапнели. Каждую минуту их взрывалось по сотне (по пятнадцати долларов золотом за штуку). Воздух над ними был черен от газов нитроглицерина, развиваемых снарядами, а дувший ветер... поднимал огромные количества пыли... Нет, нельзя рассказать правду о войне. Она слишком ужасна. *Публика не станет слушать.* Белая повязка на лбу с земляничным пятнышком посредине—вот в каком виде им нужен раненый. *Они не позволят вам поведать им всю правду* и показать вывороченные внутренности, вышибленные мозги, вырванные глаза, лица, побелевшие от ужаса... Арчибальд Форбс предсказывал двадцать лет тому назад, что наступит время, когда армии уже не смогут убирать своих раненых с полей сражения. Этот день настал. Мы уже живем в это время

Раненые выживали—Бог знает, как—на этом поле, оставаясь без всякой помощи в течение двенадцати дней, между тем как снаряды и пули сыпались дождем вокруг них, и если бы какой-нибудь товарищ осмелился пойти к ним на помощь, то это было бы бесполезным самоубийством. Прожекторы, научное оборудование траншей, пулеметы, винтовки с прямым прицелом на 200 ярдов и с дальностью поражения свыше 2000 ярдов—все это способствует тому, что война сделалась более ужасной, чем она была когда-либо раньше в истории. Общества Красного Креста и научные учебные руководства... они продаются хорошо и выглядят нарядно, но что касается «гуманного ведения войны», то был ли когда-либо вложен в какие-нибудь слова более едкий сарказм!».

Прочти всю приводящую в содрогание книгу г. Барри и ты поймешь тогда, почему спесивые «самые лучшие люди», презирающие рабочий класс с общественной точки зрения, не идут сами в самую гущу грязного и кровавого ада, называемого войной.

Во время русско-японской войны в одном только госпитале находилось на излечении 275 офицеров и 1.349 нижних чинов, сошедших с ума. Д-р Автократов говорит:

«Как можно было предвидеть заранее, в случаях острого умопомешательства, в частности в случаях неврастении и в сомнительных случаях, влияние войны придает характерную окраску мозговым симптомам, когда наблюдаются особенно часто явления панического ужаса с галлюцинациями, во время которых больным представляются взрывающиеся снаряды, преследование врагов, разлагающиеся трупы и т. д.»

В специальной телеграмме, помещенной в номере нью-йоркского «Times» от 11-го декабря 1909 г., читаем:

«Целый вагон сумасшедших солдат с Филиппин проследовал сегодня через Питтсбург (Пенсильвания). Вагон следует под надзором майора Кеннеди, который сопровождает больных от тихоокеанского побережья до Вашингтона».

Солдаты—участники американской гражданской войны—не пользовались—даже и не слыхивали об ужасных взрывчатых веществах нынешнего века. Мелинит, динамит, кордит, индурит, моторит, экразит, пироксилин и другие взрывчатые смеси чрезвычайно увели-

чили действующую силу современного оружия и таким образом увеличили опасности современного поля сражения.

М-р Чарльз Моррис так описывает динамитную пушку:

«Хотя динамитная пушка имеет в длину сорок футов, но так как при ней применяется обычно сжатый воздух, то ствол ее сделан из $^3/_8$″ железа и вставлен в медную трубу толщиной в $^1/_8$″. Снаряд сделан из меди, длина его—40 дюймов, вращательное движение он получает благодаря спиральным флюгаркам, укрепленным у его основания. Снаряд снабжается конической чугунной головкой длиною в двенадцать дюймов. На испытании в 1895 году снаряды бросались на две тысячи пятьсот ярдов, а один снаряд, начиненный ста фунтами динамита, был брошен на расстояние двух миль. Точность попадания была большая. Морские офицеры взирают с ужасом на это страшное оружие».

Сообщая о современных взрывчатых веществах, Блох говорит, в общем, следующее: при выстреле из орудия, заряженного таким взрывчатым веществом, развивается столь огромная энергия, что орудие вместе с прислугой и лошадьми [? *Перев.*] откатывается на значительное расстояние. В одном случае, когда снаряд взорвался, благодаря простой случайности, об'ясняемой волнением прислуги, тело орудия разбилось на двадцать кусков, лафет и колеса были превращены в груду бесформенных осколков стали и дерева; отдельные части исковерканной пушки «доходили весом до 363 фунтов и отлетели на 99 ярдов вперед и назад от того места, где был произведен выстрел, и приблизительно на 108 ярдов в обе стороны». Он советует обратить особенное внимание на опасности, которые связаны с нахождением таких взрывчатых веществ на поле сражения. По его словам:

«Несмотря на расстояние между орудиями, *одиночный взрыв может распространиться на несколько орудий со всеми их патронами.*

«Артиллерийские зарядные ящики ставятся неподалеку от батареи. Если они не взорвутся от сотрясения воздуха, то взрыв может легко произойти, если в ящик попадет какой-нибудь тяжелый осколок».

Взглянем на минуту, что представляет собою новый род бури— возможный динамитный шторм.

Если выстрелить из винтовки в динамитный патрон, то он взорвется. Если случайно попасть из винтовки, обладающей большой мощью, в завод, на котором выделывается динамит, то таким выстрелом, даже на расстоянии одной мили, можно легко разрушить весь завод и уничтожить одновременно с этим все живое в пределах сотен ярдов от завода—так велика сила динамитного взрыва. То же самое может произойти и на тех заводах, где выделываются другие страшные взрывчатые вещества, предназначаемые для употребления на полях сражений. Нахождение подобных взрывчатых веществ в ящиках на поле сражения создает, конечно, возможность возникновения колоссальной опасности, *и тысячи людей могут быть уничтожены своими собственными снарядами.* Одна стальная пуля или один снаряд, выпущенные из современного орудия высокой действующей силы и попавшие в ящик с бомбами или снарядами, которые обыкновенно снаряжаются взрывчатым веществом громадной силы,—одна такая пуля или один такой снаряд могут взорвать зарядный ящик и все вокруг предать смерти, так как эти снаряды будут взрывать другие зарядные ящики, а те в свою очередь вызовут взрыв третьих и т. д., что *создаст нечто в роде ада по всем направлениям.* Ужасно, страшно подумать, что могут причинить современные взрывчатые вещества высокой силы, употребляемые для боевых припасов. Предположим, на поле сражения находится десять тысяч человек, и вдруг происходит взрыв от того, что какой-нибудь снаряд ударил в зарядный ящик. За этим взрывом может последовать целый ряд взрывов. Первый взрыв, происшедший всего от одного выстрела, может переброситься с первой взорвавшейся гранаты на следующую и так далее, причем взрывы будут происходить с поразительной быстротой. Громовые взрывы вызовут целый вихрь разлетающихся во все стороны обломков дерева и осколков стали, кусков железа, пушечных стволов, лафетных колес, разорванных на части трупов, клочков мяса, крови и костей исковерканных лошадей и людей—ураган безнадежного и отвратительного смятения, положительно неописуемая жатва смерти. Тысячи храбрых юношей с ферм, заводов, рудников и из разных промышленных предприятий были бы буквально снесены с лица земли своими же собственными военными припасами.

Что это было бы за место («самая гуща») для «выдающихся граждан»—для банкиров, священников, проповедников, епископов, сенаторов, законников и генералов-от-промышленности! Ураган крови и стали! Нет, брат, о, нет! Для таких слабогрудых патриотов не бывает никаких динамитных бурь. Едва ли бывают! Есть сколько угодно «обыкновенного» мяса и «обыкновенной» крови «простого народа», которую можно дешево купить, до гнусности дешево.

Представь себе на минуту, какие страшные возможности открываются перед воздушным кораблем, на котором поставлен легкий пулемет с хорошим запасом патронов или на котором находится от 1.000 до 1.500 фунтов динамита, когда такой корабль парит над армией, городом и флотом. Воздушный корабль—еще очень новое, но уже достаточно усовершенствованное средство, чтобы пользоваться им на практике для оптового уничтожения врага таким путем. В марте 1909 г. управляемый воздушный корабль графа Цеппелина, имеющий 445 футов длины, с диаметром в 50 футов, поднимающий три мотора, прожектор и двадцать пять человек экипажа, из коих пятнадцать солдат, покрыл расстояние в сто пятьдесят миль, делая почти сорок миль в час. Изобретатель и знаток взрывчатых веществ высокой силы Гудзон Максим, изобретший также истребитель миноносцев, бесшумный прибор для пушек и т. п., в таких выражениях говорит о роли воздушного корабля в качестве боевого аппарата:

«Перед крейсером откроется широкое поле для развития операций по применению взрывчатых веществ высокой силы, которым будет снабжаться воздушный корабль. Воздушные крейсера будут иметь возможность производить в широком масштабе разрушение незащищенных внутренних местечек и городов, уничтожать железные дороги, взрывать мосты, арсеналы, государственные склады, погреба и пороховые заводы и брать выкуп с разных состоятельных учреждений... Во время будущих войн фронтом битвы будет небесный свод, и через всю огромную арену будут пролетать с воем и ревом смертоносные снаряды. А искусные стрелки с умолкнувшими винтовками будут устраивать засады в кустарниках, у каждого плетня и на больших дорогах».

А вот прочти это:

«Германский управляемый воздушный корабль только-что покрыл 2.040 миль в 34 часа, и топлива осталось еще на 16 часов. Другой

дирижабль пролетел через всю Германию, делая 65 миль в час. Еще один морской цеппелин пролетел 1.067 миль в 31 час, почти всю дорогу при таком густом тумане, что дирижабля не было видно с земли.

«Новый итальянский полужесткий дирижабль может делать 62 мили в час. Из числа итальянских полужестких дирижаблей пять могут покрывать расстояние радиусом в 620 миль.

«Французский аэроплан пролетел по ветру от Лондона до Парижа—222 мили—в два часа и 50 минут.

«Германский военный дирижабль бросал с высоты 5.000 футов бомбы, способные разрушить все в пределах радиуса в 250 ярдов. Бомбы все время попадали в цель в пределах круга в пятнадцать футов диаметром.

«Цеппелин V попал в мишень с высоты 6.000 футов.

«Полковник в отставке Исаак Н. Льюис, С.-А. С. Ш., усовершенствовал ружье, испытание которого, имевшее место как у нас, так и в Европе, дало замечательные результаты. Лейтенант бельгийской армии Стиллингвельф, открыв огонь из этого ружья с биплана Грэхэма-Уайта, попал в тридцатифутовую мишень одиннадцать раз из пятнадцати при скорости аэроплана в пятьдесят миль в час. Ружье может дать максимум 750 выстрелов в минуту».

Теперь взглянем на более крупное орудие.

«Наступит время,—сказал Виктор Гюго,—когда будут показывать пушку в музеях, как показывают теперь орудия пыток, и публика будет удивляться, как могла существовать такая вещь».

Новое 14″ орудие выбрасывает снаряд, весящий 1.600 фунтов. Если использовать орудие в максимальных размерах, то через шесть с половиной часов оно будет выведено из строя,—так страшно изнашивается оно от действия на него сильнейших зарядов. 16″ орудие морской обороны, которое было выставлено в 1904 году на «всемирной ярмарке» в С.-Луи, обладает, как гласило официальное описание, «энергией, развиваемой снарядом при вылете из дула... в 76.904 тонно-футов».

«Храм Масонов в Чикаго, являющийся до самого последнего времени величайшим из всех храмов мира, весит 30.000 тонн. При выстреле из 14″ орудия развивается энергия, достаточная для того, чтобы поднять такой храм на высоту двух футов в течение

одной секунды. Силы одного залпа восьми таких четырнадцатидюймовых орудий было бы достаточно, чтобы поднять это здание на высоту шестнадцати футов всего в одну секунду».

Правительство Соединенных Штатов обладает 16-ти-дюймовой пушкой; она может бросить снаряд, весящий 2.000 фунтов, на расстояние максимум двадцати одной мили, но действительная дальность ее действия—двенадцать миль. Из этого орудия стреляли четыре раза.

А теперь вообрази себе смертоубийственную машину 50-ти футов в длину, весом 260.000 фунтов, потребляющую 612 фунтов бездымного пороха на один заряд, выбрасывающую снаряд, который весит 2.400 фунтов и пронизывает 23,5 дюймовую плиту крупповской стали, и стреляющую почти на девять миль,—чудовищную убойную машину. Правительство Соединенных Штатов выставило такую пушку на «всемирной ярмарке» в С.-Луи в 1904 году — выставило это образцовое произведение ада с гордостью, истинной христианской дикой гордостью.

Это огромное орудие было выставлено с коварной целью.

Для чего?

Многие юноши из христианских семейств смотрели на это механическое чудовище и становились сами чудовищами — в глубине сердец своих стремящимися на бойню, «не только желающими, но горящими нетерпением сражаться».

Умерщвление людей сделалось наукой. Машины достигли совершенства и они готовы, они в полной готовности, чтобы *рабочий* класс начал применять их—на рабочем классе.

Отдел II.—Молчаливый истребитель—болезнь.

У тявкающей винтовки, ворчливого пулемета и бухающей пушки есть еще один союзник на поле сражения—гнусный и могущественный союзник: болезнь. Болезнь нападает и отравляет ту кровь, которую не пролило оружие. По этому важному вопросу здесь приводится свидетельство эксперта, которое читатель сумеет оценить.

«Во время всякой большой кампании,—говорит Л. Л. Симэн,—армия становится лицом к лицу с двумя врагами: первый враг—это вооруженные силы противника со всевозможными орудиями для

истребления людей, с ним встречаются время от времени в открытом бою; второй—скрытый враг, таящийся в каждом лагере, призрак, который собирает свои жертвы, пока солдат дремлет в казарме или на бивуаке, великий молчаливый враг—болезнь. История войн за столетия показывает, что при затянувшихся кампаниях из этих двух врагов первый, или явный враг, убивает 20% всех погибших на войне, тогда как второй, или тайный, убивает 80%. Другими словами, из каждых ста человек, павших на войне, двадцать умирают от случайностей сражения, а восемьдесят погибают от болезней..... Вот в этих то условиях и заключается истинный ад войны... Во всяком случае, одно здоровье совершенно не гарантирует от коварных нападений молчаливого врага, таящегося в каждом лагере, на каждом бивуаке. Этот-то враг и ответственен, как доказано историей войн за последние двести лет, за вчетверо большее количество смертей, чем причинили их неприятельские пушки, не говоря уже о громадном числе выбывших из строя временно или уволенных со службы за неспособностью к исполнению своих обязанностей... Во время русско-турецкой войны смертных случаев от случайностей сражения было 20.000, а от болезней 80.000. Во время нашего великого гражданского столкновения... 400.000 пали жертвами болезни на 100.000 погибших от случайностей сражения. За недавнюю французскую кампанию на Мадагаскаре было отправлено на фронт 14.000 человек, из коих 29 было убито в сражениях и свыше 7.000 погибло от болезней, которые можно было предотвратить. Во время бурской войны в Южной Африке потери англичан от болезней превышали в десять раз потери от пуль неприятеля».

Во время нашей недавней войны с Испанией на каждого человека, погибшего на передовых позициях или умершего от последствий ранения приходится четырнадцать жизней, бесполезно принесенных в жертву невежеству и неосведомленности.

«У нас было в нашей испанской армии:

170.000 человек,

156.000 госпитальных больных за три месяца,

3.976 смертных случаев.

«Большинство остальных солдат, находившихся в строю, было в ослабленном состоянии и здоровье их ухудшилось, как, вероятно,

помнит читатель. Наша армия, предназначенная для высадки, имела 20-ти-тысячный состав; в 1908 г. было 24.000 пенсионеров; из этих 24.000 свыше 19.000—инвалиды и ветераны войны; кроме того рассматривается еще свыше 18.000 претензий».

Вот свидетельство Теодора Рузвельта:

«Наша армия на Кубе в значительном большинстве своем состояла из регулярных войск и являлась поэтому цветом американских сил... Все офицеры, кроме меня самого, за одним исключением, переболели в то или другое время... Положительно, очень немногие из нижних чинов сохранили свою силу и энергию... меньше пятидесяти процентов годилось для какой бы то ни было работы».

Как на истребителя, указывается на болезнь и в данных, почерпнутых у Гольца, который приводит интересные факты. Из сообщения его мы цитируем здесь несколько строк:

«Ужасно видеть поезда, переполненные больными солдатами, эвакуируемыми из армии... Потери от болезней почти невероятны. Достаточно привести один пример, чтобы доказать, что такие потери могут поставить на карту все успехи. Санитарное состояние германской армии во Франции в 1870 году было очень благоприятным, инфекционных болезней совершенно не было, тем не менее 400.000 человек перебывало в госпиталях за время кампании, кроме тяжело раненых».

Аничков удостоверяет, что

«В такой богатой стране, как Франция, при таком роскошном климате, армия потеряла вчетверо больше людей от болезней, чем на поле битвы (Франко-прусская война 1870—71). Ясно, что сила современного оружия... представляет меньшую опасность, чем инфекционные и другие болезни, неразрывно связанные с суровыми условиями жизни громадных армий».

Анонимный автор, цитированный на одной из предыдущих страниц, советует обратить внимание на вопрос, имеющий в связи с указанным выше чрезвычайно большое значение, а именно на уменьшившуюся возможность убирать раненых с поля сражения и в соответствии с этим увеличившийся ужас для тех, кто лежит израненый, лихорадящий, лишенный помощи на поле битвы, освещаемом по ночам прожекторами и поливаемом из пулеметов не только в течение всего дня, но и всю ночь, вследствие чего быст-

рое спасение и хирургическая помощь становятся невозможными. Он пишет:

«Одной из наиболее ужасных отличительных черт будущих сражений будет контраст между чрезвычайным усовершенствованием медицинской службы и увеличившейся трудностью, несмотря на Красный Крест, подать помощь раненым... Он заключает (д-р Бардслебен, бывший главным хирургом прусской армии во время франко-прусской войны), что вся система уборки раненых во время сражения на носилках должна быть оставлена, как совершенно неприменимая. Мне кажется, что в общем это верно, как показал опыт. Но теперь битвы тянутся неделю или десять дней. Конечно, под покровом ночи нужно что-нибудь сделать—хотя обычай сражаться ночью распространяется все больше и больше... Возможно, что, несмотря на все улучшения в медицине и амбулаторной помощи, страдания раненых во время великих манджурских битв и при осаде Порт-Артура были столь же ужасны, если не еще ужаснее, чем страдания раненых в любую из войн последнего времени».

Здесь следует особо подчеркнуть для сведения молодых людей, кто предполагает вступить в армию, что, несмотря на вопиющее преступление против бедных солдат нашей армии во время войны на Кубе, заключавшееся в преступно-недостаточной медицинской службе, наши великие и невероятно патриотически настроенные сановники, так горячо любящие простых солдатиков, за двенадцать лет со времени войны не сделали никаких соответствующих приготовлений, чтобы предотвратить второе такое преступление. Пусть приводимая ниже выдержка послужит доказательством такого утверждения:

«*При условиях существующей организации невозможно будет предотвратить развал медицинского департамента* в случае войны, влекущей за собою мобилизацию добровольных сил, и нельзя будет сохранить в запасе необходимое количество регулярных медицинских чинов для принятия в отношении этих добровольных сил современных санитарных мер, столь жизненно-важных для здоровья и действующей силы войск, без чего будут ненужные страдания и в результате—разгром» («Ежегодный отчет» военного министра Вильяма Тафта—1907 г.).

А вот что говорит нью-йоркский «Times»:

«Количество больных, прошедших через госпитали американской армии, равняется теперь (в мирное время) 1.250 на 1.000 человек в год. «The British Annual» замечает, что это невероятное отношение гораздо выше, чем во французской, германской и австрийской армиях, тогда как госпитальные списки британской армии показывают всего лишь 324 человека на тысячу».

Однако все это, поскольку вопрос касается личной безопасности, имеет *мало значения* для передовых граждан, потому что *они*—эти передовые люди—никогда не будут *впереди*—на войне. Им нечего бояться во время войны свиста пуль, изнуряющей лихорадки и смертельных об'ятий истребительных болезней. Простой, дешевый раб заработной платы, промышленный упряжной конь, обыкновенные людишки, вынужденные вести книги за несчастное маленькое жалованье, клерки, получающие пятнадцать долларов в неделю, рабочие с копей с мозолистыми руками, загорелые железнодорожники, запачканные маслом машинисты, перепачканные в земле труженики с ферм—все, все они и многие другие должны отчетливо заучить одну вещь, и эта вещь заключается в следующем: Современные гуманные убойные машины так сильно усовершенствовались, а болезни во время войны так ужасны, что «наши лучшие граждане», «наши самые *лучшие* люди», «наши пользующиеся самым большим успехом люди» вежливенько (и умно) отклоняют от себя все «блестящие возможности» подставить свое гладкое, упитанное тело под машины, изрыгающие сталь, или погубить свое здоровье на поле сражения и в «мертвецкой», именуемой военным госпиталем. Обыкновенная земля не должна упиваться их знатной аристократической кровью; грубый армейский хирург не смеет резать, кромсать и пилить «передовых граждан» и отбрасывать небрежно их отнятые руки и ноги в кровавую груду мяса, как мясник сбрасывает с чурбана остатки и обрезки бифштексов и котлет. Ну как же, конечно, нет! Следовало бы помнить, что такие люди, как банкиры, крупные заводчики, владельцы копей, сенаторы, члены конгресса, крупные издатели и тому подобное не имеют возможности много заниматься физическими упражнениями и в то же время едят более вкусную пищу. Они не отличаются большой мускульной силой и могут заниматься только гольфом, катаньем верхом, плаваньем, охотничьими экскурсиями, под'емами на горы.

У них тело гораздо нежнее, чем у живущего на заработную плату. Они принадлежат к «самым *лучшим* семействам», и поэтому тело у них более тонкого сорта, их «голубая» кровь дороже и более священна, чем дешевый красный квас рабочего. Для человеческого общества они все «чистокровные», а чистокровные уверены, что *чистокровных* нужно держать вне опасности, тогда как обыкновенные люди, играющие для человеческого общества роль «упряжных коней», кидаются на фронт, где современные убойные машины находятся в полной готовности, чтобы косить людей тысячами, а скверные болезни готовы сгноить непролитую кровь.

Братья мои по рабочему классу, отметьте хорошенько: в раззолоченных дворцах хозяев-промышленников, в их клубах, в их элегантных деловых конторах, в залах законодательных учреждений, где встречаются «государственные деятели»—там так называемые «лучшие люди», упитанные и откормленные выскочки и цезари общества никогда ни на одну минуту не занимаются обсуждением вопроса, не отправиться ли им самим на фронт, никогда ни на одну секунду они не предполагают пойти самим навстречу ураганов свинца и стали или в смертельные об'ятия болезни во время войны.

Никогда!

Для них такая мысль была бы.... скажем, так *неприятна*, так смешна.

Они уже пришли к определенному решению.

Они не пойдут!

Но вы-то, вы, братья по рабочему классу, вы, непрестанно трудящиеся ради дешевой одежды, дешевого крова и дешевой пищи,—вы, чьи самые жизни покупаются и продаются по смете, за заработную плату, день за днем,—вы, кого заставляют делаться рабочими волами, которых презирают в обществе, вы—вы будете принуждены итти на фронт, ослепленные лестью и сбитые с толку яркими флагами и треском барабанов—вы буквально будете принуждены перерезывать себе глотки—принуждены вышибать себе мозги и истекать кровью под огнем современных стальных истребителей, будете принуждены подвергать свою жизнь болезни, этому страшному проклятию! Вы будете стонать и скрежетать зубами и медленно гнить и умирать в грязной госпитальной палатке или истекать кровью вдали от тех, кого вы любите, осмеянные (втихо-

молку) *выдающимися* людьми, которые *уже* твердо *решили* не итти на войну.

Доколе, о, братья по рабочему классу, доколе можно вас соблазнять, чтобы вы истребляли друг друга?

Передовые граждане будут болтать о войнах и похваляться ими.

Но вы, вы, мои братья, будете сражаться на войне!

Свирепая болезнь ждет, она готова раскрыть вам свои цепкие об'ятия.

Холодные стальные машины готовы—готовы для пылких людей.

Охладитесь!

Остерегайтесь «военной лихорадки»!

Обратите особое внимание: ваши богатые наниматели не записываются на передовые позиции. *Они не заражаются лихорадкой дураков.*

Обожди немного, прежде чем записываться. Поразмысли над этим—до будущей недели.

Ты в безопасности (только подумай об этом)—ты в полной безопасности от смерти в случае ближайшей войны—если ты сможешь продержаться подальше от боевой линии, пока «выдающиеся джентльмены» из твоей местности не пробудут под огнем в течение тридцати дней.

Еще раз, брат, поразмысли над этим: рабочий класс должен быть защитником своего собственного класса. Всегда!

Отдел III.—Мирное истребление—в промышленности.

Конечно, в достаточной мере скверно истреблять рабочих во время сражения, когда каждый вооружен и сердце его преисполнено глупой ненависти к своему же товарищу, рабочему какой-нибудь другой страны. Но гнусно, что мужчины, женщины и маленькие дети могут быть убиты и ранены целыми сотнями тысяч каждый год в своей собственной стране в то время, как они заняты полезной мирной деятельностью в области промышленности. Давай рассмотрим вкратце этот вопрос.

Владелец работника-раба, составляющего его частную собственность, старается *предохранить* своего невольника от несчастного случая, от болезни и от смерти. Рабовладелец покупает раба, при-

обретает право на его жизнь, *на всю его жизнь, сразу же при покупке.* Поэтому он заинтересован в том, чтобы раб оставался в живых, чтобы он был жив и здоров возможно дольше для того, чтобы извлекать из него как можно больше рабочей силы.

Но капиталист, нанимающий рабочего, раба заработной платы, не покупает его на *всю жизнь;* он приобретает рабочего, раба заработной платы, *по частям;* т.-е. на месяц или на неделю, на день, по часам—восемь или десять часов рабочей силы в день. Таким образом тут для капиталиста *нет никакого риска*, если рабочий заболеет или умрет; он не отвечает за здоровье рабочего. Если подтачивающая здоровье работа влечет за собою преждевременную старость или болезнь рабочего, то для нанимающего рабов заработной платы это не имеет ровно никакого значения. Есть сколько угодно новых рабов, стремящихся продать свою рабочую силу, если кто-нибудь заболеет, будет ранен или умрет.

Конечно, нанимателю стоит денег, это для него лишние расходы, это уменьшает драгоценный излишек,—это урезывает барыши от рабочей силы, которую он покупает за заработную плату,—когда ему приходится вентилировать как следует свою фабрику, содержать ее в чистоте от пыли, мешать распространению скверного запаха и ядовитых газов, устраивать около опасных машин предохранительные приспособления, чтобы предохранить рабочего от несчастного случая или болезни. Например, железнодорожные общества не очень спешат с устройством всевозможных предохранительных приспособлений, чтобы оградить безопасность служащих—просто потому, что это связано с расходами, что это урезывает барыши, уменьшает стоимость излишка. Ведь жизнь человеческая очень дешева при существовании системы заработной платы. Правда, предохранительный прибор или вентилятор могли бы спасти рабочему руку или жизнь; но предохранительный прибор стоит целую кучу денег. Можно легко найти новую человеческую *руку*, другую человеческую *жизнь* (другого рабочего), чтобы заменить потерянную руку или погибшую жизнь—*и все это не требует от капиталиста-нанимателя экстренных затрат.* Кругом сколько угодно рабов заработной платы, ждущих с нетерпением, чтобы их наняли, и таким образом можно заменить конечность или жизнь раба заработной платы столь же легко, как деревянную затычку или сломанное у

машины колесо, и даже с меньшим убытком, чем если бы рабочие являлись личной собственностью хозяина. Итак, наем раба, невольника заработной платы, гораздо дешевле—гораздо *выгоднее*—и уж, конечно, *удобнее*.

Ты замечаешь это, не правда ли?

Конечно, это «жестоко»,—во всей этой процедуре нет никакой сентиментальности. Но при капитализме это не имеет никакого значения: «Дело остается *делом*»,—и «никаким сентиментам нет места во время дела», так нас уверили в этом передовые дельцы-христиане.

Поэтому—то повсюду капиталисты - наниматели пренебрегают злостно всем, что касается охраны здоровья, тела и жизни рабочих, рабов заработной платы. С этой точки зрения система заработной платы гораздо более жестока и смертоубийственна, чем система личного рабства. Конечно, кажется невероятным, что капитализм более негуманен, относится с большим презрением к человеческой жизни, чем это было в эпоху невольничества. Но дальше будет приведено несколько примеров, чтобы показать, как жадная погоня за барышами влечет за собою при системе заработной платы истребление мужчин, женщин и детей—в гораздо худшей степени, чем при системе личного рабства, даже в гораздо бóльших размерах, чем во время действительной, неподдельной войны, когда такой же оптовый убой при помощи сабли, винтовки и пушки обозначает собою блестящий успех.

«Исследователи сходятся в том мнении,—говорит нью-иоркский «Independent»,—что число несчастных случаев в разных промышленных предприятиях нашей страны превышает 500.000 в год. Д-р Дж. Стронг считает это число равняющимся 564.000. Так как в году 525.600 минут, то легко заметить, что наша промышленная система *каждую минуту (днем и ночью) отправляет на кладбище или в госпиталь одно человеческое существо*, жертву какого-нибудь несчастного случая, неразрывно связанного с его ремеслом. Мы кричим об ужасах войны... Но опустошения... при ведении промышленной войны превышают гораздо больше потери при вооруженном столкновении. Число убитых или смертельно раненых (включая смертные случаи от несчастий, самоубийств и убийств, но не считая смертей от болезней) во время филиппинской войны с

4 февраля 1899 по 30 апреля 1902 г. равняется 1.573. Эти смертные случаи падают на период в три года и три месяца. Но одна каменноугольная копь дала за один год на 38% больше.

«Обыкновенно считается, что японская война была самой кровавой из всех современных войн. Согласно официальным сведениям японского правительства 46.180 японцев было убито и 10.970 умерло от ран. Наша промышленная война дает бо́льшую смертность с каждым годом.

«Но все мы более знакомы с гражданской войной, и нам известно, какое страшное опустошение она произвела в домах Севера и Юга. Однако, она кажется небольшим столкновением по сравнению с той войной, что свирепствует ныне и которую мы называем «миром». Избиения во время величайших битв остаются в тени перед тем истреблением, которое влекут за собою теперь отдельные области промышленности. Попросите какого-нибудь школьника назвать три самых кровавых битвы за эту войну, и он назовет, вероятно, Геттисберг, Чанселлорсвилль и Чикамауга. Потери с обеих сторон были:

	Убитых.	Раненых.
Геттисберг	5.662	27.203
Чанселлорсвилль	3.271	18.843
Чикамауга	3.924	23.362
Итого	12.857	69.408

«Но наши железные дороги, в отдельных штатах и общие, и наши трамваи в один год дают такое же количество убитых и вдвое большее количество раненых...

«Но в чьих же интересах, чтобы жизнь рабочих должна была быть... охраняема? *Класс нанимателей не заинтересован* в этом *материально*. Рабочий *«свободен» легально* отказаться от работы в опасных условиях. Если же *с экономической точки зрения* он должен согласиться на работу при таких условиях (или сдохнуть с голода), то это другой вопрос».

Другое свидетельство обнаруживает убийственную беззаботность по отношению к жизни рабочих в современной промышленности:

«В округе Аллегени, Пеннсильвания, включая Питтсбэрг, за последний год было убито или ранено на заводах, железных дорогах и в различных мастерских этого интересного ада 17.700 чело-

век. Это число было отмечено и о нем сообщалось, а сколько было, конечно, других несчастных случаев, окончившихся смертью или ранением, о которых не сообщалось... Бесполезно принесены в жертву жизни и тела—сотни тысяч жизней за каждое десятилетие. Это одно из тех наказаний, которыми мы платимся за быстрый промышленный успех».

«Быстрый промышленный успех»—это хорошо сказано, прекрасная фраза, например, в каменноугольной промышленности, где в Соединенных Штатах было убито свыше 30.000 человек за время с 1889 по 1909 год.! Если бы продолжалась филиппинская война и каждый год истреблялось бы полторы тысячи наших солдат, то генералы и командиры, стоящие во главе наших войск, были бы признаны неспособными. Но генералы-от-промышленности в одной только каменноугольной промышленности при капиталистической администрации приносят в жертву в Соединенных Штатах каждый год свыше 1.500 храбрых солдат великой промышленной армии.

Что современная промышленность, инспирируемая скорее безумной жаждой *барышей для части населения*, чем вдохновляемая желанием *благосостояния для всего народа*,—что эта современная промышленность более смертоносна, чем настоящая война в крупном масштабе,—это кажется невероятным. Тем не менее это вовсе не невероятно; это так на самом деле; это доказано на опыте; это факт; это дикость капиталистической цивилизации.

Все гордое и глупое торгашеское хвастовство благородным триумфом капиталистической «филантропии» не может скрыть тот вопиющий факт, что серп смерти подкашивает тружеников гораздо быстрее во время мира, когда они находятся при исполнении своих обязанностей в разных отраслях промышленности, чем во время войны на передовых позициях и в военных госпиталях—гораздо больше, чем гибнет людей от соединенных усилий штыка, сабли, винтовки и болезней.

Это ужасно, важно и истинно. И вот именно потому, что это ужасно, важно и истинно, всякое сомнение в этом должно быть разсеяно, как можно скорее. А для того, чтобы очевидность стала более ясной, здесь приводится еще одно доказательство.

Выдающийся публицист, д-р Дж. Стронг, удостоверяет:

«Мы могли бы выдержать полдюжины филиппинских войн за три четверти столетия при общем числе смертных случаев не больше того, что ежегодно бывает в различных отраслях нашей мирной промышленности.

«Если взять наименьший из наших трех подсчетов несчастных случаев в промышленности, то общее количество всех смертных случаев, выпавших на долю нашей промышленной армии за один год, равняется среднему годовому числу смертей во время нашей гражданской войны, плюс число смертей во время филиппинской войны, плюс к этому число смертей во время русско-японской войны.

«Подумайте о бесконечном ведении одновременно трех таких войн».

Следовало бы запомнить, что потери от болезней во время войны и от болезней, нажитых при работе в разных отраслях промышленности, не включены в подсчеты д-ра Стронга.

В своем ежегодном послании за 1907 год президент Рузвельт прямо констатирует, что:

«Промышленность Соединенных Штатов в настоящее время взимает... гораздо более тяжелую подать смерти, чем все наши войны, взятые вместе... Число павших в сражениях во всех иностранных войнах, взятых вместе, за последние сто двадцать пять лет дает значительно меньшую сумму, чем наши записи смертных случаев в различных отраслях промышленности за один год».

Неизбежно, что такое избиение тружеников как в промышленности, так и на войне быстро и губительно отзовется на общей жизнеспособности населения. Серьезные и консервативно настроенные лица, изучающие тенденцию капиталистического общества к кровопусканиям и к порче крови, начинают бить тревогу. Превосходной иллюстрацией могут послужить явные, положительно ошеломляющие результаты, до которых дошло британское общество. В продолжение более двухсот лет огромные количества самых здоровых, самых сильных британских рабочих были истреблены или ослаблены во время войны; и в продолжение более ста лет (за эпоху интенсивного машинного производства) британские рабочие—мужчины, женщины, дети—бесчеловечно переобременялись работой,

недоедали, были скверно одеты в борьбе за существование—во время промышленной гражданской войны, *называемой капитализмом*. И вот какие получаются результаты:

«В Манчестере,—говорит Томас Бурк,—из 12.000 человек, пожелавших вступить на военную службу (во время южно-африканской войны), 8.000 было забраковано, как безусловно инвалиды, и только 1.200 можно было считать годными во всех отношениях... Генерал сэр Фредерик Морис об'явил, что согласно самым точным сведениям, которые он мог получить, несомненный факт, что в продолжение многих лет из каждых пяти новобранцев после двух лет службы только двое оказывались физически совершенно здоровыми... Конечно, это поразительный факт, что 60% мужчин, предлагавших себя для действительной военной службы, оказались непригодными в физическом отношении».

А вот что говорит хорошо известный проповедник и лектор д-р Ньюэлл Дуайт Хиллис (Нью-Иорк; Бруклин):

«С научной точки зрения многие формы общественной благотворительности кажутся проклятием, а войны и многие отрасли промышленности представляются врагами народной крови... Народному здоровью причинен неисчислимый вред. В одном фабричном городе (в Англии) военная комиссия, занимавшаяся приемом молодых людей для южно-африканской войны, браковала девятнадцать человек из двадцати из-за каких-нибудь дефектов в зрении, или в легких, или в ногах».

А вот что говорилось позднее: «Ад'ютант-генерал Эндрюс (армии Соединенных Штатов) комментирует в своем ежегодном отчете, опубликованном сегодня, тот факт, что 80% всех являвшихся записываться на рекрутские пункты было забраковано, а из числа принятых на рекрутских пунктах 14% было потом забраковано в депо».

Необходимо запомнить, что многие тысячи мужчин, являющихся на исследование в качестве кандидатов на военную службу, настолько явно страдают какими-нибудь недостатками, что для моментального забракования вовсе не требуется формального осмотра. Кроме того важно указать на тот факт, что многие тысячи мужчин были бы рады вступить в армию, но они не предлагают своих услуг, хорошо зная наперед, что будут забракованы, как негод-

ные к службе. Таким образом статистические сведения, указывающие, что большой процент лиц, обращающихся в военный департамент в качестве кандидатов для несения военной службы, «бракуется по осмотре», даже эти статистические сведения не вполне обнаруживают печальное положение вещей. В десяти крупнейших городах Англии и Шотландии в течение года, считая по 30-е сентября 1907 г., 34.808 кандидатов ходатайствовало о приеме на военную службу. 47% этих кандидатов было забраковано, как негодные физически. Конечно, процент отвергнутых был бы несравненно выше, если бы просьбы подавали все те, кто был бы рад вступить в армию.

Следующее поколение английского рабочего населения будет, вероятно, отличаться еще бо̀льшими физическими недостатками, чем нынешнее поколение.

В Вестгэмской общественной школе (Лондон) было недавно найдено:

«.... что 87% младенцев и 70% детей старшего возраста были ниже нормального физического развития. Все это были дети докеров.

«Пренебрегая благосклонным и успокоительным выводом, касающимся сельской бедности, мы, повидимому, приходим к заключению, что в настоящий момент в Англии проживает в условиях хуже, чем бедности, всего каких-то семь с половиной миллионов — такого вывода, если только представить его себе ясно во всей его мерзкой необ'ятности, вполне достаточно, чтобы потрясти человечество».

В Англии, вследствие физического вырождения рабочего класса, правительство встречается с такими трудностями при нахождении достаточного количества здоровых мужчин для пополнения рядов войск, что со времени битвы при Ватерлоо приходилось неоднократно понижать требования, пред'являемые к кандидатам на вступление в армию.

Так чахнут наши братья и сестры по рабочему классу—бросаются в об'ятия смерти на заводах, в рудниках и других отраслях промышленности! И во многих частях света голые черепа тружеников, истребленных на полях сражения, скалят зубы и взирают на нынешнее поколение рабочих, чахнущих, умирающих во время

капиталистической промышленной войны. Президент Станфордского университета, д-р Давид Старр Джордэн, пишет:

«Установлено официально... что французский солдат теперешнего времени почти на два дюйма ниже солдата сто лет тому назад... Там (в Новарре, в Италии) фермеры подняли плугами столько людских черепов, что сложили из них целую пирамиду в десять или двенадцать футов вышиной... Это все были черепа молодых людей из Савойи, Сардинии и Австрии — мужчин от восемнадцати до тридцати пяти лет, повидимому, без всяких физических недостатков... Вы знаете цвет, который мы называем «маджента», оттенок крови, налитой на оливковую доску... Проезжайте по всей Италии в любом направлении, едва ли там найдется хоть одно место, не обагренное французской кровью, хоть одна железнодорожная станция без груды французских черепов. Вы можете проследить их через всю страну, до Египта, до подножия пирамид. Вы встретите их в Германии под Иеной и Лейпцигом, под Лютценом и Бауценом и в Австрии под Аустерлицем. Вы найдете их в России под Москвой, в Бельгии под Ватерлоо. «Мальчик так же хорошо может остановить пулю, как и взрослый», сказал Наполеон, и среди других черепов можно найти черепа мальчиков... «рожденных, чтобы стать пищей для пороха», как гласила ужасная эпиграмма того времени».

Об этом огромном преступлении, об этой фазе ада для рабочего класса хорошо повествует Дж. Роз:

«Среди все возрастающих бедствий они (войска Наполеона) продолжали борьбу, пока из 600.000, гордо перешедших Неман для покорения России, только 20.000 голодных, обмороженных, безоружных призраков не прошли (обратно), шатаясь, через мост в Лорно в средине декабря... Несмотря на потерю самой блестящей армии, которой когда-либо предводительствовал человек, Наполеон... напрягал все усилия, чтобы призвать под знамена юношество империи... *могущественный вихрь московской кампании втянул в водоворот 150.000 юношей моложе двадцати лет...* Крестьяне сдавали своих сыновей, как пищу для пушек... Менее чем через полгода после потери полумиллиона человек была создана новая, почти столь же громадная армия... Но большинство солдат было молодых... Требовались солдаты, а молодежь не годилась».

Президент Джордэн говорит, цитируя Отто Сика:

«В течение ряда лет Наполеон выхватывал всех юношей высокого роста и потом оставлял их разбросанными по многим полям сражений, поэтому французы следующего поколения в большинстве случаев более низкого роста. Со времен Наполеона уже не один раз понижался уровень (физического развития)».

Древние римляне, крупный, сильный народ, так много пролили лучшей крови лучших своих граждан во время своих «знаменитых» войн, что их нынешние потомки, итальянцы, явно уступают своим древним предкам в физическом отношении; они сравнительно хилы. «Блестящие» победы одного Цезаря обошлись больше чем в миллион отборных мужчин, павших на поле битвы.

Огромное, неисчислимое зло, причиненное жизням рабочего класса, будет ли оно когда-нибудь искуплено?

День занимается сейчас.

Жажда крови и барышей обманется все-таки в своих победах и жертвах—в быстро надвигающемся будущем.

Братья наши в Европе уже поднимаются и стряхивают с себя кровожадные чары раззолоченных мясников и капиталистов-сановников — промышленных Неронов. *Европейские труженики учатся, как захватить для самозащиты правительственную власть—спокойно и легально, конечно, но смело.*

Мы — принуждаемые, обираемые и презираемые на фабриках; обманутые, предаваемые и истребляемые на поле битвы; безгласные в промышленном контроле, безгласные на собраниях капиталистических политических партий, безгласные в судебных установлениях, безгласные в законодательных учреждениях отдельных штатов и общегосударственных, безгласные в исполнительных органах отдельных штатов и общегосударственных, осмеиваемые «высшим обществом», презираемые повсюду,—мы тоже должны обучаться защищать самих себя. Мы должны захватить в свои руки правительственную власть и защищать наш класс повсюду.

Братья, мои американские братья, братья всего мира, если у вас есть мозги, развивайте их — для своего собственного класса, если у вас есть гордость, проявите ее—для своего собственного класса, если у вас есть лойяльность, докажите ее — для своего собственного класса, если у вас есть сила, воспользуйтесь ею — воспользуйтесь ею в самозащиту—для собственного своего класса; если вы

можете карабкаться—ну что ж, карабкайтесь, соединяйтесь все со своим классом—выкарабкивайтесь из ада, ада капитализма!

Ваши хозяева презирают вас, когда вы раз'единены.

Ваши хозяева страшатся вас, когда вы об'единены.

Собирайтесь, братья, и поднимайтесь с колен!

Отказывайтесь итти в ад—в ад войны.

Отказывайтесь оставаться дольше в аду—в аду капиталистической промышленности.

Об'единяйтесь! Об'единяйтесь—для мира и свободы!

Образовывайте, труженики, образовывайте!

Организуйте!

Единый фронт на полях битвы—в промышленности.

Единый фронт на полях битвы—в политике.

Совет: Пусть каждый из сотен тысяч мужчин и женщин терпеливо и постоянно просвещает мозги еще одному мужчине или еще одной женщине каждый месяц в течение двух лет и *учит каждого нового человека сделаться учителем других мужчин и женщин.* Доставайте какие-нибудь хорошие книги, такие, что обжигают огнем, такие, что воспламеняют страстное стремление к свободе и справедливости, и давайте такую книгу на прочтение каждый месяц новому лицу, *пока книга не придет в ветхость.*

Зажигайте луч света в мозгу у соседа.

Раздувайте огонь в сердце соседа.

Революционизируйте его.

Дерзайте.

Сегодня же.

Общество есть и будет всегда постольку свободно, поскольку большинство имеет достаточно здравого смысла и гордости, чтобы добиться этого. Или настолько тиранично, насколько большинство достаточно покорно, чтобы допустить это.

Условия всегда выражают волю или недостаток воли большинства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Заманенные в окопы—потом выкинутые за борт.

«Вообще говоря, патриотизм среднего гражданина повышается и понижается обратно-пропорционально подоходному налогу»...

Представьте себе Джона П. Моргана часовым, стоящим на посту с винтовкой в руках в темную промозглую ночь, когда дождь сменяется изморозью.

Представьте себе Дж. Огдена Армора, Джорджа Гульда и Томаса Райана трудящимися с тяжелыми лопатами в руках над рытьем окопов, делающими перерыв в полдень, чтобы поесть соленой свинины, мясных консервов и черствых сухарей. Представьте себе Реджи Вандербильта обозным, спешно везущим на фронт продовольственные грузы и принимающим вечером на свое попечение шестерку покрытых грязью лошадей. Представьте себе здоровяка младшего Джона Рокфеллера на передовых позициях подставляющим грудь адскому свинцовому дождю из пулеметов. Ну, право же, только представьте себе целый полк крупных банкиров и заводчиков, одетых в хаки, закусывающих бобами и ветчиной, а потом бросающихся с саблей в руках на штурм ощетинившегося пушками форта, изрыгающего пламя, свинец и сталь в их гладкие, опрятные физиономии—всего за пятьдесят центов в день.

Брат, когда тебе прикажут итти на фронт, только посмотри кругом и обрати внимание на тех шумливых, патриотически настроенных джентльменов, которые остаются в тылу—дома, где безопасно и восхитительно-покойно. Эти патриоты тыла будут ласково говорить тебе: «До скорого свиданья!». А если тебе удастся вернуться с войны, то они свидятся с тобой, когда будут льстиво устраивать тебе парадную встречу:—«Добро пожаловать!». Заметь: когда вспыхивает война, эти «лучшие люди» не говорят: «Вперед, ребята, вперед—за нами». Едва ли бывает так! Обычно говорится: «Вперед, ребята, ступайте *вперед*, идите вперед. Мы будем с вами». То-есть они будут с вами до вокзала, а затем «выдающиеся люди» распрощаются с «молодцами».

Рабочий на фабрике или на копях является «рукой» капиталистического общества, его «наемной рукой», а вскинув на плечо винтовку для военной службы, он становится челюстью капиталистического общества, челюстью, снабженной *стальными зубами. Для капиталистического класса солдаты являются тем же, чем зубы для тигра и клюв для орла.* Солдат часто называют «собаками войны», и в самом деле они собаки, сторожевые собаки капитализма—с казармами, арсеналами и палатками вместо собачьей конуры. Банкиры, заводчики, копевладельцы и им подобные относятся с презрением к самой мысли пожить самим в военных конурах «псов войны». Таких господ не заманишь в палатки да траншеи.

Завлекая молодых людей на службу в армии и флоте, правительство прибегает к всевозможным способам; ему даже приходится потешаться над бедностью и невежеством покорных тружеников, занятых в различных отраслях промышленности,—оно открыто издевается над ними. Вот один из тех подлых способов, которыми пользуется правительство, чтобы бесчестно заманить неопытных юнцов на службу в армию и флот.

«*Требуются*—для морских команд Соединенных Штатов—ловкие сильные мужчины, желающие посмотреть свет.

Постоянное жалованье	12 дол. 80 ц.
Первоклассным механикам по 50 центов в день	13 дол.
Всего	25 дол. 80 ц.

«Что лучше для молодого человека, *который не имеет никакой надежды попутешествовать на свой собственный счет:* записаться ли на службу в морском ведомстве на четыре года... где он может повидать много разных стран и честно выполнить свой долг перед родиной, или же надрываться над тяжелой работой на пашне, в мастерских и в различных других местах, от десяти до пятнадцати часов в день, во всякую погоду и к концу месяца или, еще лучше, через четыре года не иметь столько *отложенных денег за весь свой тяжелый и утомительный труд, сколько можно было бы сберечь, записавшись на военную службу?...* Он (записавшийся) всегда *чист*» (Из правительственного об'явления о вербовке).

Вот, получай, молодой фермер, молодой механик: правительство бросает вам прямо в лицо злую насмешку, что вы находитесь в безвыходном положении и принуждены отдавать свой труд в наем в мастерской, на копи и на ферме; что, как бы ты ни трудился и ни обливался пòтом, ты будешь всегда «грязнолицым» существом, смиренно живущим там, где тебе суждено родиться, не имеющим никакой возможности посмотреть на Божий мир; что ты не можешь даже мечтать попутешествовать на свой собственный счет просто уж потому, что, будучи рабочим, живущим на заработную плату, ты не обладаешь достаточным количеством «своей» земли—ты не можешь улучшить свое финансовое положение настолько, чтобы иметь возможность добиться этого. Если тебе хочется посмотреть свет, то для этого нужно присоединиться к мясникам, находящимся на службе у правителей. В своих стараниях раздразнить тебя и заманить на борт громадных боевых кораблей, на службу в «вооруженной охране», твое собственное правительство издевается над твоим жалким доходом и подтрунивает над тем, что ты сидишь всегда дома, как грудной младенец. Правительство говорит тебе также, что у тебя грязное лицо; а у военного лицо «всегда чистое». Только-что цитированное правительственное об'явление похоже на презрительную насмешку над бедностью солдата со стороны элегантного аристократа Ральфа Эмерсона:

«Если у человека нет никакой собственности, он надевает на спину ранец ради куска хлеба».

Подумай о десяти миллионах пятистах тысячах обученных, сильных мужчин в пяти европейских странах, мужчин, готовых броситься по команде в окопы. «Во время войны между двойственным и тройственным союзами будет находиться под ружьем свыше десяти миллионов людей, а именно:

Германия	2.500.000
Австрия	1.300.000
Италия	1.300.000
Франция	2.500.000
Россия	2.800.000
Всего	10.400.000»

Все они будут не то, чтобы заманены в окопы, а прямо заставлены итти в окопы. Германский император Вильгельм обратился в ноябре 1891 г. в Потсдаме с речью к новобранцам, которые были только-что принуждены принять военную присягу. Он сказал:

«Теперь вы стали моими солдатами, вы отдали себя мне и душой и телом. Только один враг есть у вас—тот, кто враг мне... Может случиться, что я прикажу вам стрелять в ваших братьев и отцов... Но в таком случае вы обязаны повиноваться мне безропотно».

Подумай о десяти или пятнадцати миллионах людей, готовых по принуждению или благодаря обману отправиться на войну, чтобы выполнять веления правителей, которых в десять тысяч раз меньше, чем этих сильных, здоровых мужчин, готовых выполнять веления кучки трусливых паразитов, готовых—низко, бессильно, покорно и презренно готовых—броситься со всех ног на неприятельские окопы и повиноваться приказам убийц: «Убивай! Убивай! Убивай! Убивай Истребляй! Умерщвляй! Избивай!»

Что миллионы сильных людей могут ползать по земле у ног своих хозяев, словно высеченные собаки, и драться по команде—это, конечно, смешно; и естественно, что по всей Европе—по всему миру—политические и промышленные господа общества относятся в высшей степени презрительно с общественной точки зрения к этим миллионам смиренных, слабых, лишенных гордости, пресмыкающихся обыкновенных солдат. Презрение господ остается одинаково полным, все равно, служит ли солдат по набору, завербован ли он или пошел на службу добровольно.

Во время войны как к солдатам, так и к рабочим, которые поддерживают войну, а по окончании войны и к тем и к другим относятся с пренебрежением даже те, кто восхваляет их больше всего.

Чтобы несколько помочь уяснению этого вопроса, можно изучить вкратце ряд примеров, могущих послужить иллюстрациями. Нижеследующие примеры взяты по большей части из истории Англии и Америки. Во всех этих иллюстрациях легко заметить насмешливую неискренность патриотов «тыла», которые жаждут барышей.

Первая иллюстрация: Англичане во время наполеоновских войн и во время бурской войны.

Никогда еще за последнее время ни один народ-труженик не поддерживал войны дольше или лойяльнее, чем поддерживал англий-

ский рабочий класс британское правительство во время наполеоновских войн—в течение двадцати лет непрерывного кровопускания. Никогда еще не было такого примера, ни раньше ни позже этого, чтобы рабочий класс какой-нибудь страны более охотно или в течение большего периода времени отдавал своих избраннейших мужчин на истребление или посылал их убивать других, чем это делал английский рабочий класс для наполеоновских войн. Никогда люди не служили более лойально или более долгий срок и не сражались более храбро. Эта долгая буря смерти закончилась со страшным сражением при Ватерлоо в 1815 г.

Мы вправе ожидать, что после такой службы патриотически настроенные капиталисты Англии были в высшой степени внимательны и чрезвычайно любезны к труженикам, вынесшим на себе войну, и к ветеранам, сражавшимся на войне.

Но что же произошло?

После битвы при Ватерлоо, оставив десятки тысяч своих товарищей на усеянных черепами равнинах континента, загипнотизированные ветераны, покрытые ранами, в лохмотьях и полные гордости, вернулись домой—домой из ада—вернулись в Англию с сердцами, переполненными радости, по незнанию доверчиво ожидая веселого «добро пожаловать» со стороны тех господ, кто льстил им, кто превратил их в скотину, правил и пользовался ими. Добро пожаловать! Жестокая насмешка! Отвратительная ирония господского внимательного к ним отношения! Очень быстро над этими храбрыми, но невежественными людьми, вернувшимися с полей сражений, стали открыто издеваться и грозить им промышленные хозяева Англии. Никогда еще хозяева не были более жестоки по отношению к обманутым патриотам-ветеранам. Никогда еще хозяева не были более бессердечны по отношению к миллионам полуголодных тружеников, чем оказались британские хозяева по отношению к полуголодным оборванным британским рабочим, чей труд поддерживал действующую армию в продолжение двадцати лет.

Сейчас же по окончании наполеоновских войн в британском парламенте возникло движение в пользу уменьшения на половину подоходного налога, которым был обложен *нетрудовой класс*, но не было ничего сделано, чтобы облегчить бремя умирающего с голоду рабочего класса. Едкая ирония заключалась в том факте, что:

«Одной из первых парламентских стычек (после войны) было столкновение при обсуждении предложения правительства понизить норму подоходного налога с 10 до 5 процентов и обратить половину этого налога (остающуюся половину), составлявшую приблизительно 37.500.000 долларов, на покрытие издержек по содержанию постоянной армии в 150.000 человек».

Разумеется, *цель* такого предполагаемого увеличения армии заключалась в желании иметь *вооруженную охрану, готовую сокрушить «простаков»—героев, вернувшихся с войны домой, и безработных, готовую также усмирить громадное количество скудно оплачиваемых или безработных тружеников*, которые теперь *все* начали громко жаловаться на возрастающую нищету, которая тяжело сказывалась на их жизненных условиях.

Помещики сразу в такой невероятной степени повысили арендную плату на землю и на наем жилых помещений, что многие тысячи слабых ветеранов из рабочего класса были вынуждены перейти на положение странствующих рабочих и затем бесчеловечно привлекались к ответственности за бродяжничество. Огромная и голодная армия безработных буквально приходила к тому выводу, что в это время мир был отчасти даже хуже войны—для рабочего класса.

Такое жестокое обращение, такое бесчеловечное пренебрежение к рабочим со стороны их правителей, претендующих на патриотизм, может показаться читателю невозможным. Однако этот факт так типичен, что стоит на него сослаться.

А вот еще одно свидетельство со стороны лица, не настроенного, повидимому, в пользу рабочих. Профессор Дж. Торольд Роджерс пишет так:

«Фактически страдания рабочих классов (в Англии) за этот ужасный период времени (первые двадцать лет девятнадцатого столетия)... несомненно еще отягчались вследствие жестокого пристрастия со стороны закона, но главным образом они об'ясняются более глубокими причинами. Тысячи семейств голодали, чтобы изыскать средства для поддержания великой войны, денежные средства для которой доставлялись фактически или благодаря труду тех, кто продолжал работать и накапливал щедро расточавшиеся богатства, или правительством, которое платило хорошие проценты заимодавцам.

Колоссальное податное обложение и гигантские займы черпались из запасов накопленного капитала, который выжимали предприниматели из скудных трудовых заработков рабочего или извлекали помещики из выращиваемых арендаторами хлебов. По внешнему впечатлению кажется, что состязание велось армиями и генералами, но в действительности обстоятельствами, которые делали возможным ведение борьбы, были лишение и голод трудовых элементов, переобременение работой и недостаточное питание детей, недоплата денег взрослым и их неопределенное служебное положение. Заработную плату урезывали, чтобы покрыть потери от войны и получить прибыль от торговли и промышленности».

Другой авторитетный писатель подводит итоги:

«Нищета вместо изобилия, бедность вместо благосостояния— таковы были непосредственные результаты мира» (Джефсон, «Платформа—ее возникновение и рост», т. I).

Английский историк Грин откровенничает:

«Война обогатила помещика, фермера, купца, заводчика, но бедный благодаря ей стал еще беднее. Конечно, мы должны считать, что с этого рокового времени началась та классовая война, то социальное раз'единение между нанимателями и нанимаемыми, которые все еще являются труднейшим вопросом в английской политике».

С. Р. Гардинер свидетельствует так:

«К концу 1816 г. во многих местах вспыхивали мятежи, которые были подавлены... Правительство не обращало внимание на то, какую роль играли физические страдания в возникновении беспорядков... Манчестерская бойня... громадный митинг по крайней мере из 50.000 человек собрался 16 августа 1816 г. в С. Питерсфильде, Манчестер... Гусары помчались в атаку, и сила дисциплинированной солдатчины превратила толпу в теснящуюся массу вопящих беглецов, давящих друг друга в стремлении спастись. Когда наконец поле было очищено, много жертв было нагромождено друг на друга».

Народ, который кормил, одевал и вооружал солдат, был теперь изрублен и истоптан конными солдатами, оставившими за собой груды тел.

Историки Бродрик и Фросзерингхэм следующим образом суммируют данные по этому вопросу:

«Четыре отряда гусар пошли тогда в блистательную атаку... народ кинулся бежать от них в диком смятении; некоторые были изрублены, гораздо больше смято. Один очевидец говорит, что «несколько куч человеческих тел валялось там, где попадали люди».

Поучительно излагает этот случай Джёстин Мак-Карти.

«Нужда широко распространилась (в 1816 г.). В различных графствах Англии были бунты, возникавшие вследствие обнищания. Были бунты в различных лондонских кварталах. Действие «Habeas Corpus» акта было приостановлено (отменены конституционные гарантии)... Громадное количество рабочих возымело намерение отправиться пешком в Лондон, чтобы поведать о своей нужде главам правительства (чрезвычайно рассудительно?)... Им была дана насмешливая кличка «одеяльников», потому что рабочие несли с собой переносные спальные принадлежности (каждый нес с собой одеяло)... Бойня в Петерлоо... была незадолго перед тем... Это был громадный митинг—считается, что на нем присутствовало около 80.000 мужчин и женщин... Отряд милиции, посаженной на коней... бросился на толпу, пришпорив лошадей и размахивая саблями. Одиннадцать человек было убито и несколько сот ранено. Правительство внесло... знаменитые шесть актов. Эти акты просто являлись средством облегчить разгон и рассеивание скопищ и не допускать появления в печати каких бы то ни было статей, которые благоугодно было называть мятежными... Правящий класс был убежден, что бедный и рабочий классы Англии подготовляют революцию... В 1818 г. предложение об ежегодных парламентах и всеобщем избирательном праве было отвергнуто большинством 106 голосов при отсутствии возражений».

Профессор Джесс Маси говорит:

«Народные волнения были прекращены рядом репрессивных мер... *Народные волнения были силой приведены к концу.* Волнение было так окончательно подавлено, что больше не происходило никаких важных политических событий вплоть до движения, возникшего в связи с биллем о реформе (1832 г.)».

«Молчать!»—таков неизменно приказ деспотизма, когда «ушибленные губы» голодающих рабов начинают громко заговаривать о свободе.

Так гордые, патриотически настроенные хозяева Англии наплевали в лицо изголодавшемуся рабочему классу, который поддерживал войну, и насмеялись с презрением над старыми солдатами-рабочими, кто сражался во время долгой и страшной войны. Так были изрублены саблями и исколоты штыками герои, покрытые рубцами от ран, полученных в сражениях, и их семьи. Так были вырваны из их рук некоторые из тех прав, которыми они уже обладали. Так за ними не было признано право голоса в правительстве, которому они служили. Так были оскорблены—одурачены, обруганы, награждены презрением труженики и ветераны — во время и после «славных» наполеоновских войн.

Бесстыжие цезари, которые входили в состав английского правительства того времени, нагромождали зло на зло, посылая полицейских шпионов на большие публичные митинги оборванных ветеранов войны и промышленности, чтобы *подстрекнуть их на насилие и тем самым доставить правительству повод для оправдания его жестокости и репрессивных законодательных актов.*

Анонимный автор сообщает интересный факт и комментарий к нему:

«Миру следовало бы пересмотреть свои взгляды на патриотизм в свете современной коммерции... Взгляните на власть интересов. Где найдется такое правительство, которое осмелилось бы запретить бирмингамским фирмам выполнять заказы для иностранного правительства? Даже во время наших небольших пограничных войн британские солдаты могут ожидать, что их подстрелят из британских винтовок».

Как-то во время наполеоновских войн английские фабриканты, конечно, это были *патриотически* настроенные дельцы, выполнили заказ на 16.000 военных мундиров, 37.000 курток и 200.000 пар сапог, причем все это предназначалось, как было известно патриотам-коммерсантам, для французской армии, избивавшей пока что английских солдат. Это было приблизительно сто лет тому назад. Но патриот в цилиндре остается все тем же лицемером, говорящим громко об «оказании почестей герою», которого он презирает как с общественной точки зрения, так и с точки зрения промышленника. Британские ветераны бурской войны недавнего времени — десятки

тысяч таких ветеранов — прокляли тот день, когда они записались с патриотизмом невежества на службу в Южной Африке. Правительство бесстыдно и оптом нарушило все свои обещания, и многие из этих ветеранов по возвращении с войны были встречены с пренебрежением у дверей английских фабрик, были выпровожены из мастерских и с копей и должны были просить милостыню на улицах Лондона и других городов. Это старая история: одурачены, заманены, зазваны в траншеи — потом выброшены за борт, как обычно.

Когда молодые солдаты вернулись в Англию после бурской войны, они были слабы, бедны, оборваны и очень измучены, многие сотни из них едва могли ходить. Но все равно: их сразу погнали с кораблей как скот, их заставили построиться и маршировать, хотя они качались и спотыкались от слабости и изнурения, — заставили их промаршировать мимо королевы, делавшей им смотр, чтобы солдат наградило улыбками и польстило им сборище царственных и знатных паразитов. И так они были «почтены», пока их морили голодом, «почтены», когда они, спотыкаясь, проходили мимо в своих лохмотьях, а на них глядели блестящие обжоры и толстомордые лорды, которые были слишком проницательны и трусливы, чтобы отправиться самим в Южную Африку умерщвлять буров, грабить золотые россыпи и алмазные копи и иными способами защищать свои собственные капиталистические интересы.

Пока вернувшиеся домой мясники проходили мимо королевы во время этого жестокого смотра, пока они маршировали на протяжении многих миль утомительного пути, много солдат свалилось без чувств от слабости и голода. Многие очевидцы этого издевательства не могли удержаться от слез...

Марш окончился.

Пушки были горделиво убраны прочь.

Кровь голландских рабочих была стерта с английских сабель — стерта с британской гордостью.

Обрызганные кровью знамена были благочестиво размещены по библиотекам, музеям и церквам—с истинно-христианской гордостью.

Война закончилась.

Мясники вернулись домой, на *свою* милую родину — и вымыли руки.

Затем — а затем что?

Затем эти дешевые и глупые убийцы своего собственного класса стали *приискивать себе работы*, начали надоедать вельможным паразитам Англии, за которых они бились — стали надоедать им просьбами о работе, подвизгивали, как собачонки, у ног промышленных господ Англии, умоляя дать им работу.

А получали оскорбления.

Ни одна капиталистическая конституция во всем мире не гарантирует работы, хотя бы даже работа могла послужить спасением от голода.

Охотничья собака, отыскав в траве или зарослях подбитую выстрелом птицу, относит добычу к хозяину, уверенная в вещественных знаках внимания — и получает подачку.

Эти английские охотничьи псы послушно охотились на челевеческую дичь в Южной Африке и вернулись к своим хозяевам с лицами, на которых выражалось упование (и почти-что ум) дрессированного сетера, держащего в зубах окровавленную птичку.

А у дверей фабрики им бросили в лицо: «не требуется»!

Выброшены за борт.

«Почтены». «Парадировали на смотру». Парадировали? Конечно. Это тоже входит в программу, когда держат нос по ветру.

Сначала их улещали, потом дали по морде, когда они стали просить разрешения работать и спасти работой свою жизнь от волков бедности.

«Кивок лорда — завтрак... для дурака».

Вторая иллюстрация: Революционеры американского рабочего класса.

Сто двадцать пять лет тому назад политические и промышленные хозяева относились с таким же презрением к солдатам из американского рабочего класса.

Бедняки-рабочие в армии Вашингтона после ряда лет битв, полуголодные, вечно в лохмотьях, проводившие ночи в пронизываемых ветром палатках, часто разутые, оставлявшие при ходьбе кровавые следы на снегу и на льду — все эти покрытые рубцами от ран ветераны рабочего класса, после ряда лет сражений во время «великой революционной войны за свободу»,—все они в течение многих лет после войны не имели права принимать участие в

голосовании. И только много лет спустя после принятия «великой» новой федеральной конституции «свободного» народа было позволено этим покорным ветеранам рабочего класса принять участие в управлении в качестве избирателей, имеющих право голоса.

В этом заключалось наивысшее презрение. Сначала заманить на «войну за свободу»—потом, после «блестящей победы», выбросить за борт, — как обычно.

Но, разумеется, такую страницу «блистательной» истории революционной войны, такую яркую, выдающуюся страницу безграничного презрения со стороны так называемых «великих вождей» к солдатам из рабочего класса после окончания войны—эту страницу хитро скрывают от детей рабочих в общинных школах, в начальных и высших училищах Соединенных Штатов—страницу эту фактически замалчивают. Ребенка из рабочего класса стараются ублажить в общественной школе и превратить в слепого приверженца «великой» конституции и в невежественного поклонника тех «великих людей», кто презирает от всей души членов того класса, к которому принадлежит ребенок. Есть сколько угодно доказательств, что «выдающиеся» и «самые лучшие люди» эпохи американской революционной войны ничего не питали к ветеранам рабочего класса, кроме политического пренебрежения. Президент Вудро Вильсон пишет:

«Вероятно, не более 120.000 человек имело право голоса из всех 4.000.000 жителей, значившихся по первой переписи (1790 г.)».

Профессор Ф. Торп (Пеннсильванского университета) так выясняет то политическое и общественное пренебрежение, с которым относились к беднякам во времена Георга Вашингтона:

«Беспримерное политическое дарование прав гражданства (с 1800 по 1900 г.) расширило пределы избирательного права, которым пользовалась в 1796 году только $^1/_{12}$ часть населения, а через сто лет $^1/_6$—это наибольшее приближение к всеобщему голосованию в истории».

То же самое презрение к тем, кто получает тринадцать долларов в месяц и кто как раз и сражается на самом деле, можно заметить в той или другой форме во время более поздних американских войн. Нынешние толстосумы-правители столь громогласно рассыпаются в выражениях патриотического восхищения перед «молодцами-ребятами», что нижеследующие иллюстрации вполне

заслуживают того места, которое оставлено для их воспроизведения— чтобы читатель из рабочего класса сумел безошибочно распознать издевающегося лицемера в тех алчущих золота крикунах-патриотах, которые украшают теперь по праздникам свои дворцы «старыми славными» флагами.

Третья иллюстрация: Американская гражданская война— банкиры и «подстрекатели»—и юноши в синем.

Тысячи ветеранов Союза заявляли: «Американская гражданская война была войной для богача и побоищем для бедняка. Нас провели. Но больше уж никогда не проведут» (см. главу VII, отделы 14—16).

Солдаты-добровольцы Союза, бросившиеся по первому призыву Линкольна записываться на войну, отчетливо поняли, что правительство будет платить им «золотом или его эквивалентом». Но солдат *принудили* (принудили *легально*, запомни это) брать «бумажки» за все их страшные труды и ужасную смертельную опасность; даже свои ничтожные 43 цента в день они получали «бумажками», которые заключали в себе *знаменитую «оговорку — исключение»*, а эта оговорка *уменьшала* покупательную стоимость денег во время войны и в течение ряда лет, следовавших за войной, в пределах от 20% до 65% и выше. Но патриоты в цилиндрах, «передовые граждане», заводчики, банкиры и доблестные акулы в конгрессе того времени, все, кто выпустил бумажные деньги, заключавшие в себе оговорку-исключение, и покупал правительственные облигации, все *эти* благородные джентльмены не только *презирали те самые деньги, которые они заставляли солдат брать за участие в сражениях, но в то же самое время* выработали *бронированное соглашение*, что не только *капитал*, но также и *проценты* по приобретенным ими из «патриотических побуждений» правительственным облигациям должны выплачиваться золотом *).

*) Разве это не ужасно? Только предположите, что рабочий класс — через посредство политической рабочей партии—легально вступит в обладание законным правом издавать законы и заставлять подчиняться им и легально перейдет к обращению в общегосударственную собственность всех заводов, копей, железных дорог и т. п., находящихся теперь в частном обладании,— и только предположите, что рабочий класс вспомнит об этой системе оговорок - исключений богачей эпохи гражданской войны и начнет платить тепе-

*

Для патриотов, *сидящих в полной безопасности дома, во дворцах и в банкирских конторах — золото;* а для *патриотов, сидящих в окопах, дерущихся за знамя и союз—«бумажки»* (не забывайте об этом, вы, покорные, признательные за заработную плату невольники). Одно время, *благодаря «оговорке-исключению»* на *бумажных деньгах, которые всучали* солдатам, на золотой доллар можно было купить столько же, сколько на два доллара восемьдесят пять центов бумажными деньгами. Конечно, солдаты и «простой народ» громко жаловались. Один большой авторитет говорит:

«Крупные недоразумения возникали благодаря оговорке, внесенной Сенатом, который установил, что платеж процентов по облигациям должен производиться звонкой монетой, что на практике означало разницу в пользу одного класса кредиторов и, как сказал Стивенс, сразу же обесценило деньги, созданные биллем» (Хепбэрн, «Спор из-за звонкой монеты»).

Патриоты-биржевики никогда не упускают случая напомнить нам с великой гордостью, что они «давали деньги, на которые можно было вести гражданскую войну». Они давали очень много денег и, как настоящие патриотически настроенные Шейлоки, получали вместо своих наличных облигации, приносившие проценты и снабженные кровавой печатью. При каждом удобном случае облигации *покупались, как бы из милости, по такой цене, что государство почти истекало кровью на глазах неприятеля.* Д-р Адамс (Мичиганского университета, по финансовому отделению) говорит, что, «считая по средней стоимости золота», федеральное правительство «за сорок пять месяцев гражданской войны» реализовало от продажи всевозможных государственных облигаций меньше 67% их нарицательной стоимости. Это значит, что некоторое отсутствие чести у непроливающих свою кровь патриотов, а также их желание «использовать хорошее положение вещей» и взять по крайней мере

решним частным владельцам заводов, копей, железных дорог и т. д. бумажными деньгами, заключающими в себе оговорку - исключение, что этими деньгами можно оплачивать все обязательства, кроме уплаты за пищу, одежду, кров, обстановку и перевозку. Предостерегаем тех, кто эксплоатирует рабочий класс: берегитесь, господа, не обманывайте нас и не подавайте дурных примеров злоупотреблений—каких бы то ни было злоупотреблений!

«целый фунт мяса» — привели к тому результату, что дорогое их сердцу правительство благодаря своим финансовым комбинациям потеряло больше чем на 33% лишней крови.

Такое злополучное понижение бумаг несомненно было связано в весьма значительной степени с манипуляциями банкиров с финансами правительства ради собственных частных прибылей. Эти блестящие Шейлоки с восхитительным, даже с набожным энтузиазмом рукоплескали, желая благоденствия своей дорогой родине, и несмотря на это обнаружили почти полное душевное самообладание. Линкольн ненавидел их алчущий золота патриотизм, но был вынужден склониться перед их могуществом. Любовно-патриотический поцелуй, который получила наша страна во время Гражданской войны от капиталистов, присосавшихся, как пиявки, к облигациям, ясно обнаружил их любезное намерение обескровить свою родину почти до смерти—но все же *не убивать* ее, чтобы драгоценная курица не перестала нести такие интересные яйца.

Ваш «патриот» — покупатель облигаций военных займов—обладает спокойным темпераментом.

Одни граждане проливают кровь за родину, другие пускают родине кровь.

«Остерегайся патриотических плутней» (Георг Вашингтон).

Профессор Дж. Торольд Роджерс так передает общий смысл большей части тех речей, которые произносились в британском парламенте даже многими консерваторами по поводу пиявок-патриотов, приобретавших облигации британских военных займов во время наполеоновских войн:

«Но нам приходится терпеть, в довершение всех благ, тех биржевых игроков и держателей фондов, которые *разжирели на нашем несчастье* и получают теперь больше половины взыскиваемых с нас налогов. А за что? Мы низложили корсиканского узурпатора, восстановили в Европе мир и вернули престолы законным государям. Эти господа (держатели облигаций) не только завладели всеми нашими фондами по нарицательной стоимости, приобретая облигации за каких-нибудь 50 фунтов или еще дешевле и получая кроме того ряд случайных выгод, но выплачивают (даже) и эту несоответственную стоимость бумаг банкнотами, которые неизменно обращаются на 30% ниже их номинала. Невыносимо, несправедливо,

что нам придется выплачивать потом за такие облигации полностью, на условиях столь чудовищной и односторонней сделки».

Быть-может, читатель, вы один из тех седовласых старцев, которые «дрались под командой генерала Гранта и гордятся этим». Я не осуждаю вас, седой старец! Я предлагаю вам и более молодым людям продумать кой-какие вопросы. Один выдающийся историк уверяет нас, что как-то во время войны в конгрессе заседало сто пятьдесят банкиров. И в самом конгрессе и вне его эти банкиры и другие передовые граждане, служители Маммона, потворствовали тому, чтобы вас заставляли истекать кровью и обескровливали всю нацию—решительно без всякого стыда. Они постоянно тревожили президента Линкольна. За все время войны они ни разу не прекращали своей грязной свалки ради золота. А по окончании войны они продолжали свои нечестивые проделки—из патриотизма. Например, как то во время войны, когда вы, солдаты, выбрали своего генерала на пост президента *), эти бесстыжие кровопийцы изыскивали способы поставить в безвыходное положение золотой рынок, чтобы таким образом нагрести побольше барышей. Для выполнения этого плана было необходимо убрать с дороги на короткое время президента, чтобы он не смог кинуться на выручку со средствами федерального казначейства. Прочтите о том, как они придумали «показать фокус». Об этом рассказывает г. Генри Кльюс, сам биржевик:

«Его (Гранта) убедили с'ездить в неизвестный в то время город в Пеннсильвании, по имени Литтль-Вашингтон. Все было так подстроено, что ему захотелось посетить это местечко, чтобы повидаться со старым приятелем, проживавшим там. Телеграфное сообщение с городком было прервано, а другие способы сообщения не были очень удобны. Там и упрятали президента приблизительно на неделю или около того, пока заговорщики не приготовились вполне к действию».

История самого г. Генри Кльюса столь замечательно типична для банкиров-патриотов, не кладущих охулки на руку, что можно с пользой предоставить ему здесь несколько строк для характеристики его класса.

*) Очевидная обмолвка. Это случилось в 1869 году, когда война уже окончилась.—*Прим. перев.*

Этот блестящий патриот, г. Генри Клькс, был молодым человеком, когда разразилась гражданская война. Его юное сердце—как раз такое, какое должно быть у банкира—для деловых соображений—горело святым патриотическим рвением. Он любил свой флаг—конечно, любил его нежно, совершенно так, как банкир всегда любит «соблазнительное предложение». Война была случаем—великолепным случаем—«сделать деньги» или «сразиться за знамя». После долгого патриотического размышления (без сомнения, набожного размышления) он пришел к заключению (первые его опасения подтвердились), что если *он* пойдет на войну, то может весьма неприятно столкнуться с каким-нибудь другим молодым суб'ектом, который в свою очередь захотел «сражаться за знамя». Тогда он скромно решил оставаться дома, как, разумеется, поступил бы всякий банкир-патриот, и воспользоваться смиренно случаем «сделать деньги». Он сейчас же организовал для покупки облигаций синдикат, охваченный жаждой золота, и в качестве организатора отправился в Вашингтон покупать облигации—*с учетом* (как он сам признается), *хотя и был уверен* (как он сам признается), *что будет только простая сумятица*, а главным образом для того, чтобы изучить *тщательно* (как он сам признается) *точную степень риска*, с которым связано приобретение правительственных облигаций.

Патриоты в окопах рискуют всем. Не таковы патриоты, занятые покупкой облигаций. Они очень заботливо изучают степень риска и хладнокровно избегают не только риска, связанного с потерей крови, но также и с потерей денег. Все это они проделывают с уменьем—и с патриотизмом.

Спокойно.

Повидимому, г. Клькс отправился в Вашингтон с ночным поездом. По его словам, проснувшись утром, он поднял занавеску у окна и осторожно выглянул. Он увидел длинный ряд вагонов, нагруженных пушками. Это его *изумило*—признается он. Банкир, естественно, боится пушек. «Когда я стал наводить повсюду справки,—говорит он,—то зрелище этих пушек, которое сначала произвело на меня такое неописуемое впечатление, продолжало преследовать меня по пятам, куда бы я ни пошел.... Я почувствовал, что борьба будет долгой и кровопролитной... Я был убежден, что нам не избежать

решительного столкновения «грудь с грудью», и что в связи с этим правительственные бумаги должны будут испытать весьма значительное понижение». И он телеграфировал своему синдикату—«спускать товар», «очистить палубу» и «разгрузиться». (Под термином «разгрузиться», «очистить палубу» при наступлении финансового шторма, банкиры понимают продажу кому-нибудь другому всех акций или бумаг, которые находятся у них на руках и должны будут упасть в цене в самом ближайшем будущем. Бумаги перепродаются кому-нибудь другому, чтобы убытки легли на него. Это делается совершенно так же, как предприимчивый торговец продает слепому ребенку подгнивший лимон или какая-нибудь многогрешная духовная особа продает соседу из того же духовного звания лошадь, которая, как это прекрасно известно продавцу, издохнет на следующий день. Все это вполне «законно». Это «удобный случай». Это «дело». А—совесть только помеха для некоторых господ, когда представляется удобный случай «обделать дельце»).

Заметьте, как только господа патриоты—тыла почуяли опасность для своих денег, то они готовы были, по доблестному свидетельству г. Клькса, оставить правительство в тяжелом положении и обречь на голод юношей, сидящих в окопах, до тех пор, пока нельзя будет покупать облигации на чрезвычайно выгодных условиях по очень низкой цене, когда можно будет схватить правительство за горло. Господин Кльюс повествует с неподдающейся описанию гордостью, что государственный казначей принял его весьма любезно и снабдил целым рядом полезных указаний, дал ему много ценных сведений «внутреннего свойства», чрезвычайно важных для организатора синдиката по покупке государственных бумаг. Все эти сведения, советы и поощрительные указания, которые он получил от казначея, положительно послужили началом того, что он называет с румянцем скромного признания и самовлюбленностью своей «блестящей карьерой». Еще в молодых годах г. Кльюс произвел сам на себя глубокое впечатление—длительное впечатление, если судить по его книгам и речам—что довольно часто случается с «выдающимися людьми».

Итак, г. Кльюс выбрал более скромную и гораздо более безопасную роль для обнаружения своего патриотизма.

Многие из земляков г. Клъюса (пылкие юноши эпохи войны) умерли. Они умерли уже давно-давно. Некоторые из них разорваны на части пушечными ядрами. Другие проколоты штыками. Третьи умерли с голоду в тюрьмах. Их когда-то горячая кровь сгнила. Уже давно их тело с'едено червями в могилах, рассеянных по полям битв. Время трудится над их костями и гложет их в безыменных могилах. А г. Клъюс жив и здоров еще и доныне, через пятьдесят лет после начала этой страшной войны! Он даже хвастается своим хорошим здоровьем и часто дает советы, как сохранить здоровье до самой глубокой старости.

И он все еще покупает облигации.

С особенным удовольствием он дает советы—людскому роду.

Господин Клъюс часто читает лекции. Его любимые темы: «патриотизм», «звезды и полосы» *), «человек, идущий за пушкой»— и «как достигнуть успеха». Он кем-то в роде председателя в оппортунистском комитете для патриотов, которые еще не вышли из младенческого возраста.

Мы предоставили столько места г. Клъюсу только потому, что он так *чрезвычайно типичен* для проницательного и могущественного капиталистического *класса*, который правит—когда можно, то по ветру и весьма напыщенно, а когда «необходимо», то при помощи свинца и стали.

Историю г. Клъюса нужно заботливо раз'яснять юношам и девушкам из рабочего класса. На Юге такие господа называются «демократами», на Севере—«республиканцами». В обеих областях рабочие не являются ни теми, ни другими, если они понимают, в чем дело.

Четвертая иллюстрация: Семидневная битва — «Идейные подстрекатели» и юноши в синем.

Когда вся нация в слезах, то для дельца—это удобный случай.

Всякая ссылка оратора, выступающего 30-го мая, на семидневную битву заставляет «упитанных дельцов» и сановников выставлять грудь колесом, хлопать в ладоши белыми мягкими руками и вопить во все горло в порыве самого ревностного патриотизма. Но давайте заглянем на минутку в историю.

---

*) Национальный флаг.—*Прим. перев.*

В третьей главе этой книги было вкратце отмечено, что одной из причин, почему капиталистам нужна война, является то обстоятельство, что война всецело сосредоточивает внимание народа на одном и только на одном предмете, а именно на войне. Таким образом, пока народ «не смотрит», для дельцов и политиков представляется прекрасный и удобный случай обделать «свои делишки».

И вот я представляю здесь образчик того, как американские дельцы мошенничают, обделывая «свои делишки», пока внимание общества всецело занято войной. Этот пример по бесстыдной предательской развращенности не может быть превзойден самой грязной страницей из истории древней и прогнившей языческой римской империи.

Во время американской гражданской войны Вашингтон служил разбойничьим притоном для тех в высшей степени почтенных воров, промышленных заправил и влиятельных и благочестивых финансистов-пиратов, стоявших за продолжение войны, кто никогда не был вблизи передовых позиций. Самые лучшие отели города Вашингтона были постоянно переполнены этими патриотически настроенными гражданами, «людьми со смекалкой», выдающимися дельцами, собравшимися со всех городов Севера. Это было непрерывное пиршество воров, людей, которые презирали с общественной точки зрения покорных парней, сражавшихся на фронте. В течение всей войны эти раззолоченные, осыпанные золотой пылью бандиты, сидевшие вдалеке от опасностей передовых позиций, хитро замышляли хищения и кражи и набивали себе карманы разными «хорошими вещами»— в то время, как храбрецы с ферм, копей и заводов обливались кровью и умирали на полях сражений, в то время, как жены и матери из рабочего класса страдали в своих опустелых скромных домах. Президент Линкольн ненавидел и приходил в ужас от этих «предприимчивых» людей и иногда изливал свой благородный гнев на них в бессмертных словах, которыми он предостерегал народ *).

---

*) Хорошо известен тот факт, что гражданская война затянулась благодаря махинации спекулянтов, поместивших свои капиталы в процентных бумагах. В то время, как юноши в синем подставляли свою грудь неприятелю в героической борьбе за спасение Союза, за 13 долларов в месяц, денежные акулы спекулировали на солдатской нужде и на бедственном поло-

В ласковую, улыбающуюся весеннюю пору Вашингтон такое приятное место. Дельцам этот город чрезвычайно нравится,—когда там происходит сессия конгресса.

В продолжение многих месяцев, предшествовавших июлю 1862 г., целая группа этих разодетых богатеев стояла лагерем в Вашингтоне—проворных, как ястребы, жадных, как голодные тигры, почуявшие свежую кровь. Вся эта почтенная компания знаменитых вороватых дельцов-христиан обдумывала разные планы и замышляла козни. Хитро устроили эти патриоты-пираты особенно хорошее «дельце», о котором я и хочу рассказать вам здесь.

Как вы помните, за последнюю гражданскую войну было одно сражение, которое называют семидневной битвой. Обратите особенное внимание на даты: с 25-го июня по 1-е июля 1862 г. — семь дней—кровавая, страшная неделя. По разным причинам эта битва считалась самой критической. Многие вдумчивые люди как на Севере, так и на Юге были уверены в том, что Союз или устоит, или падет, смотря по исходу сражения. Президент Линкольн приказал генералу Мак-Клеллану взять столицу конфедератов—Ричмонд—или отступать поспешно к северу и защищать Вашингтон. По мере того, как столкновение делалось все более и более неизбежным, капиталисты и сановники становились все более и более озабоченными, выжидая момента нанести мастерской удар.

24-го июня вся нация не сводила глаз с Виргинии: одно из самых продолжительных и жестоких столкновений во всей истории человечества было неизбежным. Поэтому 24-го июня для некоторых господ было последним днем специальных приготовлений. На завтра, по всей вероятности, пушки заревут вокруг Ричмонда.

Все было готово (в Вашингтоне)... Согласие было полное (в Вашингтоне)... *«без единого слова обсуждения»* некоторый билль (совершенно в том самом виде, как он был весьма мило исправлен сенатом) прошел в нижней палате большинством 104 голосов против 21. Таким образом было вполне закончено устройство тщательно приготовленной ловушки, ловушки, поставленной «передовыми гражданами», ловушки для крупной дичи.

жении правительства. Как-то президент Линкольн до того был возмущен их жадными и непатриотическими поступками, что заявил: «Нужно было бы прострелить им их дьявольские головы».

На следующий день—25-го июня—пушки начали бухать вокруг столицы конфедератов.

Первый день сражения—25-го июня—был ужасен. Известия с быстротою молнии распространились по всей стране. Миллионы людей побледнели.

Но бандиты, засевшие в Вашингтоне, были спокойны. Ловушка поставлена. Они ждали.

На второй день была бойня.

Еще больше улыбок и упований в лучших отелях Вашингтона.

Третий день битвы был зверским избиением.

Весь народ насторожился, прислушивался. Известия обжигали Север и Юг. Миллионы людей в страхе читали списки павших.

Но разодетые джентльмены не плакали. Они поджидали—с патриотическими чувствами.

На четвертый день—буря крови и железа.

Но выдающиеся дельцы, банкиры, сановники, подстрекатели и другие грабители-патриоты, сидя в безопасности в Вашингтоне—вдалеке от передовых позиций—поджидали, попивали тонкое винцо и с большой уверенностью готовились,—готовились, как готовятся львы броситься на горло своей жертвы.

Линкольн снял свою подпись с этого «некоторого билля», он делал все, что мог, для юношей, сидевших в траншеях, и относился со справедливым подозрением к банкирскому патриотизму Вашингтона.

На пятый день взоры миллионов людей были обращены к Виргинии—и сердца их больно сжимались от печали.

Но некоторые замечательные джентльмены в Вашингтоне весело шутили, ели самое лучшее, что есть на земле, небрежно развалились в удобных креслах, изящно раскидывались на элегантно отделанных диванах, коварно злоумышляли—и поджидали, со спокойной уверенностью поджидали.

Шестой день сражения был «пиршеством смерти». Вся нация, Север и Юг, оцепенели от ужаса войны.

Но некоторые «глубокоуважаемые передовые граждане», дельцы-христиане—при этом все без исключения размахивающие флагами патриоты—потягивали вино, весело болтали, строили козни и, словно змеи, свернувшиеся в клубок, готовые ужалить—ждали, уверенно ждали.

На седьмой день, последний день, крещение кровью и огнем разбило сердце нации. Едва занялась заря, у всех была одна мысль: война—ужасная битва—целую неделю тянется в Виргинии жатва смерти. Миллионы рыдали и с нетерпением ждали получения свежих известий. Ураган смерти совершенно поглотил все внимание нации. Вся нация была охвачена одной раздирающей сердце думой—о семи днях побоища.

Вот этого-то дня и ждали терпеливо и коварно некоторые патриоты, некоторые «энергичные, предприимчивые и обладающие инициативой» люди, некоторые выдающиеся дельцы. Психологический момент! Нация ослеплена яростью, слезами и отчаянием. Первого июля полуобезумевшие от страшной радости и от глубокой скорби люди, миллионы людей, яростно вопили, рыдали и проклинали.

День напряженного ожидания.

Армия Союза отступает—она разбита.

Президент, полный тревоги, почти сходящий с ума от всей этой муки, решает 1-го июля призвать еще 300.000 человек для трехлетней службы.

Величайший момент—для дельцов.

Пора!

Народ не смотрит.

Пора! Поражай, гадюка, поражай!

Бросайся, алчущий золота патриот! Бросайся! Бросайся теперь—хватай свою родину за глотку!

Нельзя терять времени.... Нужно оказать последнее давление на президента.

«Господин президент! Господин Линкольн! Подпишите нам билль! Пожалуйста, подпишите нам сейчас билль—сейчас же. Поживей, господин президент! Не тяните дольше! Теперь же!»

Сотни пушек гремели в Виргинии. Президент лихорадочно пробегал телеграммы с фронта.

Дельцы же—дельцы-христиане—вместе с любящими свой флаг членами конгресса, весьма благородные сенаторы и многие другие сановники, помеченные долларом, прямо или косвенно настаивали на том, чтобы билль был подписан—подписан сразу же, конечно, ради «благоденствия страны».

Президент, принуждаемый алчущими денег патриотами, понуждаемый «высокопоставленными» людьми, президент, на которого оказывали такое давление, когда его душа разрывалась от печали при мысли о семидневном избиении его храбрых добровольцев, когда на лбу его выступал почти кровавый пот от тревожных опасений—президент подписал билль первого июля.

Какой билль?

Билль, которым узаконивалось страшное и бессовестное зло, причиняемое женам и детям храбрецов на фронте; билль, которым узаконивался грабеж государственного имущества и федерального казначейства позолоченными подлецами в то время, как сотни тысяч плохо питающихся, плохо одетых храбрецов стояли под знаменами на передовых позициях от Атлантического океана до Скалистых гор, лицом к лицу с ужасами ада; билль, благодаря которому сановники-христиане внезапно сделались плутократами, размахивающие флагами изменники, благочестиво притворяющиеся патриотами, стали миллионерами; билль, которым были дарованы привилегии Союзной Тихоокеанской железной дороге. Сейчас мы укажем, в чем заключались эти удивительные привилегии. От тысячи терзаний президент был нем и безгласен и совершенно подавлен.

«Известие (о Семидневной битве)», — говорит Родс, — «было для президента страшным ударом. Была разгромлена превосходно снабженная армия, стоившая стольких усилий и столько денег, вышедшая в поход с радужными надеждами на победу и связавшая, по всей очевидности, со своей судьбой судьбы Союза. А теперь ей грозила опасность уничтожения или сдачи. Глава народа должен был взглянуть в лицо такой беде... Тщательные приготовления Севера были сведены на нет... Линкольн похудел и стал угрюмым. В письмах его... этого времени заключается открытое признание поражения».

Но дельцы и сановники, которые «участвовали в игре», хитро подмигивали, ласково улыбались и веселились, распивая шампанское. Они показали «фокус-покус»—они заключили весьма выгодную сделку. «Дело остается делом».

Наступило 2-ое июля. В Вашингтоне некоторые сановники и дельцы были счастливы, так страшно, страшно счастливы—вдали от фронта.

Наступило 2-ое июля. И в то время, как стаи коршунов смело кружились над полем Семидневной битвы, ожидая с нетерпением начала пира, когда можно будет полакомиться разлагающимися трупами храбрых юношей солдат, членов рабочего класса, в то время, как наскоро скидывали во рвы разорванные на части трупы покорных рабочих и забрасывали их грязью и песком; в то время, как могильные черви начали пиршествовать и лакомиться кровью и плотью мужчин и юношей с ферм, копей и заводов; в то время, как 2-го июля раненые мужчины и юноши скрежетали зубами в госпиталях под ножами и пилами хирургов; в то время, как 2-го июля миллионы людей оделись в траур,—в то самое время, когда армия Союза отступала после разгрома,—откормленные смекалистые дельцы праздновали в Вашингтоне *свою* победу, утверждение привилегий, дарованных Союзной Тихоокеанской железной дороге. Целыми месяцами подготовлялись эти выдающиеся подлецы-патриоты, «выслуживая» такую «чудную вещь», как концессия на Союзную Тихоокеанскую дорогу. После ряда месяцев патриотической измены и лисьей осторожности они «высидели» свою добычу.

Они выиграли.

Они праздновали.

Народ в слезах—это удобный случай для разных махинаций дельца.

Выдача привилегии Союзной Тихоокеанской железной дороге является бесспорно, как пояснено ниже, одним из наиболее бессовестных примеров испорченности во всей истории цивилизованного несоциалистического мира, включая сюда даже языческий Рим в эпоху дней его наибольшего нравственного растления. Преступление было так гнусно и так чудовищно, что многие протоколы были потом сожжены—что, по всей вероятности, спасло некоторых знаменитых джентльменов от суда Линча.

Господин Генри Кльюс повествует:

«При расследовании, произведенном при ревизии Тихоокеанской железной дороги в Вашингтоне, был допрошен один из важнейших свидетелей, который сделал весьма замечательное показание, что книги, связанные с постройкой дороги, были сожжены или уничтожены, как ненужный хлам, хранение которого влекло за собой излишние расходы по найму помещения, хотя в этих книгах име-

лись записи сделок, заключенных на сотни миллионов долларов. Эти записи были положительно необходимы для выяснения характера отношений между правительством и его должниками. Был также обнаружен и такой факт, что одно лицо, участвовавшее в прибылях, показало другой комиссии по какому-то другому поводу, что оно присутствовало при том, как происходил дележ прибыли в сумме 54.000.000 долларов. Эта прибыль была разделена поровну между четырьмя участниками, самим свидетелем и тремя другими лицами. От огня не уцелело ни одной книги протоколов, в которых было бы занесено это ценное указание».

Патент на постройку дороги, дарованный 1 июля 1862 г., был изменнически щедр, даже в своей первоначальной редакции, но господа патриоты тыла были крайне ненасытны: они надоедали и рассовывали взятки, пока ровно через два года (2 июля 1864 г.), как раз в то время, когда война была страшно интенсивной и положение было особенно критическим, не добились того, что щедрость условий, указанных в патенте, была увеличена почти вдвое.

Изучи—в главнейших чертах—условия, которые заключались в первоначально пожалованной и дополненной потом грамоте на привилегии. Запомни даты: от 24 июня до 1 июля 1862 г., в неделю Семидневной битвы. А теперь поищи-ка поскорее патриотизм—в этом документе! Вот в общих чертах статьи патента, выданного Союзной Тихоокеанской железной дороге:

Первая статья. В то время, как нация напрягала все усилия на ведение войны, в то время, как солдатам, сидевшим в окопах, платили всего 43 цента в день, и то обесцененными бумажными деньгами, и давали им есть соленую свинину и заплесневелые сухари—в это время дельцы (которым лукаво помогали патриоты члены конгресса и благородные сенаторы) запустили жадные лапы в государственное казначейство и извлекли из него правительственный «заем» железнодорожному Обществу в 60.000.000 долларов в процентных правительственных облигациях, на сумму, более чем достаточную для постройки дороги. Профессор Риплей (Гарвардского университета) говорит:

«По книгам Тихоокеанской железной дороги и Crédit Mobilier явствует, что расходы самого Общества по постройке дороги составляли 9.746.683 доллара 33 цента и что действительные расходы

по контрактам Хокси, Амса и Дэвиса составляли 50.720.957 долларов 94 цента, что дает общую стоимость дороги в 60.467.641 доллар 27 центов».

Этот правительственный заем, столь же верный, как наличные деньги, являлся «пособием» и «поощрением», выданными симпатичным учредителям Союзной Тихоокеанской железной дороги: по 16.000 долларов на милю пути от реки Миссури до Скалистых гор, по 48.000 долларов на милю пути через Скалистые горы и по 32.000 долларов на милю пути по ту сторону Скалистых гор. Несомненно, это была очень щедрая расценка. Коллис Хэнтингтон, бывший долгое время председателем Южной Тихоокеанской железной дороги, заявлял впоследствии, что дорогу можно было бы выстроить при средней стоимости мили пути менее 10.000 долларов. Значительно позже Общество Союзной Тихоокеанской железной дороги (при споре со штатом Юта относительно налогового обложения) показало под присягой инженеров перед Уравнительным департаментом, в Городе Соленого Озера, что средняя стоимость мили пути Ютахской Центральной линии в пересеченной местности равнялась только 7.298 долларов 20 центов.

Милое капиталистическое правительство было достаточно богато, чтобы набивать карманы блистательным, размахивающим флагом предателям шестьюдесятью миллионами долларов в облигациях, столь же хороших, как золото, в виде оказания «помощи» или в виде «поощрения» за патриотизм, которым прикрывались от опасности. Но в то же самое время это милое правительство могло выплачивать «в виде поощрения» «юношам в синем» только 43 цента в день дешевыми бумажонками. «Предприимчивые дельцы» пили шампанское и спали на мягких постелях, а «юноши в синем» пили воду из грязных выбоин от лошадиных копыт и спали на земле.

Вторая статья. Общество Союзной Тихоокеанской железной дороги могло заключить,—это было ловко устроено,—где угодно частный заем в наличных деньгах, под закладную на сумму, равную сумме правительственного займа, т.-е. на 60.000.000 долларов.

Третья статья. Благородные христиане сановники, члены конгресса, и благородные христиане дельцы (все без исключения патриоты) ловко условились, что *первая* закладная должна служить обеспечением *частного* займа в 60.000.000 долларов.

Четвертая статья. Правительство (заправилы внутри и вне конгресса) ловко согласились принять железную дорогу под *вторую* закладную в виде обеспечения *правительственного* займа в 60.000.000 долларов.

Пятая статья. Эти дельцы в политике и политики в делах хитро устроили, что 95% правительственного займа, обеспеченного второй закладной, не должны были приносить проценты *ранее 30 лет после заключения займа,* но что все частные займы должны были сразу же приносить проценты.

Шестая статья. Железнодорожному Обществу ловко было дано разрешение выпустить акции дороги на 100.000.000 долларов.

Акции были проданы членам конгресса и весьма почтенным сенаторам.

Всем этим весьма благородным сановникам акции были проданы ниже биржевой цены.

Оплату акций, проданных сановникам,—это так было ловко устроено,—можно было произвести только после окончания постройки дороги, а дивиденд по акциям выплачивался все время. Например, член конгресса В. Аллисон, позднее сенатор Аллисон, из Айовы (он был так хитер и скрытен, что стал известен под названием «кошачьей лапки») купил партию акций, тоже «исподтишка», от бесчестного Амса; он ничего не заплатил за акции, но, провладев ими только очень короткое время, когда дорога была еще не закончена и находилась в сравнительно жалком состоянии, он уже получил по ним больше дивидендов, чем стоили самые акции. Скандальная история с Тихоокеанской железной дорогой загасила много менее ярких светильников и весьма плачевно омрачила блеск двадцати двух других «великих» имен, как, например, Блэн, Логан, Гарфильд, Колфакс.

Такая подлость «великих» людей страны достойна любопытной лести Эмерсона по адресу проституирующих себя знаменитостей.

«Когда я прочитываю список умных людей, людей с утонченными стремлениями, гигантов на поприще закона или выдающихся ученых или знатных особ, людей богатых и предприимчивых в области коммерции, и вижу, за что они подавали голоса и что они пережили, чтобы за них подавались голоса, то мне кажется, что никогда еще ни одно государство не было предано так вежливо и элегантно».

Одному члену конгресса было дано 500.000 долларов за содействие, оказанное им при проведении закона о даровании привилегий.

«Другие (расходы),—говорит профессор Риплей,—гораздо худшего сорта, имеют отношение к члену правительственной комиссии Корнелию Уэнделлю, которому было поручено обревизовать дорогу и донести, нет ли каких-нибудь правонарушений. Он с места в карьер потребовал 25.000 долларов, еще не приступая к исполнению своих обязанностей... и ему было уплачено так же просто, как он предъявил свое требование—как было выплачено уже много таких «кровавых» денег.

Другой авторитетный писатель говорит так:

«Окс Амс, член конгресса от Массачузетса и защитник Союзной Тихоокеанской железной дороги и относящихся к ней биллей перед законодательными палатами государства, распределил акции Crédit Mobilier между *влиятельными* членами конгресса, оговорив при этом, что стоимость бумаг будет покрыта *дивидендами*, величина которых зависит в значительной степени от того, пройдут или нет билли, которыми жаловались Союзной Тихоокеанской железной дороге земли и предоставлялись деньги. Билли прошли. Дивиденд по акциям был выплачен в первый же год, и в пользу тех лиц, которым акции были подарены, очистилась еще некоторая сумма после погашения значившегося за ними долга. Общая сумма прибыли от *постройки* дороги на 43.925.328 долларов превышала все расходы, и в этой прибыли имели крупное участие те держатели акций, члены конгресса, которые провели железнодорожные привилегии».

Седьмая статья. Сановные дельцы хитро условились, что когда правительство будет пользоваться дорогой (на постройку которой оно дало больше денег, чем было нужно), то половина регулярной платы должна уплачиваться наличными деньгами, а другая должна зачисляться в погашение долга правительству.

Восьмая статья. Обществу Союзной Тихоокеанской железной дороги, включая и линию Центральной Тихоокеанской железной дороги (та же система)*), были хитро предоставлены—беспошлинно—половина всей земли в пределах двадцатимильной полосы отчужде-

---

*) Такие же льготы и субсидии были предоставлены в то же самое время и О-ву Центральной Тихоокеанской железной дороги.

ния и «весь строевой лес, железо и уголь в пределах шестимильной полосы отчуждения»—всего 25.000.000 акров земли. «Если считать стоимость акра в 2,5 доллара, — говорит проф. Эндрьюс (ректор университета в Небраске),—то стоимость одной земли покрыла бы с лихвой издержки по постройке дороги». *Северная* Тихоокеанская железная дорога получила в подарок, как раз на два года позднее, 47.000.000 акров земли, стоимость которой по оценке специалиста по данному вопросу равняется, вероятно, сумме в 990.000.000 долларов, а может быть, даже в 1.320.000.000 долларов. Это дает нам некоторое представление о стоимости 25.000.000 акров земли, подаренных Союзной Тихоокеанской железной дороге.

К этому стоит еще добавить, что «учредители Северной Тихоокеанской железной дороги, благодаря недобросовестным контрактам и разным обманам, вывели стоимость 600 миль этой дороги, законченной постройкой к 1874 г., в сумме 143 миллионов, тогда как действительные расходы составляли всего двадцать два миллиона».

Девятая статья. Неоднократно Общество Союзной дороги уклонялось, когда ему это было выгодно, от выполнения предательски легких условий, которые были указаны в договоре, но неизменно патриоты из Вашингтона и выдающиеся железнодорожники ловко «об'единялись», устраивали то или иное «джентльменское соглашение», и договор не отменялся.

Как было отмечено выше, этот договор, в той редакции, в которую были внесены сенатом поправки и которая была утверждена президентом 1 июля 1862 г., был принят при окончательном «обсуждении» в палате лже-народных представителей большинством 104 голосов против 21—«без всяких прений»:

Профессор Парсонс так подводит итоги по этому вопросу.

«Учредители Общества получили от конгресса больше денег, чем стоила дорога, затем снова заняли под нее деньги у частных лиц в размере всей стоимости дороги, выпустили акции опять-таки на сумму, превышающую стоимость постройки, продали их и извлекли от продажи значительную сумму, и кроме того оставили за собой самую дорогу и контроль за доходами от нее».

Трудно себе представить весь размах этого мастерски задуманного плана, тонко проведенного господами сановными мошенниками-

патриотами («из любви к отчизне, семейному очагу и Господу Богу»), не сказав еще нескольких слов о пожалованных землях.

Семидесяти девяти железнодорожным Обществам (из коих двадцать одно «непосредственно одарено конгрессом») было даровано 200.000.000 акров земли (в виду отобрания части земли от некоторых дорог общее количество понизилось до 158.286.627 акров).

«*Свыше половины всей земли было даровано законодательными актами, изданными за период времени с 1862 по 1864 год*».

Иначе говоря, за двадцать четыре страшных месяца, как раз в то время, когда нация обливалась кровавым потом, когда внимание народа было поглощено только войной, как раз в это именно время патриоты-сановники отдали железнодорожным деятелям, не проливщим ни единой капли крови «за знамя», отдали этим господам, «обладающим предприимчивостью и инициативой», такое количество народной земли, которого хватило бы для наделения всех 800.000 человек, числившихся в армиях Союза в 1865 г., считая по 25 акров земли на каждого.

Профессор Парсонс говорит: «общее количество всей земли, пожалованной только государством, доходило до 215.000.000 акров».

«О многих железнодорожных обществах можно было бы повторить то же, что было сказано одним английским капиталистом, осматривавшим... владения О-ва Центральной Иллинойской железной дороги: «Это не железнодорожное Общество, а земельное».

Интересно (и поучительно) отметить, что патент, выданный обществу *Северной* Тихоокеанской железной дороги на 47.000.000 акров земли, с еще более щедрыми дополнениями, чем Союзной железной дороге, был утвержден 2-го июля 1864 года, *как раз в то время*, когда внимание народа опять было занято двумя особенно страшными кампаниями, поглощавшими всецело внимание страны: ожесточенно сражались огромные армии Гранта и Ли, а Шерман с 98-ю тысячной армией яростно и почти беспрерывно бился с сорока пятитысячной армией Джонстона с 1-го июня по 2-е июля 1864 г. Как указано выше, Северная Тихоокеанская дорога получила 47.000.000 акров земли.

Суммируя все данные, профессор Парсонс говорит, что три железных дороги — Союзная Тихоокеанская, Центральная и Северная

ихоокеанская — стоили немного меньше 132.000.000 долларов, но стоимость их выводилась в сумме свыше 383.000.000 долларов— иными словами, 250.000.000 долларов были указаны фиктивно (две трети общей стоимости дорог). Так обманывает и лжет *коммерческий патриотизм.*

Этот небывалый грабеж был хитро задуман («конечно, для развития страны») в тщательно охраняемых залах лучших вашингтонских отелей за обеденными столами, за стаканом вина, а мужчины и юноши из рабочего класса, полуголодные и истомленные, послушно истребляли в это время по команде друг друга за 43 цента в день, которые им всучали пираты-патриоты в обесцененных бумажных деньгах. В то время, как нация слепнет от слез и кровь простых, обыкновенных людей льется потоками из их разорванных тел, «деловой» человек, с благочестивым патриотизмом говорящий высокопарно о «славном флаге», коварно подкрадывается к государственным кладовым, бесстыжий громила, лезет на абордаж государственного корабля—бессовестный пират!

Пятая иллюстрация: Освободительная война на Кубе.

Воспоминание о «Мэне».

Итак, вы участвовали — или хотели участвовать — в испано-американской войне?

Прекрасно, мне хочется об'яснить вам, с какой целью капиталисты взвинчивали молодых людей—старательно взвинчивали их— а потом посылали на Кубу в 1898 году.

Для этого было несколько весьма серьезных причин.

1. Американские капиталисты уже были заинтересованы в различных предприятиях на Кубе, и им было известно, что если Куба перейдет к Соединенным Штатам, то их капиталы будут более обеспечены, стоимость их увеличится — и, стало-быть, они принесут больше дохода.

2. Американским капиталистам хотелось вытеснить испанских капиталистов, чтобы иметь больше возможности расширить на Кубе сферу влияния американских капиталов — и, стало-быть, получать больше прибыли.

3. Кроме того, некоторые американские капиталисты и пронырливые благородные сановники приобрели облигации кубанских революционных займов по чрезвычайно низким ценам или получили

их бесплатно, в надежде на то, что капитал и выплата по нему будут гарантированы правительством Соединенных штатов, благодаря чему облигации поднимутся в цене по крайней мере до номинальной стоимости—что принесло бы им колоссальные барыши.

За это они и стали бороться.

4. Затем была еще некоторая вероятность (серьезно обсуждавшаяся в Вашингтоне выдающимися государственными деятелями), что испанские облигации, имеющие отношение к Кубе, выпущенные ранее испанским правительством и обеспеченные доходами с острова и доходившие, по словам некоторых лиц, до сотен миллионов, тоже могут быть гарантированы правительством Соединенных Штатов.

В случае войны судьба этих облигаций была бы сомнительной, они, конечно, упали бы очень сильно в цене, и их можно было бы приобрести почти что даром.

Если же облигации были бы гарантированы нашим правительством, то они могли бы сильно подняться в цене и сделаться «выгодным делом» для тех, кто купил их по ничтожной цене, а затем приложил все усилия к тому, чтобы правительство их гарантировало.

Здесь снова конечной целью являются барыши.

5. Американские капиталисты прекрасно знали, что вмешательство на Кубе повлечет за собою дорого стоящую войну, которая будет связана с такими значительными расходами, что «придется» выпустить правительственные облигации, приобретая которые, покупатели могут доить народ, получая проценты по займу в течение целого поколения или еще дольше. И действительно, правительству был разрешен выпуск облигаций «на покрытие расходов по ведению войны на Кубе» в сумме 500.000.000 долларов из 3%, не подлежащих налогу. Приобретая этот заем по номинальной стоимости, можно было получать ежегодно кругленькую сумму в 15.000.000 долларов, не говоря уж о других колоссальных денежных выгодах.

«На самом деле был сделан 3% заем всего лишь на 200.000.000 долларов. Общая сумма подписки на заем (приказы на покупку бумаг) достигла 1.400.000.000 долларов... В течение нескольких месяцев почти весь заем сосредоточился в руках сравнительно небольшого числа лиц и учреждений».

Это значило, что патриоты, покупатели облигаций, которым не приходилось питаться на фронте мясными консервами, *имели желание* купить облигаций *в восемь раз больше, чем их было предложено*, и таким образом из нежной любви к родине с выгодой для себя присосаться, как пиявки, к народному телу.

6. Не было никакого сомнения, что такая война чрезвычайно сильно отзовется на оживлении дел и таким образом увеличит барыши.

7. Кроме того, из-за войны на Кубе «пришлось бы» держать под ружьем большую постоянную армию. А армия очень помогает капиталистическому классу держать в повиновении рабочий класс — когда дело касается барышей.

Итак, было семь, если не больше, патриотических (и выгодных) причин, чтобы приняться за «освобождение» Кубы.

Они нас дурачили—не так ли? Они орали: «Вспомните «Мэн»!» При этих криках у нас вскипала кровь—мы лезли вперед, как бараны,—не правда ли? Но теперь мы поостыли—разве не верно? Давайте посмотрим: положим, большой корабль гибнет на неглубоком месте, как погиб «Мэн», и, положим, на борту его три дюжины молодых людей из семейств видных американских капиталистов—*детей миллионеров*. Как вам кажется, разве гордый корабль продолжал бы вязнуть в иле со своим драгоценным грузом в течение десятка лет?

А приходило ли вам когда-либо в голову следующее? Если испанцы взорвали «Мэн» подводной миной, то как вы себе об'ясняете тот факт, что броня «Мэна» была выгнута *кнаружи, а не внутрь* в месте повреждения? *Почему правительство Соединенных Штатов не доводит расследования до самого конца?* Почему расследование внезапно прекращается как раз в тот момент, когда обнаруживаются чрезвычайно интересные вещи? Как раз в тот момент, когда начинает казаться, что получаются такие данные, которые изумят весь мир?

Вам это не приходило в голову? Разве для некоторых американских капиталистов не было бы выгодно подкупить каких нибудь мерзавцев, чтобы они взорвали «Мэн» изнутри? Ведь *было* же выгодно для капиталистов снабжать солдат Союза во время американской гражданской войны такими испорченными винтовками, что

тысячи из них разрывались в руках юношей-солдат! Тысячи пушек, *проданных правительству и переданных в армию*, носили на себе пометку: «Брак». Прочитайте об этом в книге Густава Майера «История возникновения крупных американских состояний». Тогда, услышав разные глупые выкрики, в роде: „Вспомните «Мэн»“, вы не будете так сильно горячиться и вам не очень захочется записываться на военную службу.

Конечно, вам говорили, что целью американского вмешательства на Кубе было освобождение бедных, страдающих, эксплоатируемых жителей Кубы: обычная порция филантропии, лести и шумихи. Сенаторы и члены конгресса произнесли несколько блестящих речей, исполненных необычайной силы и редкой красоты. Но ни красота, ни сила, ни красноречие не убедили никого из блестящих сановных ораторов пойти на войну. Пожалуй, этого не было.

Если бы правительство Соединенных Штатов немедленно признало за революционной Кубой право стать суверенным государством, обладающим *международными правами и привилегиями*, то жители Кубы освободили бы себя сами. Так Франция признала в 1778 году слабое мятежное американское революционное правительство, и это признание удивительно помогло нам.

Американские капиталисты просто искали в 1897—98 гг. по всему миру удобного случая, чтобы набить себе карманы. Под рукой был легко возбудимый элемент в лице молодых людей и мальчиков, которые являлись вооруженными наемными руками, наемными кулаками, хотя, конечно, эти самые наемники были потом оставлены на произвол судьбы, заболели, погубили свое здоровье — и были встречены надменным смехом.

Братья, ветераны войны на Кубе, ловкие люди взвинчивали вас, водили вас за нос, сбивали вас с толку, потом пользовались вами и так безгранично вас презирали, что некоторых солдат кормили кониной, когда вы стояли в лагерах в пяти милях от Вашингтона по пути на войну,—так передавали некоторые из вас, — а на поле сражения давали вам мясные консервы, запаянные за несколько лет до того, такие консервы, из которых выходил со свистом скверный запах, когда в коробку втыкали острие ножа, консервы, которые не годились для паршивой собачонки или стервятника.

Вас взвинчивали?

Да, это именно и было с вами.

Человек возбужден и совершенно сбит с толку — разве не правда?—когда он распевает: «Страна моя, моя отчизна!» в то самое время, когда эта отчизна кормит его мясом, которое не годится для собаки. Господин Рузвельт сознается, что потребовалось особое усилие, чтобы взвинтить вас, кроме того он рассказывает нам еще другое:

«И с того момента, как полк начал собираться, высшие офицеры не переставали вливать в своих подчиненных дух бодрости и готовности к бою, непреклонную решимость скорее биться до смерти, чем опозорить себя... лихорадка изнурила и ослабила солдат так, что многие из них умерли от нее в течение ближайших же месяцев, последовавших за их возвращением домой... Мы нашли всех наших убитых и всех тяжело раненых... Один из наших убитых и большинство павших испанцев были сначала найдены коршунами, а потом уже мы наткнулись на трупы. Трупы были растерзаны, глаза вырваны и раны расклеваны... После сражения произошел очень трогательный инцидент в импровизированном госпитале под открытым небом, где лежали раненые... Один из них вдруг начал напевать: «Страна моя, моя отчизна», к пению один за другим стали присоединяться другие раненые, и образовался хор, который разрастался все шире и шире под тропиками, где победители лежали в лагере рядом со своими павшими».

Как мило, до чего удивительно нежно! Как чрезвычайно трогательно—«биться до смерти».

Хищные птицы вырывали глаза у некоторых храбрых юношей и пировали на их трупах; некоторые из них стали добычей могильных червей; скверные болезни изнурили многие тысячи из них, а многие вернулись домой—«на свою *дорогую* отчизну» — такими нищими, что должны были просить подаяния на улицах Филадельфии, Нью-Иорка и других городов.

Их дорогая отчизна.

Они «бились на смерть» ради своей дорогой отчизны.

Запомните: хищные птицы и могильные черви полей сражений не кормились «выдающимися людьми», которым фактически принадлежит эта «дорогая отчизна».

«Высшие офицеры» не могут влить в банкира или заводчика такой «дух бодрости и отваги», чтобы они устремились на смертельную схватку и чтобы им коршуны вырывали глаза и с'едали потом их истерзанные трупы.

Этих господ нельзя ввинтить—ни в каком случае.

Это сообразительные люди.

Они не бросаются «в смертельную схватку», они бросаются на Кубу.

Куба казалось им заманчивой, а вы покладистыми.

Вы были нужны этим господам для их дел. И они завладели вами, ветераны кубанской войны.

Несколько интересных данных, касающихся этого вопроса, появилось на свет Божий и попало в газеты—на неизвестные столбцы немногих газет. Чьи угодно порывы «патриотическаго восторга» еще больше увеличатся при ознакомлении с немногими из этих «откровений». Ниже приводятся несколько данных, почерпнутых из нью-иоркской «Tribune».

«Согласно сообщению, сделанному вчера кубанской юнтой, республика Куба (через десять лет после окончания войны с Испанией) выпустила на 2.000.000 долларов облигаций, уплачиваемых золотом из 6%. Из этого количества было продано облигаций на 500.000 долларов по среднему курсу 50 за сто... Среди покупателей этих облигаций было много выдающихся финансистов нашего города. И теперь цена бумаг поднялась до 60% их номинальной стоимости, тогда как они продавались первоначально по курсу 50...

...«Вопрос о размещении облигаций республики Куба за последние несколько дней обсуждался в некоторых кругах... Пред'является серьезное обвинение, что облигации раздавались в Соединенных Штатах направо и налево всем влиятельным лицам, которые вследствие этого становились заинтересованными в том, чтобы республика Куба была в таких отношениях с Соединенными Штатами, чтобы облигации сделались ценными. Указывают на многих деловых людей, владельцев газет и даже лиц, состоящих на государственной службе, как на получивших такие облигации в подарок...

...«Сегодня в заседании парламентской комиссии по иностранным делам обнаружились интересные факты. Б. Ф. Гуэрра, депутат-казначей республики Куба, представил свои книги, и они были

обследованы комиссией. Он об'яснил, что облигации на 10.000.000 долларов, на какую сумму было разрешено сделать выпуск... были проданы по разным ценам, и что самая низкая цена была 25 центов за доллар... Облигации на миллион долларов были сданы на хранение гг. Бельмонт и К° в Нью-Иорке для продажи по фиксированной цене, но не ниже 45 центов за доллар.

...«Господин Гуэрра был спрошен относительно испано-кубанских облигаций, выпущенных под обеспечение доходами с острова. Он ответил, что ему неизвестно, на какую сумму они были выпущены; говорят, что их выпущено на 400.000.000 долларов... Депутат-казначей Гуэрра был также сегодня на заседании сенатской комиссии по иностранным сношениям. По его словам, облигации Кубы, предлагавшиеся на продажу, можно было иметь в среднем по 40 центов за доллар...

«Некоторые из членов конгресса, республиканцы... заняты исследованием вопроса относительно того, могут ли быть ответственны по международному праву Соединенные Штаты перед держателями испанских облигаций, общая сумма которых доходит, по словам некоторых, до 400.000.000 долларов, выпущенных под обеспечение доходами с острова, если Соединенные Штаты вмешаются в дела Кубы и лишат Испанию доходов. Г. Бромуэлл говорит, что он занимается этим вопросом и находит в законе некоторое основание для такой ответственности...

«Член конгресса имя-рек (в газете указано имя полностью), говорил сегодня на заседании, что у него в кармане на 10.000 долларов облигаций Кубы... а г. Кольсаат обвиняет юнту в передовой одной из чикагских газет в том, что она предлагала взятку в 2.000.000 долларов облигациями Кубы одному жителю Чикаго (одному человеку!), чтобы использовать его влияние на администрацию с целью добиться признания временного правительства...

«Мр. Гуэрра сделал поразительное заявление, что некто, являющийся представителем группы лиц из Вашингтона, предполагал склонить юнту к продаже облигаций на 10.000.000 долларов по 20 центов за доллар. Он буквально угрожал нам, что если мы не предоставим ему облигации по предложенной им цене, то Куба никогда не получит признания. Он говорил, что готов уплатить нам сейчас же 2.000.000 долларов в американской валюте за

10.000.000 долл. облигаций Кубы, но предложение его было отклонено».

По мере того, как увеличивалась возможность «обделать дельце», нежные сердца сановников начинали, конечно, сильнее биться и они поднимали мелодичный патриотический вопль о вмешательстве. Были пущены в ход многие могущественные газеты для «обработки» рабочего класса, и скоро десятки тысяч покорных рабочих преисполнились яростной готовности ринуться на фронт, чтобы «помочь бедным жителям Кубы».

Но очень видный авторитет, профессор Мак-Мастер (Пенсильванского университета), уверяет нас, что насилия испанского правительства над жителями Кубы *были обычным явлением в течение более пятидесяти лет*. «Жители Кубы поднимали восстание *шесть раз за эти пятьдесят лет*». Но, пока интересы американских капиталистов не были глубоко затронуты, вмешательство не казалось «благородным», «великим» и не являлось исполнением «Господней воли». В течение же 1895 года свыше 50.000.000 долларов американских денег было вложено в копи, железные дороги и плантации на Кубе. Наша ежегодная торговля с Кубой выражалась в сумме 96.000.000 долларов».

Пришло время проливать слезы—с пользой для себя.

Отсюда речи, преисполненные слез, и могущественные передовицы о вмешательстве. Как любили ораторы и дельцы, сидящие вдалеке от передовых позиций, «людей, стоящих у пушек». Приведем еще несколько доказательств.

«Коробки мясных консервов... громадное большинство считало их нес'едобными. Мясо было скверного качества, жилистое, безвкусное и весьма непривлекательного вида. Оно было так противно на вкус, что людей тошнило, и приходилось делать над собой усилие (!), чтобы заставить себя есть. Большая часть солдат предпочитала скорее голодать, чем есть консервы... Так как девять десятых солдат были более или менее серьезно больны, то недоброкачественность походной пищи сказывалась на здоровье солдат еще сильнее... В некотором отношении испанское продовольствие предпочиталось нашему... У нас не было сделано ровно ничего в отношении надлежащего питания наших больных и раненых в течение большей части войны... 1-го июля, в день сильного боя, в нашем

расположении было, насколько нам удалось установить, всего два походных госпиталя, которые были в состоянии работать—но ни одного из них мы не видали... Несколько раз я посещал большие госпитали, расположенные в тылу. Оборудование их было ниже всякой критики вследствие недостатка средств, недостатка докторов, сиделок и санитаров... Раненые и больные, которых эвакуировали в тыл (в госпиталя), так страдали, что если только представлялась какая-нибудь возможность, то они возвращались в строй. Лихорадка начала вносить сильное опустошение в наши ряды... не больше половины людей могло являться на перекличку... Но вместо этого солдатам выдавалось ужасное вещество под названием «консервированного свежего мяса»... В лучшем случае оно было жилистым и безвкусным, в худшем—от него тошнило. Из него никогда не с'едалось и четвертой части, даже если солдаты были очень голодны... Консервированное мясо оказалось на практике совершенно нес'едобным... Когда мы были распущены, то многие лишились работы и были слишком слабы, чтобы сразу же приняться за работу. Конечно, среди них было несколько вообще слабосильных, но были и другие, вполне бравые и уверенные в своих силах, которые так ослабели от ран и лихорадок, что им пришлось обращаться с просьбами о помощи...» (Рузвельт, «The Rough Riders»).

В то время, как наше правительство кормило своих солдат мясом, непригодным для собаки, наша вывозная торговля отправляла в Европу миллионы фунтов лучшего в мире мяса на с'едение аристократическим выскочкам из «высшего класса».

Шекспир обращался к вдумчивому человеку с таким вопросом: «Что вы хотели бы, чтобы я сделал? Пошел, по-вашему, на войну? Где человек может прослужить семь лет, чтобы потерять ногу, и не иметь в конце концов достаточно денег, чтобы купить себе деревянную?»

«Освобождение Кубы» было... а чем же оно было? Переменой хозяев для рабочего класса Кубы и «старательностью Иванушки-дурачка» для солдат, членов американского рабочего класса, как признавались многие из них сами—признавались, посылая проклятья коварным выдающимся людям, завлекшим их на поля битв.

Шестая иллюстрация: Как вытягиваются при команде «смирно!» перед цивилизованными людоедами.

Займемся на минуту рассмотрением недавно происходившей войны между христианской Россией и языческой Японией, войны, которая велась за капиталистический контроль над Манджурией. Дрался, как обычно, конечно, рабочий класс.

Хорошо известно, что экономические интересы японских капиталистов-язычников в Манджурии толкнули японских сановников на недавнюю войну с Россией. У русских капиталистов-христиан были совершенно такие же поводы к войне. Ниже приводится несколько фактов, над которыми следовало бы поразмыслить тем духовным последователям Христа, которые осмеливаются относиться с презрением к «грязному материализму язычника-японца, лишенного спасения».

1. В течение ряда лет, предшествовавших 1903 году, христианин-царь, христианка-императрица и многие из их друзей-христиан были против войны, угрожавшей разразиться из-за Манджурии.

2. В 1903 году была организована царская Лесная Компания для выкачивания многих миллионов долларов в виде барышей, которые должны были быть извлечены из обширных строевых лесов в долине реки Ялу, «полученных» от языческого корейского правительства.

3. В 1903 году царь, царица и многие из их друзей вступили в Лесную Компанию, приобретя партию акций на сумму нескольких миллионов долларов.

4. Будучи связаны с Кореей, *в качестве капиталистов*, *экономические* интересы коих нужно было защищать, царь, царица и их друзья немедленно же и круто изменили свой взгляд на вопрос о войне и стали сильно покровительствовать войне, которая казалась теперь необходимой для защиты их собственных интересов, связанных с Лесной Компанией на реке Ялу. Теперь, конечно, стало совершенно ясно, что «царство Христово можно распространить на язычников», проповедуя об этом... острием штыка.

Отсюда два года избиения братьев братьями—которым раньше внушили, как следует, что они «враги».

Вполне возможно, что 47.387 японских солдат, убитых за эту войну, могли не иметь надлежащего представления о действительных мотивах, заставивших царя об'явить войну; но, с другой стороны, в течение войны 320.000 раненых и больных было эвакуиро-

вано с полей манджурских битв в Японию. У этих солдат за время лечения гноящихся ран и восстановления расстроенного здоровья было достаточно свободного времени, чтобы об'яснить себе тот несколько обманчивый идейный мотив для ведения христианской войны, которую об'являют «во имя Христа» и которая на самом деле охраняет лесопильные заводы.

Эта страшная война длилась два года. Но, по всей вероятности, она закончилась бы через шесть месяцев за недостатком денежных средств, если бы дельцы-христиане и кроткие «образованные» христианки всего мира отказались давать взаймы деньги двум хитрым шайкам официальных негодяев России и Японии, которые заставляли сотни тысяч покорных рабочих избивать друг друга в Манджурии. Вот почему нужно приписать двадцатичетырехмесячное жестокое кровопролитие, нужно поставить его в вину не только христианам-варварам—царю и его друзьям и не-христианам—микадо и его друзьям-капиталистам, язычникам, но равным образом и цивилизованным, закутанным в меха, правоверным дикарям Западной Европы и Соединенных Штатов, кто с такой волчьей алчностью добивался незаработанных доходов от процентов по облигациям военных займов, кто стремился, ссужая взаймы деньги, раздувать пламя войны, кто желал поощрять оптовое убийство, желал орошать землю кровью и слезами рабочих—значит, кто желал глубоко всадить клыки промышленников в содрогающееся тело японских и русских тружеников. Причина войны всегда одна и та же.

Как-то во время войны японские сановники предложили в Сан-Франциско на продажу процентные облигации японских государственных займов. Моментально дамы-христианки с выхоленными белыми ручками и местные джентльмены кинулись наперебой покупать эти языческие, запачканные кровью облигации. Облигации были раскуплены в один миг—с бесстыдной быстротой жадности. Для покупки облигаций было предложено гораздо больше наличных денег, чем было выпущено на рынок бумаг. А ныне господа «передовые граждане-христиане», которые намозолили себе язык, понося Христа-Миролюбца, которые только-что хохотали громким и презрительным смехом над благородным чувством братства всех людей— теперь эти знаменитые почтенные людоеды удовлетворены, ибо, приобретя облигации, они прижались своими презрительными устами

к кровеносным сосудам далекого японского рабочего класса и в продолжение целого поколения будут теребить и сосать—как великолепные тигры, схватившие за глотку обыкновенных рабочих упряжных лошадей—будут сосать промышленную кровь рабочего класса, презираемого ими.

Такой процесс высасывания крови будет называться «делом».

Кровь, которую они высасывают, будет называться «процентами».

Раззолоченные людоеды будут попрежнему называться «самыми лучшими гражданами Сан-Франциско».

Их случайные пожертвования в пользу христиан-миссионеров, работающих в Японии, будут называться «удивительной щедростью».

Их «виды» на «гармоническое единение труда с капиталом» будут приводиться во многих капиталистических газетах, как пример «здравых советов».

И, довольно странно, эти вылощенные убийцы, соучастники преступления—particeps criminis—будут себе разгуливать, не боясь виселицы,—такова ирония существующего порядка вещей.

И эти выдающиеся соучастники международного убийства будут—с коварной заботливостью—навещать иногда арсеналы и казармы в Сан-Франциско и старательно льстить милиционерам из рабочего класса и регулярным солдатам из рабочего класса, будут льстиво уговаиврать их решиться на безумный шаг,—поступить на службу для постоянной охраны тех, кто презирает, предает и обескровливает рабочий класс по всему миру.

Братья, что же, поддадитесь ли и вы на обман, заманят ли вас в траншеи, будете ли вы шлепать по грязи, убивать своих братьев и проливать кровь за таких господ? Будете ли вы вытягиваться по команде «смирно!» перед такими международными пиявками? А как же насчет верности своему собственному классу?

Преподобный д-р Вальтер Уолш пишет относительно международных пиявок, покупателей облигаций:

«В силу самого условия своего существования международный капитализм не имеет иной родины, кроме Эльдорадо, иного властелина, кроме Маммона, иной политики, кроме Дела... Служители Маммона всех наций отрекаются от всякой верноподданнической присяги, если только она когда-либо или где-либо начинает проти-

воречить присяге, которую они принесли капиталу и процентам. Разнородная и многоязычная толпа миллионеров, эксплоататоров, отдающих деньги взаймы, игроков... или преклоняющийся перед ними и им служащий кружок женщин, играющих роль в политике,—все они заняты только одной мыслью—о прибылях и убытках... Благодаря перемещению капиталов из родной страны за границу, капитализм перестал быть национальным... этот разжиревший капиталистический порядок».

Английский философ Фредерик Гаррисон преподносит такой комплимент международным капиталистам, обожравшимся барышами:

«Как ни верти, а выходит все одно и то же—нам приходится итти на войну положительно ради денежных интересов нескольких богачей... Все это является весьма желательным для подобных господ. Но страна вовсе не заинтересована в том, чтобы гарантировать им такие барыши, привилегии и места. Страна совершила бы кровавое преступление, если бы стала закреплять эти гарантии ценою войны. Интересы богачей и авантюристов вовсе не являются британскими интересами, а интересами некоторых британских подданных. И как велика пропасть между их интересами и войной, завоеваниями, владычеством и аннексиями».

«Война—редкая гостья, если только ее не заманивает к себе богатство» (Драйден).

«Золото и власть — вот главные причины войны» (История Тацита).

«Большая и долгая война никогда не может опираться только на один этот принцип (патриотизм)» (Георг Вашингтон в письме к Джону Баннистеру 21-го апреля 1778 г.).

«Пусть один глупец к войне стремится,

«Где, многих кровь пролив, часть обогатится» (Шенстоон, «Суд Геркулеса»).

«Когда ведутся войны, то они ложатся всей тяжестью на массы, на производящий класс, который и страдает от войны». (Генерал Грант).

Седьмая иллюстрация: Американские казаки.

«Человек, сидящий верхом на коне» всегда был символом деспотизма. Перед ним должен умолкнуть всякий инакомыслящий. Он убивает рассуждение и истребляет демократию. В истории он

являлся всегда во образе честолюбивого генерала, захватывавшего в свои руки политическую власть и становившегося самодержцем. Его всегда страшились все, кто работал ради освободительного движения. «Человек, сидящий верхом на коне» перестал быть для Америки мифом. Он воссоздан неронами американского капитализма, которому он с гордостью служит за паек и лесть—баловень «генералов-от-промышленности».

Цари России прибегали к помощи казаков и рекомендовали их всем правителям мира.

Американские казаки уже в течение нескольких лет несут службу в некоторых местностях Соединенных Штатов. Они бесстыдны, опасны и вполне отвечают своему назначению. По всей вероятности, на протяжении ближайших десяти лет число их в Соединенных Штатах увеличится на целые тысячи, а нахальство — до бесконечности. *Рабочему классу необходимо понять, как следует, что такое казак.* А вот и пример.

Во время забастовки на антрацитовых копях в 1902 году 145.000 покорных углекопов, которые зарабатывали в среднем 1 доллар 29 центов в день, боролись ради получения нескольких лишних копеек за свой труд, чтобы иметь возможность прокормить и одеть себя и свои семьи. Во время этой забастовки следующий храбрый поступок был совершен конным милиционером, американским казаком, состоявшим на службе у тиранов, которым принадлежат огромные залежи антрацита.

Конный милиционер, вооруженный современной винтовкой и дальнобойным револьвером, с двойным рядом патронов и дубинкой на поясе, важно проезжал по улице каменноугольного поселка, храбро грозя безоружным труженикам и поглядывая с геройским видом на покорных женщин и беззащитных ребят, стоявших у дверей хижин. Вместе с этим упитанным, избалованным, вооруженным и сидящим верхом на коне скотом держались *наготове и капиталисты.* Они были *наготове,* они приготовились, хотя и находились сами за сотни или за десятки тысяч миль от этого поселка. *Автоматически действующий клык* капиталистического класса был при исполнении своих обязанностей. Внезапно он крикнул одному старику-забастовщику, «одному подручному углекопу», ветерану гражданской войны: «Стой!»

*

Затем, указывая на пыльную дорогу, «человек, сидящий верхом на коне», американский казак, сказал голодному старику: «Марш! Ступай сюда! Ступай сюда, чорт тебя подери! Сейчас же сюда, на дорогу—и марш, ступай вперед! Иди передо мной! Помни, я буду ехать за тобой, чертов бездельник! Иди, как следует, чорт тебя подери! Если ты сделаешь хоть один шаг в сторону или просто будешь глазеть по сторонам, то я всажу в тебя пулю! Ну, ступай!»

Шествие началось. Так этот хорошо одетый, сидящий на хорошей лошади, хорошо вооруженный, молодой рабочий, американский казак, ехал час за часом — целых полдня — на несколько шагов позади истомленного раба заработной платы, ветерана гражданской войны—ехал все вперед да вперед под лучами палящего солнца, на продолжении многих томительных миль вдоль реки Сусквеганна (по направлению к Геттисбергу). Наконец, после долгого пути, благородный герой, восседавший на лошади, окликнул старого героя, тащившегося пешком: «Стой! Видишь вон ту дорожку, через гору? Да? Ладно, так ступай, старый хрыч, порой-ка на горе песочек, да побыстрее! И вот что я тебе скажу — если ты когда-нибудь покажешь еще раз свою тощую старую рожу на антрацитовых копях, то я застрелю тебя, как собаку! А теперь пошел, полезай на гору, старый... Полезай на гору и убирайся с моих глаз долой, или я застрелю тебя. Пошел!»

Устало начал карабкаться на гору старый боец Союза. Когда наконец он ушел от своего благородного мучителя, то присел отдохнуть — подумать — подумать «о нашей свободной стране».

Много лет тому назад этот самый старик гордо маршировал — во времена своей пылкой молодости — под «звездами и полосами», направляясь на окровавленные поля сражений, рискуя всем, всем для защиты «своей родины» и дорогой «Старой Славы». Однажды, как он мне передавал, знамя обагрилось его собственной кровью... *но теперь «Старая Слава» насмехается над стариком, живущим на заработную плату. Генералы-от-промышленности, капиталисты, промышленные цезари захватили флаг в свои руки и с дьявольской хитростью пользуются этим самым флагом для защиты своего собственного промышленного деспотизма. Теперь искусно льстят и подкупают взятками сыновей и внуков ветеранов гражданской*

войны и предоставляют им гнусную роль в руссификации Америки. Сыновья и внуки становятся казаками и осыпают бранью старых бойцов, живущих теперь на заработную плату, за то, что они просят у американских капиталистов *несколько лишних центов* в день для плохо питающихся, плохо одетых женщин и детей, живущих в скверных условиях в мрачных домах рабов заработной платы.

Предсказание: В десяти штатах будут очень скоро казачьи отряды, если только эти проекты не встретят сильнейшего противодействия со стороны рабочих, имеющих право голоса.

«Милиция не очень охотно приступает к исполнению своих обязанностей во время забастовок... Для штата будет гораздо лучше и выгоднее завести *постоянные полицейские отряды*, на которые можно положиться, *для подавления беспорядков во время забастовок*. Блестящий успех пеннсильванской полиции показывает, *что может сделать очень небольшой* отряд дисциплинированных *конных* полицейских штата... *вот это дело*, и у беспокойных элементов будет не больше шансов на успех, чем при вызове регулярных правительственных войск. Не раз уже каких-нибудь пятьдесят-сто человек из отряда пеннсильванской полиции добивались в районах тех каменноугольных копей, где постоянно возникают беспорядки, того, для чего пришлось бы обычно прибегнуть к помощи двух полков милиции (две тысячи человек)... *Кроме того, обращение к помощи конной полиции находится в большем соответствии с нашими политическими взглядами...*» (Нью-иоркская «Tribune», март 1914 г.).

Предостережение: Сотни капиталистических газет говорят теперь совершенно то же самое.

Когда наступает День Украшения, когда нужно праздновать 4-е июля, когда подготовляются «патриотические» торжества — в это время банкирам, крупным дельцам, политикам и сановникам — многим из них — следовало бы надеть черные маски, завернуться в черные флаги и заползти (со стыдом, если можно) в темные погреба и сидеть там, пока тянется праздник, вызывая в памяти образы множества солдат, вдов и сирот, которым было причинено непоправимое зло, вспоминая о развращении членов конгресса, о расхищении государственного казначейства, об украденных землях, о

патентах и привилегиях и о «хороших вещах», бесстыдно похищенных у публики, когда она не глядела и когда храбрые, но обманутые рабочие страдали на кровавых полях битв.

И в особенности в такие дни рабочему классу следовало бы поменьше кричать и побольше думать. О «человеке, сидящем верхом на коне» следовало бы подумать особо.

А рабочий класс начинает теперь размышлять больше, чем когда бы то ни было. А размышляя, он начинает видеть, что хлопанье в ладоши, игра на флейте, треск барабанов и притворный восторг проституированного оратора не имеют ничего общего ни со свободой, ни со справедливостью,—даже не *смахивают* на них. Скорее это просто «незаконнорожденный патриотизм», как говорил Марк Твэн.

Причина, побуждающая молодых людей записываться добровольно на службу в армии или в милиции, быть-может, во многих случаях и вполне извинительна. Быть-может, юноши не видят проделок тех, кто дергает за веревочки, стоя за кулисами, может-быть, им неизвестны могущественные причины, которые есть у хозяев-промышленников, стоящих за занавесом. *Для молодого человека не всегда бывает легко разобраться в том, что им пользуются для наказания полуголодного, бледного рабочего дитяти, который тщетно теребит слабыми губками увядшую и пустую грудь скверно питающейся, скверно одетой, унылой матери из рабочего класса.* Но, как бы то ни было, начинают все яснее и яснее понимать гнусную роль вооруженного защитника промышленных паразитов, и следовательно такая роль начинает внушать все большее и большее отвращение всему рабочему классу, включая сюда как самих милиционеров, так и регулярных солдат. *Свет начинает проникать в мозг труженика. Все с большим презрением начинают относиться к отвратительному, подлому занятию, состоящему в том, что люди находятся в постоянной готовности колоть штыками миллионы мужчин, мальчиков, женщин и девушек, чьи жизни зависят от скудно оплачиваемой, тяжелой подневольной работы. Сильные юноши, состоящие на службе в армии, милиции и во флоте, все более и более склоняются к тому, чтобы итти рука об руку со своим собственным классом, с рабо-*

чим классом, и отказываются убивать своих братьев, которые борются за увеличение заработной платы на несколько копеек.

Они видят обман.

Некоторые милиционеры покинули службу во время забастовки в антрацитовых копях в 1902 году, сложили с себя обязанности, когда они поняли, что ими пользуются просто как сторожевыми собаками для охраны хозяев-промышленников, обманывавших даже маленьких десятилетних мальчиков, работавших в угольных забоях, обманывавших даже этих ребятишек, у которых из содранных до кости пальцев капала кровь на уголь, который они сортировали голыми руками.

Это было в республиканской Пеннсильвании.

Не так давно, во время забастовки Союза железнодорожных служащих городских железных дорог в Новом Орлеане, некоторые милиционеры предпочли с великолепным презрением и вызовом отшвырнуть от себя винтовки на булыжную мостовую, чем повиноваться приказанию стрелять в своих земляков, боровшихся за лучшую участь в жизни.

Это было в демократической Луизиане.

Рабочие, как демократы, так и республиканцы, начинают видеть обман.

Каждый год из армии Соединенных Штатов дезертируют тысячи молодых людей—и еще больше хотело бы дезертировать. Они не в состоянии выносить издевательства и насмешки со стороны «начальства» и все возрастающее презрение, которое испытывает рабочий класс к вооруженному, прирученному человеку, служащему кулаком для правящего класса.

Так много молодых американцев понимает вероломство солдата-рабочего по отношению к его собственному классу, что теперь министерство убийства встречает большие трудности при пополнении рядов войск. Правительству приходится ныне приставать к молодым людям с просьбами и умасливать их, чтобы они поступали на службу в армию или флот. Осенью 1907 года капиталистическая пресса начала решительно обсуждать вопрос о необходимости перехода к системе *набора* для пополнения рядов нашей постоянной армии, о переходе к европейской системе принуждения молодых людей брать на себя роль вооруженных прихлебателей. Но, как

только капиталистические газеты принялись обсуждать и восхвалять принудительную военную службу, по всей стране поднялась паника, наступили тяжелые времена: сотни тысяч людей внезапно оказались без работы. Немедленно правительство и капиталистические газеты перестали обсуждать вопрос о наборе, прекрасно зная, что теперь можно легко завербовать тысячи безработных, которые пойдут на службу в армию, чтобы спастись от нищеты и голода. В то же самое время конгресс *повысил жалование регулярным солдатам*, тогда как миллионы тружеников оставались без работы, миллионы перешли на работы в течение «части» дня, у миллионов урезали их заработную плату: жалование истребителям было повышено, а у производителей урезано.

Все эти факты заставили миллионы людей задуматься. А размышление оттачивает лезвее понимания у рабочего класса. Острый же ум вскрывает шумливую насмешливость и блистательную обманчивость капиталистического патриотизма.

Рабочие пробуждаются. Они видят обман.

Добровольцы?

«Британская добровольческая армия пополняется на самом деле на 80% людьми, которых гонит на военную службу страх голода. Ежегодно из британской армии дезертирует в среднем 7.000 человек». Автор настоящей книги слышал о молодых людях, поступающих добровольцами в американскую регулярную армию, которые записываются на службу осенью и дезертируют весной. Иные проделывают это раза по три. Капиталисты не наняли бы их на работу, а они были слишком горды, чтобы просить подаяния. Они и «перезимовывали» в армии, но к ней самой относились с полным презрением.

Они видят обман.

Размышления рабочего: «Мы это ценим».

В мирное время господа «передовые граждане» смотрят на нас, рабочих с мозолистыми руками, свысока. Они не приглашают нас к себе пообедать с ними запросто, или потанцовать, или просто зайти к ним поболтать. Они говорят, что мы невежественны, что мы грубы—в общественной жизни. И поэтому они обращаются с нами холодно и высокомерно *в мирное время*. Но во время войны эти «самые лучшие люди» не пренебрегают нами по-прежнему—

и мы это ценим. *Тогда* «лучшие люди» смотрят на нас радостно, бросают на нас поощрительные взгляды и разговаривают с нами ласково—и мы это ценим. Они говорят нам, что мы храбрые, понятливые, что мы патриоты—и мы это ценим. Они говорят нам, что солдатский мундир сидит хорошо (на нас)—и мы это ценим. Когда наш только-что записавшийся на службу отряд из рабочих готов к отправке на войну, то банкиры и другие крупные дельцы сколачивают малую толику денег, чтобы нанять духовой оркестр и устроить нам «проводы»—и мы это ценим. Банкиры, крупные дельцы и духовой оркестр провожают нас до вокзала: мы скалим зубы, провожающие улыбаются—и мы это ценим. Когда наш поезд, составленный из грязных старых вагонов второго класса, трогается, мы высовываемся из окна и видим, как банкиры и другие передовые граждане машут нам белыми, мягкими руками и приятно улыбаются, говоря: «Вы как раз то, что *нам нужно*», — и мы это ценим. «Лучшим людям» известно, что мы едем наслаждаться мясными консервами и выказывать свой патриотизм: они сочувственно отирают слезы с глаз—и мы это ценим. «Лучшие люди» скромненько и вежливенько остаются сидеть дома, чтобы вся честь и слава убить или быть убитым досталась на долю нам, рабочим,—и мы это ценим. «Лучшие люди» с прекрасной предусмотрительностью предоставляют нам, рабочим, благословенную привилегию бросить свои жилища, покинуть жен, осудив их на одиночество и вдовство, и оставить в сиротстве детей—и мы это ценим. «Передовые граждане» братски дают нам возможность сражаться, обливаться кровью и умирать за родину—и мы это *так хорошо* ценим. Эти «выдающиеся люди» очень любезно показывают нам, рабочим, «самое пекло» и предлагают «*отправиться туда*»—и мы это ценим. С трогательной нежностью «самые лучшие люди» преподносят нам, рабочим, «жареный лед» и «замороженные лимоны»—и мы начинаем оценивать обман по достоинству.

Когда южане-рабовладельцы всыпали рабу пятнадцать плетей вместо шестнадцати, то раб ценил это.

Читатель, почти во всех государствах Европы и Америки, почти во всем цивилизованном мире у рабочих открываются глаза. Рабочие начинают понимать коварную льстивость помеченных долларом патриотов, которые никогда не идут на фронт.

Особое предостережение рабочему классу Соединенных Штатов.

Шире раскройте глаза, братья и сестры.

Опять готовится новое заманивание людей в окопы обманом.

Говорят о мире, но *готовятся* к войне.

Больше двадцати пяти столетий велись великие морские войны на Атлантическом океане и Средиземном море. Дно их усеяно обломками кораблей и человеческими костями.

Но в ближайшем будущем будет, вероятно, еще большая бойня на морях, самая большая из бывших, и ареной ее будет Тихий океан.

Словно голодные волки, пришедшие в ярость при виде добычи, словно тучи коршунов, летающих смело над полем, усеянным павшими—так капиталистические нации собирают барабаны, винтовки, пушки, динамит, лиддит, мясные консервы, госпитали, солдат, матросов, броненосцы и истребители миноносцев, готовясь к встрече на Тихом океане для кровавых битв.

Говорят о мире—но *готовятся* к войне.

Ради чего?

Просто для того, чтобы дать более удобный случай для получения больших барышей тем подлецам, стремящимся заграбастать как можно больше денег, которые будут прохлаждаться дома в полной безопасности в то время, как «молодцы ребята» будут сражаться.

Говорят о мире и готовятся к войне.

Ради чего?

Призом служит Восточная Азия.

Для участия в этих будущих столкновениях будут записываться на службу в армиях и флотах всего мира молодые люди, те юноши из рабочего класса, над которыми издеваются в обществе повсюду— и которых даже гонят с фабрик. Заревут огромные пушки, понесутся над волнами громадные снаряды, вздрогнут великолепные боевые корабли и погрузятся в морскую пучину, увлекая с собой юношей, заманенных хитростью из скромных жилищ. Акулы пошлют невинных в морскую глубину.

Это будет «величественно» и «славно». Очень.

А в особенности выгодно—что самое главное.

Быть-может, твои собственные кости или кости твоего сына будут белеть на дне Тихого океана.

Основная причина этих будущих войн на волнах Тихого океана и в Восточной Азии будет игнорироваться или скрываться всеми международными мирными конференциями и с'ездами. И, боясь обнаружить эту причину, они не могут рассуждать о причине этих войн. Поэтому они не смогут предотвратить эти войны—волчьи схватки за Восточную Азию, являющуюся призом для капиталистов. Передовые граждане, капиталисты всего мира не питают доверия к подобным международным мирным конференциям. Поэтому они продолжают делать все больше пушек, строить все больше боевых судов и больше, чем когда бы то ни было, начинают приставать с просьбами к юношам, к нашим младшим братьям из рабочего класса, уговаривая их поступить на борт громадных смертоубийственных машин.

Предупреди же соседа—теперь же.

Намерение обнаруживается все более и более прямо. В 1908 году президент великой американской «республики» обнародовал империалистический декрет—и вот 18 линейных кораблей, 8 бронированных крейсеров и целая туча эскадренных миноносцев с тысячами дешевых и покорных парней на борту—целый флот из истребительных машин с мясниками на борту—пышно отправился на всех парах в кругосветное плавание, пустился в сорокапятитысячемильное крейсерство, собрался странствовать и пьянствовать, а что это значило? А вот что:

Капиталисты Соединенных Штатов, вооружившись «цивилизованным» оружием, приготовились с аппетитом акулы и повадками тигра захватить львиную долю из тех громадных прибылей, которые можно будет выжать из Восточной Азии, если им удастся найти достаточное количество доверчивых простачков, которые пожелают сражаться.

Остерегайтесь, труженики с заводов, копей и ферм.

«За последние пятьдесят лет,—пишет д-р Дж. Стронг,—европейское производство поднялось с суммы 5.000.000.000 долларов до 15.000.000.000 долларов. Это увеличение производства повлекло за собой приобретение европейскими державами тропических стран, площадь которых почти в полтора раза больше площади Европы.

Но если европейское производство увеличилось втрое, то наше возросло в шесть раз, и мы тоже должны будем искать выхода.

«Все это означает, что великие производящие народы находятся накануне промышленной войны, которая, по всей вероятности, будет длительнее, чем «тридцатилетняя война», и подобно, всем войнам, повлечет за собою неисчислимые бедствия и убытки».

Панамский канал, соединяющий два океана и обошедшийся нашей родине в сотни миллионов долларов, является только одной из частей плана американских плутократов подчинить своему господству Тихий океан, обескровить Азию, превратить «республику» в еще более откровенный деспотизм ради завоевательных тенденций, для торговли и для набивания прибылями карманов современных цезарей, которые вечно говорят о патриотизме и жаждут золота.

Вильям Тафт так говорил грозно в 1908 году во время интервью: «Ближайшим исходом будущей кампании будет вопрос о расширении и о делах наших островных владений.

«Размеры американской торговли с Китаем достаточно велики, чтобы пред'являть к правительству Соединенных Штатов требования об использовании всех законных средств для защиты ее от уменьшения или убытков, которые могут быть причинены ей вследствие большего преимущества, в политическом отношении, предоставленного кому-нибудь из ее конкурентов.

«Торговцы Соединенных Штатов отдают себе отчет в важности внешней торговли с Китаем и поэтому отнеслись бы с глубоким беспокойством к тем политическим препятствиям, с которыми встретилось бы дальнейшее расширение торговых оборотов. Их чувства найдут, по всей вероятности, свое выражение в положении, занятом правительством Соединенных Штатов,

«Для нашей политики японцы, как народ, не имеют большего значения, чем любая другая нация. Но если их политика теперь или в будущем будет итти вразрез с нашей, ну, тогда другое дело...

«Я являюсь защитником более сильного флота».

Так *говорят* о мире, но *готовятся* к войне.

Но заметьте хорошенько, братья по рабочему классу: сыновья господина Тафта не будут умерщвлены, как дешевые американские матросы, во время сражений в Тихом океане за более широкий рынок для американских капиталистов. Ни одна капиталистическая

акула не сделает дармоеда из своего сына и не уговорит его поступить на службу во флот. Тела детей Рузвельта, детей Бриана и сыновей сенаторов и членов конгресса, сыновей банкиров, крупных купцов и заводчиков, их тела никогда не будут гнить на дне Тихого океана. Нет, о, нет! Едва ли. Они слишком горды и проницательны, чтобы очутиться в таком положении—за пятьдесят центов в день. Матери, сестры и возлюбленные этих «чистокровных» юношей никогда не будут проливать слезы в опустелых домах при мысли о том, что кости милых покоятся на дне Тихого океана и черепа их белеют и скалят зубы в морской пучине.

Братья, я предостерегаю вас.

«Скажите тем, кто с таким восторгом совершает кругосветные путешествия для вывоза (мне хотелось бы скорее сказать—для навязывания) своей цивилизации отсталым народам и племенам,—говорит г. Фредерик Гаррисон,—скажите им, что вам нужна цивилизация здесь, дома, если ее можно получить в подлинном виде... Скажите им, что дома есть пятьдесят жгучих социальных вопросов, которые требуют разрешения... Скажите этим шумливым филантропам... что пока «цивилизация» ездит вокруг света на борту броненосцев с восьмидесятитонными пушками, в ней страшно нуждаются... дома... Потому-то, говорю я, мир, международная справедливость и мирные отношения со всеми нашими соседями связаны прежде всего с интересами рабочих... они больше всего теряют от войны, во время которой они и страдают более непосредственно и бывают вынуждены уступить. Они могут сложить свои кости в далеких странах, но не приносят с собой ни состояния ни почестей... и никаких новых почестей для своего класса. Они могут лишь говорить смело и не кривя душей, потому что только они не заинтересованы в несправедливости, только они ничего не выигрывают от завоеваний и все теряют от вмешательства».

Отказывайтесь, братья, отказывайтесь. Будьте горды. Отказывайтесь. Стойте за свой собственный класс. Отказывайтесь. *Банкиры* отказываются. *Заводчики* отказываются. Все проницательные «выдающиеся люди» отказываются. Вы тоже должны отказываться и не давать, чтобы ваше тело гнило и кости истлевали на дне океана ради интересов международных пиявок.

Поднимите вверх добродушные лица, обманутые труженики мира. Окопы жадно ждут ваших жизней—перед вами разверста пропасть, которой будут поглощены надежды, счастье, кровь и слезы вашего класса. Отказывайтесь.

Это призыв к мятежу?

Хорошо, прочтите несколько строк из Эндрью Карнеги:

«Всегда найдутся в наши дни демагоги, чтобы разжечь скотские страсти и побудить людей сражаться ради славы и из патриотизма.

Выдающиеся дельцы: „Не бери нас! Возьми вон тех сорокакопеечны поденщиков на улице“.

Сперва для агрессивных целей требовался профессиональный солдат... Профессиональная карьера есть дело *найма и жалованья*. Никакой *долг* не заставляет *никого* выбирать профессию солдата или моряка и обещать отправляться на войну убивать других людей там и тогда, где будет приказано, не отдавая себе отчета в том, кто прав и кто виноват в споре».

Это тоже призыв к мятежу?

Братья, когда вы поймете, то станете защищать самих себя.

Занимается день, когда рабочий класс не только проницательно откажется итти в окопы, но также захватит гордо в свои руки всю правительственную власть в защиту рабочего класса. Рабочий

класс должен защищать рабочий класс. Государство, школа, пресса кафедра лектора и даже отчасти церковь—все эти могущественные установления в настоящее время привыкли нагружать и наваливать на спины презираемых производителей и разрушителей из рабочего класса бремя труда и проклятие войны.

Братья, теперь пора нам двинуться. Хватит ли у нас смысла для самозащиты? Смотри главу X: «Ну, а что же нам делать теперь?»

Что такое измена?

В Соединенных Штатах господа патриоты à la Морган поддерживают особое движение с целью борьбы с *предательским* влиянием социалистов на солдат и матросов. В этом движении явно обнаруживается рука королей биржи.

Солдаты и матросы оценят по заслугам усилия таких разжиревших на долларах патриотов заставить нас всех позабыть их собственное подлое преступление перед «юношами 61 года». Следующие сведения, почерпнутые из книги Густава Майера: «История возникновения крупных американских состояний», основываются на документальных данных.

«В 1861 году,—цитируем Майера,—в нью-иоркском казенном арсенале лежало пять тысяч *забракованных* карабинов. Это была часть большой партии, забракованной в 1857 г. правительственными чиновниками вследствие плохого состояния ружей, которые настолько никуда не годились, что при выстреле разрывались и могли оторвать солдату пальцы.

«Некий Артур Истмен из Манчестера, Нью-Гемпшир, предложил правительству за эти 5.000 забракованных ружей по 3 доллара за штуку. Они были проданы ему по 3 доллара 50 центов за штуку. Но у Истмена не было денег, и на сцену появился некий Симон Стивенс, предложивший за ружья 20.000. Эту сумму нужно было внести в уплату за ружья, на которые Стивенс наложил запрещение в виде побочного обеспечения. Официальные и судебные записи гласят, что Стивенс получил средства от Джона Пирпонта Моргана.

«Затем 5.000 бракованных ружей были запроданы по телеграфу генералу Фремонту, командующему армией в С.-Луи, уже по 22 доллара за штуку, с указанием, что продаются хорошие, новые ружья. Цена была назначена в 22 доллара, и на этой цене сошлись, несмотря на то, что правительство платило в это время по 17 долларов 50 центов за винтовку очень хорошего образца. Дело произвело большой скандал, и военный министр Стантон назначил в 1862 году комиссию, которая вполне точно установила все факты и обнаружила, что хотя ружья и были совершенно негодны к употреблению, но они были куплены в один прекрасный день у правительства по 3 доллара 50 центов и сданы на следующий же день в армию по 22 доллара. Конечно, как было установлено комиссией, деньги, уплаченные правительству, были его же собственными деньгами. «Правительство,—сообщает комиссия,—не только продало в один прекрасный день за 17.486 долларов оружие, которое оно на день раньше согласилось откупить обратно за 109.912 долларов, причинив таким образом Соединенным Штатам убыток в 92.426 долларов, но фактически само доставило те 17.486 долларов, которые следовало ему же самому получить». Правительство отказало Моргану в уплате, и он подал жалобу в суд. Однако комиссия нашла претензию, пред'явленную Морганом к правительству, обоснованной... Комиссия согласилась уплатить ему (и уплатила) по 13 долларов 31 цент за карабин... Но даже и это предложение не удовлетворило жалобщиков»...

Запомните, ребята: Патриоты à la Морган, современные Шейлоки, получили скромную прибыль почти что в 375% на продаже никуда негодных и опасных ружей, в то время как правительство кормило на фронте юношей-солдат—обреченных в жертву Ироду—заплесневелыми сухарями и плохим мясом и платило им 43 цента в день.

Патриот Морган держался от войны подальше, хотя ему было всего 24 года, хотя он был здоров и силен, и сделал во время войны «первый шаг на пути к успеху», далеко

обогнав на жизненном пути тех бедных парней, для которых за очень хорошую, вероломно-патриотическую цену поставлялись опасные и никуда негодные ружья.

Мы просим почтительно г. Джона Пирпонта Моргана лично посетить казармы и боевые суда и благочестиво об'яснить юношам,—что такое измена и что такое социализм. Солдаты и матросы любят посмеяться. Отчего же им не посмеяться над патриотом в роде г. Джона Пирпонта Моргана?

Социалисты не учат измене. Они просто занимаются исследованием того, что патриоту моргановского типа хотелось бы «окрестить и прославить» без всякого расследования, а именно, они изучают патриотов à la Морган, их историю и капиталистическую систему, при которой они стригут рабочих, нагревают правительство и обманывают юношей в армии и во флоте. Если Морган и его присные силятся удушить свободное слово, свободу собраний и свободу печати и помешать тем самым свободе обсуждения того, что так невероятно-несправедливо и до того изумительно-подло, что не может более выносить солнечного света обсуждения, то пусть каждый порядочный американец, как состоящий, так и не состоящий на военной службе, запомнит, что свобода вянет, когда уста граждан замкнуты, и расцветает, когда смело встают на защиту свободы слова.

Слушайте вы, мужчины и юноши, служащие в армии и во флоте, и вы, мужчины и юноши, не состоящие на военной службе, слушайте вы, члены рабочего класса, социалисты *не заставляют вас делать какую-либо низость*. Запомните это. Но мы братски *советуем вам обратить внимание*, что социалистическая мировая партия—это политическая партия рабочего класса, партия, которой страшатся тираны, пользующиеся солдатами и матросами и эксплоатирующие их, партия, которую с каждым годом все лучше понимают и поэтому все больше и больше любят все новые и новые миллионы рабочих.

Отстаивайте же свободу обсуждения!

Чем рискуют дураки и чем финансисты.

«Русско-японская война 1904—1905 гг. прекратилась главным образом из-за того, что банкиры отказались поддерживать выпуск дальнейших займов на обычных условиях, после того как, вероятно, около 1.500.000.000 долларов было истрачено на войну» (Исаак Зелигман, совладелец банкирского дома «Дж. и В. Зелигман и К°» в Нью-Йорке).

Пояснение:

После того, как было перебито много десятков тысяч беспомощных невежественных мужчин и юношей; после того, как сотни тысяч молодых людей и мальчиков были изорваны на клочки сталью и изнурены болезнями; после того, как скорбь и печаль посетили миллионы домов в России и Японии; после того, как потоки дымящейся крови многих тысяч рабочих стекли с холмов и обагрили равнины Мукдена и Порт-Артура; после того, как обольщенное Невежество в течение двух лет перерезывало свою собственную глотку; после двух лет насмешливого презрения и глумления ада над дурацким празднеством,—после всего этого несколько десятков банкиров и иных «великих дельцов» стали перешептываться между собой относительно опасной степени *финансового* риска при поддержке каких бы то ни было *дальнейших* русско-японских военных займов. Тогда—и только тогда—они завязали потуже завязки кошельков и этим прикончили войну. Теперь это стало известно всем наиболее осведомленным в мире людям.

Для всех, кто хоть что-нибудь понимает в финансовых задачах войны, ясно, как флаг, развевающийся при дуновении ветерка, что банкиры и другие могущественные капиталисты предупреждают войну, вызывают войну, содействуют продолжению войны или прекращают войну — смотря по выбору.

Капитализм—хвастающийся милитаризмом и шатающийся под его безумным бременем, капитализм—являющийся современным промышленным деспотизмом, основывается на грабеже, угрожает свободе обсуждения, соблазняет культуру, льстит глупцам, нуждается в мече, прославляет силу, насмехается над слезами, прикрывается миром, жиреет на войне и учит патриотизму рабов.

Читатель, посмотри подольше и повнимательнее на рисунок, помещенный на стр. 311.

Ирод или избиение младенцев.

Договор с юношей или мужчиной моложе двадцати одного года не является по закону обязательным, потому именно, что все здравомыслящие люди понимают, что мальчик или молодой человек, не достигший совершеннолетия, легко воспламеняется, сбивается с толку, что его легко обмануть, предать, околпачить и погубить.

Однако, во времена американской гражданской войны массу детей, безбородых юнцов и доверчивых молодых людей, не достигших двадцати одного года, соблазнили записаться в войска, соблазнили при помощи флагов и флейт, барабанов и выпивки, при пышных излияниях притворного патриотического восторга и дьявольски искусных уговоров, соблазнили их подписать договор на отдачу собственной жизни, соблазнили их пойти на войну с пением, свистом и смехом—их уговорили пойти слепо под жерла ревущих пушек, их уговорили подписать договор для того, чтобы итти в детском неведении в широко разверстую пасть ада. А если кто-нибудь из несчастных юношей нарушал договор, то на него охотились, как на дикого зверя.

Можно составить себе представление о таком мастерском вербовании при помощи хитрости, которым ловко хвастаются тысячи проповедников, лекторов, ораторов, выступающих 4-го июля, об этой жатве Ирода, об этом безумном кровавом разгуле и пиршестве, об этом отвратительном преступлении коронованных особ девятнадцатого столетия, ознакомившись со следующими выдержками из книги: «Юноши в дни войны» Чарльза Кинга, бригадир-генерала добровольческой армии Соединенных Штатов:

«За последние годы люди, имеющие отношение к армии, не раз так критиковали организацию милиции: «Милиционеры выглядят совсем, как мальчики». Но замечательный факт: теперешняя милиция, если перебирать всех по одиночке, гораздо старше «взрослых юношей», поступавших на службу во время гражданской войны. Собственно говоря, война была проведена с начала до конца большой армией мальчиков. Из 2.778.304 солдат, записавшихся на службу в армии Союза, свыше двух миллионов было ниже двадцатидвухлетнего возраста, а 1.151.438 было даже моложе девятнадцати лет.

«Если новобранцу можно было дать по виду восемнадцать лет и он отвечал не очень строгим условиям физического осмотра, то его принимали без дальнейших разговоров. Но в первые дни войны случалось, что являлись ретивые юнцы, просившие принять их на службу, юнцы, которые казались моложе восемнадцати лет и которых можно было зачислить в войска, только если они доказывали или клятвенно удостоверяли, что им восемнадцать лет. Впоследствии оказалось, что свыше восьмисот тысяч семнадцатилетних юношей, а то и еще моложе, находились в рядах армии Союза, что свыше двухсот тысяч было не старше шестнадцати лет, что в списках союзной армии было даже около ста тысяч юношей, которые были не старше пятнадцати лет».

(Взгляни на ужасное показание двух выдающихся ученых. Стр. 116—117).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Для отцов и для юношей.

В этой главе приведены «темы для обсуждения», которые особенно рекомендуются вниманию отцов и матерей из рабочего класса. Родителям следовало бы беседовать на эти темы и обсуждать их с сыновьями, да и с дочерьми.

Мы надеемся также, что многие из этих тем будут затронуты в собраниях рабочих союзов.

Пункты или «разделы», как этой главы, так и следующей, не всегда заключают в себе фактический материал, но для цели, поставленной себе автором, это не столь уж необходимо. Пункты перенумерованы для большего удобства в случае каких-нибудь ссылок.

1. Русский царь и знаменитый германский генерал фон-Мольтке наотрез отказались разрешить молодым солдатам посмотреть на Верещагинские военные картины. Почему? Потому что картины правдивы—они изображают ад. Ад же мало кого привлекает.

«Если мои солдаты будут заниматься размышлениями, то ни одного из них не останется в строю».—Фридрих II.

Обращали ли вы когда-нибудь внимание на привлекательные изображения прекрасно одетых, откормленных солдат и матросов, отпечатанные на об'явлениях нашего правительства при вербовке в армию и флот? Картинки эти очень милы. Их назначение изображать войну нарядной для молодых и голодных рабочих, в особенности для тех, кто сидит без работы. Но позвольте мне сообщить вам: недавно, при возвращении в Сан-Франциско с Филиппин переполненного войсками транспорта, некоторые из солдат, увидев снова привлекательные картинки, выставленные в Сан-Франциско в качестве приманки, грозили этим картинкам кулаками и громко и злобно проклинали их, считая их той наживкой на удочке, которой их поддели, чтобы послать в ад войны. Они только теперь додумались. Следует хорошенько об этом подумать, раньше, чем итти записываться, раньше, чем давать свое согласие итти в ад.

2. Что говорят о войне?

Немецкая пословица: «Когда начинается война, дьявол делает ад шире».

Д-р Альберт Бэрнс: «Война—подобие ада».

Епископ Уорбуртон: «Это самое гнусное зло, которое когда-либо изрыгалось адом».

Лорд Кларендон: «Война... эмблема ада».

Вильям Шекспир: «О, война, ты порожденье ада!»

Генерал Шерман: «Война—это ад».

Но, право же, кажется, что рабочие будут, наконец, настолько догадливы, чтобы уйти от ада.

Итак, если «война—это ад», а деловым людям нужен ад и политические деятели этот ад вызывают—то почему же не предоставить этим господам возможность отправиться в ад?

3. Предположим, что мы провели два закона и что наше политическое положение дает нам возможность непреклонно проводить их в жизнь.

Первый закон: При выборах членов конгресса и сенаторов обязательно требуется, чтобы одновременно выбирались и кандидаты-заместители каждого избранного члена конгресса или сенатора, которые немедленно и быстро замещали бы освобождающиеся места, если бы что-нибудь случилось.

Второй закон: Предписывается, чтобы все сенаторы и все члены конгресса, подающие голос за войну и таким образом «об'являющие войну», на основании этого закона принуждались к сложению полномочий и по специальному предписанию, указанному в законе, немедленно зачислялись принудительно в армию, в пехотный полк, и посылались на фронт с обычным военным вооружением (винтовки, сабли и пр.) и сражались в чине рядовых без повышения до окончания войны или до тех пор, пока их там не уложат.

Знаменательно, что:

«Всеобщая воинская повинность, принятая всеми крупными государствами Европы в подражание Германии (после франко-прусской войны), повлекла за собой личную заинтересованность членов правительств и парламентов в стремлении избежать войны, так как молодые люди из богатых семейств вынуждены служить в армии» (Ш. Сеньобос, «Политическая история Европы с 1815 г.»).

Когда в 1909 г. испанская война в Африке начала принимать большие размеры и становилась опасной, испанское правительство возобновило старый закон «об из'ятиях», дававший возможность

богатым, благородным и изящным испанским джентльменам посылать на войну заместителей и таким образом самим избегать ада на передовых позициях.

Наш военный закон Дика, прошедший через конгресс в 1903 г., делает исключение для членов конгресса, сенаторов, судей и т. д., а также (в соответствии с законами отдельных штатов) для проповедников и священников—вырывает всех этих господ из лап военного министерства, хотя тот же самый закон *ставит миллионы других людей*—всех физически-здоровых граждан мужского пола от 18-летняго до 45-летняго возраста—ставит гораздо больше народа, чем прежде, под полнейший контроль министерства убийства (см. ниже, раздел 11).

А разве не кажется, что если война настолько хороша, чтобы за нее голосовать или молиться, то она так же хороша, чтобы итти на нее с винтовкой в руке? А если не так, то почему?

Всех, кто голосует или молится за обагренные кровью победы, нужно было бы заставить итти самим за победами (см. главу восьмую, отдел 14).

4. Господин Работников, скажите, позволили бы вы почему бы то ни было какому-нибудь сановнику или иному передовому гражданину заставить вас лично, и именно вас, выйти на соседний выгон с винтовкой в руке и открыть пальбу по соседу, который не сделал вам ничего худого, против которого вы не чувствуете никакой неприязни? Что за ерунда!

Ну хорошо, предположим, таких, как вы, в 500.000 раз больше и таких, как ваш сосед, тоже больше в 500.000 раз, а вместо соседнего выгона у вас соседняя страна по ту сторону какой-нибудь государственной пограничной линии и нет никакой ссоры, вражды или обиды, которые нужно уладить между двумя группами по 500.000 рабочих,—что же тогда?

Можете ли вы понять, в чем тут дело, до того, как вам всадят в грудь штык?

Предположим, что конгресс Соединенных Штатов и японское законодательное собрание об'являют друг другу войну. Отчего бы микадо и законодательным палатам Японии и нашему президенту и нашим законодательным палатам не проделать все самим, не пролить своей крови и не умереть? Надо просто заставить эти две

небольших кучки блистательных хвастунов выйти на единоборство, вооружив их винтовками, саблями и пулеметами и предоставив им какой-нибудь славненький открытый деревенский лужок или большую ниву—надо заставить их пролить кровь, наделать калек, трупы и устроить похороны. Такой способ был бы гораздо более забавным, а хлопот и работы было бы меньше—для рабочего класса. Для выполнения его понадобилось бы настолько меньше времени, денег, крови и слез!

Возьмите последнюю войну между Германией и Францией в 1870—71 гг. У прусского короля была личная ссора с французским императором из-за того, кто должен или кто не должен был быть новым испанским королем—ни то ни другое их совершенно не касалось. Они буквально взбесились. Была об'явлена война. На карту была поставлена «честь» этой почтенной пары милых паразитов. Только кровь могла смыть пятно с их «чести». Но, конечно, королевская кровь была слишком драгоценной, чтобы употреблять ее при процессе стирки. «Благородная» кровь, разумеется, не годилась для таких целей. Кровь простых рабочих была бы вполне пригодной для того, чтобы ею произвели свои омовения эти два животных. Они были слишком трусливы, чтобы взять саблю и винтовку и пойти куда-нибудь за гумно или дровяной сарай и «посчитаться» там, рискуя собственной гнилой кровью..... Нет, о, нет! Не нужно тратить красного кваса королей и благородных господ, покуда есть сколько угодно дешевых рабов заработной платы, которые стоят вокруг, желая быть умерщвленными—с гордостью—ради опыта и почестей.

«На фронт! На фронт! Миллион человек на фронт!»

Тотчас же множество сильных мужчин-рабочих кидается слепо на фронт, по приказу, *задавая не больше вопросов о том, справедлива ли война*, чем кавалерийские лошади.

Питали ли рабочие Франции и Германии друг к другу какую-нибудь вражду? Ни малейшей. Но они умерщвляли друг друга десятками тысяч.

Правда, французский император и прусский король действительно во время войны были «на фронте» (в некотором роде—или «как будто»). Но читатель из рабочего класса не должен обманываться этим. Король и император очень редко находились в какой

бы то ни было опасности—*в непосредственной* близости от нее. Они «созерцали» сражения с какого-нибудь возвышенного пункта, откуда открывался вид на побоище, и храбро наблюдали за битвой в подзорные трубы.

«Но как же в таком случае немцы взяли императора в плен во время сражения при Седане?»

Войска его были разбиты германцами. Его солдаты были отброшены назад—загнаны в Седан. Пятьсот германских пушек, громивших город, заставили императора заскучать о доме. Он совершил один из самых своих героических поступков—попытался удрать. Времени выбраться у него не было. Он переоделся храбро *в женское платье*, чтобы не быть узнанным, надеясь вернуться снова таким совершенно дамским способом на свой трон, где его героизм был бы более заметен, а воинственный пыл более признан.

5. Хорошо оплачиваемые федеральные судьи, генералы, морские офицеры (и их вдовы) *по достижении преклонного возраста получают* щедрые правительственные пенсии, что дает им уверенность в том, что *их* последние годы жизни могут быть *совершенно обеспечены* от труда, забот, унижения и общественного проклятия бедности.

Теперь, если эти хорошо оплачиваемые люди, получающие жалование от 2.000 до 12.500 долларов ежегодно в течение многих лет—если все они и вместе с ними те, кого они любят, должны быть внимательно ограждены от лишений и забот в дни своей старости, то почему же полезные промышленные рабочие, которые служат долго и исправно на заводах и копях, на фермах и железных дорогах, получая жалкие гроши и вечно рискуя жизнью—почему же все они тоже не должны быть вполне обеспечены с приближением заката их дней? Почему бы этого не сделать?

Нынешних ежегодных расходов по двум нашим министерствам убийства—военному и морскому (считая проценты по военным займам и потерю рабочей силы «регулярных» солдат, но не считая пенсий по военному ведомству) могло бы хватить на ежегодную выплату пенсий одному миллиону четыремстам пятидесяти тысячам престарелых тружеников разных отраслей промышленности, в сумме свыше 290 долларов на каждого.

Старики и старухи из рабочего класса, разве у вас не было бы чувства спокойствия и отрады, если бы вы были совершенно уверены в том, что, после многих лет трудовой полезной жизни в рядах великой промышленной армии, вы, каждая супружеская чета из вашей среды, получали бы ежегодно 580 долларов не в виде подаяния, а как по праву заслуженные вами за все, что вы сделали?

Теперь же жизнь многих мужчин и женщин из рабочего класса преисполнена страхом голода, нищеты, страхом перед теми днями, когда они, беспомощные, не имеющие своего угла, дойдут до капиталистической роковой черты—до «предельного возраста», установленного нанимателями.

Нью-Йоркский «World» говорит:

«Безработные Нью-Иорка предлагают, чтобы в День Украшений была отслужена служба в честь рабочих, погибших при исполнении своих обязанностей. На это предложение обратили мало внимания.....

«Народ, обреченный на промышленный труд, получил по наследству все то, что испытали его предки, обреченные на участие в войне. Самые знаменитые герои всех веков были воинами, однако каждое поколение давало бесконечное количество примеров преданности и самопожертвования, которые не имели ничего общего с полем сечи.

«Можно было бы ожидать, что наша республика больше, чем какая-нибудь другая страна, почтит память мучеников промышленности, чьи жизни имели такое же значение для прогресса, как и жизни тех, кто был принесен в жертву в рядах войск. Есть много опасных занятий, где риск столь же велик, как и на войне. *Есть сотни тысяч рабочих, мужчин и женщин, которые ежедневно участвуют в более страшных битвах, чем какие когда-либо переживали многие из солдат. На промышленном фронте, где не дается никакой пощады ни инвалиду ни неспособному*, храбрость не поддерживается возбуждением или исступлением. Здесь не бывает обольщения славой, чтобы поддержать силы слабеющего труженика, когда он становится лицом к лицу с поражением или со смертью.

«Правда, нам следует вспомнить славный патриотизм наших граждан-солдат, но ведь и они были *рабочими, прежде чем*

стать воинами. Если прославлять героизм, то примеров его можно найти сколько угодно вокруг нас среди тех мужчин, женщин, даже детей, которые трудятся на своих скромных постах».

Поразмыслите получше об этом, мужчины и женщины из рабочего класса. Поговорите на эту тему со своими детьми и соседями.

6. Владелец фабрики, охраняемый законом, конституцией, флагом, политическими деятелями, солдатами и милицией, может «вышвырнуть вон» знающего, дельного рабочего, потому что он поседел, потому что он «черезчур стар», потому что он «перешел предельный возраст»—хотя бы жена такого рабочего, оставшись без поддержки, обрекалась на голодание. «Славный флаг» защищает даже такую гнусную промышленную тиранию. Старик не может ожидать никакой защиты ни от флага, которому он служил, ни от конституции, которую он защищал, ни от политических деятелей, за которых он подавал голос. Таким образом наши старые бойцы промышленности остаются без всякой помощи даже в том случае, когда промышленный тиран плюет им в седую бороду.

7. Патриотически настроенные милиционеры и регулярные солдаты говорят часто: «Мы верим в то, что нам приходится охранять собственность во время забастовок». Много ли чего принадлежит вам? И в чем заключается ваша собственность? Находится ли она в опасности? Нет, правда, скажите, угрожало ли что-нибудь, хотя в самой отдаленной степени, вашей собственности? Разве владельцы собственности, которую вы охраняете, помогают вам на самом деле охранять их собственность? Разве они помогают вам во время настоящих битв, когда летает свинец?

Американские капиталисты часто ссылаются на «блестящую службу» милиции и регулярных войск в Чикаго в 1894 г. «при охране собственности железнодорожных обществ от уничтожения ее пожаром, устроенным забастовщиками». Но давайте посмотрим:

Некоторые железнодорожные общества в 1894 году знали, что можно заставить или «убедить» правительство Чикаго уплатить за все вагоны, уничтоженные во время забастовок в пределах города, если пожаловаться на недостаточность тех мер, которые были приняты для охраны собственности. Если поэтому удалось бы во время забастовки уничтожить пожаром в черте города сотни старых ваго-

ков, отработавших свой срок и годных только на лом, и если бы железнодорожным Обществам удалось обманным путем получить с города, скажем, по 500 долларов за каждый такой сгоревший вагон, то было бы «выгодным предприятием» предать эти вагоны пламени, прибегнув к помощи наемных поджигателей. А кроме того пожар такого драгоценнаго имущества мог бы вызвать сильнейшее чувство возмущения против забастовщиков, если бы это известие «раздуть» и изобразить в мрачных красках в капиталистических газетах. Таким образом были очень важные причины желать, чтобы это драгоценное имущество сгорело. Все это было бы и страшно и выгодно. Служащие некоторых железных дорог, доходящих до Чикаго, передавали автору, что в 1894 г. в Чикаго действительно пригонялись старые, отслужившие свой срок вагоны, стоявшие в отдаленных железнодорожных парках в Айове, и были потом сожжены в черте города.

Знали ли вы, что в 1895 г. служащие, члены железнодорожного союза, были привлечены к суду по обвинению в уничтожении огнем вагонов во время забастовки? А знали ли вы, что когда члены союза привели суду доказательство того факта, что сыщики были пойманы на месте, когда они поджигали вагоны, то *судебное расследование было отложено* и к этому казусу с тех пор больше не возвращались, хотя суду постоянно предлагали разобрать дело?

Тысячи подобных фактов замалчивались.

«Доказано и неопровергнуто,—говорит Каррол Райт,—что в Пульмане (Иллинойс) не было никаких насилий или уничтожения имущества забастовщиками или сочувствующими им, и что до 3-го июля (когда на сцене появились федеральные войска) ни полиции, ни военным отрядам не приходилось прибегать к каким-либо чрезвычайным мерам охраны имущества, даже в предвидении беспорядков».

8. В 1907 г. была упорная забастовка в железных рудниках в северной Миннезоте. Во всех городках этого района, охваченных забастовкой, кроме *одного*, власти немедленно поставили на ноги вооруженных людей, «специальную охрану», готовую «навести порядок», готовую «усмирить мятежников» и т. д. В рудничном городке Спарте бастовало свыше трехсот человек, страстно желавших выиграть забастовку. И забастовщики и местные власти об'еди-

нились в одном настоятельном требовании, чтобы в Спарту не посылалось специальной вооруженной охраны. Забастовщики и городские власти были согласны с тем, что «охрана только вызывает смуту» и что они сами без всякой стражи могут и будут поддерживать порядок. Стража была послана во все «бастующие города», кроме Спарты.

Немедленно возникли волнения и появилось озлобление, затянувшиеся на целые недели во всех «бастовавших городах», кроме Спарты.

За все время забастовки нигде в Спарте не было никаких беспорядков.

Единственным человеком, арестованным в Спарте за беспорядок за всю забастовку, был специальный охранник, пробравшийся в город и напившийся мертвецки-пьяным. Он был сейчас же посажен полицией в кутузку с радостного согласия забастовщиков, а на следующее утро его вывели за черту города и велели убираться на все четыре стороны. Другой раз во время забастовки к границам города явилось несколько специальных охранников, которые просто искали случая вызвать смуту. Их немедленно заставили уйти.

Откормленные, хорошо оплачиваемые, хорошо вооруженные люди, готовые колоть штыками в бастующем городе бедных малых, борющихся со скотами-хозяевами из-за куска хлеба, только вызывают беспорядки. И капиталисты-наниматели это прекрасно знают.

Конечно, вы обратили внимание, что во время беспокойного течения забастовки главнейшей задачей полиции, милиции, казаков и регулярных войск является защита надменного предпринимателя, который выпаливает: «нам не о чем столковываться!» Он немедленно пришел бы к соглашению—сейчас же нашлось бы «о чем столковаться»—если бы он не был уверен, что тружеников моментально посадят в тюрьму или расстреляют, если они обезумеют от страха, голода и унижения.

9. Вы должны были заметить, что во время беспорядков в вашей местности, вызванных забастовкой, голодные, униженные, злые люди никогда ни на одну минуту не думают причинять хотя бы малейший ущерб государственным училищам, государственным библиотекам, государственным картинным галлереям, университету или общественным паркам. Вы видите, рабочие относятся с более обще-

ственной точки зрения к этой общественной собственности. И если бы заводы, копи, фабрики и железные дороги и тому подобное были тоже общественным достоянием и находились под общественным контролем, то рабочие относились бы с еще более общественной точки зрения к этому *социализированному промышленному имуществу*. Тогда вокруг заводов и мастерских не свирепствовала бы *классовая* война. Тогда эта собственность не нуждалась бы вовсе в охране от обманутых, голодных, униженных, обезумевших рабочих или от полицейских крючков, состоящих на службе у капиталистов в качестве поджигателей. Тогда рабочих нельзя было бы гнать надменно в шею с грубым криком: «нам не о чем столковываться!» Тогда, конечно, не было бы никаких промышленных королей и императоров, которые бы просили: «пришлите пулеметы и казаков! Это *наше* дело!»

Заметьте:

Политическая справедливость невозможна при политическом деспотизме.

Политическая демократия—это *единственное* известное средство для исцеления от политического деспотизма.

Промышленная справедливость невозможна при промышленном деспотизме.

Промышленная демократия—единственное средство для исцеления от промышленного деспотизма.

Промышленная демократия прекратила бы гражданскую войну в промышленности.

«Право управлять государственной политикой принадлежит *мне*!», говорит король.

«Ошибаетесь!»—отвечает самый просвещенный народ.

Король отступает. Он должен отступить.

Народ выступает—он поднимается к власти.

Он должен взять власть.

Таков прогресс.

«Право управлять в промышленности принадлежит *нам*!», говорят капиталистические промышленники-хозяева, промышленные короли.

«Ошибаетесь!»—все громче отвечают все увеличивающиеся массы все более понятливых членов рабочего класса.

Короли капитализма сойдут со сцены. Они должны сойти.

Рабочий класс поднимется—дойдет до промышленной демократии. Он должен дойти.

Это будет прогресс.

Если деспотизм никуда негоден в политике, то он не может быть хорош в промышленности.

Развитие сил демократии—таково расширение программы человечества.

Церемониймейстером является *политическая партия рабочего класса* для обеспечения, для введения в должность, для «об'явления следующего номера программы»—промышленной демократии.

Это дорога к власти.

Вперед! Вперед! Вперед! На последнюю великую битву в гражданской войне в промышленности.

«Эволюция научно обосновывает надежду».

Эволюция ведет к революции.

Это закон природы.

Законы природы нельзя игнорировать, приостановить, переделать или отменить.

Изучайте дорогу к власти, великое, великолепное множество тружеников.

Мир будет нашим, как только мы изучим дорогу к власти.

Готовьтесь к революции—и к жизни.

10. Что в эпоху капитализма в промышленности происходит гражданская война, это можно иллюстрировать конкретно случаями забастовок и локаутов.

Вот несколько из них за короткий промежуток времени—в нашей собственной стране:

С 1881 г. по 1901 г. в Соединенных Штатах было 22.793 забастовки, затронувших 117.509 предприятий и оставивших без работы 6.105.694 человека, в среднем на 21,8 дня, причем рабочие лишились заработка в сумме 257.863.478 долларов, получили пособий от трудовых организаций на 16.774.793 доллара, а предприниматели потеряли свыше 122.734.121 доллара. Из числа этих забастовок увенчалось успехом менее 51%, немного больше 13% были ликвидированы с частичным успехом и свыше 36% совершенно провалилось. За это же самое время было 1.005 локаутов, затро-

нувших 9.933 предприятия, оставивших без работы 504.307 человек, в среднем в продолжение 97 дней, лишивших рабочих заработка на сумму 47.819.745 долларов, стоивших трудовым организациям 3.451.745 долларов, уплаченных в виде пособий, и обошедшихся предпринимателям в 19.927.983 доллара. Свыше 51% этих локаутов увенчалось успехом, менее 7% имели частичный успех и около 43% окончилось неуспехом.

«*Узаконивая трудовые войны*,—говорит Уэлдо Кук,—*государство положительно признает промышленные классы беллигерантами (враждующими сторонами)*. Прошло уже достаточно времени, чтобы дать возможность каждому сказать, что длинный ряд таких войн и весьма вероятное дальнейшее их ведение, при существующих ныне условиях, до бесконечности устанавливает презумпцию, что система заработной платы несостоятельна и должна рано или поздно быть заменена другой, которая не будет вызывать в промышленных классах враждебных интересов и раздражать общество классовым антагонизмом и ненавистью. При ведении войны *в области труда* культивируется не меньше предрассудков, озлобления и ненависти, чем при войне между двумя народами,—но только эти чувства затрагивают классы внутри страны в большей степени, чем народы в их взаимных отношениях...

«*Закон оправдывает насилие, совершенное народами, но ставит в вину насилие, совершенное забастовщиками*».

«Война—это столкновение интересов».—Генерал фон-дер-Гольтц.

11. Закон о милиции Дика: мирная революция.

Повсюду наше капиталистическое правительство готовится послужить капиталистическим интересам при «столкновении интересов» во время гражданской войны в области промышленности (см. седьмую иллюстрацию на стр. 162).

Наивысшая награда, которая может достаться на долю офицера армии Соединенных Штатов за литературный труд—это золотая медаль Института военной службы. Эта награда была получена в 1908 г. капитаном Бьорнстэдом 28-го пехотного полка—за труд, посвященный вопросу об организации постоянной армии в 250.000 человек и резервной армии в 750.000.

Не будет ли полезна для обсуждения в собраниях рабочих такая тема: какая связь между все более угрожающим ростом оскор-

бляемой голодной армии безработных и все более грозным ростом подкупленной взятками постоянной армии?

Изучи и обсуди этот вопрос, пока наш класс не поймет, что здоровым людям из рабочего класса дают взятки хлебом, чтобы умерщвлять тех, кто зарабатывает хлеб.

Всем рабочим следовало бы прочитать ежегодный отчет г. Елигю Рута, военного министра в 1902—3 гг. Господин Рут, хитрый, бесстыдный и могущественный лакей капиталистического класса, энергично подчеркивает в своем отчете те важные преимущества, которые могли бы быть достигнуты (для класса капиталистов) путем почти революционных изменений, которые можно было бы ввести очень легко, увеличив милицию каждого штата и в то же время установив, что эта милиция штата является органической частью государственной армии, немедленно переходит в распоряжение военного начальства и предназначается для использования в той же мере, как постоянные войска, для любых целей, желательных капиталистам, при контроле со стороны национального правительства. Отчет г. Рута сейчас же обратил на себя очень большое и благосклонное внимание. Капиталисты пришли в восторг. Рабочие были одурачены. Немедленно же отчет послужил основанием для «Закона о милиции Дика», который прошел в 1903 году.

Автор этой книги неоднократно обращался к капиталистам-издателям по всем Соединенным Штатам с просьбой опубликовать этот закон. Он предлагал оплатить по высшим ценам для об'явлений то пространство, которое будет занято в газете выдержками от десяти до ста строчек из этого закона. Ему не удалось найти издателя-капиталиста, который обнаружил бы предательство своего класса, скрытое в законе. *Этот закон—грубо отточенный меч, занесенный над пробуждающимся, восстающим рабочим классом Соединенных Штатов*, более важный для рабочего класса, чем какой бы то ни было закон, изданный со средины девятнадцатого столетия. Этот закон несет с собой смерть для рабочих, когда в будущем армия безработных или скудно оплачиваемых тружеников соберется вокруг копей и заводов и будет кричать, требуя работы или хлеба. Вместо работы они получат насмешки. Вместо хлеба—свинец и сталь, которые заготовлены законом о милиции Дика.

Капиталисты не решаются позволить рабочему классу прочитать и изучить этот закон «Дика» по газетам.

Обратите внимание на некоторые характерные черты этого закона.

Назначение его: «Акт для увеличения действенных сил милиции и *для других целей*».

Что подразумевается под «другими целями», становится яснее по мере того, как все увеличивается армия безработных. «Другие цели»—вот пища для размышлений, когда находишься без работы и голодаешь.

Раздел первый. «Милиция должна состоять из каждого физически здорового гражданина мужеского пола соответственных штатов, территорий и области Колумбия... кто имеет больше восемнадцати и меньше сорока пяти лет от роду».

В 1890 г. лиц мужеского пола призывного возраста от восемнадцати до сорока пяти лет включительно было 13.230.168 человек.

Раздел четвертый: «....Президент уполномочен призвать на период времени, не превышающий девяти месяцев, такое количество милиционеров, какое он может признать нужным... и издавать распоряжения... которые он может считать надлежащими».

Закон был исправлен железной рукой во время зимы и весны тяжелого периода 1907—1908 гг., когда миллионы людей были выброшены из предприятий и смешались с ропщущей злой армией безработных. Так, например, девятимесячный срок был исключен из четвертого раздела, что дает еще больше пищи для размышления—тем, у кого есть достаточно мозгов, чтобы шевелить ими.

Раздел седьмой. «Всякий офицер или записанный на службу милиционер, кто, будучи призван на службу, откажется явиться или пренебрежет явкой к назначенным властям... подлежит преданию военному суду и будет наказан, как определит такой военный суд».

Закон создает громадную резервную армию, теперь быстро совершенствующуюся. Закон, в особенности в дополненной недавно редакции, предоставляет президенту большую власть, чем пользуются ею в данное время некоторые из самых опасных и самых ненавистных тиранов на земле. Отдав общий приказ по телеграфу и по почте, президент мог бы сразу поставить в распоряжение вла-

стей от пяти до десяти миллионов самых здоровых людей в стране, включая сюда и самих забастовщиков. А пренебрежение приказом или отказ в повиновении повлекли бы за собою «предание военному суду», связанное с суровым наказанием.

Состав военного суда не отличается мягкостью, он славится своим отличием от состава суда присяжныхъ «из старых соседей».

Раздел девятый. «Милиция, призванная на действительную службу Соединенных Штатов, должна подлежать действию тех же самых правил и военных законов, как и регулярные войска». То-есть на время своего призыва милиционер является в действительности федеральным солдатом.

Закон, дополненный конгрессом в мае 1908 года, гласит, что «каждый офицер или записанный на службу милиционер, который должен будет быть призван предписанным выше порядком, должен явиться на службу *без особой записи.*

«Поэтому призыв президента сам по себе осуществляет переход организованной милиции, призванной им на службу, из сферы ведения местных властей штата в распоряжение федеральных властей. Она становится частью армии Соединенных Штатов, а президент становится главнокомандующим ею.

«*Президент является единственным решающим лицом* при определении наличности того экстренного случая, который оправдывал бы призыв организованной милиции».

В этом законе двадцать шесть разделов, и каждый из них следовало бы тщательно изучить всем рабочим Соединенных Штатов. Собраниям рабочих союзов не мешало бы побуждать местные газеты к опубликованию выдержек из закона, подобранных союзами. Чем больше будет закон обсуждаться, тем больше из него можно почерпнуть пищи для размышления.

Английское капиталистическое правительство недавно также утвердило новый военный закон, нечто в роде закона Дика, называемый актом о территориальных силах. Законом этим «доброволец гражданин солдат» превращается в регулярного солдата. «Justice» говорит:

«Согласно новому закону, доброволец должен «записываться» и служить по «военным законам». Он будет таким же регулярным солдатом, как лейб-гвардеец или драгун, и может быть вызван для

расстрела забастовщиков во время рабочих распрей, как это было на самом деле в Фэзерстоне... и в Бельфасте всего лишь несколько месяцев тому назад».

«Доброволец,—говорит «Morning Post»,—больше не будет гражданином-солдатом, он будет солдатом без малейшей тени гражданства... Быть-может, это механик; многие из лучших добровольцев—механики. Если вспыхнет забастовка в его предприятии, по приказу того трэд-юниона, членом которого он состоит, и если начальство побаивается забастовщиков и ему нужны солдаты, чтобы расстрелять рабочих, то в случае необходимости доброволец, переименованный в «принадлежащего к составу территориальных сил», является как раз таким человеком, который нужен начальству. И билль дает начальству власть вызвать для этой цели такого человека».

Закон Дика был проведен капиталистами, конечно, «друзьями труда», республиканцами и демократами. И «акт о территориальных силах» точно также был проведен капиталистами «друзьями труда», как либералами, так и консерваторами. Если безоружная армия безработных грозно растет в числе, а вооруженная армия подкупленных взятками мясников становится все больше, готовая умертвить голодающих, то и в «Старой Англии» и в «Новой Америке» и повсюду это дает рабочему классу возможность обратить большее внимание на тех «прекрасных людей», которые с такой слезливостью и боязнью «относятся к труду по-дружески».

В 1911—14 гг. большая часть Западной Виргинии, Колорадо и Мичигана находились порой в течение нескольких месяцев под властью военного деспотизма. Место гражданского управления и власть его были дерзко отняты и переданы винтовке, тяжелой дубинке, грубым и бесчувственным военным судам и тюрьмам. Конституция штатов, законы, суд присяжных и все другие элементарные установления цивилизованной гражданской судебной процедуры подвергались беззастенчивым насмешкам со стороны угольных королей, были попраны дубинкой, винтовкой и барабанным судопроизводством военных судов при помощи местных, помеченных долларом, анархистов, составлявших так называемый Союз Граждан.

12. Почему рабочий класс должен предоставлять капиталистическим правительствам полную возможность заниматься истреблением

рабочих? Почему бы не ограничить строго власть призывать миллионы людей к оружию?

А что произошло бы, если бы рабочий класс отказался сражаться?

«Что «правительство не в состоянии засадить в тюрьму все население, а если бы и могло это сделать, то оказалось бы без материалов для армии и без денег для ее содержания»—это почти неопровержимый аргумент. Мы видим тут («в пассивном сопротивлении, не только в теории, но и на практике») по крайней мере зародыши того чувства, которое при надлежащем развитии должно сделать войну невозможной для всего народа»...

Здесь надо особо отметить следующие пять пунктов:

1) Требуйте от всех школьных учителей, чтобы они учили всех детей презирать и ненавидеть войну.

2) Вооружать или всех, или никого.

3) Обучать военному искусству или всех, или никого.

4) «Право граждан носить оружие не должно нарушаться» (конституция Соединенных Штатов—третье дополнение).

5) Рабочему классу следовало бы прилежно поразмыслить над смелым требованием, чтобы хоть один полк сражался во время забастовок в защиту рабочего класса с объединенным и сплоченным классом капиталистов.

Вот этими пятью предложениями намечается известный план, который даже в эпоху капитализма сможет сделать рабочий класс гораздо менее беспомощным и безнадежным, чем ныне, во время его классовой борьбы против класса капиталистов-хозяев, которые имеют право приказать солдатам из рабочего класса открыть огонь по рабочему же классу.

Но все-таки этот вопрос может быть разрешен самым радикальным и блестящим образом только тогда,—но не раньше,—когда рабочий класс возьмет правительственную власть в свои руки (см. главу десятую, которая посвящена исключительно тому вопросу, «что нам делать?»).

Знаменательно, что первый военный министр Генри Нокс, назначенный президентом Вашингтоном, сделал 18 января 1790 г. доклад о надлежащих основах организации военной защиты Соединенных Штатов. План его заключался в том, что «постоянная армия уни-

чтожалась, как обладающая слишком свирепым видом и враждебная принципам свободы».

Всемирно-известный ученый Фрэнсис Либер, германо-американский солдат, историк, экономист и публицист, говорит так о постоянных армиях:

«Постоянные армии не только являются угрозой для гражданской свободы, находясь в распоряжении власти исполнительной. Они оказывают еще то добавочное дурное влияние, что ими внушается всему населению... дух прямо-противоположный тому, который должен быть духом общим всему свободному народу, посвятившему себя самоуправлению. Это влечет за собой привычку к неповиновению и пренебрежительному отношению к гражданам и оказывает влияние на взгляды правительства, что противно свободе, уверенности в себе и самоуправлению... Там, где народ поклоняется своей армии, возникает мнение, что храбрость во время сражения есть и на самом деле высшая степень проявления человеческого духа. И армия, в свою очередь, больше чем что-нибудь другое, приводит к преклонению перед одним человеком—преклонению столь вредному».

13. «Для французов, итальянцев и особенно для германского и русского юношества из низших классов... армия носит название... университета для бедняка». «Университет для бедняка»!—в котором его дрессируют и дают тычки, превращают в тупого подчиненного и обучают благородному искусству убивать по всем правилам науки себя самого, свой собственный класс. Униженные, послушные и находящиеся в пренебрежении миллионы рабочих, служащих в постоянных армиях всего мира, конечно, получили надлежащее воспитание, если они хотят брести по собственной крови, защищая класс капиталистов-паразитов, которые правят, седлают и губят тружеников всего мира.

Постоянная армия—это насмешка и ярмо для рабочего класса. Постоянная армия—это сложная человеческая машина, обученная лупить рабочий класс, когда он кричит, требуя молока, хлеба и мяса. Солдат, милиционер—это обученный сапог, которым предприниматель пинает рабочий класс.

14. Разве сыновья богачей не поступают иногда добровольно в милицию?

Да, иногда, но очень, очень редко. Один из нью-иоркских Вандербильтов, из семьи с самой голубой кровью, был недавно капитаном в одном особенно изящном полку. Но заметьте—в девяносто девяти случаях из ста прекрасно вооруженные, хорошо обученные милиционеры сражаются с безоружными, необученными рабочими (а также с женщинами), что не так уж опасно для милиционеров. Для образованного богача безоружный рабочий, бастующий ради нескольких лишних копеек, чтобы купить себе хлеба, является «врагом», но вооруженный обученный солдат, ремесло которого—убийство, тоже «враг»—но, знаете ли, тут есть некоторое различие.

В течение ряда лет нью-иоркские миллионеры и все другие «лучшие люди» «указывали с гордостью» на знаменитый седьмой полк национальной гвардии, «полк богачей», «полк золотообрезных» восхитительных молодых миллионеров, многие из которых приезжали на обучение на автомобилях. Этот полк американской знати, полк сальных—жирных—стальных—угольных и железнодорожных миллионеров, готовый в любой момент стать на защиту и спасать дорогую родину от «врага»,—этот полк был, разумеется, гордостью города, называемого Нью-Йорком. Эти блестящие патриции обучали обыкновенных людей патриотизму. «Так они поступали». Пока не вспыхнула испанская война.

Тогда эти патриоты-фокусники—что же они тогда сделали?

Вышли в отставку.

Или же сделали то, что соответствовало тому же самому—*голосовали* за то, чтобы не итти на войну.

Конечно, они так и сделали. Разумеется, быстро—и умно.

А почему же нет?

Ведь не ожидаете же вы, чтобы компания *интеллигентных* людей оставила уютные счастливые дома, отправилась в ад и обрекла сама себя на посмешище, разве не правда? Для чего это делать, когда стоимость резиновой шины от одного автомобильного колеса может покрыть содержание во время войны дешевого человека «из низших классов» в течение шести месяцев.

15. «А разве один миллионер не отправился на Кубу воевать?»

Да. Из числа наших шести тысяч патриотов, размахивающих флагами миллионеров, один, только один молодой птенец отпра-

вился на Кубу повоевать—«для небольшого возбуждения и развлечения», говорил он.

На его долю досталось сколько угодно «самого лучшего» возбуждения и немного холодного свинцу. Он был убит. Такой случай, когда миллионер пошел на войну «из патриотизма», является исключительным, безусловно исключительным, составляет совершенно единичное, бесцельное и глупое исключение, которому никогда не будут подражать. У миллионеров слишком много ума. Даже его друзья-миллионеры хохотали над ним, узнав, что он идет на войну. Но ему хотелось «самого пекла». Он и получил это «пекло»,—а вместе с ним холодный свинец.

Несколько тысяч других миллионеров, размахивающих флагами, блистали во время этой войны своим благоразумным патриотическим отсутствием.

Очень поучительно и знаменательно, что капиталистические газеты уделили в сто раз больше места описанию смерти одного солдата-миллионера во время испано-американской войны, чем смерти ста покорных солдат из рабочего класса, умерщвленных во время той же самой войны.

16. Разве некоторые из нынешних богатых людей не были когда-то солдатами—много лет тому назад?

Да. Некоторые из нынешних богачей были когда-то солдатами—много лет тому назад. Но теперь они уже не солдаты, когда стали богачами, и они не были богачами, когда много лет тому назад были солдатами.

17. Если политические деятели не идут на войну, то как же быть с примером г. Брайана? Разве г. Брайан не уезжал на войну на Кубе из патриотизма?

Нет, господин Брайан *не был* на войне на Кубе. Он просто лишь *отправлялся* на войну.

Господин Брайан был, конечно, патриотом, ревностным и шумливым, это так. Но, как и все интеллигентные люди его класса, он всегда вполне управлял своим энтузиазмом. Господин Брайан никогда не выказывал непреодолимого желания итти *на самый фронт*, на передовые позиции. И его класс был ему верен, он относился

с уважением к его сильному влечению к войне за пятьсот миль от пламенеющего, рычащего пулемета. И в виду этого его класс, стоящий в Вашингтоне у власти, оберегал его от опасности. Однажды ему показалось, что ему грозит отправка на войну. Он сейчас же завопил: «Это политика!»—и немедленно сложил с себя доблестное командование, с удвоенной скоростью, из патриотизма. Господин Брайан верхом на великолепном коне с поднятой шпагой в руке, величественно приносящий обет «защищать флаг от неприятеля», во главе своих доблестных храбрецов, собранных на блестящий смотр перед зданием Омаха-Би, готовый тронуться *по направлению* к фронту,— в этот торжественный момент полковник Уильям Дженнингс Брайан был, право, просто великолепен, чтобы не сказать—красив. Когда золотые слова этого Ахилла из Небраски, этого Александра из Платт-Валли прозвучали в его героическом обещании пролить кровь (если будет нужно) за свой флаг, то нация успокоилась—она уже почувствовала себя спасенной.

Патриотизм прежде всего достоин того, что он стоит, то-есть достоин того, что он стоит г. Брайану. Господин Брайан, как и г. Хирст и многие другие, настроен патриотически, скажем, даже черезчур патриотически—на словах.

Но читатель может задать вопрос: «Разве не был на войне на Кубе г. Рузвельт, разве это не пример политического деятеля, который действительно добывал под огнем?»

Очевидное исключение. Назовите еще кого-нибудь из других «великих государственных людей» или международных крикунов, которые участвовали бы в кубанской войне—на самых передовых позициях. Господин Рузвельт любит возбуждение и опасность. А какие необычайные опасности представлялись для американцев во время этой войны! Самая могущественная «республика» на земле сцепилась с самой беззубой, пришедшей в упадок, старой политической бабушкой Европы. Опасности? — совершенно такие же, которые грозят вооруженному здоровенному охотнику, когда он встречается один на один с сосунком лани. Господин Рузвельт сам геройски и очень подробно рассказал и напечатал о своих храбрых деяниях во время войны. С христианской любовью и смирением, с очаровательной скромностью и деликатностью, с застенчивым простодушием краснеющей ученицы, характерными для него,

т. Рузвельт так повествует нежно об одном из своих доблестных поступков:

«Первый сержант лейтенанта Дэвиса, Кларанс Гулд, убил испанца из револьвера... Приблизительно в то же самое время и я застрелил одного. Два испанца выскочили из траншеи... не дальше, чем в десяти ярдах. Когда они повернулись, чтобы бежать, я подошел ближе и дважды выстрелил, промахнувшись по первому и убив второго (о, какая радость!)... В это время я не знал о подвиге Гулда и предполагал, что моя удача единственная».

Конечно, требуется мужество, редкое и доблестное мужество для богача, имеющего ученую степень Гарвардского университета, чтобы хвастать печатно тем, что он застрелил бедного, невежественного убегающего испанского солдата—весьма вероятно, смиренного рабочего, которого погнали на войну, оторвав его от плачущей жены и детей,—что он выстрелил в такого человека *в спину*. О, блаженство—гордость—божественный экстаз! *«Я влепил ему! Из револьвера! В спину!»* Достойное мужчины развлечение американского джентльмэна, помеси патриция со скотом. Да, читатель, господин Рузвельт, политический деятель, участвовал в войне на Кубе—с определенной целью. Он обеспечил себе военное звание и «военный рекорд», стоившие по меньшей мере 75.000 голосов во время избирательной кампании, которая велась из-за губернаторского поста в Нью-Иорке и последовала сейчас же за войной. За подробностями отсылаем к книге «The Rough Riders». В книге неоднократно встречается портрет г. Рузвельта, помещенный с лукавым патриотизмом, политической проницательностью, редким мужеством—и девической застенчивостью; а позы, в которых он снят, выражают его обычную крикливую скромность и свирепую учтивость.

Эмерсон прекрасно говорит: «Всякий герой в конце концов надоедает».

18. Благородный профессор Паульсен (берлинского университета) писал:

«Ненависть побуждает людей искать ссор, а гордость кружит им головы... Нет, высокомерие и ненависть положительно всегда бывают признаками раздражительного и большого самомнения... (это) себялюбивое, высокомерное, пустое и ограниченное самодовольство, которое в угоду народных страстей льстецы называют патриотизмом».

Выдающийся итальянский историк Ферреро писал:

«Так, разрушая или создавая, человек может доставлять себе сильные эмоции и убеждать себя в своем собственном превосходстве... Две страсти раздирали человеческое сердце на протяжении всех анналов истории человечества: божественная страсть к созиданию и дьявольская страсть к разрушению... Человек девятнадцатого столетия ищет буйных и опьяняющих эмоций, чтобы позволить себе утвердить свое превосходство над своими собратьями».

Роберт Ингерсолль понимал помесь героя с животным:

«Мужество без совести—это дикий зверь. Патриотизм без принципов—это предрассудок рождения, животная привязанность к месту».

Виктор Гюго так говорит:

«Быть, с материальной точки зрения, великим человеком, быть высокомерно-жестоким, управлять доблестью темляка и кокарды... обладать гением для бесчеловечности—это значит быть, если хотите, великим, но это грубый путь к тому, чтобы стать великим».

Рев пушек, удары штыков, сокрушение тел, брызги крови—все это во время битвы делает мужчин приятными, нежными, галантными, даже делает из них героев, которые становятся достойными предметами поклонения со стороны женщин *).

Например, когда герои-христиане заняли Магдебург:

«Тут теперь начались сцены избиения и насилия, для описания которых у истории нет слов, а изобразить которые не в состоянии карандаш художника. Ни невинность детства, ни беспомощность старости, ни юность, ни пол, ни положение, ни красота не могли обезоружить ярость победителей. Бесчестили женщин, лежавших в об'ятиях супругов, насиловали дочерей у ног родителей, и беззащитный слабый пол вместе с честью лишался и самой жизни... В одной церкви было найдено сорок три женских трупа с отрезанными головами. Хорваты забавлялись, швыряя детей в пламя, а валлоны Паппенгейма—прокалывая копьями младенцев, которых матери прижимали к груди».

Но можно сказать, что все это проделывалось много лет назад, в семнадцатом столетии. Тогда задумайтесь над тем, что во время

*) См. главу восьмую, отдел 11, представляющий особый интерес для женщин, склонных приходить «в полный восторг» при виде солдат.

французской гражданской войны в 1870 году доблестные герои, входившие в состав правительственных войск, одержав верх над революционерами, выводили целые тысячи безоружных пленников— мужчин, женщин и детей—на открытое место у границ Парижа и расстреливали там всех, не щадя и детей. Во многих случаях доблестные вооруженные злодеи выстраивали беззащитных пленников в затылок и забавлялись, пробуя винтовки на живом человеческом теле, чтобы узнать, сколько мужчин, женщин и детей можно умертвить одной пулей. Много лиц, принадлежащих к «лучшим классам», «утонченные дамы и господа», «передовые граждане», отличавшиеся изяществом манер и платья, присутствовали при этом, любуясь *потехой*, рассыпая поощрительные улыбки и подавая полезные советы «цивилизованным» мясникам.

А в еще более близкое к нам время:

Один британский герой так описывает «потешный» случай во время южно-африканской войны: «Знаете, сэр, я никогда не видал за всю свою жизнь более забавной вещи! Ну, только представьте себе—я видел, как каффрская женщина подняла обезглавленный труп своего ребенка и привязала его себе на спину! Боже мой, вот потеха! Как вспомню, так хохочу над этим до сих пор!» Из того же источника (The Westminster Review) приведем еще такой пример христианского военного героизма: «Отряд германских разведчиков (в Южной Африке) взял в плен пятерых туземок... офицер приказал десяти солдатам примкнуть штыки. Пять человек выстроилось перед женщинами, а пять сзади них и затем закололи их штыками». *Десять вооруженных героев-христиан* проткнули штыками грудь пятерым *безоружным женщинам.* Великий подвиг! Не правда ли? Ведь как-никак—это война! Прямо не знаешь, кто достоин большего презрения: солдаты ли или те праздные паразиты, ради которых совершается тысяча самых кровавых и подлых преступлений! Д-р Вальтер Уолш предоставляет самому солдату рассказать об его достойных мужчины подвигах на его собственном героическом языке:

«Наше наступление походило на шотландские набеги в старое время, два столетия тому назад... Мы продвигались вперед от одной долины к другой... сжигая, грабя и заставляя женщин и детей сидеть и проливать слезы около развалин их, когда то прекрасных,

усадеб... мои люди раздобыли снопы соломы. Женщины плакали, а ребята стояли, держась за матерей, и смотрели широко раскрытыми, испуганными глазами на пылающий дом... Люди думали, что мы пришли освежиться, и один из них побежал за молоком... Тогда мы все местечко предали огню. Они кинулись на колени, молились и пели, прерывая себя горьким плачем. Одна из бедных женщин сошла с ума. Когда пламя начало охватывать обреченное на гибель местечко, она бросилась на колени, разорвала на себе платье, обнажила грудь и стала вопить: «Пристрелите меня, пристрелите, мне незачем больше жить, когда мой муж погиб, ферма сожжена и скот отнят!»

Примеры таких гнусных подвигов насчитываются тысячами.

«Это и есть война?—спрашивает д-р Уолш.—Пусть это война: тогда армия просто фабрика для подлецов и школа для негодяев!»

«Герой войны,—говорит выдающийся римско-католический епископ Джон Спаулдинг,—может существовать лишь при условии пребывания народа в варварстве, а когда все будут цивилизованы, то считаться самым великим и самым лучшим будет тот, кто знает и любит больше всего».

А вот слова Роберта Ингерсолля:

«Каждый хороший мужчина, каждая хорошая женщина должны были бы сделать попытку покончить с войной, остановить призывы к дикой силе. Человек в состоянии дикости полагается только на свою силу и решает сам для себя, что есть добро и что зло».

«Нет ничего очевиднее,—говорит Эмерсон,—что это влечение к войне есть юношеское и переходное состояние».

Д-р Джон Фиске, историк и философ, делает следующие наблюдения над медленным великим переходом от животной грубости к братству:

«На протяжении тысячи поколений и вплоть до самого последнего времени одним из главных занятий людей были грабеж, калеченье и избиение друг друга... Дурные страсти... имели очень мало удобных случаев, чтобы утратить свою силу от более редкого обращения к их помощи. Нежные и бескорыстные чувства, являющиеся более поздним плодом эволюции, слишком редко имели возможность стать более сильными, ибо ими не часто пользовались... причуды и предрассудки военного варварства вымирают медленно... Исчезают

более грубые формы жестокости и истребление людей значительно уменьшилось... в более варварскую эпоху героем был тот, кто уложил тысячи... Таким образом мы видим, что значит прогресс человечества. А он обозначает отбрасывание от себя унаследованных животных инстинктов, постепенное отбрасывание их на протяжении целых веков борьбы, что современем сделает ненужным всякую борьбу. Человек медленно переходит от стадии примитивного социального состояния... к периоду конечного социального состояния, при котором характер людей настолько изменится, что в нем не останется ничего скотского. Обезьяна и тигр угаснут в характере человека».

Как это утешительно! Мы можем с упованием обратить свои взоры к тому времени, когда даже развращенный кандидат на пост президента великой христианской «республики» не будет ни тигром в такой степени, чтобы умерщвлять человеческие существа, ни павлином или обезьяной, чтобы хвастаться своими поступками.

«Кто любит войну ради ее самой,
«Тот или глуп, или помешан, или еще хуже» (Теннисон).

«Одной из самых обычных и распространенных ошибок является смешение задора и военного пыла с гениальностью. Эти качества почти взаимно противоположны... Но обычно большая энергия и решительность, а в особенности боевые качества сочетаются с довольно слабыми способностями».

Положительно в таком величии слишком много величия бульдога.

«Никакая запятнанная кровью победа, столь благодетельная на бумаге
«Не может привести в восхищение ум философа.
«Я не считаю это триумфом, когда вокруг свирепствует ярость и смерть:
«Размышление испытывает тошноту при такой чудовищной радости».
(Блумфильд).

«Тот проклят человек, лишен покровительства закона и права,
«Недостоин собственности, недостоин света,
«Негоден ни для государственной власти, ни для семейных забот—
«Кто наслаждается войной—презренное существо и чудовище».
(А. Поп—«Илиада» Гомера).

Представьте себе вождя индейцев сиу, язычника Александра, язычника Цезаря, христианина Наполеона, а также христиан-забияк императора Вильгельма и Теодора Рузвельта, и вместе с ними крот-

кого Христа—представьте себе, что все семеро «не только хотят, но горят нетерпением сражаться», что все они скачут галопом верхом на покрытых пеной конях по кровавому полю битвы, усеянному ранеными и умерщвленными мужчинами и юношами, представьте себе, что все семеро скачут, скачут храбро и с пылом, размахивая окровавленными саблями, с криком, с визгом, с воем, выкрикивая «ура» в честь войны, «доблестной» войны, и железные подковы их стремительно несущихся лошадей дробят груди и головы мертвых и умирающих молодых людей и юношей.

Дикарь сну, бессмертные жестокие язычники Александр и Цезарь, знаменитые христиане-забияки Наполеон, Вильгельм и Теодор—все эти шесть «гениев», все эти грубые, забрызганные кровью себялюбцы вполне подходят к такой картине, как акула вполне на месте в океане, волк—в лесу, тигр—в дебрях джунглей, дикарь—на пиршестве людоедов, как дьявол в аду. Но Христос, Христос, в чьей душе не таится ни тигр, ни дикарь,—но Христос, вооруженный длинной саблей, мясничьим ножом героя, Христос, вонзающий клинок в грудь братьев, вопящий, словно пришедший в восхищение скот, и называющий все это «великим», «блестящим», «замечательным»!

Нет, это невозможно!

Но почему же это невозможно для Христа и в то же время— «во-о-схитительно!» для остальных шести?

Потому лишь, просто потому, что эти шесть жаждущих крови героев дики или, в лучшем случае, только цивилизованы, а Христос был социалистом.

Социализм противится убийству—как оптовому, так и розничному.

Христос бессмертен—своей безграничной любовью и проповедью братства.

«Великие» же генералы получают повышение и становятся бессмертными благодаря своей узкой ненависти и блестящей жестокости.

19. Не является ли война вполне естественной и необходимой в жизни человечества и не служит ли война могущественным фактором в умственном развитии рода людского?

Вот что говорит профессор Ферреро по этому поводу:

«Таким образом обязанностью каждого мыслящего человека является ныне распространение признания того факта, что война

уже не служит больше тем целям, которым она служила когда-то в борьбе за цивилизацию».

«Война необходима для цивилизации?»

Прекрасно, долгое время в жизни человеческого рода законы природы понимались так плохо, у человека было так мало знаний и наблюдений над природой, что было чрезвычайно трудно снискать пропитание для всех. Естественно, что наши предки ссорились. Весьма возможно, что одним из них приходилось убивать других, чтобы хоть кто-нибудь мог существовать. В ту эпоху люди были невежественны и не знали, как можно добиться, чтобы природа в изобилии и без труда предоставляла для всех средства к жизни. И несомненно борьба содействовала развитию расы—той ее части, которая не была истреблена. Благодаря борьбе, развились сперва крепкие мускулы, когти, которыми можно было раздирать шкуры, или острые, как нож, ногти на пальцах рук, затем клыки во рту, толстая кожа; позднее дубинки, копья, самострелы, луки и стрелы; еще позднее винтовки, пушки, боевые суда, начиненные лиддитом снаряды, а также методы борьбы и тактика—все это развилось. А вместе с тем развились и лукавство, обман, коварство, эгоизм, себялюбие, дурные наклонности, дешевое тщеславие, чванство, завистливость и громоподобные голоса военных и преклонение перед героем—все это развилось.

И мускулы и умственные способности, явившиеся в результате такого развития, и доныне чрезвычайно полезны. Конечно, умственные способности, развившиеся благодаря войне (но не исключительно и не всецело благодаря ей), вполне достойны своей цены, чего бы они ни стоили, потому что благодаря божественной способности мыслить, только благодаря этой способности, мы можем теперь перейти к более высоким ступеням и к более совершенным формам жизни, можем наслаждаться всем тем, что отличает человека от животного. Иными словами, благодаря мыслительным способностям мы можем достичь более прекрасных форм жизни, *если только* даже теперь низкое лукавство, обман, злоба, себялюбие и грубые наклонности древних животных не слишком сильны у нас в крови и не оказывают до сих пор влияния на наш характер. Иной может «не только желать, но гореть нетерпением сражаться», несмотря на всю свою интеллигентность. У такого господина

может уже не быть когтей для разрывания кожи, но у него есть наклонности заняться этим, и эти наклонности развились одновременно с развитием когтей на пальцах для разрывания шкуры, и развитие их происходило совершенно одинаково.

Конечно, и доныне мы всё еще нуждаемся в мускулах и умственных способностях, нуждаемся все до одного. Но нам уже не нужно более когтей или клыков, дубин, здоровенных палок, копий, луков и стрел, винтовок и боевых судов. Не нужно нам больше и высокомерного эгоизма, низкого лукавства, честолюбия призовых бойцов или готовности тигра, учуявшего кровь. Нам не следовало бы больше прибегать к стариным способам борьбы, когда каждый борется за себя, в промышленном процессе жизни—*в рационально* организованном обществе при нашем *современном* знании природы. И нам не следовало бы больше восхищаться какими бы то ни было из прежних скотских приемов и способов, если бы мы были цивилизованы в самом благородном смысле слова, если бы мы были достаточно социалистически настроены.

Можно ли вам задать вопрос? Он заключается в следующем:

Будете ли вы пользоваться—предпочитаете ли вы пользоваться—своими мыслительными способностями, как животное, как дикарь или как ищущий правды социалист? Хотите ли вы не только просто сражаться, но «горите нетерпением», или такое занятие и скотские способы внушают вам отвращение? Который час по часам вашего личного развития? Предпочитаете ли вы библиотеку арсеналу, что вам больше нравится: книги или штыки? Для вашего собственного развития является ли сражение естественным, необходимым или полезным? Если сражение, если непосредственное участие в нем с винтовкой в руке не необходимо для проповедника, сенатора, профессора, банкира или заводчика, то почему оно как будто необходимо для вас? Зачем бы вам позволять гражданам «из лучших классов» отдавать вам приказы и выводить вас, словно призовых бульдогов, сражаться на международной арене, что называется борьбой за мировой рынок? Уверения в том, что война способствует цивилизации и дальнейшему развитию для *вас*—чистейшая ерунда, если класс капиталистов может соблазнить вас за пятьдесят центов в день сражаться за иностранные рынки для американских трактиров в то время, как вы сами, ваши отец и мать питаются мясом третьего

сорта, бобами, дешевым сиропом и фальсифицированным кофе без сливок. Брат, конечно, ты можешь быть «храбрым парнем» и «отличным стрелком», можешь с геройским видом пачкать руки в крови другого человека, но, право же, «высший класс» нашел в тебе удобную жертву, подходящего, дешевого «проходимца» из «низших классов»!

20. Джон Рэскин тонко подметил коварство капиталиста и шутовскую роль рабочего во время «войны за цивилизацию». Он писал:

«Когда капиталисты не знают, что им делать с деньгами, то они убеждают крестьян, что этим самым крестьянам нужны пушки, чтобы перестрелять из них друг друга. Крестьяне послушно берут пушки заимообразно у заводов, что приносит капиталистам проценты, а мужам науки—развлечение и известность. Затем крестьяне перестреливают некоторое количество себе подобных, покуда не устанут, и сжигают друг у дружки в разных местах дома. Затем они развозят пушки обратно по городам, по арсеналам и т. д., делают из пушек различные украшения, а победоносная сторона расставляет по церквам несколько изорванных флагов. А потом капиталисты облагают налогами как тех, так и других и заставляют ежегодно и навсегда впредь платить им проценты по займам, на которые покупались пушки и порох».

Итальянский историк Ферреро видит свиной пятачок жадности правящего класса в войнах, которые велись в течение трех тысяч лет «цивилизации». Он пишет:

«На протяжении тридцати столетий, которые охватывает историческое знание, война была скорее социальной системой, чем кровожадной забавой королей—была первым, самым жестоким и бесчеловечным средством, которым пользовалось правящее меньшинство для накопления богатств».

21. Говорят, что войны всегда были и всегда будут.

Что войны всегда были—это недоказанное предположение.

Что «войны всегда будут»—это зависит от рабочего класса. Облака тупости начинают рассеиваться и сознание рабочего класса проясняется. В мыслях труженика о войне назревает революция.

22. Передовые граждане говорят, что войны необходимы, так как они уничтожают излишек населения.

Если войны необходимы для такой цели, то отчего бы не отнести г. передового гражданина и его друзей к разряду лишних людей, на том основании, что они преступно необщественны, не вывести их потом на поле сражения и не заставить перестрелять друг дружку? Теория избиения излишнего населения сразу потеряла бы у «высших классов» свою популярность!

23. Можно было бы сказать, что наполеоновские войны устранили конкуренцию более 7.500.000 человек на трудовом рынке. Отсюда рабочий мог бы вывести заключение, что раз война уменьшает конкуренцию между рабочими, то рабочий класс должен был бы на этом основании приветствовать войну.

Давайте, взглянем: если четыре человека конкурируют между собой, стремясь получить две работы, то будут ли двое из них удовлетворены и даже рады, если число конкурентов уменьшится от того, что двое других рабочих взберутся к ним на спины и перестанут просить работы? Следовало бы представить себе ясно, что рабочие, не идущие на войну, поддерживают тех, кто идет на войну, — это всегда бывает так, повсюду, безусловно, без всяких исключений.

24. Есть довольно распространенное утверждение, которое повторяют по-обезьяньи, что во время войны — даже во время блестящей христианской войны — происходит следующее: «выживают более приспособленные», при этом подразумевается, в случае современных войн, что выживают «более высоко цивилизованные», то-есть, биологически, «самые лучшие».

Конечно, «пуля очень внимательно выбирает себе жертвы».

И разве государственные деятели не рассказывают нам четвертого июля разные разности о «блестящем уме», «высоком духе» и «превосходстве» тех «храбрых юношей, которые *пали* в сражениях»?

Разве офицер, вербующий солдат, не старается выбирать *самых здоровых* людей для бойни?

Пусть ответят нам правоверные христиане: разве языческая Япония более пригодна к жизни, чем христианская Россия?

Будут ли какие-нибудь виды на то, чтобы «выжить», *у Бельгии* в случае состязания с Турцией, Испанией или Россией?

25. Родственной с только-что указанным утверждением и глупой предпосылкой всех войн служит следующее: *сила порождает право*.

Но если сила порождает право, когда враждуют два народа, то отчего же сила не порождает права, когда сильный человек заставляет более слабого отдать ему свой бумажник?

26. Слова шотландского философа о «храбрых парнях»:

«Оставив многое в стороне, выделим только следующее: Ужасный вид! Все поле битвы усеяно осколками снарядов, пушечными патронами, разбитыми фурами и мертвыми людьми и лошадьми; еще не все похоронены. А эти окровавленные груды: ах, это лежит людская скорлупа, из которой вынули и жизнь и добродетели. И теперь, словно пустая яичная скорлупа, они свалены в кучу и выброшены подальше от глаз!.. Как испортили и обезобразили твою грудь, прекрасная равнина! Зеленая мурава истоптана, снесены пушечным порохом живые изгороди и приветливые жилища Ласковая нива лежит, как пустынная площадь черепов. А все-таки природа уже приступила к работе... вся запекшаяся кровь и остатки тел будут прикрыты, превратятся в удобрение...

«Каковы же, говоря совершенно неофициальным языком, прямая цель и развязка войны? Например, насколько я знаю, в британском поселке Дэмредж обычно проживает и трудится приблизительно пятьсот душ. Из этого числа во время войны с Францией последовательно отбирается какими-то «природными врагами» французов, скажем, тридцать физически здоровых мужчин: Дэмредж на собственные средства выкормил и выпяпьчил их; не без труда и печали он взростил их до поры зрелости и даже выучил их ремеслам, так что один умеет ткать, другой—строить, третий—ковать и самый слабый может выдержать тяжесть десяти пудов. Но тем не менее они все выбраны, выбраны среди горьких слез и проклятий. Их всех одели в красное и отвезли на кораблях, за счет государства, за две тысячи миль, или, скажем, только на юг Испании, и кормили там, пока они не потребовались. А теперь туда же, на юг Испании, направляют свой путь тридцать таких же ремесленников-французов, пока наконец, после долгих нескончаемых трудов, оба отряда не войдут в непосредственное соприкосновение друг с другом и тридцать человек не станут лицом к лицу с другими тридцатью, сжав в руке винтовки. Немедленно дается команда: «Пли!», и они вышибают друг из друга дух. И вместо шестидесяти жизнерадостных, полезных ремесленников мир получает шестьдесят мертвых тел, ко-

торые ему приходится хоронить и из-за которых придется снова проливать слезы.

«Что же, у этих людей была какая-нибудь ссора? Ни малейшей, клянусь в этом дьяволом! Они жили довольно далеко друг от друга; они совершенно были чужды друг другу; нет, в такой обширной вселенной они даже оказывали бессознательно друг другу помощь путем торговли.

«Но как же тогда?

«Простофиля! Поссорились их правители и вместо того, чтобы перестрелять друг друга, застрелили этих бедных болванов!» (Томас Карлейль «Сартор Резартус» Книга 2, глава 8).

27. В той части биологии, которая трактует о жизни паразитов, употребляются технические термины «хозяин» и «гость». Хозяином называется живое существо, которое доставляет средства к существованию не только для себя самого, но и для выматывающего из него жизненные соки пришельца, который жиреет на теле «хозяина». Вторгнувшийся пришлец, разбойник, обосновавшийся на теле «хозяина»,—это «гость», т.-е. паразит.

Теперь происходит одно из самых странных явлений во всей мировой жизни. Когда в некоторых формах жизни достигнута известная степень паразитизма, когда гость начал постоянно кормиться телом хозяина, а хозяин уже совершенно привык и приспособился к паразитическому устройству, то он начинает испытывать глупую склонность *к защите своего паразита-гостя*. Удивительно (и плачевно), что такой закон природы, такая склонность наблюдается также и в общественной жизни человека. В течение тысячелетий множество мужчин, женщин и детей были под властью этого закона, мысленно задыхались в усилиях найти справедливость и свободу. Громадное большинство рабочих всегда очень быстро и легко становилось «мирным», «законопослушным», «удовлетворенным» и «патриотически настроенным». Миллионы бесправных рабов «честно» защищали своих господ-паразитов. Миллионы крепостных «честно» защищали своих помещиков и господ. И теперь десятки миллионов рабочих, живущих заработоной платой, имеют сильную склонность «честно» защищать своих хозяев-паразитов. Более того, предприниматель путем лукавого восхваления рабочего может заставить его невежественно, слепо и глупо прославлять и защищать

не только предпринимателя, но и всю систему заработной платы систему грабежа и социального паразитизма. Но это еще не все

„Пойдемте, коварные трусы!“.

Война: Пойдемте. коварные трусы! Слушайте, что я скажу! Мужчины и юноши, рабочие, гордо и наотрез отказались продолжать стрельбу! Теперь вам самим придется стать лицом к лицу с адом на передовых позициях! Ну, идем! Да поживее! Марш!»

Капиталисты: «Кто! Что! Мы! Никогда! Ха, ха, ха, ха! Немедленно мир!»

Предприниматели, подчинив себе такие учреждения, как школа, библиотека, печать и кафедра лектора, могут научить «хозяев», живущих на заработную плату, обучать своих детей защищать и прославлять паразита-предпринимателя—«гостя» и паразитическую социальную систему, при действии которой жизнь рабочих принижается, так как из нее высасываются рента, проценты и прибыли, питающие паразитический класс капиталистов.

То, что предприниматель называет довольным и лойяльным рабочим, на самом деле просто глупый и послушный «хозяин», если воспользоваться биологическим термином. А рабочий, защищающий с винтовкой в руках тот класс, который, в качестве социальных паразитов, занимается грабежом рабочего класса,—такой рабочий служит превосходнейшей иллюстрацией того факта, что великие законы природы совершенно равнодушны к так называемому «человеческому достоинству», совершенно равнодушны к смешному зрелищу, когда человеческое существо приближается по своему поведению к образу действия существ, стоящих гораздо ниже уровня даже обезьяноподобных родственников человеческой породы. Для природы совершенно безразлично, ведет ли себя человек, как краб или сосальщик, как тигр или обезьяна, как подобострастный раб или смелый, уважающий себя мужчина.

28. Защищаемый правящий класс естественно становится в пренебрежительную позу по отношению к лишенному гордости рабочему классу, социальному «хозяину», защищающему правящий класс. А солдата, происходящего из рабочего-класса, в душе презирают, хотя и много льстят ему, как профессиональному защитнику класса паразитов капиталистов.

Что думает о солдате правительство Соединенных Штатов, можно видеть, например, из того, что служащий, состоящий на службе по гражданскому ведомству, получает по доллару и даже больше доллара на путевое довольствие, если ему приходится раз'езжать по делам службы, тогда как «храбрые парни» в хаки, давшие за жалование свое согласие быть наготове для истребления собственных братьев, бывают счастливы, если им дают когда-нибудь тридцатицентовый обед. В связи с этим представляют интерес следующие выдержки из «Отчета» м-ра Тафта, который он представлял в быт-

ность военным министром в 1907 году. Под заголовком «Продовольствие» читаем:

«Нынешнее питание, хотя оно *обильно и вполне доброкачественно*, не отличается таким разнообразием, как пища во флоте. Следовало бы *добавлять* к гарнизонному пайку масла, молока и патоки или, *по крайней мере, сиропа*. Все это *почти* необходимо для приготовления дессерта... Все это входит в паек на Аляске и должно отпускаться повсюду».

Нынешнее питание «обильно и доброкачественно», но все же в нем не хватает масла, молока и патоки и даже сиропа. Все это «*почти* необходимо»!

Легкомысленная расточительность, проявляемая «великим министром», который предлагает дополнять каким-нибудь дешевым сиропом *дессерт*, дает нам ясное представление о том, как ценит военное министерство дешевизну голодного молокососа, если его можно заманить дешевым «сиропом» на службу правящим классам. Обыкновенную комнатную муху можно так же легко поймать в ловушку сиропом—хорошим сиропом!

Пища солдата Соединенных Штатов оценивается в шесть и две трети цента за блюдо, как это явствует из следующей выдержки, взятой из отчета военного министерства за 1907 год: «В настоящее время жалование рядового составляет 43 с третью цента в день. Прибавив к этому (дневную) стоимость его пищевого пайка, равную двадцати центам, довольствие одеждой и квартирой по пятнадцати центов в день и все другое, равняющееся примерно шести и двум третям цента, мы получаем, что нынешнее жалование солдата все-таки на 25 центов меньше среднего заработка рабочего в Соединенных Штатах». Такова оценка военным министерством среднего общего ежедневного заработка солдата наличными деньгами и натурой, которую министерство делает для сравнения доходов солдата с заработками среднего сельскохозяйственного рабочего и простого поденщика. На стр. 84 того же отчета указывается, во что оценивается правительством средний ежедневный доход «сельского работника и поденщика»: в 1902 г. средний заработок этих двух классов равнялся, согласно отчету, 1 доллару 20 центам в день, а «приняв в соображение увеличение заработной платы с 1902 года», правительство *оценивает средний заработок «сельского работника*

и поденщика» в 1907 году в один доллар и 25 центов в день. Этот заработок, по словам отчета, в 1907 году превышает месячное жалование солдата на семь с половиной долларов.

Всем известно, что в Соединенных Штатах солдаты и матросы вынуждены тратить значительную часть своих собственных денег на покупку пищи, которая отпускается им правительством слишком скупо. Иными словами, правящий класс настолько презирает своих «сторожевых псов», что дает им меньше средств к жизни, чем получает наиболее скудно оплачиваемая группа рабочих, от которых солдаты охраняют и которых они готовы умертвить, если они бастуют и борются за больший заработок.

В том же самом отчете под заголовком «Помещения» стоит:

«На солдата производит мало впечатления, что он живет в здании, которое стоит 40.000 долларов, если он находит там только железные скамьи, дешевые стулья и некрашеные столы, то-есть лишь то, что для него безусловно необходимо, но не видит никаких удобств. Казарма—это дом для солдата, пока он находится на военной службе. Весьма возможно, что он чаще бы думал о продолжении службы, если бы казарма больше походила по виду на дом. Поскольку вопрос идет о ротных помещениях, простые комнатные украшения и не нужны и не рекомендуются (!)... Ротные помещения должны быть только спальнями. В них должны быть только лавки, шкапчики и несколько стульев, но они могут быть отчасти несколько иными, чем нынешняя дешевая и неудобная обстановка. Но главным образом имеются в виду читальни и залы для развлечений. Нет никакого основания, почему бы не придать им более жилого вида (Право? Замечательно, господин Тафт! Как это смело с вашей стороны!). Вся обстановка в настоящее время состоит обыкновенно из нескольких казарменных стульев, грубых столов, а иной раз из бильярда. Здесь мало что может пленить человека и содействовать тому, чтобы он оставался тут («Пленить»—это хорошо сказано!)... Можно было бы сделать эти помещения удобными и уютными. На полу ковер, по стенам несколько гравюрок, соответственные стулья, несколько письменных столов с письменными приборами, все это можно было бы завести без особенных расходов для Соединенных Штатов... В такой обстановке нет ровно ничего, что действовало бы развращающим образом, здесь многое напоминало бы дом» *(Чей* дом?).

«Несколько гравюрок»—немного, разумеется, и дешевеньких, скажем, приблизительно по десяти копеек штука; и «ковер»—какой-нибудь грубый, унылый половик—вот и все, и больше ничего, чтобы произведения изящных искусств не подействовали на солдат развращающим образом и не слишком сильно смягчали кровожадный темперамент юношей, заманенных сиропом для более доблестного искусства умерщвления. Как глубокомысленно замечает г. Тафт: «Здесь мало что может пленить человека и содействовать тому, чтобы он оставался тут» в данное время; но если последовать его мудрому совету и затратить 98 центов на приманку, разукрасив спальни несколькими подлинными картинами итальянских или, скажем, голландских мастеров, или несколькими привезенными из Персии очаровательными коврами волнующего красного цвета,—то эти обольстительные произведения изящных искусств, стоимостью в 98 центов, в дополнение к копеечной стоимости снятого молока и патоки, *могли* бы и в самом деле быть настоящей приманкой для героев в хаки и заставляли бы их записываться на службу вновь и «оставаться тут».

Недавно члены конгресса и сенаторы повысили сами себе жалованье с 5.000 долларов в год до 7.500. Это признак самоуважения. Прибавка в 2.500 долларов в год будет, конечно, вполне достаточна для приобретения надлежащего количества сиропа и снятого молока для дессерта господ сановников.

Может ли быть, чтобы дешевая патока, которой улучшается дессерт, подаваемый за солдатским обедом, и несколько десятицентовых гравюр, развешенных по стенам солдатских жилых комнат, завлекли сыновей Тафта или Рузвельта, сыновей сенаторов или членов конгресса и сыновей «передовых граждан из лучших классов» в унылые голые казармы, выстроенные для людей, стоящих наготове для избиения себе подобных за каких-нибудь 50 центов в день и дешевый «стол»?

Генерал-майор Бэлл, начальник штаба, говорит:

«Весьма вероятно, что человек при записи на службу уверен в том, что ему понравится солдатская жизнь, но картина, которую себе изображают, очень часто настолько отличается от действительности, что почти неизбежным следствием является разочарование».

Сорок восемь процентов всех дезертировавших с военной службы в 1906 году служили на военной службе первый год, и в том числе больше половины дезертиров состояли на службе не более шести месяцев.

В 1908 году из числа записавшихся на военную службу покончило с собой в двадцать шесть раз больше, чем в 1907 году. А в 1909 году покончивших с собой «плененных» и обманутых молодых людей было в нашей армии в тридцать девять раз больше, чем в 1907 году. За период времени с 1901 по 1906 год включительно в армии не было ни одного случая самоубийства. Данные за три года 1907, 1908 и 1909 гг. соответственно выражаются числами 1, 26 и 39.

Казалось бы, что молодой человек, которому стала противна жизнь в рядах армии, который не в состоянии ее выдержать, скорее дезертирует, чем совершит самоубийство для избавления от отвратительного ремесла. Но, без сомнения, следующая выдержка из отчета военного министра г. Райта за 1908 год поможет несколько уяснить причины увеличения случаев самоубийств в армии. Г. Райт говорит: «Выработанная система... теперь почти совершенная, прекрасно рассчитана на обеспечение *быстрого и верного задержания и наказания дезертиров* и будет... иметь значительное влияние на уменьшение преступлений до минимума». Знаменательная черта этой «высоко-усовершенствованной системы» состоит в доставке фотографических карточек беглецов полиции того города, куда солдаты скрылись, и в обещании полиции 50 долларов в награду за каждого арестованного солдата. 50 долларов выплачивается полицейской ищейке—человеку. Эта «высоко усовершенствованная система» способствует тому, что запись молодого человека на военную службу в значительной мере походит на проглатывание рыболовного крючка с бородкой. Много юношей сходит с ума. В 1908 году душевные болезни стояли *на третьем месте* в длинном списке поводов к увольнению из армии вследствие негодности к дальнейшей службе.

Служба в армии, даже в мирное время, не совсем походит на увеселительный пикник. По этому поводу некоторые полезные сведения сообщает генерал Фредерик Фэнстон:

«Бывает черезчур много вечных учений и практических маршей, а некоторые караульные посты слишком уж утомительны, так как

приходится держать ухо востро. Для многих записавшихся на военную службу, намеревающихся вкусить прелести военной службы, довольно большой удар, когда оказывается, что с точки зрения командиров постов самая важная часть обучения солдат заключается в резке прутьев и табака»...

В своем отчете за 1907 год г. Тафт говорил:

«Достойная замечания черта, что при комплектовании армии при существующих условиях наблюдается все увеличивающееся количество людей, которые не записываются на службу вторично, и людей, оставляющих службу до срока, так как они приобрели право на выход в отставку... На этот факт нельзя не обратить внимания и надо понять, что по тем или иным причинам жизнь солдата, в том виде, как она сложилась теперь, не настолько привлекательна, чтобы в армию поступал наилучший и наиболее желательный разряд людей».

В только что-приведенной выдержке г. Тафт дает понять вполне ясно, что, по его мнению, записывающиеся ныне на военную службу «в регулярную армию» не являются «желательными гражданами». Отсюда предложение «великого министра» добавлять молоко и сироп к дессерту солдата, развесить несколько дешевых картинок по стенам и накрыть солдатские столы цветной скатерью,—чтобы уловить лучший и более желательный разряд людей, т.-е. более хороший и более желательный разряд рабочих, ибо следует помнить, что правительство вовсе не надеется залучить в армию при помощи дешевого сиропа, дешевого молока, дешевых «картинок» и тому подобного-кого-нибудь из откормленных капиталистов. «В мирное время,—говорится в только-что цитированном отчете,—солдат ест лучше и одевается лучше, чем средний человек из *его класса* в частной жизни». Как интересно и поучительно!

В 1905 году почти 73%, а в 1906 году почти 74% всех кандидатов на службу, явившихся для врачебного осмотра при записи в нашу армию, «были забракованы, так как они не отвечали условиям приема ни с моральной, ни с физической, ни с точки зрения умственных способностей».

Президент Рузвельт в своем декабрьском послании 1907 г. положительно поднимает на смех патриотизм состоящих на

службе в армии или тех, кто только намеревается записаться. Он писал:

«Главнейшая потребность нашей армии и флота состоит в том, что нам надо обеспечить себе и удержать на службе компетентных унтер-офицеров. Трудность заключается главнейшим образом в вопросе о плате».

«Главнейшим образом в вопросе о плате». Довольно патриотический намек! А разве полковник Рузвельт поступал на военную службу ради жалования? «О, конечно, нет!». Но почему же он оскорбляет других, говоря, что они поступают на военную службу «главнейшим образом» ради денег?

В 1907 году военное министерство, во главе которого стоял г. Тафт, присоединилось к презрительным насмешкам г. Рузвельта по поводу тех мотивов, которые заставляют солдата поступать в армию. Отчет гласит:

«При системе добровольной службы люди записываются на службу или для того, чтобы помочь своей стране, или, преследуя свои собственные цели, т.-е. или из самопожертвования, или ради личных интересов... Такое самопожертвование есть патриотизм, чувство, которое является необходимым для соответственного под'ема... Поддерживать его в течение длинных мирных периодов на достаточно большой высоте для удержания армии было бы невозможно... Поэтому *личные интересы* являются *единственной* причиной, заставляющей людей записываться, что и необходимо обсудить...»

Таким образом оказывается, что, по мнению «великого министра», ныне президента, патриотизм вовсе не имеет никакой связи с мозгами, с разумом и отнюдь не поддерживается какими-нибудь логическими выводами, наоборот, патриотизм есть что-то эмоциональное, какая-то страсть, «затмение мозгов», вызванное флейтой и барабаном и поддерживаемое божественным, рвущимся к небу стремлением набить себе желудок «маслом, молоком, патокой или, по крайней мере, сиропом»—в виде «дессерта». Оба президента, один судья, разбиравший дела в низшей инстанции не в пользу труда, другой—охотник на львов, истребитель обезьян *), вполне согла-

*) Г. Рузвельт, предприняв путешествие в Африку в 1909—1910 годах чтобы поохотиться и поубивать ради удовольствия, провел время, судя по газетным отчетам, великолепно, бесподобно. Он занимался подстреливанием

шаются, что то, что *похоже* на патриотизм во время долгой службы в «регулярных» войсках, является в конечном итоге просто лишь вопросом получения суммы, не превышающей 50 центов в день, и «содержания». Разумеется, о таких вещах не упоминается четвертого июля или во время речей, когда ведется избирательная кампания и «великий министр» или его болтливый предшественник ухаживают за «храбрыми ребятами», собирая их голоса.

29. Когда молодой человек поступает на службу в армию или во флот, то он в буквальном смысле слова должен согласиться спрятать в карман свою гордость и подчиняться целому ряду всяких оскорблений со стороны «начальства» в течение всего срока службы. Заведующий вербовкой ведет себя еще довольно вежливо, по крайней мере временно, и обращается весьма приветливо с неоперившимся патриотом, который идет на приманку, записываясь на вербовочном пункте. Но как только юнец подпишет свое имя въ книгах и становится патриотом-солдатом, декорация моментально меняется. Начинаются всевозможные «шпильки» и «уколы». На долю солдата непосредственно за записью на службу достается покорное безропотное подчинение чванным и высокомерным выходкам «начальства»—боссов. Солдат должен покорно сносить оскорбления со стороны «старших» и выслушивать то, за что в частной жизни он моментально сбилъ бы человека с ног. На службе он должен склонять голову и нести в течение ряда лет ярмо на шее. Ниже приводится образчик того высокомерного важничанья, которым отличается «высшее начальство».

Г. Тафт, обращаясь в качестве военного министра с речью к воспитанникам военной школы в Вест-Пойнте, сказал 14 февраля 1908 года:

«Простейшая из ваших обязанностей заключается в том, что надо держать язык за зубами и повиноваться приказам. Будучи солдатами, вы должны отказаться от привилегии пользоваться свободой слова... Вам придется встретиться с несправедливостью, другим придется испытать все то, на что они, повидимому, шли сами.

обезьян—убивал, так сказать, своих родственников отдаленной эпохи. Точному количеству убитых велся «тщательный подсчет», составлялся список веселых, игривых созданьиц, умерщвленных доблестным и благородным джентльменом ради забавы во время его поездки «на старую родину».

Вашим женам придется испытать сердечные муки. Вашим детям придется тоже испытать сердечные муки. Но, несмотря на все, вы должны исполнять свой долг, исполнять его честно и самоотверженно».

Вот выдержка из письма солдата:

«...Предполагалось, что нам придется работать восемь часов в сутки, но нас отпускают, когда заблагорассудится офицерам,—и все это за пятьдесят два цента в сутки. Неграм, которые работают в Панаме, платят больше и обращаются с ними лучше, чем с людьми, которые состоят здесь на военной службе. Здесь гораздо лучше обращаются с нашей «коричневой младшей братией». И в довершение всех благ сюда приезжает какой-то высокий сановник (г. Тафт?), обращается с речью к толпе «коричневой младшей братии» и говорит, чтобы она не судила об американцах по состоящим на военной службе, так как на службу записывается самый худший элемент в Соединенных Штатах».

Ректор Леландского Станфордского университета Давид Старр Джордэн пишет о пренебрежительном отношении со стороны «высшего начальства» к рядовым.

«Один из солдат говорит (на Филиппинах): «Если бы Соединенные Штаты были об'яты пламенем от края до края, то я не пошевельнул бы пальцем, чтобы как-нибудь помочь!» Другой хотел бы «покачать на одеяле вашингтонское начальство, в роде того, как мы подбрасываем сплутовавшего капрала». Еще один пишет в газете, указывая на злоупотребления, допускаемые начальством по отношению к солдатам при выплате им денег: «Ну да, я знал еще раньше, что война будет для меня адом. Но я не знал, что война будет адом, который устраивают намеренно и по-изуверски. Я предполагал, что мне придется спать в грязных лужах, положив голову на камень вместо подушки, что мне придется целыми днями голодать во время форсированных маршей, когда мы будем находиться вдали от базы. Но мне никогда не снилось, что я должен буду спать под открытым и протекающим навесом, когда кругом будет сколько угодно хороших помещений и когда тридцать офицеров будут занимать прекрасные аппартаменты, в которых могло бы поместиться пятьсот человек. Никогда я не предполагал, что мне придется питаться кофейной гущей и гнусными мясными консервами на протяжении

нескольких недель в то время, как мы будем находиться у самых наших продовольственных магазинов, а наши офицеры будут получать самое лучшее продовольствие от интендантского ведомства».

Но невольно напрашивается вопрос: а почему же не обращаться так с солдатами из рабочего класса? Вполне понятно и этого следовало бы ожидать, что класс большинства *испытывает от своего «начальства»* все то, что он *позволяет* ему проделывать с собой!

Обратите внимание, как издеваются и глумятся над молодыми солдатами в германской армии. Д-р Уолш говорит:

«В заседании суда 17-го декабря 1903 года один пехотный лейтенант был признан виновным в 618 случаях дурного обращения и в 57 случаях несоответствующего обращения с подчиненными ему солдатами, а сержант другого полка был признан виновным в 1.520 случаях дурного обращения и в 100 случаях несоответствующего обращения... Вызванные свидетели были настолько запуганы, что никто из них не решился принести жалобу».

Ежегодно из английской регулярной армии дезертирует в среднем 7.000 человек. Вполне естественно. Голодные, холодные и презираемые тридцатицентовые патриоты стараются устроить себе передышку, уйдя в поисках хлеба и свободы от контроля «благородных» выскочек из числа баловней-аристократов.

Число дезертировавших из американской армии за 1907, 1908 и 1909 гг. равнялось соответственно 4.534, 4.525 и 5.023.

30. Как можно заинтересовать молодых людей жестоким и скотским военным ремеслом?

Этому вопросу посвящено несколько отделов в следующей главе «Для матерей и мальчиков». А здесь предлагается «отцам и юношам» обратить внимание на вопрос о военных парадах.

Часто интерес у мальчика к войне начинается с такой простой вещи, как парад. Военный парад—это ловушка для рабочего класса. Автор одной газетной статьи весьма лукаво намекает на значение военных парадов в заманивании на службу в армии молодых тружеников. Он указывает, что «парады, поскольку это допускают обстоятельства, бывают или вблизи, или в тех самых... кварталах (города)... где они могут поощрить запись на военную службу... среди класса будущих рекрут... их не устраивают в тех кварталах, где

живут «высшие классы», куда публика получает доступ с трудом и куда редко заглядывает тот разряд молодых людей, который хотят залучить в ряды национальной гвардии. Такое предположение отражает взгляды многих граждан... с которыми беседовал автор».

Кроме того, автор отмечает, что яркие краски военных мундиров, которые надеваются во время парадов, отлично действуют на воображение будущих рекрут.

Нет никакого сомнения, что хозяева прекрасно знают о том, какое гипнотизирующее влияние производит дефилирование звучных оркестров, празднично разодетой пехоты, нарядной кавалерии по улицам города, где на них могут посмотреть и ими повосхищаться рабочие, где ими могут полюбоваться многие тысячи скудно питающихся, плохо одетых, живущих в дурных условиях молодых людей и женщин, чья жизнь проходит тускло и печально, подтачиваемая убийственным однообразием и быстротой фабричной работы. Один кавалерийский капитан из армии Соединенных Штатов, в служебные обязанности которого входит между прочим заманивание доверчивых людей на военную службу, где их ожидает мрачная жизнь, так говорит о парадах:

«Пример Лондона показывает, какое хорошее влияние на популярность армии имеет расквартирование войск в больших городах. Гвардейские полки и другие отряды войск с каждым днем приобретают все больше сторонников, когда войска проходят по улицам в предшествии пышно разодетых музыкантов, напоминая видом разнообразных форм о славных, доблестных подвигах».

Самый известный мясник современности (Наполеон) тоже прекрасно понимал суть дела.

«Вы называете это безделушками? Прекрасно, но при помощи таких безделушек вы управляете людьми!»—сказал обагренный кровью эгоист, говоря о лентах, крестах и других побрякушках своего Почетного Легиона.

Когда семилетний мальчик, стоя на тротуаре, любуется военным парадом, кричит в радостном восторге и хлопает ручонками, то Марс, кровавый бог войны, начинает уже забирать в свои лапы малютку, детское воображение уже загорается надеждами и видениями, его

душа начинает трепетать от жажды убийства, уже в эту минуту ребенок готовится «поступить на службу—когда он будет «большим». Насколько все показалось бы для малюток иным, если бы солдаты проходили через город, если бы они, эти вооруженные истребители себе подобных, шли через город ночью, в полной темноте, под рокот барабанов и под звуки пушечной пальбы, от которой сотрясался бы весь воздух. Матери, принадлежащей к рабочему классу, следовало бы над этим хорошенько подумать! Ей приходится все терять!

Во время обычного парада, или смотра, над рабочим насмехаются. Приходилось ли вам когда-нибудь видеть, как банкиры или другие лица, принадлежащие к «высшему обществу», вместе со многими другими вышагивают пешком по средине пыльной или грязной улицы, маршируя и обливаясь потом на протяжении многих и многих миль, чтобы пройти мимо ярко разукрашенной палатки, где кучка расфранченных проходимцев производит «смотр» и зубоскалит? Нет! И вы никогда не увидите ничего подобного. Обыкновенно и вышагивание и потение предоставляется «простому народу», главным образом рабам заработной платы. Когда «самые *лучшие* люди» принимают участие в параде перед главным пунктом, мимо которого проходят войска, то они едут впереди в экипажах или верхом на лошадях. Они смеются, болтают и радостно восторгаются глупой доверчивостью рабочих, когда покорных парней ведут, как баранов за вожаком, несмотря на грязь или жару. Недавно во время большого парада в Нью-Иорке один очень известный капиталист, раскатывающий в роскошном автомобиле, выкрикивал кичливо: «У нас есть суда, у нас есть люди, у нас есть кроме того и деньги!» Какой-то молодой бедняга, изголодавшийся по виду, прекрасно кинул ему: «Вы правы, у нас все есть!» Тогда же тысячи чиновников и заводских рабочих, получающих по десять долларов в неделю, неистовствовали, хлопая в ладоши при проходе пышно разодетых солдат, несших на плечах те самые винтовки, из которых они готовы сокрушить любующихся парадом тружеников, если бы те забастовали и стали бороться за справедливость.

Обычный «смотр»—это пышная церемония, во время которой сотни или тысячи смиренных, скудно питающихся, одетых в белье из бумажной ткани рабочих с мозолистыми руками «парадируют на своих на двоих» в течение часа или около того мимо «трибуны»,

занятой несколькими откормленными, одетыми в шелк, украшенными знаками отличий белоручками—«великими» людьми, которые скалят зубы и относятся с презрением даже к самой мысли о том, что рабочий класс должен образовать свою собственную политическую партию для самозащиты.

31. Очень многие отцы и сыновья часто думают о той «мирной эпохе», которая будет провозглашена главным образом благодаря добрым стараниям различных мирных обществ. По мнению многих, гаагская мирная конференция является «надеждой всего мира».

Гаагская конференция была созвана в первый раз—конечно, во имя Господа Иисуса—самым бесстыдным во всем свете, обагренным кровью мясником, убийцей слабых стариков и женщин и вдумчивых, полных стремлений юношей и женщин,—то-есть русским царем. В искренности этого коронованного убийцы можно до некоторой степени дать себе отчет, ознакомившись вкратце с его бесстыдной непоследовательностью в 1903 году и в непосредственно ему предшествовавших (см. главу шестую, шестую иллюстрацию).

Второе собрание состоялось в 1907 году, а следующее было назначено на 1915 год.

Судя по тем бешеным усилиям, которые делали правители мира для увеличения численности армий и флотов, можно ясно видеть, какие надежды возлагали правители на Общество Мира. Они почти обезкровливали свои народы, облагая их налогами для невероятно больших расходов на приготовление к тому, что, по всей вероятности, должно быть самым громадным и самым страшным истреблением одним рабочим классом другого, таким истреблением, которое еще никогда не угрожало человеческому роду. Втайне коронованные и некоронованные правители—мясники мира—не питали ничего, кроме презрения к гаагской конференции. Однако, вполне естественно, они все настолько хитры, что делают широковещательные заявления и блистательно уверяют, что они стремятся к миру при помощи конференции, тогда как в то же самое время всем им нужны «в качестве солдат молодые люди, которые не только желают, но горят нетерпением сражаться». Человек, созвавший конференцию, сейчас же над ней насмеялся, решив, что его интересам может оказать услугу война с Японией. Знаменитый французский анти-

милитарист Эрве очень тонко подмечает безнадежно слабое место в «авторитетности» капиталистического гаагского третейского суда:

«Пока правительства вполне единодушно исключают из сферы ведения гаагского трибунала *все вопросы, затрагивающие «честь и жизненные интересы страны»*. Эта очень удобная формула позволяет им *отклонять* третейское разбирательство, когда заблагорассудится».

А вот откровенное признание:

«Гаагский трибунал не обладает никакой принудительной властью. Все его члены имеют полную свободу передать на рассмотрение трибунала те либо иные вопрдсы или нет... До сих пор во всех договорах великие державы оставляли за собой право воздержаться от передачи на рассмотрение трибунала тех вопросов, которые затрагивают «их честь или жизненные интересы».

«Честь и жизненные интересы»—удобная фраза, деловой вопрос, наличность и торговля, «доллары и центы»,—при капиталистическом строе.

Интересно отметить, что другое мирное общество, Общество Мира, основанное в 1816 году в Лондоне, трудилось почти сто лет, стараясь, так сказать, смыть кровь, ни разу не решившись вскрыть основную причину войны или не зная, как это сделать.

Во всяком случае, в некоторых отношениях «конференция» гаагского мирного общества сама по себе безнадежно смехотворна и, повидимому, злостно неискренна. Например, во время «конференции» 1907 года делегаты обсуждали с ученым видом и смехотворно вопрос о «гуманизации войны» и после долгих головоломных усилий делегаты на пиршестве фигляров пришли к такому достодолжному и неуклюжему выводу:

«В особенности запрещается употребление яда и отравленного ружия».

Всем должно быть известно:

Для периодического завтрака клептоманов или для ужина «воров», называемого гаагской мирной конференцией, не было бы больше работы в течение ближайшей тысячи лет, ей никогда не пришлось бы ничем больше заниматься, если бы все пули, сабли и штыки, употребляе-

мые во всех армиях, обмакнуть в смертельный яд, потому что в этом случае рабочий класс всего мира просто отказался бы поступать на службу добровольно или по принуждению и принимать при таких обстоятельствах участие в какой бы то ни было войне и где бы то ни было И, разумеется, нежноголосые, откормленные «гуманизаторы войны» сами не пошли бы воевать—при употреблении яда или без всякого яда. Повсеместное применение отравленных пуль, сабель и штыков сделало бы войну совершенно невозможной, потому что одобрение такого способа ведения войны заставило бы рабочий класс призадуматься.

Думающий раб страшен для живущих грабежом правителей мира—так всегда бывает.

Если рабочие задумаются когда-нибудь над тем, что такое война, то они сейчас же сделают следующие две вещи:

Во-первых,—откажутся итти на войну.

Во-вторых,—откроют причину войны и уничтожат ее.

Разумеется, требуется глубокомысленное и набожное изучение вопроса «великими» и «выдающимися христианами» господами делегатами, собравшимися на мирную конференцию, чтобы прийти к такому открытию, что очень *скверно* для людей убивать других людей саблями или пулями, обмокнутыми в яд, но что для людей *не скверно* истреблять людей же чистыми свинцом и сталью, заражать их души ненавистью, в роде того, как ядовитая змея вводит яд в мясо жертвы, кусая ее своими ядовитыми зубами; прийти к открытию, что очень *скверно*, если солдаты всаживают друг другу в брюхо отравленные штыки, но что *не скверно*, если правительство, состоящее из «дельцов-христиан», кормит солдат ядовитыми мясными консервами. Бедные простачки, умерщвляющие друг дружку по команде, конечно, слишком «простые» и необразованные люди, чтобы понять логическую передержку в таком набожно найденном различии, но ученые и выдающиеся джентльмены, собравшиеся на мирную конференцию, очень, очень далеко от передовых позиций, покуривающие 50-ти-центовые сигары, потягивающие самое дорогое шампанское—эти-то доблестные храбрецы, эти-то герои, сражающиеся с бутылками, могут рассказать нам обо всем, как следует.

Конечно!

С заботливой нежностью многие христианские правительства пришли к такому международному соглашению под влиянием мирных обществ, что в случае войны нельзя прибегать к употреблению пули, имеющей вес в 14 унций или менее, если это разрывная пуля, то-есть, если это такая пуля, которая развертывается, сплющивается или разрывается на части *при ударе в тело*. Тем не менее те же самые «высоко—цивилизованные и утонченные» нации имеют полную возможность употреблять пушечные «пули», или снаряды, весящие сотни фунтов, начиненные взрывчатыми веществами, кусками металла, разрывающими тело, или смертельными газами, снаряды, снабженные особыми трубками, которые ставятся на разрыв над головами или среди большой массы людей, находящихся на поле сражения, или на разрыв среди людей, когда снаряд пробьет броню военного судна.

Не вполне точно установлено, почему эти мудрые христиане-сановники и ученые пришли к такому выводу, что трехсот-фунтовым разрывным снарядом нежно—чувствительным христианам-мясникам можно пользоваться вполне удобно и приятно, но что любящим последователям кроткого Христа не вполне удобно пользоваться гринадцатиунцевой разрывной пулей. Возможно, что это открытие было сделано какими-нибудь дальновидными подвыпившими сановниками и учеными после набожного изучения нагорной проповеди— с бокалом шампанского под рукой.

Война является «гуманной» или «негуманной», согласно речам, обсуждениям, рассуждениям, заблуждениям, решениям, мнениям, постановлениям и заключениям этих раздушенных, обвешанных патентами бойцов после долгого поста, который они провели, питаясь только супом из черепахи, портером и «Mumm's Extra Dry».

Красноречие литературы, посвященной гаагской мирной конференции и занятой перечислением длиннейшего списка необычайно «важных достижений», могло бы заставить непосвященного предположить, что, пока сия организация не появилась на сцене, никогда не было улажено ни единого спора без обращения к помощи оружия. Она скромно принимает во внимание все.

Отметьте здесь тот факт, что:

«Не было ни одного периода, известного истории, когда нельзя было бы найти различных инстанций для третейского разбирательства, вместо обращения к силе, и мы можем только удивляться, изучая историческую древность первого решения спорного вопроса, каким образом мог так долго, так постоянно и так яростно продержаться второй способ».

В течение самых последних лет (предшествовавших 1914 году) свыше полдюжины держав, давших свою подпись на гаагской мирной конференции, немедленно же и с полным презрением наплевали на гаагскую мирную конференцию (когда для их целей понадобилось вести войну) и вели ряд самых ужасных из числа известных современности войн. Генералы и сановники питают большее доверие к военным судам и батареям новейших пушек, чем к благочестивым собраниям, заседающим под председательством жадных до денег лицемеров, набивающих себе желудок жареными цыплятами и шампанским.

«Где же твои предвестники, Мир?
«Какой знак появится на суше или на море,
«Возвещая нам твой великий приход, твое правление?
«Не прекращаются попрежнему сражения и грохот барабанов.
«Гром пушек потрясает воздух
«И колеблет землю.
«Разве мы не прикармливаем псов войны в их берлогах
«И не трудимся, сбирая жатву, выросшую из зубов дракона?
«Неужели всегда будут только в мечтах поэта
«Мир на земле, покой в душе,
«Прекращение резни, безмятежный труд,
«Умолкнувший и устыдившийся хвастун,
«Труженик, ставший владыкой, и
«Женщина с ребенком на руках,
«Сияющая от радости, что войны не будет никогда?»

Дж. Кларк.

Лица, принадлежащие к высшим классам (к высшим, главным образом, потому, что они забрались на спину к рабочему классу), очень долго *болтали* о мире. Но правящий класс никогда не говорит и не думает о том мире, который рождается от *справед-*

ливости, который основывается на *честности*. Об этом мире никогда не говорится на пышных и чванных мирных конференциях, — это не указано в программе.

Отцы и юноши из рабочего класса должны сами включить в программу, поставленную себе человечеством, вопрос о мире. И одной из первых задач, которыми нужно теперь же заняться, является *обсуждение* вопроса о мире и войне всеми рабочими организациями всего света.

* * *

Особому вниманию Гаагского Мирного Общества:

Рабочий класс видит все яснее и яснее, что вы предполагаете, судя по обсуждению вопроса «об ограничении вооружений» (т.-е. о том, должны ли сабли быть длиннее или короче), что в случае войны рабочие по-прежнему должны будут заниматься смертоубийством.

«Что международные стремления к миру не оказали *ровно* никакого влияния на вопрос об ограничении вооружений, это не нуждается ни в каких доказательствах» (Отчет морского министерства за 1912 г.).

«Даже во время последней сессии парламента первый лорд британского адмиралтейства, *говоривший, очевидно, с полного согласия правительства*, заявил о своем важном намерении выполнять программу судостроения в размерах, превышающих на *шестьдесят процентов* или более программы остальных держав, и тем самым сделал прямой вызов (другим государствам) приблизиться также к этим размерам.

« . . . Поэтому нам приходится отказаться, как бы это ни было печально, от вопроса об *ограничении вооружений* международной конференцией, потому что я уверен, что это такой вопрос, который никогда не может быть *так поставлен*... и кроме того предоставлять подобный вопрос решению конференции, в которой принимают ныне участие сорок четыре государства... было бы практически невозможно». — Дж. Чоэт, глава американской делегации на Гаагской конференции.

«Я не верю, чтобы можно было исполнить на практике план всеобщего разоружения... *только банкротства повлекут за собой эти условия...»* — Вильям Говард Тафт.

Особое требование, пред'являемое Гаагскому Мирному Обществу:

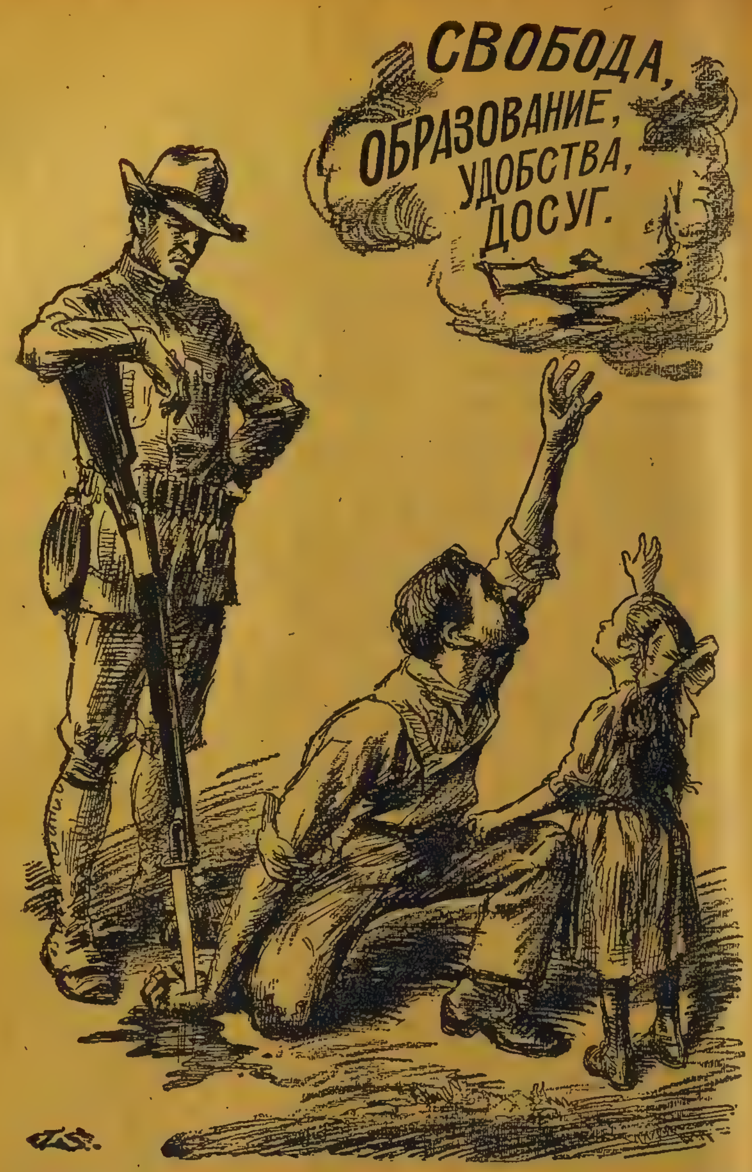
Все делегаты, участвующие в конференции, должны заняться обсуждением не только вопроса о «разоружении», но, во-первых, вопросом о снятии оков с рук рабочих; во-вторых, вопросом о произвольном, искусственном ограничении потребительной способности рабочих, следствием чего является развитие неминуемой мировой борьбы за «мировые рынки».

Второе особое требование, пред'являемое Гаагскому Мирному Обществу:

Общество должно откровенно заявить на всех своих конференциях, во всех отчетах, во всех листках, на всех лекциях, во всех проповедях, что метод, применяемый социалистической партией для предотвращения войны, заключается в правдивом и открытом *предостережении жертв войны*, рабочих, состоит как раз в об'яснении того, какое значение имеет всегда война для рабочего класса, и что метод этот уже успешно предотвратил две войны за недавнее время в тех случаях, когда Гаагское Мирное Общество оказалось бессильным *).

---

*) Автор этой книги присутствовал летом 1910 на заседаниях Национальной Гаагской мирной конференции в Нью-Иорке. На конференции были некоторые из самых выдающихся американских поборников мира, в том числе капиталисты, ораторы хорошие и плохие, профессора колледжей, известные и малоизвестные, и «другие». Автору было предоставлено слово. Все шло вполне гладко в течение двух или трех минут, пока автор не начал указывать на то, что все, кто желает мира, должны во что бы то ни стало *предостерегать* жертв войны, рабочий класс, и растолковывать *ему*, какое значение имеет война для *рабочих*. Сейчас же многие благоденствующие «выдающиеся граждане», благочестивого вида, стали выказывать знаки глубокого душевного огорчения, были «положительно шокированы», даже разгневались на братский «до злостности» и разумный «до глупости» совет. Спустя короткое время председатель покинул свое место, подошел к оратору вплотную и стал настаивать, чтобы речь была немедленно закончена. Ни одного из других ораторов так не прерывали.

Бой-скоут, защищающий в качестве милиционера „собственность“.

Захлороформированный рабочий—довольная, удовлетворенная, лишенная гордости жертва — слишком глуп или невежествен, чтобы почувствовать отвращение к *несправедливости*,—такой раб подчиняется *и без штыка.*

История покорности имеет весьма большое значение.

Требования:

Первое требование: Чтобы христианские правительства тратили ежегодно по крайней мере *одну десятую* стоимости *одного* сверхдредноута на *широкую раздачу* литературы, направленной против войны и всемирного милитаризма.

Второе требование: Чтобы правительство Соединенных Штатов принимало записывающихся на службу в армии или во флоте на короткий 90-дневный *пробный* срок, предоставив желающим полную возможность взять свою подпись обратно по окончании срока испытания, без возмещения расходов и без опорочивания отказавшихся от службы. Почему бы этого не сделать, раз условия службы действительно так приятны, как гласят об'явления и обещания?

Предостережение: Молодые люди, вербующие вас офицеры готовы *пообещать* вам *индюшку* на Рождество, если вы *подпишете обязательство* быть *гусем* весь год.

Третье требование: Чтобы матери и священники ознакомились со случаями венерических болезней, свирепствующих в армии и во флоте.

Женщинам.

Торговля «белыми рабынями» развивается ныне невероятно быстро, благодаря постоянным армиям. Производятся «реквизиции женщин» по запискам за подписью командиров частей, и такие записки откровенно выписываются на имя сводических предприятий».—Давид Старр Джорден, ректор Леландского Станфордского университета.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Для матерей, мальчиков и девушек.

Темы, над которыми следует подумать, особенно матерям из рабочего класса.

1. «Ведь, конечно, предстоит еще много войн?»

Без сомнения.

«Но что же тогда нужно делать?»

А вот что должна непременно делать мать: думать о войне и разговаривать о ней с другими матерями и с мальчиками и девочками.

Давайте посмотрим:

Чьи сыновья будут застрелены во время ближайшей войны? Жене аристократа мало горя, чьи дети погибнут во время ближайшей войны. Она уже знает, что ее сыновья не погибнут в бою, ее сыновья не будут под огнем пулеметов, ее сыновья не будут истерзаны и не будут обливаться кровью, стонать, скрежетать зубами и проклинать, лежа целый день или долгую ночь напролет на выметенном сталью поле сражения; ее сыновья не будут гнить, болеть и умирать в ужасных походных госпиталях; она знает, что ее сыновья не будут сброшены в безыменные траншеи, не будут зарыты, как собаки; ее плоть и кровь, ее искалеченные дети не будут принесены домой, как злая насмешка над ее обливающимся кровью сердцем.

Это уже предрешено.

Она принадлежит *к правящему* классу.

Правящий класс честно защищает и ее и любимых ею мужчин и юношей.

Но мать из рабочего класса—покорная мать рабов заработной платы—вовсе не чувствует такой уверенности. На ее семейный очаг набрасываются Ирод и Марс, чтобы отнять у ней мужчин и юношей, которых она любит. Грубый кулак войны постоянно занесен над нею, чтобы сокрушить ее. Правящий класс совершенно не охраняет покорной женщины от войны. Не охраняют ее от войны и члены ее класса, имеющие право голоса.

Эта женщина должна теперь охранять себя сама. Пусть помнят, что в нежном сердце покорной матери, чьи милые сыновья умерщвлены в сражении, царит всегда зима. Дешевая риторика и лицемерные приветствия беззастенчивого политического оратора, медовые речи какого-нибудь лица из духовного звания или принадлежащего к одной из светских профессий, хитро освобожденных от военной службы, на которой погибли милые сердцу смиренной женщины из рабочего класса,—все это не превратит зимней пустыни ее жизни в июньский чудный день. И рану материнского сердца не залечить жалкой выплатой по четвертям года постыдных денег, именуемых пенсией. Вместе с умерщвленными дорогими сердцу матери убита и вся ее радость.

Конечно, эта женщина должна сама себя охранять, и она сумеет себя несколько охранить,—если захочет.

Вот, что она может сделать: она может научить своего ребенка ненависти—ненависти к войне.

2. Мать, здоров ли, силен и красив твой пятилетний сын? Да? Ну хорошо! Но представь себе его в двадцатилетнем возрасте, одетым в платье убийцы, превратившимся в кичливого вооруженного драчуна. Мать, если бы твоего сына сманили в армию, искалечили и доставили тебе его изуродованный труп, то ты поняла бы, что переживают *другие* матери, когда к ним приносят их мальчиков, которых умерщвляет твой сын. Тогда, наверное, война показалась бы тебе совсем иной—гораздо менее «великой» и «доблестной».

Видишь ли, мать, во время войны непременно будут убиты сыновья *чьих-то* матерей. Быть-может, тебе внушен ложный патриотизм, совершенно так же, как внушили его твоим сыновьям. И мать и сыновья введены в заблуждение. Капиталист должен сперва сбить с толку и обмануть мать, чтобы обеспечить себе готовность к войне юношей из рабочего класса.

Короли, императоры, президенты, цари и капиталисты всех стран кровно заинтересованы в проблеме «расового самоубийства», в проблеме небольших семейств—они заинтересованы в урожае «пушечного мяса», в урожае «живых мишеней»—они страшно хотят, чтобы каждая мать из рабочего класса рожала как можно чаще. Наполеон Бонапарт, истребив множество мужчин и юношей Франции и встретившись с затруднениями при наборе солдат, не-

терпеливо восклицал: «Как Франция нуждается в матерях!». Этим он хотел сказать, что Франции нужны еще новые производители, которых можно лестью убедить вынашивать и рождать новых мясников для Наполеона. Разумеется, Наполеон был достаточно хитер, чтобы сбивать с толку покорных матерей, не скупясь на дешевую лесть, восхваляя их «патриотизм». Капиталистам наших дней нужны бóльшие рабочие семьи для получения большего количества солдат, а также для образования бóльшей армии безработных,—чтобы иметь возможность в промышленной гражданской войне более тиранически диктовать условия заработной платы рабочим и, стало-быть, легче обеспечивать себе заместителей на случай войны. И капиталисты считают, что за это стоит заплатить. И они охотно платят за социальный хлороформ, за ложные учения, столь необходимые для пробуждения в рабе слепого восхищения перед предающим его хозяином,—что и называется патриотизмом.

3. Томас Карлейль назвал простофилями солдат, членов рабочего класса. Но и вполне здравомыслящего человека можно так обработать, действуя на него *с самых юных лет*, что он и в самом деле добровольно захочет заняться избиением себе подобных. Достичь этого можно разными путями. Вот, например, как это было сделано в Фитчбэрге, Массачузетс, в мае 1908 г. 29-го мая в залах, церквах, в аудиториях Общества Молодых Христиан и повсюду были собраны и распределены по возрастам самые маленькие дети, десятилетние и еще постарше. И вот им читали в течение нескольких утомительных часов всевозможные кровавые истории «храбрых деяний» во время войны, перед ними развертывали ужаснейшие картины, им внушали кровожаднейшие мысли, в беспомощных мальцах развивали гнусное стремление к гнусной погоне за славой. Словом, все это походило на то, как дикарь учит своих ребятишек сдирать скальп с черепа испускающей вопли жертвы. А покорные матери из рабочего класса были втянуты в сотрудничество, прививая детям такой анти-общественный «патриотизм».

Столь отвратительные развлечения калечат детей. Их социальное развитие приостанавливается. Дети становятся квасными патриотами, невежественными маленькими изуверами и делаются совершенно неспособными к искренной международной любви. Вся их политическая философия сводится к ничего не значащему и безтол-

ковому «ура». «Патриотизм» становится унизительной выдумкой и превращается в готовность к жестоким поступкам. Каждому, конечно, нравится правдивый ребенок, с открытой душой и сердцем, таящим в себе зачатки настоящей общественности. И международное и национальное убийство—это затея грубая и противная общественности. Поэтому, когда родители, учителя, проповедники и лекторы начинают с восторгом говорить об оптовом убийстве или о знаменитых национальных или международных убийцах в присутствии ребенка, то его общественное развитие задерживается, калечится. Если детскому уму внушаются зародыши международной ревности и злобы, внушаются по невежеству (или с коварным умыслом), то просто немыслимо, чтобы ребенок развился в «интернационального человека», в индивида вполне общественного и искренно любящего всех себе подобных. Мир был бы очарователен, если бы все, и мужчины и женщины, были проникнуты духом общественности,—если бы все были социалистически настроены, не испорчены, не искалечены узкой национальной ревностью и злобой. Но повсюду все в больших размерах делается злое дело: извращается общественная природа подрастающего поколения. Даже школа затронута этим. Д-р Вальтер Уолш шлет родителям такое предупреждение:

«Школа превратилась не только в учебный плац, но буквально в рекрутский пункт для армии. Британское военное ведомство выпустило циркуляр, обязывающий ввести в средних учебных заведениях обучение мальчиков свыше двенадцати лет обращению с винтовкой. Оно предоставило в распоряжение училищ мориссовские учебные карабины, бьющие на довольно значительные расстояния, и присылает патроны по заготовочной стоимости. Следующим неизбежным шагом будет образование в школах кадетских отрядов, подчиненных военным властям. Захват школ милитаристами—это одно из самых зловещих знамений времени. Милитарист давно уже глядел внимательным оком на такую благоприятную почву для своих замыслов.... Парламенты уже сильно настаивали на том, чтобы военное обучение было признано обязательным во всех государственных училищах..... Ученик быстро превращается в призванного на военную службу».

Бесстыдная дерзость пользоваться общественным учреждением, школой, для того, чтобы развивать в беспомощных детях национальную вражду!

4. Если бы только дети могли бросить хоть один взгляд на закулисный ад, то было бы много труднее обманывать и предавать их!

Пусть расскажет мальчикам изумительный Зола о том, чему не учат детей в государственных школах и с чем *им не позволяют ознакомиться* до той поры, пока они не вырастут и не будут заманены на поле битвы коварным криком:

«Под знамена!»

Ниже приводится несколько выдержек из описания перевязочного пункта на поле сражения. Военный госпиталь—это такое учреждение, где, если можно так выразиться, наспех чинят больных и израненных снарядами людей, чтобы они снова могли итти под огонь—быть-может, для того, чтобы свалиться там без сил или опять быть израненными. Вот что пишет Зола:

«..... За сараем делались другие приготовления: открывались ящики и раскладывалось в порядке их содержимое... На другом столе лежали хирургические наборы с ассортиментом блестящих инструментов, при виде которых стыла кровь, разных зондов, щипцов, бистуриев, скальпелей, ножниц, пил,—целый арсенал всевозможнейших приборов, предназначенных для того, чтобы протыкать, резать, кромсать, разрывать, дробить... Повозки все время под'езжали ко входу непрерывным потоком.... Настоящих санитарных повозок медицинскаго ведомства, двуколок или четырехколесных, было слишком мало для того, чтобы удовлетворять все требования... Провиантские фуры, всё, что двигалось на колесах и что можно было подобрать на поле битвы, всё это под'езжало к перевязочному пункту со своим страшным грузом. А позднее днем стали поспешно захватывать тележки и повозки рыночных торговцев-садовников и впрягали лошадей, которые блуждали по дорогам. Самый бесчувственный не мог бы вынести зрелища разгрузки несчастных страдальцев. У одних лица были подернуты зеленоватой бледностью, у других они были багрового оттенка от прилива крови. Многие были в состоянии комы, иные испускали пронзительные крики боли.... Острый нож сверкал в воздухе, едва был слышен слабый визг пилы, кровь брызгала быстрыми невысокими струями... Едва кончали оперировать одного, как уже вносили другого, и раненые следовали один за другим в такой быстрой последовательности, что почти не хва-

тало времени провести губкой по разостланной клеенке. На краю лужайки, скрытой от глаз купой кустов сирени, было устроено нечто в роде морга, куда складывали трупы умерших, которых убирали с кроватей, не теряя даром ни единой минуты, чтобы освободить место для живых. Сюда же бросали ампутированные руки и ноги и все те обрезки мяса и костей, которые оставались на столе... Сквозь дыры в разорванных, истерзанных осколками снарядов мундирах виднелись зияющие раны; некоторые из них были наспех перевязаны на поле сражения, а другие так и остались открытыми и кровоточили. Там были ноги, еще обутые в грубые сапоги и превращенные в какую-то бесформенную массу, в какое-то желе. С колен и с локтей, расплющенных точно молотом, свешивались неподвижные части ног и рук. Там валялись оторванные кисти рук и почти отделившиеся пальцы, которые висели только на лоскутке кожи. Среди повреждений чаще всего встречались переломы; бедные руки и ноги, красные и опухшие, невыносимо ныли и были тяжелы, как свинец. Но самые опасные раны были в брюшную полость, в грудь и голову. Встречались такие зияющие отверстые раны, которые обнажали весь бок, перепутавшиеся внутренности сбивались в большие, тяжелые клубки под туго натянутой кожей. А при некоторых ранениях у пострадавшего выступала изо рта пена, и он корчился в судорогах, как эпилептик... И, наконец, больше всего бросались в глаза тяжелые повреждения головы, больше чем какой-нибудь другой части тела: сломанная челюсть, рот, превращенный в месиво из зубов и кровоточащего языка, вырванный из орбит и свешивающийся на щеку глаз, расколотый череп, обнажавший трепещущий мозг... Хотя губка неустанно работала, столы все время были красны... Ведра... выливались в нескольких шагах дальше на грядку маргариток... Иные, казалось, покинули этот мир с насмешливой улыбкой на лицах; глаза у них были закачены так сильно, что были видны только одни белки, искривленные улыбкой губы открывали блестящие зубы; у других на лицах запечатлелась невыразимая скорбь и крупные слезы еще не высохли на щеках. Один, еще совсем мальчик, маленький и щупленький, у которого половина лица была снесена пушечным снарядом, прижал конвульсивно обе руки к сердцу, и в них была фотография женщины, одно из тех бледных выцветших изображений, которые делаются в бед-

ных кварталах, и вся карточка была запачкана кровью, а в ногах мертвеца была нагромождена беспорядочная куча ампутированных рук и ног, отброшенных ножом и пилой на операционном столе совершенно так же, как мясник отбрасывает в угол лавки остатки, ненужные обрезки и куски мяса и костей... Буруш, размахивая длинным острым ножом, закричал: «поднимите его!», схватил левой рукой дельтообразный мускул и быстрым движением правой перерезал мясо на руке и обнажил мускул; потом ловким обратным надрезом одним ударом вылущил сочленение—и готово! Рука отвалилась на стол, отнятая в три приема.... «Снимите его!»... Он сделал все в тридцать секунд.... Силы оставили их, они превратились в скелетов; несчастные созданья с пепельными глинистого оттенка лицами испытывали мучения обреченных... Пациенты корчились и кричали в непрерывном бреду или сидели неподвижно, приподнявшись на постели, со взглядом призраков... Были и другие, которые продолжали непрерывно стонать... Часто гангрена поднималась все выше и выше и приходилось повторять операцию, пока не отнимали совершенно всей конечности».

И это ад, для которого готовят ваших детей.

Эту сторону войны искусно скрывают от детей.

Нельзя было бы ни одному ребенку отравить мозг, нельзя было бы воспламенить стремлением к войне ни одно детское воображение, нельзя было бы заставить жаждать «славы» битвы или резни ни одно детское сердце—если бы показать ребенку *эту* сторону войны.

Но ребенок удобная жертва. Даже какое-нибудь бездарное патриотическое рифмоплетство, называемое патриотической поэзией, превращает рабочий класс в удобное, одураченное орудие деспотов.

Превращение беспомощного ребенка в жертву осуществляется особенно легко, если мать, ослепленная лестью, доверчиво способствует удушению в ребенке чувства общественности (см. главу VII, отдел 30).

5. Вот образчик того яда, которым хитро пользуются в государственных школах под контролем капиталистического класса.

Солдат всех лучше, всех милей,
Всех выше наш солдат!
Он в битве храбростью горит,
Идет, как на парад.

Заняться нужно лучше мне,
А там года пройдут.
Глядишь, я офицером стал,
И не пропал мой труд!
Когда ж войны настанет час,
Отчизна позовет,
Под пули смело кинусь я,
За мной солдат пойдет! *).
С собой я поведу отряд,
Командой заглушу
Орудий грохот, взрывов ад
И громкую стрельбу.
На супостата налетим,
Как сделал Тодди твой,
Он храбро занял высоту
В крови, в пыли, герой!
Когда же тронемся домой,
Все путь уступят мне:
Я буду ехать впереди
На вороном коне! **)

Будут ли матери предохранять своих ребят от необщественных мелких душ, которые по невежеству или из злости готовы всегда ужалить и отравить ядом благородную душу правдивого и общественного по характеру своему ребенка, позволяя ему заучивать наизусть глупости, в которых восхваляются выдающиеся люди—мясники и «знаменитые победы»?

Выдающийся американский литератор, д-р Эдуард Эверетт Хэл, так порицает тех, кто отравляет школьников:

«Подумайте, насколько больше забот вы уделяете даже теперь изучению истории войн, чем истории мирного времени. В десять раз больше народу знает, кто начальствовал в сражении под Новым-Орлеаном, чем может назвать мне имя великого человека, который сделал свободу законом для Огайо, Индианы, Иллинойса, Айовы, Висконсина, Миннесоты, Северной Дакоты, Южной Дакоты и Мичигана. Этот человек умер, не оставив о себе памяти».

---

*) Вот именно! Не раздумывая над тем, кто об'явил эту войну и для чего?

**) Перевод М. М. Дьяконова.

6. Рабочему классу следовало бы поскорее подчинить своему контролю общественные библиотеки и выбросить или исключить все книги, написанные со специальной целью превознести войну и прославить блестящих мясников, которые повели миллионы рабочих на смерть на кровью пропитанных полях сражений, выбросить и сжечь все книги, предназначенные для восхваления христианского или языческого людоедства или цивилизованной дикости, называемой войной. Рабочие союзы и все другие организации рабочего класса должны были бы обратиться с формальным и настойчивым протестом против высказывания каких бы то ни было похвал в честь выдающихся мясников или против превозношения войны в государственных школах. Пусть рабочие поразмыслят тоже над тем, что военное обучение, в том виде, как оно практикуется теперь, с пением военных песен и с военными рассказами, развивает в детях кровожадность, заставляет их закрывать глаза на истинное значение войны, делает из них позднее легкую добычу для хитрых негодяев, которые будут стараться использовать их при будущих диких столкновениях, и является поэтому угрозой для детей. По многим причинам рабочему классу следовало бы подчинить своему контролю местные школьные советы.

7. Вот несколько строчек из поэмы, написанной изящным трусом. Их часто повторяют в первоначальных общественных школах:

«В строй, в строй, в строй, стрелки!
«Будьте готовы к буре, полки!
«Стрелки, стрелки, в строй, стрелки!»

При помощи таких стихов школьный учитель может сделать из восьмилетнего или десятилетнего мальчика дурака и убийцу. Заповните, что поэты и учителя, поставщики таких военных песен, служащих для школьников хлороформом, обыкновенно «делают шаг в сторону», когда разыгрывается «буря»—для них нет работы с винтовкой, они предоставляют другим «быть готовыми к буре», которой помогли разбушеваться их поэзия и их учение. Поэт, слагающий военные песни, и школьный учитель, им обучающий, слишком «цивилизованы и почтенны», с вашего разрешения, чтобы пойти на бойню из патриотических чувств.

Отец и мать из рабочего класса ни в каком случае не должны молчать, если учитель общественной или воскресной школы волнует

детям кровь и порочит благородные чувства братства всех людей, рассказывая разные военные истории и воздавая отвратительные хвалы тем людям, чья «слава» окрашена кровью десятков тысяч рабочих. Подобные рассказы и такие похвалы могут так же сильно испортить и развратить детские характеры, склонные к общественности, как раскаленное железо—обезобразить их нежные личики.

8. Маленькие нежные существа, дети, зачатые в любви, рожденные в любви, живущие любовью, жадно тянущиеся к любви, пламенно ждущие любви, освещающие любовью семейные очаги, заставляющие печальный мир с надеждой ждать любви—почти страстно стремиться к любви, одно поколение этих милых, нежных, любящих сердечек, этих лепечущих милых созданий могло бы, выросши, наполнить весь мир любовью ко всем людям, *если бы оно не было укушено змеей мелкого местного патриотизма.*

Мать, которая хочет хоть немного подумать над этим вопросом, быстро уразумеет, что есть что-то пагубное, дурное в том воспитании, которое калечит ее маленьких любимцев, внушая им стремление к убийствам. Тут есть что-то скверное, если милая доброжелательность ко всем людям, если очаровательное стремление детей к общественности уступают место хвастливой наглости и дикой кровожадности.

Пусть мать подумает над тем, что даже детские игрушки, детские забавы очень искусно использованы для отравления, для развращения детского воображения, для пробуждения кровожадных инстинктов в сердечках нежных ребят. За последнее время невероятно увеличилось производство игрушечных солдат, игрушечных кавалерийских лошадей, игрушечных пушек и пулеметов и военного обмундирования для детей. «Недавно было отправлено в Германию, в Гамбург, 120.000 мест листового олова для переделки в игрушечных солдатиков». Нет никакого сомнения, к каким результатам приведет употребление таких игрушек и таких костюмов. Что ребенок от этого развращается, ясно видно, когда крохотный мальчуган начинает принимать позы и подражать чванству и похвальбе профессионального истребителя людей. Даже его беседы с разными воинственными игрушками обнаруживают, что он уже отмечен—уже *готов.*

Вильям Ллойд Гаррисон писал:

«Моя родина—мир; мои соотечественники—весь род людской».

Но исковерканный ребенок не в силах уразуметь значение благородных слов Гаррисона.

9. Мальчик, убей кого-нибудь из людей, и тебя назовут убийцей, заклеймят презрением и вздернут на виселицу. Но убей во время войны тысячу человек—и ты станешь «великим»!

Введенные в обман женщины будут тебе улыбаться, маленькие дети глазеть на тебя, проповедники восхвалять тебя, политики баловать, ораторы превозносить, капиталисты скалить зубы, университеты оказывать почести, а правительство награждать знаками отличия и назначать пенсию. Но одинокие дети, осиротевшие благодаря войне, и ограбленные войной вдовы *будут тебя презирать и тем больше, чем лучше они понимают твою роль!*

Запомни, мальчик, солдатская сабля проходит сквозь тело бесумерщвляемого отца и поражает других—она поражает сердца беспомощных женщин и детей.

Кем же ты захочешь скорее стать, мальчик, мертвым ли и бесполезным человеком-убийцей или живым и полезным мирным человеком? Мертвым ли мясником или живым братом?

10. Здесь, конечно, приходит в голову мысль о патриотизме.

Великий американец, Ральф Уэлдо Эмерсон, писал:

«Мы не решаемся воспользоваться словом, которым столь часто злоупотребляют, словом—патриотизм, истинный смысл которого почти прямо противоположен его общепринятому смыслу. Мы не симпатизируем подобному мальчишескому себялюбию, охрипшему от приветственных криков в честь одной стороны, одного государства, одного города; настоящий патриотизм заключается в том восхищении, которое испытываешь, предоставляя в пользование всему человечеству свои особые природные преимущества».

Вот что говорит Джемс Рэссель Лоуэлл:

«Есть патриотизм духа, чьи требования освобождают нас от нашей другой и земной клятвы на верность... Поэтому, если бы кто-нибудь стал заставлять нас бросать шапки в воздух и кричать с толпой: «Наша страна, какой бы она ни была!», то он пред'явил бы нам требование, чтобы мы пожертвовали бо́льшим меньшему, высшим низшему, и чтобы мы поступились своими

долгом и привилегиями в качестве служителей истины для воображаемых претензий на несколько акров земли. Наше истинное отечество граничит со справедливостью и на севере и на юге, на западе и на востоке... Закрыв себе лица, мы должны молча взять руку Долга и следовать за ним».

Ложь фальшивого патриотизма обнаруживается в следующей цитате из Джемса Мэкэя:

«Есть более или менее распространенное толкование патриотизма, которое говорит, что человек должен испытывать по отношению к своей стране чувство долга, которого он не питает по отношению ни к какому другому собранию людей, и что он должен служить установленным властям этой страны, какой бы политики они ни придерживались. Девиз этой школы: «Отчизна для меня одинакова, хороша она или плоха». Если бы эти слова были девизом Вашингтона и его соотечественников, то Соединенные Штаты до сих пор составляли бы часть Британской империи. Отдельное скопище людей, составляющее нацию, является результатом простейшей случайности... Разумеется, патриотизм, девизом которого служат слова: «отчизна для меня одинакова, хороша она или плоха», является одним из выражений эгоизма, потому что, если отчизна для меня одинакова, хороша она или плоха, то почему же не говорить, что и моя губерния для меня одинакова, хороша она или плоха; если моя губерния для меня одинакова, хороша она или плоха, то отчего же не говорить: мой город... мои соседи... мое семейство... мой дедушка... и т. д., или почему бы мне самому не пребывать в самодовольстве?»

Георг Вашингтон поступил нелойяльно по отношению к своему правительству, величайшему национальному правительству мира в его дни, просто потому, что это правительство не делало того, что было нужно *для него*. Вашингтон *поднял оружие против своего собственного правительства*, потому что оно его не удовлетворяло. Вашингтон поступил *непатриотично* по отношению к своему великому национальному правительству, потому что оно ему не нравилось. Вашингтон *даже истоптал ногами флаг* своего собственного национального правительства, потому что политика этого правительства не годилась для него. Но Вашингтон был лойялен по отношению к собственным интересам. Он был патрио-

том по отношению к новому *революционному* правительству, которое его удовлетворяло. Он *присягнул новому* флагу, *новой* конституции, *новому* правительству и тем самым *охранил свои экономические интересы.*

И все это делалось искренно, вполне искренно, почти каждым из *великих* американцев эпохи Вашингтона. Почти все «передовые граждане» Англии этого времени считали поведение великих американцев «просто ужасным», «заморским анархизмом».

«Патриоты», великие люди Англии, охраняли свои *экономические* интересы и *пользовались своим правительством* для охраны этих интересов. «Не-патриоты», американцы, охраняли свои экономические интересы и презирали правительство, которое было не в силах охранять их интересы, и они немедленно образовали правительство, которым *могли* воспользоваться для защиты своих интересов. После этого они сделались патриотами по отношению к новому правительству, которым пользовались для защиты своих интересов.

Всегда те, кто обладает правительственной властью, пользуются правительством для охраны самих себя, то-есть для охраны своих интересов. И они никогда не упускают случая закричать лукаво: «Патриотизм!» и учить «патриотизму». И никогда они не упускают случая завопить: «Это не патриотично!» по адресу какой-нибудь группы или класса, который старается реорганизовать правительство для самозащиты.

«Патриотизм!» «Любовь к своей отчизне!» Да, конечно! Но не кажется ли забавным, если средний человек из американского рабочего класса вопит: «Ура! Да здравствует наша родина! Да здравствует наша свободная страна!»? Он не принимает никакого участия в надзоре за фабрикой, на которой работает; он не имеет права голоса в решении вопроса о том, когда надо прибегнуть к помощи милиции или солдат; он *не имеет права просить работы и тем самым спасти свою жизнь;* он не может обратиться к услугам какого-нибудь низшего сельского шерифа, чтобы открыть «закрывшуюся» фабрику, даже если бы открытие фабрики спасало его самого и пять тысяч других мужчин и двадцать пять тысяч их жен и детей от голодной смерти; на заводе, на копях, на фабрике он имеет не больше права голоса в назначении надсмотрщика

или смотрителя, чем черный невольник в Георгии на хлопковых полях в 1850 году.

Наша отчизна! Страна свободы! Где президента американской трудовой организации можно бросить в тюрьму, если бы он воспользовался «свободой печати» и опубликовал хотя бы краткий список бойкотируемых промышленных тиранов; где лица, стоявшие во главе Западной Федерации Рудокопов, были насильственно удалены и высший суд страны признал этот факт конституционным, а недопрошенные заключенные (по конституции обладавшие всеми признаками невинности) были признаны виновными низким президентом того политического посмешища, которое называется «свободной республикой».

11. Матерям и отцам не позволяют ознакомиться со многими из тех грязных явлений, которые происходят в казармах или далеко от родины, где сыновья их одурачиваются и превращаются в живые мишени. Официальное свидетельство президента Вильяма Тафта о половом развращении солдат, сыновей любящих матерей, приведено в главе четвертой, отдел первый этой книги.

«17-го июля 1899 г. военные корреспонденты американских газет, бывшие в Манилле, опубликовали такой единодушный протест:

«Цензура (печати) заставила нас принять участие в этом искажении истины, урезав или изменив констатирование неопровергнутых фактов, под тем благовидным предлогом, как сказал генерал Отис, что «это могло бы встревожить всех дома» или «могло бы нас поссорить с населением Соединенных Штатов».

Как видите, кое-что приходится скрывать. Ректор Д. С. Джорден (Леландского Станфордского университета) пишет:

«Известно ли издателю «Обзора», что творилось в Манилле при военном управлении? Мы слышали о четырехстах трактирах на Эскольте, вместо двух, которые там были раньше; нам передавали, что двадцать один процент наших солдат переболел венерическими болезнями, что, по уверениям солдат, «там даже у свиней и собак сифилис».

После войны с Испанией число случаев венерических болезней, являвшихся причиной непригодности к дальнейшей службе и поводом к отставке, увеличилось в два с половиной раза, то-есть

достигло двухсот пятидесяти процентов. Донесения военного министра Дикинсона (отчет за 1909 г.) вполне достаточно, чтобы привести в негодование каждую женщину в стране и внушить ей отвращение к гнусному до крайности занятию, в которое превратилось военное ремесло. Потрясающий отчет приведен в четвертой главе, в первом отделе этой книги.

В связи с этим прочтите слова полковника Джона Ван-Ренселэра, служащего в военном министерстве:

«Я буду краток. Я состою на службе в медицинском корпусе армии и буду говорить об этом важном вопросе лишь с медицинской точки зрения.

«Каждый солдат, освобождаемый от службы по какой бы то ни было болезни, заносится в особый список, и всем таким случаям ведется особая запись. Благодаря этому я могу сказать, как мне кажется, с большой уверенностью, что военная медицинская статистика, включая сюда и венерические заболевания, является самой полной из всех существующих.

«Власти, обратив внимание на тот факт, что за последние годы в армии замечается все более прогрессирующий рост подобных заболеваний, до такой степени, что непригодность к службе вследствие этих болезней наблюдается в нашей армии в большем числе случаев, чем в любой армии мира, и потеряв надежду на помощь со стороны гражданских властей, имеющих надзор за проституцией, выработали план, при помощи которого надеются уменьшить чрезмерное количество случаев непригодности к военной службе вследствие венерических болезней. Медицинские чиновники должны раз'яснять солдатам характер и опасности этих болезней, об'яснять, что вовсе не необходимо им подвергаться...

«Такие раз'яснения до некоторой степени ценны, но только до некоторой степени... Поэтому мы не можем надеяться, что все наши солдаты, из которых столь многие находятся в самом цветущем возрасте, будут стараться не подвергать себя опасности заболевания, благодаря тем или иным нравственным убеждениям, которыми мы могли бы на них подействовать. Часть из них наверное не захочет последовать нашим советам, таким мы говорим: «Будьте воздержаны, но если вы не можете воздержаться, то тогда предохраняйте себя!» *И мы рассказываем им, как это делать!*»

Сколь великолепно, должно-быть, сколь величественно благородно зрелище того, как врач, состоящий на действительной военной службе, носящий должностной профессиональный мундир с буквами «U. S.», идет официально, в установленные промежутки времени, в официально «отлученные» публичные дома Маниллы, чтобы официально исследовать состояние здоровья профессиональных проституток и, после осмотра, официально донести о них: «не годится» (для кого?) или «годна» (для кого?). Как возвышенно! Как патриотично! С какою христианской любовью! Великое конституционное, размахивающее флагом правительство, выполняющее благородную обязанность благородно и, разумеется, согласно конституции! И все, конечно, делается во имя Христа, ибо официально— «это христианская нация».

Жизнь на борту военного судна неестественна. Поскольку вопрос идет о социальных и половых отношениях, люди остаются иной раз буквально в одиночном заключении целыми неделями, целыми месяцами. *При таких совершенно неестественных условиях люди и ведут себя неестественно.* Много людей сильных по характеру и все слабовольные не могут, положительно не могут совладать с собой. И вот дикое, отвратительное, худшее, чем кровожадное чудище, *извращение* полового чувства иногда целыми неделями празднует свое гнусное пиршество, увлекая, сманивая, оскверняя и пожирая многих изъ самых лучших юношей страны. Многие, знающие об этом, говорят, что это общеизвестный факт, а для многих это является источником отвратительных шуток, что при таких неестественных условиях жизни на борту боевого судна мужчины *вступают в половые сношения с мужчинами же* разными способми, худшими (если это может быть), чем самые развращенные способы, о которых упоминает (и которые проклинает) Ветхий Завет. А когда после ряда недель или месяцев, проведенных в море, военное судно входит в порт на несколько дней или недель, то несчастные юноши стремятся неистовым потоком к несчастным женщинам, болезненное состояние которых внушает невыразимое отвращение. И вот еще что следовало бы знать: некоторые лица, христиане и не-христиане, являющиеся правительственными чиновниками, *снабжают юношей некоторыми предохранительными химическими пре-*

паратами (когда матросы покидают корабль, чтобы «пошалить» на берегу), зная, что юноши, во всяком случае очень многие из них, *наверное, сделаются жертвами тех жертв, которые заражены болезнью.*

А если бы читатель мог увидеть собственными глазами «возвращение с берега» вечером перед тем, как корабль уходит снова в море, если бы он мог видеть десятки красивых молодых моряков, гордость любящих матерей, если бы читатель мог видеть, как поднимают матросов на борт мертвецки-пьяных и страшно перепачканных, как их поднимают на борт в тачках и сваливают, словно большие кучи больного, пьяного, храпящего и распустившего слюни мяса, чтобы на утро протрезвить и «угостить», как следует, когда корабль выйдет в море,—если бы читатель мог видеть все это и еще большее, например, в Нью-Иоркской гавани, то он тогда стал бы яснее понимать, почему «наших самых *лучших* людей» из «высших классов» не так легко соблазнить на глупость и заставить отдать своих собственных сыновей для защиты нашей великой и доблестной страны на борту громадной стальной боевой машины, называемой линейным кораблем, чтобы странствовать и пьянствовать по белу свету. Чем больше мать из рабочего класса будет раздумывать над этим, тем в большей безопасности будут ее сыновья от вкрадчивых заманиваний офицера-вербовщика.

Матери, какое слепое чувство заставляет вас рукоплескать в восторге перед «великими государственными людьми» или «великим правительством», осматривающим проституток для сыновей, которых вы вынашивали, заботливо вскормили и нежно любите?

«И не введи нас во искушение», сказал Иисус Христос. А «цивилизованное» христианское правительство недавно не только осматривало проституток, но и поставляло их юношам-солдатам. Великое британское правительство за последние годы поставляло проституток для своих солдат, находящихся в Индии. Циркулярные меморандумы были разосланы во все стоянки войск в Индии генерал-квартирмейстером Чапмэном от имени главнокомандующего индийской армией лорда Робертса.

Вот три выдержки из таких документов и из официальных отчетов:

«*Необходимо* иметь на полковых базарах *достаточное количество женщин*; озаботиться, чтобы они были *довольно при-*

влекательной наружности; поместить их в надлежащих домах и сверх того настаивать на обмываниях, которые всегда весьма полезны (во избежание венерических болезней)... Если *молодым* солдатам *заботливо указывать на целесообразность* обмываний и если они узнают, что *на полковых базарах есть надлежащие учреждения* (т.-е. «чакла», или публичные дома), то они, по всей вероятности, избегнут опасности, которая грозит от сношения с женщинами, неизвестными полковому начальству (т.-е. которые не осмотрены и не имеют разрешения)».

Другое начальствующее лицо пишет в своем рапорте:

«Пришлите, пожалуйста, молодых и миловидных женщин, как указано в циркуляре генерал-квартирмейстера за № 21-а... Здесь не хватает женщин; здесь недостаточное количество миловидных. Нужны еще женщины и помоложе...... Я приказал увеличить число проституток... и особо указал, чтобы дополнительно присылаемые женщины были молодыми и привлекательной наружности».

А вот еще: «Общее количество лиц, пользовавшихся госпитальным лечением по случаю венерических заболеваний, доходило в 1895 г. среди войск, расположенных в Индии, до 522 на 1.000 чел.».

По словам другого авторитетного автора:

«В Индии в 1902 году число лиц, поступивших на излечение в госпитали только от одних венерических болезней, достигло колоссальной цифры в 12.686 чел. Свыше 1.000 жертв из военного ведомства постоянно числилось в госпиталях, а отчет, из которого взяты эти цифры, относится еще к самому благоприятному в санитарном отношении году за 20 прошедших лет. В армии, несущей внутреннюю службу (в Англии)... за один период в двенадцать месяцев среди 154.000 солдат оказалось 24.176 больных половыми болезнями—или был болен каждый солдат из шести. По мнению автора, 80% всех солдат в индийской армии и немного меньше в армии, несущей внутреннюю службу, в то или иное время страдало венерическими болезнями».

«Самое худшее в войне и военной службе—это разрушение здоровья солдата».

Генерал Шерман сказал о «благотворном влиянии» войны:

«Спустя много времени после гражданской войны генерал Шерман, защищая поведение своих войск в Южной Каролине, говорил

Карлу Шурцу: Прежде, чем мы вышли за пределы этого штата, люди до того свыклись с истреблением всего, что попадалось по пути, что иной раз, когда моя главная квартира находилась в каком-нибудь доме, дом этот начинал пылать раньше, чем я успевал из него, как следует, выехать. Суть дела в том, что человеческая натура есть человеческая натура. Вы собираете нескольких самых лучших молодых людей—все членов церкви, с вашего разрешения,—и сдаете их в армию; дайте им возможность напасть на вражескую страну, пусть они проведут там несколько времени, и они постепенно перестанут руководиться какими бы то ни было принципами и потеряют всякое самообладание до такой степени, что выйдут из рамок дисциплины. Так всегда было и так всегда будет».

12. Один анонимный автор пишет так:

«Настоящая война совершенно не похожа на то прикрашенное изображение ее, которое вы видите во время смотров или на парадах. Но картинное изображение и делает войну столь популярной. Развевающиеся перья, яркие мундиры, сверкающие сабли, размеренный шаг бесчисленных ног, звонкий звук труб, опьяняющие звуки военных оркестров, пышность, шум и самое зрелище—вот что влечет к войне и к профессии солдата. Все это на самом деле совершенно иное. Но, тем не менее, оно служит популярной прелюдией к зловещей музыке царства сатаны. А когда вспыхивает война, то обычно бывает, что сперва лишь самое незначительное меньшинство, даже среди тех, кто принимает в ней участие, видит на самом деле и ощущает все ее ужасы. Население питается разными утешительными известиями; поражения замалчиваются; в большинстве стран список убитых или раненых не публикуется или об'является позднее; победы преувеличиваются; отличившиеся генералы восхваляются, и герой-военный становится кумиром толпы. Перекормленные, презренные суб'екты из средних классов, уклоняющиеся от военной службы, соединяются в питейных домах с голодными праздношатающимися и аплодируют происходящему разрушению. Если их герои достигли успеха, то каковы же трофеи?—тюрьмы набиты битком пленными, госпитали переполнены ранеными и больными, города разрушены, фермы сожжены, поля лежат в запустении, налоги повышены, масса людей испытывает нужду или голодает, и громад-

ные долги будут унаследованы потомством. А затем, когда (военные) герои закончили свое дело.... появляются мирные герои и путем долгого и терпеливого труда среди сцен повсеместного горя стараются смягчить страдания своих раскаивающихся собратий».

Поэт Байрон был на войне и описывает ее так:

«Все то, что ум придумать может злого,
«Что плоть дурного может совершить,
«Все зло, что поражать людей готово,
«Все бедствия, что может ад излить,
«Все то, что описать бессильно слово,
«Все ужасы, что может породить
«В союзе с властью давящая сила,
«Все это здесь, свирепствуя, царило.

(Дон Жуан, VIII. CXXIII Перев. П. Козлова).

«Война—умение разбрызгивать мозги».

(Дон Жуан, IX).

13. В связи с предыдущим отделом, просмотрите еще раз седьмую главу, отдел 18.

«Война! Война! Война!... Да снизошлет Господь сон женщине в долгую, долгую ночь,—уже дыхание покинуло сильную грудь, на которую она склонялась когда-то головой».

Жены и матери из рабочего класса, как только правительство умертвит ваших избраннейших сыновей, оно *уж больше не интересуется вами,*—если не считать посылки вам раз в три месяца жалкого, запятнанного кровью куска серебра—какой-то взятки. И, получая эти гнусные деньги, вы можете мысленно слышать вопли милых мертвецов. Правительство старается приобрести ваше одобрение и гнусным звоном нескольких постыдных долларов заставить смолкнуть ваши горячие протесты против избиения людей—словно вы продали своих сыновей и мужей за эти деньги. Такая пенсия—особая форма взятки.

«Если бы удары войны поражали наверняка головы виновных, но не другие.... но, увы!».

«Неразбирающий и смертоносный вихрь
«Бьет тяжелей всего по скромным и невинным;
«А тот, кто бурю разбудил, пока она грохочет,
«Сидит вдали от бурь и обреченных шлет».

Роберт Ингерсолль писал:

«Народы поддерживают друг с другом такие отношения, которые существуют у дикарей»...

«Ни у кого не хватит воображенья, чтобы нарисовать мучения, ужасы и жестокости войны. Подумайте о снарядах, разрывающихся среди человеческих тел! Подумайте о вдовах и сиротах! Подумайте об искалеченных, искромсанных, изувеченных!...».

Пусть матери из рабочего класса остерегаются коварных и трусливых политических деятелей и дельцов, старающихся возбудить их нелепым криком: «*Флаг! Наша родина! Наши семейные очаги!*».

Для пользы матерей стоит не пожалеть места, чтобы снова привести здесь тот факт, что «больше половины всех матерей в Соединенных Штатах не имеют собственных домов и принуждены жить в наемных помещениях и больше одной восьмой живут в заложенных домах». А громадное число матерей в Соединенных Штатах живет в жалких домиках, почти не имея самых минимальных современных удобств.

Матери, взгляните на банкиров, заводчиков и других «передовых граждан»: они и их сыновья и зятья не проливают в большом количестве своей «голубой» крови за «нашу» отчизну, за «наши» очаги и «наш» флаг,—*и их нельзя сманить на это.* Понаблюдайте за ними, матери, повнимательнее и перед войной и во время войны. Не поддавайтесь возбуждению. Вспомните слова Христа: «Вложи меч свой».

Святой Павел говорил: «Будь в мире со всеми людьми».

Вы слышали о заповеди: «Не убий».

«Война не знает жалости», сказал Шиллер.

«Бог забыт на войне, и все принципы христианства попираются ногами», сказал Сидней Смит.

«Чувствительность души не подобает шпаге».—Шекспир.

«Война одна из самых величайших язв, которые могут поразить человечество; она уничтожает религию... она уничтожает семейства. Всякое другое наказание является в сущности предпочтительным по сравнению с нею... Пушки и огнестрельное оружие—жестокие и дьявольские орудия».—Мартин Лютер.

Ласковый и очаровательный Евгений Фильд, любящий маленьких детей, писал: «Я ненавижу войны, армии, солдат, пушки и фейерверки».

«И будет он судить народы и обличит многие племена; и перекуют мечи свои на орала и копья свои—на серпы: не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Исайя, глава II, 4).

Джемс Рэссель Лоуэлл:

«Трудящиеся мужчина и женщина
«Делят вместе и горе и радости,
«Всё бесчеловечное, что совершается,
«Кладет свой отпечаток и на них».

А вот что говорит Л. Н. Толстой:

«Всякая самая короткая война с сопровождающими обыкновенно войну тратами, истреблениями посевов, воровствами, допускаемым развратом, грабежами, убийствами, с придумываемыми оправданиями необходимости и справедливости ее, с возвеличением и восхвалением военных подвигов, любви к знамени, к отечеству и с притворством забот о раненых и т. п.—развращает в один год людей больше, чем миллионы грабежей, поджогов, убийств, совершаемых в продолжение сотни лет одиночными людьми под влиянием страстей» («Царство Божие внутри вас». Собр. сочинений, Т. 14, стр. 633, изд. 1911 г.).

Пусть женские литературные общества и клубы—многие из женщин поклонницы Джона Рэскина—поразмыслят над следующими строчками, принадлежащими его перу:

«Но Сокровенное Воровство—которое скрывается даже от себя самого и есть Воровство легальное, трусливое и почтенное—развращает тело и душу человека до мозга костей. *И виновными ворами Европы, истинной причиной всякой смертоносной войны в ней являются капиталисты*—иными словами, те, кто живет процентами с труда других. Действительная война в Европе происходит между этими ворами и рабочим, *таким, каким эти воры его сделали.* Они держали его в бедности, невежестве и грехе, чтобы им самим можно было пользоваться без его ведома плодами его рук. В конце концов смутное познание этого факта начинает понемногу делаться для него более ясным».

А что касается воров: подумайте о краже нескольких лет жизни у человека, находящегося в самом расцвете сил, когда его отрывают от друзей и милых сердцу, насильно всовывают ему в

руки ружье и заставляют целые годы изучать гнусную науку и искусство умерщвлять себе подобных. Так проходят лучшие годы у миллионов избраннейших молодых людей в Европе, украденные — украденные классом — классом выдающихся хищников, промышленных и политических воров, «передовых граждан», которые прикрываются лицемерно маской, называемой «Патриотизм». Подумайте о многих миллионах украденных таким путем людей — украденных у родителей, украденных у братьев и сестер, украденных у жен и детей.

Когда рабочий класс поразмыслит над войной и увидит, какую совершают громадную кражу его жизней, то он поразит весь мир своим протестом.

И матери примут участие в этом протесте.

Патриотический „пакет“ и молитвенник.

(К отчету морского министерства за 1911 г.).

«Венерические болезни попрежнему являются могущественнейшим фактором, оказывающим вредное влияние на морскую службу.

«За минувший год была выработана профилактическая система против венерических болезней. Бюро придерживается того мнения, что эта система достигает своей цели... Можно надеяться, что профилактический пакет особого образца, который люди могут брать с собой и немедленно им пользоваться после сношения, принесет больше пользы».

Тот же самый «Отчет» гласит, что в Норфольке, Виргиния, одной из величайших морских станций страны, свыше 2% взрослых и юношей, состоящих на действительной службе во флоте, больны самой отвратительной из всех болезней — сифилисом; свыше 6% страдали шанкром и почти 20% гонорреей. Отчет указывает, что эти приведенные данные ниже действительных цифр, потому что очень многие из

чувства стыда скрывают, что они больны венерическими болезнями.

Необходимо запомнить, что правительство при приеме очень тщательно выбирало людей для службы во флоте и все эти парни поступали на службу вполне здоровыми и без всяких физических недостатков.

Разве это не мерзость, что благочестивое христианское правительство сманивает чистых, здоровых молодых людей на службу, где вся обстановка, как это очевидно, отражается губительно на здоровье и нравственности матросов, а потом хладнокровно снабжает бедных парней «пакетами» с предохранительными средствами или химическими составами, при помощи которых матросы смогут, а то и не смогут, избежать до некоторой степени плодотворных последствий того посева, которым занимался сам ад, бросая свои семена и в тело и в душу?

Наше правительство рассылает заманчивые письма и брошюрки многим молодым людям и их матерям, побуждая юношей записываться на службу во флоте и выставляя на вид прелести жизни, почести, религиозное развитие и прочие привлекательные стороны морской службы. Решится ли правительство рассылать с теми же самыми письмами и брошюрками статистические сведения о заболеваниях сифилисом, шанкром и гонорреей в нашем флоте и прилагать к проспектам фотографический снимок с задуманного «пакета»? Если нет, то почему? Разве мать и юноши не должны знать обо всех фактах? Если нет, то почему?

Попробуем представить себе молодого моряка на собрании Общества Молодых Христиан с христианским молитвенником в руке и с христианским «пакетом» в кармане. Тут был бы яснее заметен патриотический обман, что будто бы «это христианская нация». Верховный суд, торжественно заседающий и спящий в Вашингтоне, об'явил, как вам известно: — «Это христианская нация». Тогда, конечно, «пакет» — это христианский «пакет».

*

14. Разве Христос в сущности не сказал: «не мир пришел Я принести, но меч»?

Да. По крайней мере так говорили некоторые из последователей кроткого Христа, передавая то, что, как они слышали, передавалось теми, кто будто бы слышал эти слова. И, конечно, истинная правда, что тираны, лицемерно бормоча эти злобные слова, ошибочно вставленные в текст и *приписываемые* Христу, обнажают меч, чтобы сражаться против братства человечества — чего, несомненно, и ожидал от них Христос. Но хуже чем бессмысленное богохульство учить ребят—маленьких или более взрослых, что Христос, великий Человеколюбец, был ничтожным квасным патриотом, советовал обратиться к помощи меча и рекомендовал прибегнуть к оптовому убийству братьев братьями. Выдающиеся, проституирующие себя, в интеллектуальном смысле слова, господа, заносящие Христа в один список мясников вместе с Александром, Цезарем, Наполеоном и изворотливым наездником*), без всякой гордости повергаются лицом в грязь, раболепствуя перед своими промышленными хозяевами; они просто-напросто снова предают Христа за тридцать забрызганных кровью сребренников, именуемых жалованьем.

Судя по слухам, Христос говорил также: «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими». А также: «Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб, а Я говорю вам: не противься злому». И еще: «Все, взявшие меч, мечом погибнут». И еще в силе: «Не укради».

Один из самых замечательных епископов в Соединенных Штатах предстал зимой 1907 - 08 гг. перед одной из комиссий конгресса и красноречиво доказывал, что конгрессу следует выдать в щедрых размерах субсидию некоторой «академии для мальчиков», находящейся в заведывании одной из церквей его округа. Его главный довод заключался в том, что ребятишек «заботливо обучают *обращению с оружием*, и что в случае *какого-нибудь волнения* ими можно будет воспользоваться».

Так многие училища готовят мальчиков к избиению голодных рабочих, если те об'явят забастовку ради нескольких лишних

*) Намек на Рузвельта, написавшего книгу «The Rough Riders»—«Лихие наездники», где описывается война на Кубе. См. стр. 154, 158 и 202. *Прим. перев.*

копеек в день для того, чтобы накормить свои семьи — что называется «случаем какого-нибудь волнения». Теперь представьте себе Христа, обучающего нежных мальчиков умерщвлению людей и выпрашивающего у оскотиневшего правительства его времени денег на покупку копий и мечей для ребят!

«Есть могущественная часть христианской церкви, которая поучает всех своих членов тому, что церковь имеет право освобождать священнослужителей от обычных гражданских обязанностей и в особенности от несения военной службы».

Итак, все мужчины и женщины, принадлежащие к рабочему классу, безразлично, какой бы церкви членами они ни были — относящиеся или не относящиеся к тому или иному обществу верующих — должны были бы об'единиться в единое *мировое товарищество* и приложить все *усилия* рабочего класса к тому, чтобы избавить мир от войны и тем самым защитить беспомощных женщин и детей. Запомните, матери: не пустая болтовня, что ваших мужей и сыновей могут оторвать от семей, что им в руки могут всунуть безжалостные винтовки и заставить их итти на войну, где они могут погибнуть — оставив вас вдовами, а малых детей сиротами. А в то же самое время священник, который молитвами и публичными речами весьма значительно содействовал об'явлению войны, *он-то* будет избавлен от ужасов поля битвы, от ужасов передовых позиций, где человеческая кровь и мозги превращаются в грязь под пушечными снарядами и лошадиными копытами. Запомните еще, что десятки тысяч священнослужителей не женаты и бездетны, им некого оставить осиротелыми. Разве не кажется вам, что на войну должны были бы пойти скорее эти неженатые бездетные люди, которые хотят войны, чем милые вашему сердцу?

Нужно еще раз повторить:

Люди, которые молятся о войне или молятся о победах во время войны, которые помогают подготовке детей к войне, все такие люди, к какому бы толку они ни принадлежали, должны сами итти на войну и там сражаться.

Если война так хороша, что о ней можно молиться, то она достаточно хороша, чтобы на нее итти. Следовало бы заставить всех тех, кому нужны «великие победы», итти самим искать их,

прямо под неприятельский огонь, где рвутся пушечные снаряды, поражая тысячи людей смертельными ударами — прямо на передовые позиции навстречу «адским ураганам».

Что вы скажете об этом, мать? Не поразмыслите ли вы над этим вопросом и не послужит ли он темой для дружеского и внимательного его обсуждения среди ваших соседок? Почему бы не побудить всех женщин по всему свету заняться обсуждением этого вопроса—и благодаря этому *обратить общественное внимание на вопрос о развращении и избиении любимых вами мужчин?*

15. В «The Westminster Review», июль 1907 года, помещена заметка, которая могла бы послужить подходящей темой для обсуждения в женских обществах и в газетах.

«Есть еще одна скрытая форма милитаризма, которая распространяется все шире и становится все более популярной. Я подразумеваю бригады мальчиков (в Англии), приписанные ко многим церквам различных наименований. Под предлогом занятия их физическим развитием, мальчиков учат духу подчинения чужой воле и развивают в них любовь к военным упражнениям... Подобное соединение военной дрессировки с религией, по прекрасному определению д-ра Экед из Ливерпуля является «проповедыванием неба и осуществлением на самом деле ада».

Мать—американка может не утешаться мыслью, что все, на что указывает д-р Экед, практикуется только в далекой Англии, но мало касается ее. Для такого нового распинания Христа и развращения ребятишек существует могущественное общество и в Соединенных Штатах. Бригада Об'единенных Мальчиков является организацией для развития указательных пальцев, нажимающих собачку у ружей, и кровожадных инстинктов у девятилетних мальчиков и старше в подвальных помещениях христианских церквей. «Цель организации,— как гласит ежемесячный журнал организации, «Американский Бригадир», — состоит... в развитии благоговения и дисциплинированности... чтобы создать в них чувство любви к родине... и путем тщательного обучения мальчиков военной дисциплине и тактике содействует выработке из них настоящих солдат-христиан». «Американский Бригадир» официально заявляет, что «ничто не привлекает так детей в субботнюю школу». Таким образом из церкви де-

лают арену для кулачных бойцов, чтобы она стала привлекательней для маленьких ребят. «Американский Бригадир» в декабрьском номере 1907 года обнаруживает свой секрет в пространной статье, озаглавленной: «Обеспечение новых рекрутов».

(Один мальчик говорит другому:) «Вечером по субботам мы ходим зубрить Библию и занимаемся разными упражнениями и учимся по Библии, а иной раз навещаем другие отряды. Ну, да наш отряд покажет им, как надо проделывать упражнения! А летом мы уходим в лагери и буяним во-всю... Зубрежка Библии?... Так ведь в Библии есть забавные истории!... Мы читали про Самсона, это такой силач, который уложил в лоск всех филистимлян, про царя Давида, про осаду Иерихона, а на прошлой неделе читали о мальчике-пастухе, который убил великана из пращи».

В ноябрьском номере «Бригадира» за 1907 год помещена статья: «Что значит быть солдатом», где есть такая фраза:

«Есть только одно слово, перед которым отступает все,—это повиновение: повиновение приказам и строгая дисциплина. Основание всей военной организации покоится на этом».

Совершенно верно: *повиновение.*

Иными словами, невинный ребенок, которого до того надрессировали в течение нескольких лет, что *он* забыл, что у него есть собственный разум и воля, которого научили немедленно исполнять приказы,—такой мальчик, достигнув двадцати-летнего возраста, будет, разумеется, *автоматически и глупо* повиноваться *всякому* приказу, как бы он ни был гнусен—даже приказу: «Пли! Заряжай!»—хотя бы даже «врагом», мишенью, были маленькие девочки, рабыни заработной платы, работающие на шелкопрядильных фабриках, девочки десяти - двенадцати лет, которые должны трудиться целую неделю за один доллар и 60 центов—если бы они бастовали, добиваясь лишних десяти центов в неделю, и во время забастовки превратились бы *от голода* в «бунтовщиц».

Вооруженные бездельники—с ружьями в руках—высланные против голодных «бунтующих» детей!

«Американский Бригадир» прежде всего религиозный журнал, так говорит он сам. Однако, он предлагает премию в виде заряжающейся с казенной части винтовки Спрингфильда тому мальчику, который доставит журналу наибольшее число подписчиков. Вообра-

зите себе Христа, пропагандирующего свою идею среди маленьких мальчиков, раздавая им смертоносное оружие! «Бригадир» обращает мальчиков ко Христу, соблазняя приманкой дикаря, который все еще таится в груди «цивилизованного» человека. Журнал помещает рисунки арсеналов, батальных памятников, сценок во время учений, военных парадов, лагерной жизни, ярких военных мундиров, маленьких мальчиков с ружьями, саблями, палатками, знаменами, пушками, а также портреты разукрашенных, раззолоченных «великих людей», знаменитых профессиональных мясников, человекоубийц. Журнал печатает заманчивые рассказики из жизни армии и флота и специально занимается помещением об'явлений о военном снаряжении, военном обмундировании, о книжках для Вест-Пойнтской школы и так далее.

Эта организация работает в церкви и при помощи церкви. Она сильна и становится на все более твердую почву. Она хвастается тем, что у нее есть отделения во всех штатах. В «городе церквей»— в Бруклине—это общество особенно сильно. Очень часто ученье производится открыто на улице, если позволяет погода. Многие пасторы энергично—и патриотично—содействуют этому движению, конечно, «во имя Иисуса». Некоторые из них горделиво (и лукаво) снимаются вместе с обучающимися отрядами на одной фотографии. На этих фотографиях пасторы принимают такие позы, что становятся похожи на ценные отказы по завещаниям церквей в пользу капиталистов, но позы эти как-то мало напоминают тихого и кроткого Иисуса. Слова: «вложи меч свой»—устарели для таких политических деятелей, интересующихся добычей нефти.

Таким обучением занимаются церкви со многими тысячами невинных маленьких детей. 5-го октября 1907 года по Пятой авеню в Нью-Иорке парадировало две с половиной тысячи маленьких ребятишек, вооруженных ружьями и саблями. Четверо обманутых ребят волокли легкую пушку.

Федеральное правительство в Вашингтоне от всей души поощряет эту затею «Общества Солдат-Христиан» путем «соответственной смеси» подмигиваний и улыбок. Главнокомандующий Пооп говорит в своем отчете:

«В общем... можно сказать, что наше влияние все увеличивается и уважение к нам становится гораздо более сердечным, чем

раньше, в тех частях города, где нам хотелось бы добиться признания. Наше правительство обратило особое внимание, в разном направлении, на деятельность этой организации и за нашим развитием заботливо следят более высокие сферы, которые оценивают возможность обратиться к помощи прекрасных солдат, подготовляемых организацией, в случае, если бы когда-нибудь такой отряд мог понадобиться (например, во время забастовки?). Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы дрессировка заняла место религиозных упражнений. Но в то же время соответственная смесь того и другого дает нам средство, при помощи которого мы сможем достигнуть наилучших результатов».

Ниже приводится выдержка из отчета о митинге организации, который был в методистской епископальной церкви Горы Голгофы в Нью-Йорке 13-го мая 1907 года.

«Здесь присутствовало много офицеров армии, национальной гвардии и ветеранов гражданской войны... Церковь была роскошно убрана флагами... Председательствовал генерал Кэмпбэлл, который передал пожелания всяких благ от имени президента Соединенных Штатов, полковника Фрэда Гранта... и от многих других влиятельных лиц».

Как удивительно последовательно—«пожелания всяких благ» от президента, возглавляющего исполнительный комитет капиталистического класса Америки, т.-е. национальное правительство,—«пожелания всяких благ» соблазнителям маленьких мальчиков, назначение которых служить кулаком и клыками для правящего класса.

«Бой-скоутское» движение является самым позднейшим проявлением этой христианской и «керосиновой» хитрости для соблазна невинных мальчиков, которых намереваются бросить в кровавые и железные об'ятия Марса и Маммона. Матери, обратите на это внимание! Вас предупреждают! *Защищайте* себя сами!

Предсказание: Многие члены рабочего класса, которые в настоящее время глупо поручают своих доверчивых маленьких мальчиков инструкторам бой-скоутов, чтобы те их обучали,—через десять лет во время забастовки, начатой для получения большей заработной платы, большего количества пищи и одежды, *встретятся со своими собственными сыновьями, бой-скоутами*, вооруженными винтовками и штыками, гордо расхаживающими по

улицам и имеющими приказ «сокрушить бесстыжих забастовщиков».

Президент Рузвельт (международный ментор) изумительно льстит даже самим мальчикам, которые высказывают свою ловкость в обращении со смертоносной винтовкой. Филадельфийские газеты и многие другие одновременно печатают следующее коварное письмо, написанное президентом Рузвельтом бруклинскому школьнику. Газетная заметка, в которой помещено письмо, гласит так:

«Ойстер-Бэй, 17-го июля. Президент Рузвельт высказал свое горячее одобрение занятиям в общественных школах с винтовкой. В поздравительном письме, адресованном Амвросию Шарфенбергу из Бруклина, взявшему приз за стрельбу в общественной школе Атлетической Лиги, он пользуется случаем, чтобы поощрить систему практического ознакомления с ружьем, введенную отставным генералом Джорджем Б. Уингэтом.

«По распоряжению президента, это письмо сегодня опубликовано, чтобы оно могло получить самое широкое распространение и оказать соответствующее влияние. Вот оно:

«Мой дорогой молодой друг! Сердечно поздравляю вас с признанием за вами Общественной школой Атлетической Лиги первого места по стрельбе из винтовки среди всех мальчиков, обучающихся в высших училищах Нью-Иорка и подвергнувшихся испытанию за последний год. Многие из взрослых, считающие себя меткими стрелками, гордились бы такой наградой. Ваше искусство делает честь и вам и вашему начальнику, учителям и всем причастным к школьным практическим упражнениям, которыми вы занимаетесь и которые все я знаю (обычное скромное признание во всезнайстве).

«Упражнение в стрельбе из винтовки содействует развитию не только мускулов, но и нервов... Прежде всего необходимо, чтобы волонтер уже умел стрелять... Удостоенные наград в наших школах и колледжах должны заниматься такими упражнениями, чтобы быть хорошими стрелками и из военной винтовки. После такого обучения они явятся большой подмогой для нашей национальной силы и лучше обеспечат мир стране».

Иначе сказать: если бы капиталисты отказали в работе 5.000.000 человек, буквально наплевали им в лицо и приказали всем этим стремящимся к работе людям убираться вон с фабрик и

копей, обрекая на голод, холод и лишения и таким образом бесконечно унижая миллионы жен и дочерей рабочих—все равно, удостоенные наград учащиеся высших школ, колледжей и университетов, набившие себе руку в стрельбе, будут «готовы к употреблению», готовы сокрушать безработных, если те станут громко протестовать, готовы помочь господствующему классу заставить рабочих испытать на себе всю несправедливость системы классового труда, готовы всадить штык в безработных рабов заработной платы, требующих с криком работы, хлеба, справедливости в промышленной гражданской капиталистической войне.

Каждый день рано утром в течение учебного года заставляют около 600.000 детей в Нью-Иорке салютовать флагу и повторять несколько строк насмешливого вранья относительно «славной свободы, которой они пользуются», «щедрых благ, которыми они наслаждаются»—под «благосклонными складками Звезд и Полос»,—хотя у целого пол-миллиона детей *нет* собственных *домов* и их на тысячи ладов уязвляет бич бедности.

16. За последние годы в высшие школы, колледжи и университеты принято на службу дополнительно много инструкторов, обучающих военной тактике. В настоящее время в девяносто трех университетах, колледжах и школах находятся офицеры армии Соединенных Штатов, обучающие военному искусству 22.910 учащихся в «военных отделах».

Между отрядами милиции Штатов распределяются усовершенствованные винтовки, специальные патроны и смертоубийственное снаряжение; местные арсеналы улучшаются и им придается привлекательный вид—все приготовляется «для употребления», когда понадобится умиротворять безработных рабочих. Недавно в одном из штатов—в Колорадо—производилось систематическое обучение военному искусству в высших школах шести самых больших городов. Военный министр сообщает в 1909 году о сорока четырех школьных стрелковых клубах. В газетах и журналах, в проповедях и речах, и особенно в государственных школах—при помощи всех таких способов—стараются обратить внимание детей и привести их в восхищение, сообщая о размерах и совершенстве ружей, пушек, военных судов и тому подобное, ссылаясь на все это, как на явные признаки нашего превосходства и нашей «блестящей цивилизации».

Детей приучают хлопать в ладоши от радости, что мы готовы ввязаться в какую-нибудь международную бойню. Но детей *не учат*, что означают собою все эти арсеналы, оружейные магазины, пушки, ружья, солдаты, милиция, пулеметы и пулеметные ленты—и что означает война для *рабочего* класса. Никогда!

17. Предоставим философу поговорить на простом языке с матерью и ее детьми.

«Европа все еще под ружьем: каждая страна следит за другой с подозрением, ревностью или угрозой... А что же получается в результате? Россию раз'едает военный рак, она осуждена на такие социальные потрясения, каких еще не видали в этом столетии. Германия, с ее интеллигентностью и промышленностью, скована цепями военной службы,—ею управляют, как будто она военный лагерь, как будто единственной целью мира является приготовление к войне. Пошатывающаяся Франция... Италия, отягощенная бесполезной армией, тревожная, интригующая, беспокойная... Испания, слабая от истощения благодаря целому ряду войн... Нерешительная Англия, лишенная единства действий, постоянно тревожимая и обесславленная бесконечным рядом несчастных войн, которые она вела во всех частях света.

«Такова картина Европы после поколения империализма и наступательных войн.

«Но кто же в выигрыше? Русский ли бедный мужик, оторванный от дома, чтобы умереть в Центральной Азии или на Балканских перевалах, осужденный на подчинение правительству, все более глубоко развращающемуся и тираническому? Лучше ли берлинскому рабочему, сокрушаемому военным притеснением и промышленной беззастенчивостью? Кто же в выигрыше—правитель или тот, кем управляют? В выигрыше ли французский крестьянин теперь, когда не стало Эльзаса и Лотарингии и от империи ничего не осталось, кроме долгов, заговорщиков и унаследованных от нее потрясений?

«....Кто же выиграл, вступив на эту стезю кровопролития и тщеславия?... Мы слышим стоны миллионов—трудящихся, страдающих миллионов—которые стремятся в душе изменить эту жестокую систему, не ими созданную, не ими избранную, от которой они ничего не выигрывают, от которой ни на что не могут надеяться» (Фредерик Гаррисон).

Но, действительно, кто же остается в выигрыше? Рабочие теряют, а матери теряют больше всех—своих детей! Однако повсюду полнейшее презрение к матерям из рабочего класса всего мира, полнейшее пренебрежение к крови мужчин и слезам женщин—из *рабочего класса.*

Каким великолепным раскатом прогремит по всему миру протест, когда рабочий класс проснется и подумает надо всем этим!

18. В духе нынешнего века, века погони за долларом, спросить: разве война не оживляет дел и не предоставляет поэтому работы для людей, живущих заработной платой?

Ну да, конечно! Совершенно в той же мере, как если бы сумасшедший, вооруженный магазинным ружьем, стал подстреливать на улицах играющих ребятишек: он тоже оживит дела бюро похоронных процессий, гробовщиков и их служащих—и могильщиков.

19. Ниже приводятся несколько особых советов, с которыми мы обращаемся к матерям и отцам из рабочего класса.

I. Учите ребят разным стихам и рассказам, направленным против войны.

Настойчиво и терпеливо помогайте мальчикам и девочкам одолеть с полдюжины или больше разных выдержек, какие только можно найти, из наиболее сильных прозаических или поэтических произведений, направленных против войны; помогайте им в этой работе, пока они не уразумеют—пока не загорятся их глаза, пока не зажгутся их сердца, пока их воображение не будет охвачено пламенем отвращения и ненависти к войне и к гнусной роли вооруженного стража правящего класса.

II. Научите детей поруке, приведенной на первой странице I-ой главы этой книги. Научите их обучить этой поруке или какой-нибудь другой подходящей других детей.

III. Расскажите мальчикам и девочкам об *историческом происхождении рабочего класса* (см. главу одиннадцатую).

IV. Об'ясните мальчикам и девочкам всю десятую главу, страницу за страницей, и побудите их об'яснить все, что там написано, другим детям.

V. Терпеливо и ясно расскажите им, каково назначение местной милиции и армии и для чего они существуют.

VI. Заинтересуйте ребят в устройстве библиотечки, посвященной антимилитаризму, и работайте вместе с ними для дальнейшего развития предпринятого вами дела.

VII. Об'является премия в десять долларов за лучшее определение, что такое милиционер, намеревающийся расстрелять отцов и братьев маленьких ребятишек из рабочего класса, своих земляков, когда эти отцы и братья борются путем забастовки за лучшие условия жизни матерей и детей. Такая премия может поспособствовать полезному развитию вдумчивости и поведет к обсуждению вопроса.

VIII. Несколько других советов приведено в начале двенадцатой главы.

20. Ниже приведено несколько отрывков, вполне подходящих для детей. Дети могли бы разучить их и потом декламировать.

А. Солдатский символ веры.

«Капитан, зачем вас учат
«Роль бессмысленно играть?
— «По команде поступаю
«И не смею рассуждать».

«Хорошо ль стрелять в беднягу,
«Братьям братьев избивать?
— «По команде поступаю
«И не смею рассуждать».

«Но ведь сердце скажет: «стыдно»,
«Станет совесть упрекать?
— «По команде поступаю
«И не смею рассуждать».

«Если так, то ты мне жалок,
«Я, малыш, храбрей тебя!
«Прочь, мундиров блеск мишурный,
«Не хочу губить себя».

«Я о лаврах не мечтаю,
«Мне чужда жестоких рать!
«Горд я тем, что рассуждаю,
«И немой—мне не под стать!»

Б. Размышления Роберта Ингерсолля у гробницы Наполеона.

«Еще минуту тому назад я стоял у гробницы жившего когда-то Наполеона—великолепной гробницы, позолоченной и разукрашенной золотом, пригодной почти для усопшего божества—и созерцал сар-

кофаг из редкого и неизвестного мрамора, где успокоился, наконец, прах этого неугомонного человека. Я перегнулся через балюстраду и задумался над жизненным путем величайшего солдата современного мира.

«Я видел, как он ходит по берегу Сены, замышляя самоубийство. Я видел его в Тулоне — я видел, как он усмиряет чернь на улицах Парижа—я видел его во главе италийской армии—я видел, как он переходит мост у Лоди с трехцветным знаменем в руке—я видел его в Египте в тени пирамид—я видел его, как он покоряет Альпы и несет орлов Франции среди орлов горных утесов. Я видел его у Маренго, у Ульма и Аустерлица. Я видел его в России, где снежная пехота и кавалерия буйного ветра развеяли его легионы, как зимние завядшие листья. Я видел его под Лейпцигом во время погрома и поражения, когда миллион штыков гнал его обратно к Парижу, травил его, как дикого зверя, отбрасывал к Эльбе. Я видел его бегство и новый захват империи силой гения. Я видел его на страшном поле Ватерлоо, где об'единились Случай и Судьба, чтобы разбить в дребезги удачу своего прежнего владыки. И я видел его на острове Святой Елены, где он задумчиво глядел на мрачный и угрюмый океан, заложив за спину руки.

«И думал я о сиротах и вдовах, которые остались в одиночестве по его вине, о слезах, пролитых для его славы, и о той единственной женщине, которая его любила и которую он оттолкнул от себя холодной рукой честолюбия. И я промолвил: я хотел бы быть скорее французским крестьянином и носить деревянные башмаки. Я хотел бы скорее жить в хижине, где над дверью сгибалась бы лоза винограда и грозди рдели под любовными поцелуями осеннего солнца. Я хотел бы скорее быть таким бедным крестьянином, иметь подле себя любящую жену, берущуюся за вязанье, когда на небе умирает день, держать на коленях детей и чувствовать вокруг шеи их руки— я хотел бы скорее быть таким человеком и уйти в безглагольную тишину ни о чем не грезящего праха, чем быть тем властным олицетворением силы и убийства, которое известно под именем Великого Наполеона».

В. Размышления о войне Виктора Гюго.

«Древнее насилие, совершаемое немногими над всеми и называемое божественным правом, близится к концу... Изувеченные губы

крепостного, вассала, трудящегося, парии начинают произносить неясные слова, которые назавтра станут речью, а послезавтра будут евангелием. Выскакивает кляп, вложенный в уста человеческого рода. Довольно шло стезей печали терпеливое человечество и оно больше не хочет итти тем же путем... Слава, о которой возвещает барабанный бой, встретилась с пожатием плечами. Эти громкозвучные герои до сей поры оглушали человеческий разум, который начинает уставать от такой величественной суматохи. Разум закрывает глаза и уши перед разрешенными властью избиениями, которые именуются битвами. Прошли дни возвышенной резни... Гуманность выросла и просит, чтобы ее освободили от всего этого. Пушечное мясо начало размышлять и, подумав хорошенько, перестает восхищаться тем, что из него сделали мишень» *). . . .

. . . .

«Всякий, кто говорит теперь: «сила создает право», совершает акт средневековья и говорит с людьми, которые на сто лет отстали от своего времени. Господа, девятнадцатое столетие прославляет столетие восемнадцатое. Восемнадцатое столетие предлагало, девятнадцатое заключает. И пусть мое последнее слово будет декларацией прогресса, спокойной, но непреклонной.

«Время пришло. Право нашло для себя формулу: — людская федерация.

«Сила называется ныне насилием, и ее начинают судить; война предстает перед судом. По жалобе всего человечества цивилизация отдает приказ начать судебное разбирательство и составляет громадный обвинительный акт против завоевателей и военачальников. Свидетельницей вызывается История. Действительность выясняется. Рассеивается мнимый блеск. Во многих случаях герой — разновидность убийцы. Народ начинает понимать, что рост величины преступления не может уменьшать самого преступления; что если убийство одного человека — преступление, то убийство многих не может служить смягчающим обстоятельством; если красть стыдно, то нашествие не может быть доблестным; что молебны мало прини-

*) Из речи о Вольтере, произнесенной в Париже 30-го мая 1878 года. Любопытно заметить, что речь оратора неоднократно прерывалась аплодисментами и что после нее вся аудитория шумно приветствовала его.

маются при этом в расчет; что человекоубийство есть человекоубийство; что пролитие крови есть пролитие крови; что дело не меняется от того, что называешься Цезарем или Наполеоном, и что в глазах вечного Бога образ убийцы не меняется, если у него на голове императорская корона вместо колпака каторжника.

«Ах, провозгласим непреложную истину! Обесславим войну. Нет, славной войны не существует! Нет, не хорошо и не полезно делать трупы! Нет, не может быть, чтобы жизнь изнемогала в муках ради смерти! Нет! О, матери, стоящие вокруг меня, не может быть, чтобы попрежнему война и грабеж продолжали отнимать у вас детей. Нет, не может быть, чтобы женщины в муках рождали детей, чтобы рождались люди, чтобы народ пахал и сеял, чтобы фермер возделывал поля и чтобы рабочие обогащали город, чтобы промышленность производила чудеса, чтобы гений создавал удивительные творения, чтобы обширная человеческая деятельность под сводом звездного неба умножала свои усилия и создания—для того лишь, чтобы все это приводило к ужасной международной выставке, называемой войной».

Г. Видение войны—Ингерсолля.

«Прошлое восстает передо мной, как сон... Мы слышим звук приготовлений, музыку бурных барабанов,—серебряные голоса героических труб. Мы видим тысячи собраний и слышим призывы ораторов. Мы видим бледные щеки женщин и пылающие лица мужчин, и среди толп видим всех мертвецов, чей прах мы покрыли цветами. Мы не теряем их из виду все время... Мы видим, как они расстаются с любимыми людьми. Некоторые в последний раз гуляют в тихих рощах с обожаемыми девушками. Мы слышим шопот и сладкие обеты, уверения в вечной любви, когда влюбленные расстаются навсегда, оттягивая час разлуки. Другие склоняются над колыбельками и целуют спящих детей. Иные принимают благословения стариков. Иные расстаются с матерями, которые удерживают их и еще, еще раз прижимают к своим сердцам, не говоря ни слова. Поцелуи и слезы, слезы и поцелуи—божественная смесь страданий и любви. А некоторые беседуют с женами и подбадривают их мужественными речами, в которых слышатся отзвуки минувшего, желая отогнать от женских сердец страшную боязнь. Мы видим, как они расстаются. Мы видим жену, стоящую у порога с ребенком

на руках—стоящую под лучами солнца и горько рыдающую. И на повороте дороги он машет рукой—а она отвечает, высоко приподнимая своими любящими руками дитя. Он ушел—и навсегда...

«Мы идем с ними, идем за всеми. Мы рядом с ними на всем пространстве обагренного кровью поля—во всех госпиталях, полных мучений,—во время всех утомительных переходов. Мы вместе с ними на постах во время свирепой бури и под покровом тихих звезд. Мы вместе с ними в оврагах, по которым струится кровь—в бороздах старых пашен... Мы видим их, пронизанных пулями и истерзанных снарядами—в траншеях, у фортов и в вихре атаки...

«Мы дома, когда приходит известие, что они пали. Мы видим девушку, омраченную первой печалью. Мы видим посеребренную голову старца, склоненную под гнетом последнего горя...

«Они спят... под торжественными соснами, печальными елями, плакучими ивами и ласковыми виноградными лозами. Они спят под тенью облаков, одинаково равнодушные к сиянию солнца или к буре, спят все в темном Дворце Покоя...».

Д. Видение будущего—Ингерсолля.

«Встает видение будущего... Я вижу мир, где рассыпались троны и властелины превратились в прах. Аристократия лености исчезла с лица земли.

«Я вижу мир, в котором нет рабов. Человек стал, наконец, свободным. В рабов превращены наукой природы силы. Молния и свет, ветер и волна, хлад и пламя и все сокровенные силы земли и воздуха без устали трудятся для человеческого племени.

«Я вижу мир, в котором нет войны, мир, украшенный всеми видами искусства, наполненный музыкой мириадов голосов, где уста щедро расточают слова любви и истины; мир, в котором не слышно вздохов изгнанника, не слышно жалоб узника; мир, на который не падает тень от виселицы; мир, где труд пожинает все плоды, где работа идет рука об руку с расценкой, где бедная девушка, старающаяся заработать себе иглой на хлеб—иглой, которую называли «ядовитой змеей для груди бедняка»—не принуждена к безвыходному выбору между преступлением или смертью, между самоубийством или позором.

«Я вижу мир без вытянутой руки нищего, без робкого, безжизненного, пристального взгляда бедняка, без жалобной мольбы о по-

мощи, без посиневших уст, полных лжи, без жестокого, презрительного взора.

«Я вижу человечество без телесных и душевных болезней—статное и прекрасное, полную гармонию форм и деяний; и, как мне кажется, жизнь стала продолжительней, радость—глубже, любовь осенила землю. И надо всем сияет в великом Соборе вечная звезда людской надежды».

Эти золотые слова, эти слова, бессмертные по красоте, «словно любовь опьяняют сердца и умы». Они жгут душу огнем, в особенности душу матери, обжигают светлой радостью, великолепным видением незапамятного, непотревоженного наслаждения: Человечество умиротворено—социализировано. Дети в безопасности. Будущее безгранично, прекрасно и ласково для нее и для тех, кто называет ее матерью.

Но еще и еще раз рев пушек прогонит прочь видение. Будущее таит в себе для матери страдание, в особенности для смиренной матери из рабочего класса. Ее муж и старшие сыновья пойдут на войну. Они даже, не отдавая себе отчета, настолько могут пасть, что вступят в местную милицию для местной войны—для несения службы во время забастовок. Любимые ею мужчины отравлены—отравлены тем низким учением, что скотская жестокость есть храбрость, что обнаженная сабля знаменует патриотизм. Они готовы, готовы теперь по команде презренного командира умерщвлять людей, принадлежащих к их же собственному классу, разбивать сердца и насмехаться над слезами работниц-матерей, трудящихся по всему миру.

Все эти матери должны сами защищать себя—теперь же.

Эти матери могут защитить себя только при помощи своих младших сыновей и дочерей—обучая их верности своему классу, что и является новым патриотизмом, который закроет местные оружейные магазины, погонит пристыженного убийцу обратно на фабрику, на ферму, в копи и заставит смолкнуть пушки всего мира.

*

Специальные заметки о «Бой-скоутах Америки».

Все бой-скоутские движения и организации по всему миру—включая сюда Соединенные Штаты—являются безусловно милитаристическими, за одним лишь, только за одним исключением. Цель их состоит в приготовлении мальчиков (переживающих как раз тот возраст, который отличается особенно «воинственными» наклонностями и стремлением к обезьянничанью) различными способами к легкой и успешной вербовке их потом на военную службу, где они будут исполнять за плату роль презренных одураченных олухов, роль обученных истребителей, действующих в интересах правящих классов. Единственное упомянутое выше исключение составляет организация, называемая «Бой-скоуты Америки». Эта организация, во главе которой стоит Эрнест Томпсон Сетон, в качестве начальника скоутов, лукаво отрицает, что она преследует какие-либо милитаристические цели и стремится к каким-либо милитаристическим результатам.

В одной питтсбэргской газете была помещена в 1914 году статья под заголовком: «Что говорят о скоутах их вожди. Организаторы национального военного движения в среде мальчиков будут выступать с речами на банкете. Сплачивание их рядов... Эрнест Томпсон Сетон и Джон Бордмэн будут говорить о методах, целях и результатах движения».

Если бы позволило место, то здесь можно было бы привести очень много фактов, чтобы обнаружить лицемерие лиц, получающих субсидии и являющихся организаторами якобы не-милитаристического общества «Бой-скоутов Америки». Для иллюстрации такого гнусного лицемерия мы приведем шесть фактов.

Первый факт: «Рольф в лесу». Это история мальчика, написанная начальником скоутов, Сетоном. Об'явлению об этой книге посвящена почти целая страница в официальном «Справочнике» организации за 1911 год. Рольф—герой, очаровательный военный герой этого рассказа, отравляющего воображение мальчиков. Вот выдержка из об'явления: «Рольф в лесу», приключения бой-скоута... во время войны 1812 года... История его жизни заставит сердце каждого мальчика или мужчины забиться быстрее от завистливого восхищения. Наиболее занимательна та часть рассказа, где Рольф прилагает на практике все свои новые познания (он обучен, как бой-скоут), как смелый бой-скоут, во время войны 1812 года».

Второй факт. В справочнике организации несколько страниц посвящено обучению «Патриотизму и гражданственности, примеры которых были явлены во время американских войн», слепому преклонению перед флагом и слепому патриотизму, невзирая на то, какая организация промышленных тиранов едет верхом на народе и лукаво размахивает флагом из «патриотических чувств».

Третий факт. В одной из газет была помещена длиннейшая статья о бой-скаутском движении вообще, с 28 рисунками, иллюстрирующими тему. Все рисунки в высшей степени содействуют тому, чтобы превратить в солдат мальчиков, переживающих героический и подражательный возраст.

Четвертый факт. Военное министерство с большим энтузиазмом поощряет «Бой-скоутов Америки», как оно вообще поощряет все другие бой-скоутские организации.

Теренций Винсент из Чикаго написал письмо президенту Тафту, главнокомандующему армией и флотом, спрашивая его, какого он мнения о военном значении «Бой-скоутов Америки». Письмо г. Винсента было передано для ответа в военное министерство. Немедленно г. Винсент получил от начальника штаба, генерал-майора Вуда, письмо с изложением взглядов на организацию «Бой-скоутов Америки». Заключительные строки письма гласят:

«Несомненно, что мальчик, который является хорошим скоутом, будет и хорошим солдатом. Несомненно также, что если ко всем требованиям будет добавлено требование уметь обращаться с винтовкой, то первоклассный скоут будет обладать почти всеми теми данными, которые необходимы для обучения строевых солдат. И если дети усвоят себе принципы честности, отваги, верности и патриотизма, то отряд, созданный из их рядов, выдержит сравнение с любой организацией для вступления на службу Соединенных Штатов».

Нужно запомнить, что многие из бой-скоутов во всех странах мира действительно проходят занятия с винтовкой. Можно часто видеть, как они разгуливают взад и вперед по улицам Нью-Йорка, на пути в церковные помещения или оружейные магазины, или обратно, с винтовками на плечах. Вместо настоящих ружей, мальчики из общества «Бой-скоутов Америки» получают посохи, с которыми их учат обращаться точно так же, как солдат обращению с винтовкой.

В Австралии бой-скоутов принимают с тринадцатилетнего возраста. Два года их дрессируют, не давая им ружей. По достижении пятнадцати лет они начинают учиться ружейным приемам.

Пятый факт. 10 февраля 1912 года основатель бой-скоутского движения, генерал-лейтенант Баден-Пауэлл присутствовал на большом смотру, имевшем место в манеже Семьдесят Первого полка в Нью-Иорке. На смотру присутствовали выдающиеся военные, принадлежащие к составу американской армии, чтобы посмотреть, как тысячи бой-скоутов Америки из Нью-Иорка и ближайших штатов и несколько отрядов мальчиков из других организаций в течение нескольких часов показывали свое искусство в различных скоутских упражнениях. Были ли эти упражнения или нет милитаристическими, подражали ли они и изображали ли они или нет в сильнейшей степени солдатскую жизнь, войну и милитаризм, обо всем этом можно судить по следующим выдержкам из важнейших *капиталистических* газет Нью-Иорка от 11 февраля 1912 года.

«Times»: «Пять тысяч бой-скоутов «Америки», большинство из них из штатов Коннектикет, Нью-Джерси и Нью-Иорк, приветствовали с шумом и гамом прибытие генерал-лейтенанта сэра Роберта Баден-Пауэлля в манеж Семьдесят Первого полка... Тысячи гордых матерей и отцов, сидевших на галлереях манежа, были, пожалуй, больше удивлены, чем сэр Роберт. Но это только показало нам, как сказал позднее один из начальников скоутов, что наша родина не будет знать никаких помех, пока она может хвастаться такой армией бой-скоутов для защиты своих интересов и достоинства.... Было разыграно примерное сражение... демонстрировалась разбивка палаток и перелезание через высокие стены. Скоуты, конечно, только играли, но тем не менее они принимали все всерьез... Они строили мосты и высокие башни, раскладывали лагерные костры, делали носилки для павших на поле срежения. Все время оркестр из тридцати пяти инструментов играл военные пьесы».

«World»: «....Генерал-лейтенант Баден-Пауэлл в военной форме скоута... был встречен восторженными криками со стороны массы мальчиков, выстроенных во фронт вдоль зала... На большой эстраде выступало одновременно до десяти отрядов мальчиков; они делали сигналы и показывали разные приемы, передавали эстафетные приказы, демонстрировали обращение с посохами, строили мосты, строили

платформы, к которым должны были быть присоединены мостовые сооружения, передавали сигналы, связывали посохи для устройства палаток... оказывали первую помощь пострадавшим и изображали всевозможные штуки из лагерной жизни... или из боевой жизни... Другая группа перевязывала десяток раненых на поле битвы и спешно уносила их на перевязочный пункт. Это была сцена лихорадочной деятельности, представлявшая не что иное, как поле сражения».

«Sun»: «....Два оркестра играли пьесы военного времени... Бо̀льшая часть времени после полудня была занята сценами, изображавшими военные действия мимически на учебной эстраде... Мальчики были в однообразной форме хаки, в широкополых шляпах; вместо ружей у них были посохи».

Точно так же другие столичные утренние газеты сообщают об этом великом для бой-скоутов событии, как о наводящем на мысли о войне и милитаризме. Впечатление направления было вполне отчетливым, совершенно безошибочным, и оно было милитаристическим. Дети пыжились от солдатской гордости, чванились по примеру солдат, приходили в дикий восторг, что они являются солдатами, что они похожи, что они поступают, как солдаты, что они заняты солдатским ремеслом.

Шестой факт. Организация «Бой-скоуты Америки» много хвастается тем, что она учит детей правилам морали. На странице 10 справочника для мальчиков из организации «Бой-скоуты Америки» сказано: «Каждый мальчик должен запечатлеть в памяти следующую сокращенную форму законов скоута». Затем идут двенадцать особых моральных наставлений, которым учит организация. Эти двенадцать правил морали те же самые, которым японское правительство обучает в казармах своих солдат, как во время войны, так и во время мира,—и обучает для военных целей.

Барон Кентаро Канеко, член палаты пэров Японии, говорил между прочим в публичной речи, которую он произнес у себя на родине: «Больше того, в течение долгого времени мы обучали своих солдат, чтобы при помощи правил морали содействовать образованию характера воина. Эти наставления были об'явлены императором для руководства и для соответствующего поведения его солдат». Далее идет цитирование бароном наставлений, которые заучи-

вают японские солдаты, и это те же самые наставления, которым учат бой-скоутов Америки.

«Цель бой-скоутского движения, относя сюда и организацию «Бой-скоуты Америки», состоит в том, чтобы придать некоторым сторонам и занятиям солдатской жизни такую привлекательность, перед которой не сможет устоять воображение маленького мальчика и от которой он не может не прийти в восторг—совершенно так же, как изящные движения, нежная окраска и пестрые полосы на теле смертоносной змеи дают возможность гадине зачаровать тех, кого она хочет ужалить на смерть или раздавить в своих сильных кольцах. Капиталисты при помощи бой-скоутских организаций, коварно прибегая к низким приемам, играют на великом законе природы—на законе стремления молодых особей подражать более взрослым.

«Движение бой-скаутизма, включая сюда и организацию «Бой-скоуты Америки», есть организованное, коварно субсидируемое усилие вызвать в мальчиках стремление к убийству, любовь к оружию, желание пожить солдатской жизнью и безмозглое автоматическое солдатское повиновение. Скоутское движение—*это движение подражательно-солдатское.* Как можно больше мальчиков хотят ослепить блеском стали, оглушить треском барабанов, затуманить мундирам и лестью, оболванить дрессировкой и маршами, соблазнить ленточками, «Тедди»-шляпами, куртками-хаки, медалями, портретами, пикниками и привольной жизнью в палатке в лесу—хотят внушить им глупую признательность коварным толстосумам, субсидирующим движение, которые замышляют получить таким путем загипнотизированную рать обученных вооруженных стражей, готовую для использования ее на тот быстро приближающийся случай, когда миллионы будут получать уменьшенную заработную плату, а еще бо́льшие миллионы будут выброшены на улицу в ряды голодной, униженной и дошедшей до отчаяния армии безработных.

«Волю мальчиков умерщвляют путем различных методов дрессировки и превращают эту волю в добродетель, украшающую раба—в повиновение. Повиновение, как следует вам запомнить, есть лучшая добродетель бой-скоута. Повиновение—слово, которое имеет невероятное значение в истории организованного грабежа рабочих шулерами. Повиновение, автоматическое повиновение, было прежде и

теперь является проклятием для рабочего класса,—на повинующегося раба всегда смотрели, как на раба *примерного*».

Бой-скоутское движение, включая сюда и организацию «Бой-скоуты Америки», это—самая бесстыдная, самая хитрая и самая опасная затея, которую очень хитро и в то же время весьма настойчиво поощряет капиталистический класс Соединенных Штатов. Рабочий класс должен или уничтожить бой-скоутское движение, или стать его жертвой.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Крест, пушки и кассовая книга.

«Ни одна страна никогда не могла длительно удержать за собою первенствующего положения, если сыны ее оставались молчаливыми свидетелями совершающихся гнусных деяний».—Джемс Рэссель Лоуэлл.

* * *

Заговорите же, заговорите—вы, предводители обреченных на труд масс, на защиту которых так смело встал Великий Христос Миролюбец!

Заговорите же!

Обличайте скотов, предающих покорных последователей Христа!

Заговорите же! Для вас нет извиненья, если вы будете молчать!

Заговорите вызывающе-смело и беспристрастно!

Почти две тысячи лет вы держите в своих руках разум большей части человеческого рода. Проповедывали ли вы когда-нибудь о мире—по существу?

Взгляните—видите ли вы зияющую рану—войну—в груди рабочего класса?

Денег, которые тратятся на милитаризм во всем мире в течение сорока восьми часов, хватило бы на издание книги в 150 страниц, направленной против войны и напечатанной в таком количестве экземпляров, что каждому умеющему читать можно было бы дать один экземпляр. Вместо постройки двух первоклассных боевых судов

можно было бы заказать, почти на те же деньги, три ежегодных проповеди, направленных против войны, во всех 160.000 церквей Соединенных Штатов, считая по 50 долларов за проповедь.

«Нет никакого сомнения, что вожди христианства, следовавшие по времени непосредственно за Христом и от которых дошло до нас аутентическое истолкование Его учения, были безусловно уверены, что их Господь запретил христианам убивать людей на войне или вступать на службу в легионы. Одним из главнейших различий между римлянами-не-христианами и римлянами-христианами был отказ последних от поступления на службу в легионы и от связанного с военной службой убийства себе подобных по приказу начальства».

С нетерпением мы ищем по всему миру, где бы найти убежище от адских ужасов войны.

Вот! Здесь церковь—церковь со своим громаднейшим влиянием. И она внушает: «Мир и благожелательность ко всем людям».

Церковь?

Церковь ли спасет нас от войны?

Увидим!

Читатель, будем всегда широко раскрывать наши души для каждого человека и для всякого влияния, если оно будет настолько значительным, чтобы оздоровить нас в общественном смысле слова.

Искренно говорю, я восхищаюсь каждым великим священником, каждым великим раввином, каждым великим проповедником нашего времени, который слишком прекрасен, слишком горд, слишком благороден с общественной и международной точки зрения, чтобы отдавать внаймы свой красноречивый голос генералам-от-промышленности для связанных с кровопусканиями торговых предприятий—завоеваний мечом и пушкой мировых рынков и для столь же скотского занятия—для благосклонного грабежа обширных стран, предназначаемых для свинской их эксплоатации жадными до денег капиталистами.

Такие люди мужественны, безбоязненны. Обратимся к ним с приветом: «Смелее, благородные друзья!»

Эти великие священнослужители смело отказываются низкопоклонничать перед промышленными и политическими хозяевами и не желают вопить о войне.

Эти великие проповедники вызывающе смело отказывают Цезарю и Шейлоку, становятся рядом с Миролюбцем и относятся с отвращением к войне.

Эти великие раввины благородно отказываются разжигать тигра, таящегося в груди каждого человека, и тем самым не хотят приготовлять людей для войны.

Но, к несчастью, в настоящее время все эти великие смелые души находятся в беспомощном меньшинстве.

И поэтому перед нами снова возникают следующие вопросы, жгучие вопросы, ждущие немедленного ответа:

На какой путь должен обратиться рабочий класс, чтобы найти избавление от проклятия войны?

Кто освободит рабочий класс от циклонов свинца и стали?

Церковь? Священнослужители?

Займемся рассмотрением этого вопроса.

Во время оно, когда введенные в заблуждение воины «господствующей» церкви умерщвляли из патриотических чувств Великого Плотника, «господствующая» церковь Его страны лицемерно рассчитывала на языческое римское правительство, просило у языческого правительства содействия и понуждала язычников-солдат умертвить Иисуса Христа. И ныне христианские церкви льстят солдатам, «рассчитывают на правительство» (все это «христианские» правительства) во время всех без исключения войн и тем самым отказываются встать на защиту рабочего класса и охранять его от меча и пушки; отказываются вытащить штык из груди покорного рабочего класса; отказываются защищать женщин-работниц от крови и слез во время войны; отказываются прикрыть щитом лица маленьких детей рабочего класса от стальных подков несущегося галопом коня войны.

Эта глава посвящена обсуждению одного из бедствий людского рода, чтобы показать деспотизм денег, чтобы показать тиранию экономического элемента человеческой жизни. Позвольте мне заявить здесь самым искренним образом, что эта глава написана без какого бы то ни было, хотя бы самого малейшего чувства злобы по отношению к церкви. Сама церковь учила меня «говорить правду».

Прекрасно, так вот здесь только правда, только голая правда, которую необходимо высказать, потому что она так жизненно-важна для сотен миллионов трудящихся:

Три могущественных рати Христа, проповедника мира, православная церковь, римско-католическая и протестантская, все они, находясь в состоянии жестокой войны одна с другой и защищая промышленный деспотизм, именуемый капитализмом, отказываются, положительно отказываются *об'единить* свои могущественные голоса в смелом и *действительном* выступлении против войны; отказываются таким образом помочь снять огромное бремя и проклятие войны с согнувшихся от труда плеч рабочего класса; отказываются снять терновый венец войны с чела труда. Рабочий класс, миллионы рабочих, столь же искренно любящих Христа, как я, должны ознакомиться и стать лицом к лицу с тем фактом, что церковь Великого Плотника, Христа, отказывается спасти рабочий класс от периодического крещения кровью и огнем, которое называется войной.

«Вложи меч свой», сказал Христос.

«Дело остается делом! Дело не признает никаких сентиментальностей! Мы должны завоевать мировые рынки», говорят капиталисты.

И здесь дороги расходятся для подхалимов и для людей, для раболепствующего служаки и для пророка, для оскопленного и для мужчины.

В 1898 году некто проживал в маленьком западном городке и собирал заметки. В это время в городе был организован отряд из местных рабочих, которые добровольно уходили на Кубу умерщвлять рабочих, состоявших на службе в испанской армии, и давали таким образом лишний удобный случай американским капиталистам. В день отправления добровольческого отряда тысячи людей собрались в большом общественном сквере, окружая местных волонтеров. Вдруг, когда общее внимание было особенно напряженным, на средину сквера выдвигается при заботливом содействии одного банкира высокий стол. Поспешно кроткий смиренный последователь миролюбивого Христа—какой-то проповедник—занимает место на столе; глаза его пылают ненавистью, грудь геройски выпячена колесом. Все обнажили головы. Все головы, кроме двух, склонились в молитве. С поднятой головой и с широко открытыми глазами проповедник

обратился, словами молитвы, к аудитории. Обратив взор к небу, проповедник упоминал в молитвах имя Бога и терзал уши слушателей. Этот «красноречивый натиск» совершенно не походил на «моление втайне». Молитва была «сильна». Эта молитва была посягательством—посягательством на лучшие чувства, которые расцветают в человеческом сердце, на чувства братства всех людей.

Но что из того? «Дело остается делом!»

Эта красноречивая молитва наэлектризовала громадную аудиторию. Проповедник сделался поджигателем—он учинил поджог. Его свирепая риторика воспламенила доверчивые души молодых людей, смиренных женщин, невинных мальчуганов и нежных девочек. С лукавым, коварным красноречием он льстил волонтерам-рабочим, покуда они не выпрямились гордо в сознании своего мужества и не стали облизывать губы, предвкушая кровь почти столь же невежественных испанских рабочих; льстивыми фразами он вкрадчиво восхвалял простых женщин, которые выносили «храбрых молодцов», готовых теперь итти на бойню, восхвалял их до того, что они, кроткие, смиренные матери, преисполнились чувством гордости, знакомым только матерям сильных людей; восхвалял их до того, что они засияли от дикой радости, что ими рождены эти мужчины, которые горели в эту минуту от нетерпения итти умерщвлять покорных тружеников, вышедших из рабочих жилищ Испании. Искусно пользуясь силой фраз и голоса, проповедник восхвалял стоявших тут же мальчуганов, возносил молитвы о «ниспослании новых храбрых юношей, которые в грядущие годы встали бы на защиту флага»—осыпал их ласковыми словами, покуда бедняжки не стали мечтать о том времени, когда они будут мужчинами, чтобы и им можно было пойти рубить на войне мясо покорных рабочих—где бы война ни загорелась, все равно как, зачем, когда. А потом, дав волю хитрым намекам и вульгарной смелости, сей прекрасный сводник капиталистического класса грубо набросился на святая святых, дал пищу невинному воображению присутствующих тут нежных, маленьких девочек, по-скотски оскорбил священные инстинкты материнства, свойственные кротким маленьким девственницам, покуда эти играющие еще в куклы юницы почти не пришли в возбуждение от смутной, но страшной надежды, покуда их лица не залила краска смущения в предвидении той патриотической роли, которую и им,

может-быть, придется играть в будущем, посылая на фронт своих сыновей-убийц.

Проповедник окончил. Проповедник закатил прекрасные темные глаза и яростно проревел: «аминь!».

Он сделал *свое* дело. Он сыграл *свою* роль. Души были заклеймены. Чувство братства было задушено в сердцах доверчивых рабочих—удалено элегантным (и благочестивым) красноречием.

Затем тысячи покорных рабочих двинулись оттуда на вокзал, шествуя посреди улицы, маршируя позади солдат. Полдюжины банкиров, дюжина адвокатов и многие другие «передовые дельцы» немного замешкались, вышли из своих экипажей, окружили проповедника и поздравили его «с великолепным выступлением»; это послужило для него платой за красноречивую лютость. Прекрасно одетые дамы из «лучших семейств в городе» подали проповеднику затянутые в перчатки ручки и буквально целовали его взглядом своих глаз, в которых светилась добродетельная и ласковая нежность; и это послужило для него платой за то, что он заклеймил души мужчин, женщин и малых детей раскаленным железом ветхозаветной лютости. Эта дикая молитва доставила проповеднику большую популярность в городе; и это послужило для него платой за его благородную лютость. С этого времени он стал чувствовать себя более уверенным, в смысле обеспечения себе работы; и это послужило для него платой за его духовный раж и патриотическое старание, за его звериное рычание цивилизованного дикаря. В течение некоторого промежутка времени церковные сборы были крупнее; и разумеется, это тоже послужило для него платой за его службу кассовой книге и за то, что он разыграл роль предателя Князя Мира.

Прекрасный проповедник сделал чудо. Он так старательно привлек внимание «храбрых молодцов» на испанцев, что доверчивые волонтеры не заметили ничего странного в том факте, что сильные, здоровые банкиры, законники, купцы и проповедники (конечно, все до одного патриоты)—с вороватым спокойствием кота на ковре—остались дома как раз в такое время, когда «совершались великие, славные и патриотические деяния» и можно было выказать мужественный героизм.

Без сомнения, не один израненный осколками снарядов солдат валяясь в собственной крови, с грудью, почти раздавленной копытами стремительно несущихся кавалерийских лошадей, с переломанными костями, трущимися друг о друга при каждом движении, со стоящими еще в ушах ревом пушек, проклятиями, молитвами, воплями, рыданиями и стонами умирающих товарищей, вспоминал о своем откормленном, сладкоречивом пасторе, который сидит где-то там дома (и в безопасности), о том *хорошем*, *милом* человеке, который зажег сердца, его и его сотоварищей-бойцов, «жаждой смерти и грубого истребления», который помогал заманить обманом и его и его сотоварищей на поле людской бойни. Нет сомнения, что многие члены рабочего класса глубоко надеются, что служители Миролюбца Христа об'единятся теперь и используют свое громадное влияние для борьбы с войной, чтобы изгнать с земли кровавого демона, не давать ему больше возможности опустошать жилища смиренных людей.

Напрасная надежда!

Много лет тому назад хитрый, циничный (и заботливо крещеный) Наполеон Бонапарт заметил с едкой иронией: «Бог всегда на стороне того, у кого больше батальонов».

Ныне нетрудно видеть, что не Христос *), а церковь Христова стоит на стороне дельца и политического деятеля, когда дело касается войны.

И поэтому штык все еще всаживается в грудь рабочего класса.

Так крест осеняет пушку.

Ну, в самом деле, разве последователи кроткого Христа-Миролюбца сделают теперь что-нибудь, чтобы смести войну с лица земли?

Более чем вероятно, что они не сделают ровно ничего,—пока война выгодна для «передовых граждан».

«Передовые граждане» и в действительности ведут за собой. Они капиталисты. И в промышленности и в политике капиталисты держат весь мир за горло. Они силой заставляют и рабочих и проповедников служить своим честолюбивым замыслам и своей политике. Их цель: прибыль, больше прибыли, как можно больше прибыли. Их политика: новые рынки и новые территории для получе-

*) См. главу восьмую, отделы 13 и 14.

ния бо́льших прибылей, во что бы то ни стало, при полнейшем презрении к Конфуцию, к Будде, к Христу, при бесстыдном презрении к святости человеческой крови. Они прикажут, если понадобится, то-есть, если этого потребует дело, коммерческие соображения, они прикажут высоко-оплачиваемым генералам омыть землю кровью презираемых в обществе рабочих, а сами «передовые граждане» будут сидеть в безопасности в своих пышных дворцах, изображая из себя патриотов, и в «святой день субботний» будут, само собой разумеется, заставлять оплачиваемых ими пасторов возсылать моления и вопиять о забрызганных кровью победах.

Такова история правителей в области промышленности.

Такова нынешняя политика правителей в области промышленности.

Такова будущая программа правителей в области промышленности.

И поэтому проповедник должен приветствовать кассовую книгу и святить пушку или же лишиться работы, как всякий другой наемник, который не может угодить своему *экономическому* хозяину.

«Дело остается делом»—*это* «закон и евангелие» капитализма.

Займемся еще немного рассмотрением этого вопроса.

Когда на мировой сцене разыгрывается война, то яркие огни так ослепляют, что трудно заметить на заднем плане, так сказать, «в боковых кулисах», «передовых граждан». Например:

Американцы все еще рукоплещут и орут «ура» в честь «благородного нашего президента-христианина» за его роль в установлении мирных отношений между Россией и Японией. Но почему же, вот именно, почему же «благородный президент-христианин» не вмешался благородно на несколько месяцев раньше своего вмешательства? В течение целых месяцев перед этим кровь десятков тысяч покорных рабочих—солдат обеих армий—струилась потоками по холмам Манджурии. Но со стороны «благородного президента-христианина» (так пылко хваставшегося недавно «своим» собственным благородным поступком—убийством на Сан-Хуанском холме) не последовало никакого вмешательства.

Постараемся понять.

В течение многих месяцев казалось, что христианская Россия наверное выиграет войну и поэтому окажется в состоянии выпла-

чивать проценты по капиталам и самые капиталы, *помещенные американцами в России.* Позднее кредит русского правительства и самой России сделался весьма непрочным. Немедленно закулисные акторы-капиталисты, вложившие деньги в русские предприятия, надавили пружину, оказали на наше правительство воздействие—и тогда, только тогда и не раньше, президент Рузвельт кинулся к рампе мировой сцены и стал визжать и вопить о мире.

В течение многих месяцев, пока из миллионов ран лилась потоками кровь японских и русских рабочих, пока покорные жены и дети этих «простых» людей сходили с ума от горя, все это время «наш благородный президент-христианин», как и *все другие христианские правители,* был молчалив, словно рыба; но лишь только опасность стала угрожать капиталам и процентам американских паразитов,—как наш «благородный президент-христианин» немедленно стал благородно-шумливым и коварно-благочестивым и миролюбивым.

И это прекрасный образчик того, как «христианские правительства» содействуют достижению мира.

Ни разу церковь не побуждала к миру и не поднимала разговоров о мире, ни разу церковь не оказывала своего могущественного влияния на нашего президента или на главу какого-нибудь иного правительства, чтобы добиться заключения мира *).

Наш кроткий президент-христианин, г. Рузвельт, глава самой величайшей на земле христианской республики, недавно заявил рукоплещущим слушателям-христианам: «Мне нужны для армии молодые люди, не только желающие, но горящие нетерпением сра-

*) Мало утешительного в том, что весьма крупное и весьма распространенное во всех странах, общее им всем, помещение капиталов в иностранных государственных и частных облигациях имеет во всяком случае тенденцию к охлаждению воинственного пыла капиталистов, покупающих процентные бумаги. Дело в том, что в некоторых случаях военный разгром может привести к отказу от признания обязательств и в большинстве случаев может легко привести к длительному временному уменьшению дивидендов, получаемых от помещения капитала в промышленных предприятиях. Еще здесь нужно заметить, что иногда держатели бумаг, выпущенных неустойчивым государством, собирающимся об'явить войну, могут опасаться грозящей войны и будут поэтому восставать против нее и даже откажутся

жаться», т.-е. *горящие нетерпением* убивать. Такое гнусное стремление следовало бы освистать. Кровожадные христиане-цари России, жаждущие крови цезари древней языческой Римской империи, начальники диких племен и современных республик—все древние и современные, дикие и цивилизованные правители-герои, восседающие на тронах и стоящие ногой на шее народов—все эти задиры всегда чрезвычайно хотели иметь в армии «молодых людей, не только желающих, но горящих нетерпением сражаться»—т.-е. желающих и горящих нетерпением перерезать глотки своим соотечественникам в междуплеменном или международном кровавом пиршестве, которое зовется патриотической войной.

И всегда, с тех самых пор, как общество было организовано впервые по плану *классового* труда, организованные «духовные вожди» общества помогали правительству, вступали в союз с героем-правителем ради правящего класса.

Господин Рузвельт для нравственного совершенствования и духовного руководства тех маленьких мальчиков, которые могут прочесть его геройские воспоминания о себе самом, в качестве воина-патриота, выставляет на вид с видимой гордостью, что он застрелил испанского солдата (вероятно, смиренного рабочего) в спину, когда бедный, невежественный, перепуганный парень пустился бежать с кровавого поля *). Господин Рузвельт настаивал, как указывалось на стр. 266, в собственноручном письме, чтобы в государственных школах для юношей была введена учебная стрельба из винтовок—в предположении, что молодые люди сделаются «не только желающими, но горящими нетерпением сражаться». И цер-

---

приобретать облигации военных займов *перед об'явлением войны*, чтобы охранить те капиталы, которые уже вложены. Но, как только разразится война, те же самые держатели, которые перед этим высказывали сожаление, чувствуют себя почти вынужденными приобретать вновь выпускаемые облигации военных займов, чтобы обеспечить победу той стране, облигации которой уже находились в их руках, и сохранить тем самым рыночную стоимость прежних облигаций. В таком положении очутились во время недавней русско-японской войны французы—держатели русских государственных и частных обязательств на сумму, превышающую миллиард долларов.

*) См. главу седьмую, отдел 17.

ковь Кроткого Христа не посмела обличить «великого президента-христианина» за то, что он содействовал такому варварскому посягательству на зарождающуюся в душе школьника общественную совесть и на его лучшие чувства человеческого братства.

Недавно одна школьная учительница в Вашингтоне, где сильнее всего сказывается этот хвастливый бульдожий патриотизм, обратилась к школьникам с вопросом: «Что такое патриотизм?». Ей ответили: «Истребление испанцев!». Так развращают маленьких детей, гнусно внушая им, что гадкая расовая ненависть есть патриотизм. Но церковь не осмеливается выступить на защиту «малых сих» с криком: «Прекратить это! Болтливый предатель! Перестаньте вливать яд в сердца беспомощных маленьких ребят!».

«Если правит герой, а народ весь
«Замуштрован, запуган и загнан,
«Если служит война там евангельем,
«То гордиться держава не в праве ли?»
(Суинбэрн—«Обращение к стране»).

Вполне естественно, что никакого протеста не было.

Работники удивляются, почему—

Работницы удивляются, почему—

Дети удивляются, почему—

Почему христиане-императоры, христане-короли, христиане-цари и христиане-президенты, христианские парламенты, конгрессы, собрания и кабинеты всего христианского мира не созывают немедленно всемирного с'езда христианских правителей христианского мира и не об'являют на таком с'езде сразу же, что никогда, никогда больше, ни *при каких обстоятельствах* не должно быть войны между двумя христианскими нациями?

Да, правда, почему они этого не делают?

А вот почему: христианские нации—это капиталистические нации, существующие для класса капиталистов. Каждая великая европейская нация знает, что нужно найти иностранный рынок для сбыта *слишком уж обременительного излишка* благ, которого капиталисты страны не потребляют или не размещают и который не позволяют потреблять своему рабочему классу в силу существующей системы заработной платы. Каждая из этих наций знает,

что *иностранный рынок нужно найти, открыть и охранять*—если понадобится, то даже при помощи христианского меча и пушки—чтобы капиталисты этих стран могли получать побольше прибыли. Разумеется, если во что бы то ни стало нужно найти рынки, то христиане, евреи, магометане, буддисты, конфуциане—в жадной погоне за барышом—топчут ногами все прекрасное, насмехаются над всем благородным, плюют в лицо каждому мирному человеку и вопят: «Осади назад! Осади назад! Тащите сюда пушки! Дело остается делом! Для дела не существует никаких сентиментальностей! К чорту мягкотелых! Мы занимаемся делом—для получения *барышей!*»

В такое время христианские проповедники, священники и епископы воюющих наций — за немногими благородными исключениями — с развязностью и высокопарностью презренных «воинствующих пастырей» быстро выходят на авансцену, освящают пушки, благословляют мечи, совершают таинство крещения над мясниками и, с обеих сторон, с благочестивой дикостью взывают к «Богу битв», а также к «Богу мира», прося о победе «в этой справедливой войне», о победе в этом «крестовом походе во имя Христа», о победе в этом «славном подвиге, направленном *к расширению Его царства*»,—конечно, при этом всегда, всегда упоминается какое-нибудь полное величия имя, какая-нибудь пышная фраза, чтобы прикрыть ужасное и благочестивое убийство.

Освященные оптовые убийства—во имя Миролюбивого Христа!

Даже каждое истребление в России мирных евреев санкционируется православной церковью,—а католическая и протестантская церкви и христианские правительства мира *не* об'единяются, не требуют мира для мирных евреев.

«Бог творит Свои чудеса неисповедимыми путями»,—так благочестиво поучали нас.

Действительно неисповедимыми! Весьма!

Но нет ничего *таинственного* в том, почему все проповедники, священники и епископы, сторонники войны, не умерщвляются на полях сражений и почему их не с'едают коршуны, когда заканчивается пиршество пушек. Все эти господа слишком интеллигентны, слишком хитры—для того, чтобы попасть к коршунам на обед.

Каждый выдающийся профессиональный мясник современной эпохи был «человеком с положением» в своей среде, и об его скверно пахнущей кровью известности говорят с гордостью.

Это таинственно?

Всех солдат благословляют, когда они отправляются на «пиршество смерти».

Проповедник освящает разбойника.

Штык приготовляется—с молитвой—для всаживания в брюхо труженика.

Каждая война об'являетсл как бы «таинственной волей Господа»; и канониры, посылающие снаряды в город или село и подвергающие обстрелу беспомощных женщин и детей, являются «служителями Господа»—тоже «таинственно».

И так под страшный аккомпанемент пушечного рева сваливают крест в кровавую лужу, где умирают люди, посылая проклятия проповедникам, сидящим в безопасности дома, которые помогли заманить их обманом в ад, называемый войной. И так тоже дух великого братского Христа покидает обманувших и обманутых—и Христа распинают вновь.

Потому что это выгодно.

Так у всех христианских народов Крест осеняет предупредительно окровавленное жерло пушки—и кассовую книгу.

Дело остается делом; правители управляют, и золото есть бог.

Так все происходит при капиталистическом строе.

Читатель, назови хотя бы одну «гражданскую» или международную войну современной эпохи, предупрежденную властно, действительно церковью Человека-Миролюбца *).

Хотя бы только одну!

Но все равно! Еще задолго до умерщвления Плотника наши братья по рабочему классу уже поставляли кровь и слезы—дешевую кровь, дешевые слезы—по сорок центов в день для солдат американской «регулярной» армии в лето от Рождества Христова 1910-е!

Знайте, труженики: капиталисты поставили проповедника в безвыходное положение—приперли его к стене. Рабочий класс должен сам быть своим спасителем от ужасов войны. В десятой главе я

*) См. главу четвертую, отдел первый.

об'ясню, как это можно сделать и как это уже начинает теперь делать рабочий класс.

Но рабочим не мешало бы почерпнуть из истории и ясно представить себе такой великий урок: священнослужители и религиозные вожди, за немногими благородными отдельными исключениями, в прошлом *защищали личное рабство* с его невыразимыми ужасами для рабочего класса; они *защищали крепостничество* с его адом для рабочего класса; постыдно защищали все христианские внутренние и внешние войны современного капитализма, воссылая с обеих сторон моления, обращенные к «Богу битв», и прося «славных побед», невзирая на потоки крови, хлещущей из миллиона ран в истерзанной груди *рабочего* класса.

В современную эпоху стезя человеческого прогресса мокра и скользка от трупов и крови презираемых обществом рабочих—а церковь не отнеслась *с презрением* к поклонникам кассовой книги и *не требовала* мира.

Не опороченный, вполне горделивый поклонник кассовой книги, делец, выпаливает: «Для дела не существует никаких сентиментальностей».

Этого положения—«никаких сентиментальностей»—вполне достаточно, чтобы заставить покраснеть людоеда. Однако, такое учение составляет сущность капитализма.

Если для дела не существует никаких сантиментальностей, тогда, значит, для дела не существует и братства, ибо братство людей есть высшее и прекрасное чувство.

Так дело гонит прочь Христа и крест отступает перед атакой, которую ведет на него кассовая книга.

Но безусловная и печальная правда, что дело, дело, вызывающее соперничество, слишком ничтожно, слишком мелко, слишком поволчьи свирепо для глубокого и истинного братского чувства. То же приходится по правде сказать о великом *классовом* соперничестве, *о классовой* борьбе, ожесточенном столкновении *классовых интересов в промышленности.*

А где нет глубокого и истинного чувства братства, нет великого «обобществленного» *единства интересов*, направляющегося от центра общества к его периферии, касающегося всех, там *мир невозможен.*

Таким образом в великом соперничающем деловом мире все ведут себя, как ссорящиеся собаки,—рука каждого дельца готовится отразить руку всякого другого дельца, конкурирующего с ним в одном и том же «направлении», чтобы «вышибить его вон» и тем самым «расширить свое дело».

Так соседи ведут между собой войну, вступая в безбожные схватки ради дел.

Точно так же народы, яростно сражаясь за рынки и территории, находятся между собою в состоянии войны—войны коммерческой—и иной раз нуждаются в пушке и мече (см. стр. 44—45).

Теперь обратите внимание: дельцы-христиане во время такой злобной безбожной свалки, называемой делом, *должны придать этой свалке* несколько *более «почтенный» вид*. Для этой цели лучше всего подходит священнослужитель. Дельцам нужен священнослужитель—«им он нужен для их дела»—чтобы освящать и прославлять избранные ими пути и способы, хотя бы даже это были меч, пушка и человекоистребление в обширных размерах, именуемое войной.

«Вложи меч свой», сказал Христос.

«Дело остается делом! Благословите мясника! Оттачивайте поострее меч», командует делец.

Но «никто не может служить двум господам».

Здесь священнослужитель, совершенно так же, как и каждый «простой рабочий», становится лицом к лицу с тем фактом, с той силой, которая является самой преобладающей в жизни человека: а именно с *экономической необходимостью*. Проповедник и пальщик, раввин и портной из мастерской, где «выжимают пот», священник и штукатур—все они должны *жить;* им нужно «*иметь средства к жизни*». Но капиталист держит под своим контролем все случаи «получения средств к жизни». Простой рабочий человек оказывается в затруднительном положении. Священнослужитель тоже оказывается в затруднительном положении—*хотя он может быть—и очень часто бывает—одним из самых благородных людей на свете, но он все-таки оказывается в затруднительном положении.* Эта *экономическая сила* давит их обоих совершенно одинаково. Им нужно жить. Чтобы жить, им нужно стать на колени перед владыкой—перед промышленным владыкой.

Повиноваться или сдохнуть с голода.

Отсюда неизбежно следует:

Простой, обыкновенный рабочий и надменный, образованный священнослужитель—оба они склоняют головы и подставляют шеи под жестокое ярмо, ярмо капитализма.

Правители управляют.

Капитализм, международный капитализм, является—для капиталистов—борьбой за мертвую хватку между ревниво соперничающими, не по-соседски действующими соседями, борьбой за «дела».

Таким образом капитализм становится глупой ссорой «иностранцев»,—для каждой нации все другие—«иностранцы».

И поэтому мир мелочен, необщителен, населен «иностранцами»—и война является всегда возможной, она всегда угрожает вспыхнуть между «иностранцами»; несчастные священнослужители, большая часть из них, не являются исключением из их числа.

Но, читатель, для меня, для моего Христа, друга всех людей, и для моих международных товарищей не существует никаких «иностранцев».

Но тогда почему же кучка отшатнувшихся от Христа плутократов, политических пройдох и лакействующих выпивох, потягивающих шампанское в Париже или Токио, в Берлине или Лондоне, в Мадриде или Вашингтоне—почему же какая-нибудь подобная кучка политических проходимцев может путем пышного заявления об убийстве решать официально за вас, за меня и за наших братьев какой-либо, так называемой «иностранной державы», что мы, братья по рабочему классу,—«враги» друг другу и что мы должны сложить орудия производства и взяться за орудия истребления и начать избивать самих себя десятками тысяч?

Почему мы должны позволять своре гнусных «сановников» приказывать нам рвать друг другу глотки, словно собаки?

Почему должны *мы* драться?

У *нас* не было никаких ссор.

Все это смешно—положительно смешно, не так ли?

И еще столь же важный вопрос: почему мы, братья по рабочему классу всего мира, должны всегда позволять всяким дикарям духовного звания раздувать пламя национальной вражды в наших

душах путем благочестивых молитв и проповедей, произносимых в пользу войны?

Это еще смешнее, разве не правда?

Давайте откажемся убивать! Занятие кровопролитием слишком низко для братьев, слишком дико для социалистов, все равно, какого бы религиозного убеждения они ни придерживались.

Быть-может, брат, мы не сходимся с тобой в наших воззрениях на Христа. Но мы во всяком случае можем оставаться добрыми друзьями, разве не так?

Ну, так вот, я скажу тебе откровенно, что миролюбивый Христос представляется для меня настолько более великим, чем проповедник, ратующий за войну, настолько более благородным, чем лакействующий «воинствующий пастырь», что Он привлекает к Себе мое искреннее восхищение. Он был таким великим, мужественным Братом.

Христос был самым решительным проповедником, который только когда-либо был на земле или зажег в человеческом мозгу какую-либо выдающуюся мысль.

Христос, тот ли исторический революционер Христос, или Христос, великолепное создание воображения, или божественный Христос—каким бы он ни был,—приобрел и заслужил мою признательность:

Потому что Он не был ни автоматом, ни слепым орудием.

Потому что официальные злодеи даже перед тем, как подвергнуть Его издевательству на суде, злобно провозгласили Его «нежелательным гражданином».

Потому что «передовые граждане» не могли использовать Его, не могли воспользоваться за плату Его влиянием.

Потому что Он с презрением отверг случай добиться «жизненного успеха» в презренной роли проституирующего себя в интеллектуальном смысле слова человека.

Потому что Он презирал алчных поклонников Маммона.

Потому что Он простил «законно осужденных» распятых разбойников и выгнал из храма бичом неосужденных банкиров.

Потому что Он бичевал жгучими речами гробы повапленные, называемые «самыми лучшими людьми».

Потому что Он был так прекрасен и так велик, что сейчас же сделался чрезвычайно популярен у грубых и диких мелких «выдающихся людей».

Потому что Он был так кроток и страшен, что шумливые и жестокие «законопослушные передовые граждане» решили по своему хвастливому невежеству и злобе, что Он анархист, и приложили все усилия, чтобы помешать Его свободным речам.

Потому что Он не был ни настолько узким, чтобы быть националистом, ни настолько невежественным, чтобы стать правоверным.

Потому что в последнее утро Своей жизни Он так гордо отнесся с презрением к официальным политическим драчливым псам, которые Его терзали и оскорбляли и не могли понять Его.

Потому что в то же самое утро Он так прекрасно выразил Свое презрение к тем изуверам, к тем мелким правоверным святошам, к тем драчунам, которые задержали Его и выли по-волчьи, требуя крови Плотника.

Потому что дети были Им очарованы.

Потому что смиренный «простой народ» толпился вокруг Него и любил Его, несмотря на своих благочестивых и правоверных «духовных советников».

Потому что Он презирал «достоинство» некоторых людей и видел достоинство человека.

Потому что Он поднялся снизу вверх и никогда не забывал, *никогда не колебался выступать на защиту* «даже самого ничтожного из сих», включая сида и Его печальную, опозоренную, лишенную покровительства законов сестру.

Потому что Он не хныкал и не низкопоклонничал, когда некоторые религиозные выдающиеся мелкие душонки плевали в лицо мировой Душе.

Потому что великий, чистый Брат был настоящей «Социальной Душой», ибо Он относился с любовью ко всему человечеству.

Потому что, в особенности потому, что Он так прекрасно простил беззаботным солдатам из рабочего класса, которые насмехались над ним, надели терновый венец на Его чело, пробили гвоздями Его тело, издевались над Его страданиями и вонзили копье в тело Плотника—своего брата по рабочему классу.

Потому что Он сказал: «Вложи меч свой», ни на кого не смотрел, как на «иностранца», и умер за международное братство.

Он стремился ко всем людям.

Он для всех образец.

Я люблю Его.

Будем и мы, братья, товарищами друг для друга.

Давайте зароем топоры, сломаем винтовки, заклепаем пушки, отвергнем с презрением меч, примем Нагорную проповедь за ее дух мира и откинем с негодованием всякую иную проповедь, которая побуждает нас воевать против наших собственных братьев по классу. Отнесемся с отвращением ко всякой проповеди, которая будит и питает тигра, таящегося внутри нас, и препятствует нашему социальному развитию.

Социальное развитие.

«Социальное развитие», сказал я? Да, читатель, вот в чем мы нуждаемся—в социальном развитии!

Человек на своем длинном пути к вершинам — из трущобы дебрей—задерживался тяжелым бременем, которое заключалось в его крови. Он носил в своей крови целый зверинец.

Позвольте мне воспользоваться здесь одной весьма грубой метафорой,—прибегнуть к образу речи, который ни в вашем, ни в моем вкусе, но который является очень подходящим и извинительным:

Миру в его социальном развитии мешал черезчур уж большой «собачий задор», задор специально натасканной для драк собаки.

Собачий задор вреден в общественном смысле. Социальное развитие при таком состоянии приостанавливается. У собаки, специально натасканной для драки, злобные морщины на морде мешают зрению. Ее кругозор суживается. Поэтому, по мнению такой собаки, мир не велик. Отсюда собака, натасканная для драки, обладает слишком узким «миросозерцанием», местным и «необщественным». Такая собака, будучи привязанной к местности, будучи ограниченной—и следовательно мелочной и драчливой—радуется всякой драке. В собачьем мире она груба, она—«лихой наездник» и «боевик». Все другие собаки для нее—«иностранцы», «виноватые» и «нежелательные граждане».

Мирная жизнь—слишком широкое понятие, она слишком прекрасна для натасканной собаки. Для такой боевой собаки «в

самый раз подраться», для нее война представляется «восхитительной».

Таким образом даже низменный собачий мир терзается и встречает помеху в «социально» ограниченных и черезчур драчливых боевых собаках, которые, по их мнению, являются «великими» и «пользующимися успехом».

Таким образом мелочность и «приверженность к месту» мешают социальному развитию даже животных.

И в мире людей все происходит точно так же.

Конфуций был великим человеком.

Но Конфуций встречал препятствия—ему мешала мелочность маленьких конфуциев.

Христос? Христос велик, ослепительно, увлекательно велик!

Но Христу мешали, препятствовали маленькие христиане своей драчливой мелочностью, своей узостью.

Что же, будем ли мы братьями? Будем ли мы сохранять мир?

Пока еще нет. Мы не можем. Нам приходится ждать. Это странно, но верно, мы должны ждать самой разумной во вселенной вещи—мира.

Мир стоит в программе следующим номером.

От враждующих между собою племен давным-давно прошедшего времени все выше и выше, все вверх к федерации всех народов на земле — вот каков первый номер программы — длинная, крутая дорога для человеческого разума, все выше и выше через сотни столетий, через полмиллиона лет, потраченных на расширение человеческого сердца, на совершенствование человеческих свойств, на развитие силы социального зрения, чтобы можно было окинуть взором весь беспредельный мир, на увеличение границ общества, на создание, пересмотр и воссоздание понятия «брат»—так рождает людской род «общественного человека», мирового патриота, международного гражданина.

Арифметика истории — Дано: Жизнь. Требуется найти, или произвести, или вывести из этого—бога, бога пылкого разума, бога социализированного людского рода. Головоломная задача: как вычесть скота, прибавить брата и умножить мозги; как приступить к ближайшему номеру программы — к Миру; как пошевелить нашими израненными губами, чтобы вымолвить: «Вложи меч свой. В нас течет одна кровь!»

Нам ставят препятствия.

Братство и мир — божественно-высокая мысль!

Но—увы!—эта мысль слишком высока для низколобой отваги людей «грубо-наезднического» типа; эта мысль слишком громадна и прекрасна для бедных мозгов бульдога, «бойца», общественно тупого святоши или иного какого выкормка из недоросших карликов.

Чванный, безмозглый владыка кур кукурекает на заднем дворе: «Да здравствует вот эта самая, наша собственная навозная куча, самая прекрасная грязная куча во всей вселенной!» Так этот патриот в перьях и со шпорами добродетельно развивает свою суетность, посылая хвастливый вызов «неприятелю» на соседних дворах.

«Да здравствует наше племя!» — визжит из патриотических чувств дикарь.

«Да здравствует наше село!» — голосит местный карлик. Еще больше патриотизма.

«Да здравствует наш великий город!» — пищит хвастливый «столичный» человек, задыхаясь в атмосфере невероятной развращенности.

«Да здравствует нация — права она или нет!» — визжит ублюдок, патриот-националист.

И таким образом эти жалкие в общественном смысле создания, эти социальные карлики готовятся, как это и бывало, поливать из «патриотичеких чувств» карболовой кислотой своих соседей внутри или вне страны.

«Да здравствует род людской, да здравствует жизнь!»—прекрасно восклицает социально-развитый человек, зарождающийся международный человек.

Читатель, положительно такой близорукий провинциал, местная плакса, социальный карапуз, драчливый националист, расовый изувер и заморенный человечек из духовного звания—положительно все эти необщественные господа слишком пропитаны пока местными взглядами, слишком мелки и ограничены для мировой федерации, для международного социального Христа. Положительно, эти необщественные карлики не могут искренно и деятельно нести «всему миру» какое бы то ни было величавое социальное евангелие

«мира на земле и в человецех благоволения» и «заставить все народы быть единой крови» — несмотря на то, что все они получили крещение.

Но, пожалуйста, не истолковывайте неверно моих слов. Я не умаляю значения обряда крещения.

Но крещение не влияет на об'явление войны каким-нибудь чрезвычайно ограниченным местным бульдогом, все равно, будет ли это существо собачьей породы с медным ошейником, или чванное мелкое существо человеческой породы, носящее кличку «принц Альберт», или салотопенный миллионер, поклоняющийся кассовой книге. Ни один из них не обладает утонченными эмоциями и не обладает стремлениями к общественности. Обычно во всем мире встречаются с затруднениями при попытке связать шелковый кошелек из свиного уха.

Христианин-убийца, вошедший на трон России, остается убийцей, несмотря на то, что он крещен.

Драчливый христианин, поднявшийся до трона Германской империи или достигнувший поста президента Американской республики, остается буйствующим негодяем, заводящим смуту и всегда «не только желающим, но горящим нетерпением сражаться».

Церемонии священнослужителей не оказывают никакого воздействия на пятна леопарда, полосы тигра, характер драчливой собаки или на честолюбие кассовой книги.

Война между братьями — это гражданская война.

Все люди братья.

Поэтому всякая война — гражданская война.

Но миру мешает местная мелочность — особенно принижающее, связывающее с местными условиями влияние священной кассовой книги и поклоняющихся ей мелочных и необщественных по природе своей людишек.

Капиталист-конфуцианец, капиталист-христианин и все другие капиталисты разного рода по всему миру прячутся за своими благословенными и унизительными кассовыми книгами, строят козни в своих биржевых притонах и плутуют, плутуют, плутуют — огрызаясь друг на дружку. И такая необщественная грызня называется делом, и это христианское дело считается морально-узаконенным, «становится почтенным занятием» и пользуется уважением со

стороны весьма многих «духовных советников». Некоторые лиц из числа духовенства вполне обладают стремлениями к общественности, они благородны, безбоязненны, обладают широкими взглядами. Эти великие духом, социально настроенные люди гордо отказываются «натравливать» или возбуждать «псов войны». Но, к несчастью, таких поистине великих, святых людей слишком мало, и им угрожают и на них нападают перекормленные промышленные цезари, толстосумы, занимающие лучшие места в Божьем Доме. Больше того, таких великих святых людей всячески притесняют, их забаллотировывают на церковных собраниях менее развитые собратья, если они противятся войне — в особенности если налицо какой-нибудь «национальный кризис».

А «национальный кризис» всегда бывает неизбежен, когда нужно добиться более крупных рынков и нужно вступить в свалку, чтобы добыть для мировых капиталистов новую территорию.

Всякий раз, когда бывает кризис, всякий раз, когда властелины кассовых книг, политические деятели и необщественные «духовные вожди» думают или заявляют, что «на нас надвигается кризис» — всякий раз в такое время Христа, кроткого, благородного, любящего все человечество Христа отгоняют на задний план и принуждают к молчанию, тогда как «воинствующие пастыри», политические деятели, богатеи и разные ищущие военной славы пираты кидаются на авансцену и вопят о войне — о «патриотической войне».

И все чаще и чаще действительная потребность в более крупных иностранных рынках вызывает «кризис».

Надвигается новая война.

Тогда это для братства — насмешка.

Тогда это для миролюбца — пренебрежительное: «Мягкотелый!».

Тогда это для Христа — грубое глумление.

Тогда это для рынков, для прибылей — кровь и слезы.

Тогда зловредные человечки будут патриотически и с пользой для себя вопить о «национальной чести».

Тогда Христос должен будет ждать.

Мир должен будет ждать.

Братство должно будет ждать.

Международная федерация, социальное величие, людской род, все они должны будут ждать.

Всё это должно ждать, пока у бедных младших братий не пройдет настроение призовых бойцов и не исчезнет из крови дикая ярость и ненависть драчливой собаки; все это должно также ждать, пока поклонник кассовой книги и его слуга, Пятница, собирают деньги — и «выдают дивиденды».

Весьма вероятно, читатель, что некоторые из этих положений кажутся несправедливыми.

Но, тогда, быть-может, будет вполне справедливо предоставить слово *представителю духовенства*, который откровенно говорит на ту же тему. Ниже приведены выдержки из производящей сильнейшее впечатление книги: «Моральный вред войны», написанной безбоязненным д-ром Вальтером Уолшем, выдающимся и красноречивым священником в Дэнди, Шотландия. В главе «Моральный вред войны для проповедника» д-р Уолш обращается к своим собратьям со смелостью и прямотой древнего еврейского пророка. Вот несколько выдержек, иллюстрирующих его положения:

«Вера в то, что христианство несовместимо с войной, что оно предназначено для уничтожения войны... была распространена среди всех христиан первых трех веков... Христианство—религия мира. Но каким же образом христианский мир все еще воюет? Вполне естественно, что мы обращаемся за ответом к профессиональным наставникам религии.

«Число оплачиваемых учителей христианства достигает сотен тысяч: священники, епископы, священнослужители, законоучители и т. п., а вместе с различными второстепенными лицами, принадлежащими к белому духовенству, каковы: дьяконы, церковные старосты, старшины, учителя воскресных школ, миссионеры, проповедники, это число доходит до миллиона. Поэтому совершенно *непонятно*, как война может попрежнему существовать в христианских странах, если только это не об'ясняется прежде всего деморализацией лиц, способствующих образованию религиозного мнения. Точно также тот факт, что все христианские страны одинаково соперничают в вооружении и в военном грабеже, может быть понят только, как показатель развращенной или недоразвитой совести. Причиной того, почему все христианские страны находятся ныне в таком затруднительном положении и почему так много стран коснеет в долгах, лишениях, невежестве, корыстолюбии, бедности и

невероятной нужде, является главным образом то обстоятельство, что оплачиваемые учителя христианства со всем сонмом своих бесплатных помощников капитулировали перед богом войны... Война никогда не бывает непорочной, война—это ад. Никогда нельзя допустить, чтобы с помощью ада вводили в царство небесное... Там и сям какой-нибудь маленький Илия отказывается склонять колена перед военным Ваалом, какой-нибудь верующий Михей продолжает, хотя у него и изранен рот, свидетельствовать об истинном значении евангелия... «В течение столетий церковь встречалась с враждебностью языческого и недобросовестного мира и никогда не отступала... Ни мстительность ни злоба не омрачали покоя ее души»... До какой потрясающей степени дошло отступничество проповедника, можно видеть из сопоставления того великолепного удобного случая, который представляется ему в военное время, с тем, который когда-либо представлялся пророку или апостолу... Сравнение сил, производимое двумя враждующими народами, является в то же время испытанием морального характера проповедника. В противоположность высоте благородного удобного случая, на которую он может подняться, есть также низкий оппортунизм, до которого он может опуститься. Он может приноравливаться к обстоятельствам, как политический деятель... Он может принять плотскую политику парламента за ограничения своего евангелия и повесить голову, как безгласный пес, когда сановники несдержанно выгоняют вон христианство из законодательной палаты. Он может успокаивать свою совесть ложью, что война относится к политике, что она не имеет ничего общего с проповедью евангелия, и замкнуться трусливо, одинаково не сознавая ни комизма, ни атеизма своего положения. Сыну Человеческому очень трудно выбрать между церквами, которые кричат: «Никакой политики в евангелии!», и парламентами, которые кричат: «Никакого евангелия в политике!», и это препятствует Ему вмешаться в современные дела... Мало молитв возносится (во время войны) к Князю мира, но много к Богу битв... Совесть (духовенства) лежит слабая и безмолвная перед занесенным мечом, подкупленная золотом, парализованная страхом... прикрывая себя щитом... Об'единенные колена Израиля забиваются в свои палатки, бормоча какие-нибудь неопасные пошлости относительно мира и молитвенных собраний, в то время как мир наслаждается триум-

фом, плоть бунтует и дьявол скалит зубы с бесконечным восторгом... Было бы трудно сказать, что хуже—молчание ли кафедры или робость и испорченность ее речей, когда она обретает дар слова... Безгласный пес плох, но еще хуже ищейка, которая лает по следу... Что можно сказать о проповеднике, который или не может говорить, или говорит, чтобы только произносить хулу на проповедуемое им евангелие, когда дух войны и дух мира с трудом сохраняют свое равновесие?.. *Нельзя сомневаться в том, что церковь, действуя в согласии со своими принципами, могла бы сделать невозможным всякое кровопролитие и предотвратить все войны последнего времени;* тем не менее во многих таких случаях множество священнослужителей не желают пошевелить пальцем, не произносят никаких проповедей, не подписывают никаких петиций, не издают ни одного звука, которые правительство, достаточно желающее ознакомиться с настроением народа, могло бы истолковать в смысле враждебного отношения к своим замыслам... Нужно заглянуть в лицо страшной правде: церковь, как целое, всегда стоит за войну, вопреки тем ожиданиям, которые могут быть возложены на роль церкви в разыгрывающихся событиях, в связи с исповедуемыми ею принципами и характером Существа, которому она служит. Правда, что когда все кричат о мире, то проповедники тоже стоят за мир. Если устраивается в пользу мира крестовый поход, который вызывает поверхностный энтузиазм высших классов, то и проповедники захватываются движением. Но если белое знамя уступает место красному, то пасторы бьют в честь бойцов в барабаны с той же яростью, с какой перед тем указывали на дикость вооруженного столкновения... Организованное христианство совлекает с себя одежды правоты и снимает украшения смиренной покорности, чтобы надеть хаки... На тысячах кафедр появляются забияки, служители Библии, и начинают указывать на разные устарелые и кровавые прецеденты из эпохи еврейских войн, и ясно показывают, что они лишены всех элементарных человеческих чувств и способностей, необходимых для умения различать между юдаизмом за две тысячи лет до Христа и христианством через две тысячи лет после него... Что делать роду человеческому с церковью, которая готовится к бою, как боксер, и оказывается убийцей-язычником, а не замученным христианином, с

церковью, которая из чувственных соображений отменяет Нагорную проповедь, противоречит заповедям блаженства, положительно отрицает евангелие, отвергает все специфически-христианские идеалы, свергает с престола Иисуса, чтобы возвести на трон совести Марса?.. ...Часто крест со своей страдающей Жертвой отступает, и из кровавого тумана появляется гнусный бог войны, гордо стоящий на багровой колеснице... Освящение чувства мести является, конечно, гнуснейшей функцией, выполняемой отравленной войной, забрызганной кровью церковью... Таким путем массам не дают заметить извращение природы вещей... Их пастыри ведут их на залитые кровью поля Иеговы, когда раздается команда политических деятелей, а на зеленые пастбища Назарея, только когда не замышляется никакого плана национального убийства или грабежа... Церкви, в том виде, как они существуют ныне, не в состоянии предотвратить войну. Их онемевшие губы не могут повторить, хотя бы еле слышно, слова Господа: «Вложи снова меч свой». У организованного христианства нет достаточной духовной мощи, чтобы добиться замены грубой животной силы разумом... Увы! До сих пор не удавалось заставить христианство подчиниться Христу».

Вот язык мужественного проповедника-христианина. В связи с обличением д-ром Уолшем церкви на утре двадцатого столетия интересно прочесть по тому же вопросу слова философа восемнадцатого века, Вольтера.

«Это повсеместное неистовство пожирает мир... Удивительнее всего в этом адском предприятии (войне), что каждый предводитель убийц считает, что благословение покоится на его знаменах, и торжественно взывает к Богу перед тем, как отправиться на истребление соседей... Некоторое количество ораторов всюду получает плату для восхваления таких дней убийств... Все они говорят очень долго и приводят в пример то, что когда-то творилось в Палестине.. Остальную часть года эти господа ратуют против пороков... Если соединить воедино пороки всех времен и всех стран, то и тогда не получится того зла, которое порождает одна кампания. Жалкие врачеватели душ! Вы вопиете сорок восемь часов в сутки о каких-нибудь уколах булавки и ничего не говорите о болезни, разрывающей нас на тысячи частей... Можно ли встретить что-нибудь более ужасное во всей природе?»

*

А теперь позвольте взглянуть на этот вопрос с точки зрения экономиста, действительно великого экономиста, Джона Хобсона, который касается этой темы так:

«Вела ли когда-либо какая-нибудь христианская нация войну, которую официальное духовенство не считало бы священной? Господствующая в Англии церковь никогда не допускала возможности вмешательства духа Принца мира, если сановники и солдаты взывали к страстям расовых вожделений, завоевания и мстительности. Войны, самые безумные по происхождению, самые варварские по ведению, самые бесполезные по результату, неизменно получали санкцию со стороны христианских церквей... Нельзя указать ни на одного представителя духовенства какой-либо церкви, который отказался бы благословить войну, который не нашел бы причин для того, чтобы представить ее в виде крестового похода».

Следующие строки британского философа Фредерика Гаррисона весьма поучительны для рабочего:

«Официальные служители старой веры соглашаются без дальнейших рассуждений с авторитетным мнением политической власти. Они занимаются... взыванием к Богу битв (мог ли это быть их милосердный Бог?), чтобы Он охранил—по Своей доброте и святости—британских солдат, завоевателей, поджигателей сел, вешателей (туземных) священнослужителей... Система рабства подготовляет рабовладельческую касту для оправдания любой бесчеловечности, которая, повидимому, может послужить на защиту этой системы. Если это ожесточает наших политических деятелей, то это развращает наши церкви. Жажда власти, жадное стремление к рынкам и спасение душ—всё это действует в полном согласии. Церкви одобряют и благословляют, в то время как воины и купцы присоединяют к империи новые провинции; они передают язычников в светские руки... Несмотря на Нагорную проповедь, христианство на самом деле является, как это нам теперь известно, религией нападения, порабощения, битв. Оно прислуживается к предприимчивому торговцу и беззаконному завоевателю и с покорным выражением своей признательности благословляет их начинания».

Кто же, действительно, освободит нас от войны?

Наши пастыри?

Едва ли!

Экономические хозяева пастырей не позволят им это сделать.

Хотя бы пулеметы скашивали миллионы избраннейших рабочих мира, наваливали груды человеческих трупов и опустошали хижины, шалаши, лачуги и «дома» бедняков; хотя бы десятки миллионов мозолистых рук страдающих работниц протягивались к упитанным, обеспеченным пастырям, с просьбой об *общем действительном выступлении* против войны; хотя бы эти десять миллионов смиренных матерей из рабочего класса с глазами, полными слез, на коленях умоляли «святых божьих людей» об'единиться в общем крике против проклятого «пиршества смерти», где пожираются дорогие существа; хотя бы множество маленьких детей рабочих в немом отчаянии приходило в ужас от рева изрыгающих смерть пушек, которые умерщвляют их отцов и братьев,—все-таки пастыри (большинство из них) будут «содействовать администрации» при всякой войне,— как обычно!

«Администрация», «правительство»—при капитализме это просто исполнительный комитет капиталистического класса.

Класс капиталистов ведет международную борьбу за мировой рынок.

Во время такой международной борьбы капиталисты нуждаются в поддержке со стороны общественного мнения.

Общественное мнение может создать и держать под своим контролем священнослужитель.

Поэтому священнослужитель должен находиться под контролем капиталиста.

Начинается кампания—для захвата рынка и для овладения священнослужителем.

Солдат идет на войну, а капиталист в церковь.

Солдат берег с собою ружье, а капиталист—золото.

Солдат умерщвляет.

Капиталист молится—через своего доверенного.

Так как его молитва—выражение «воли Господа», то она, разумеется, «таинственна»!

Капиталист занимает в Божьем Доме самое лучшее место—и кладет во время церковного сбора на блюдо очень красивые кредитные билеты.

Священнослужитель смущен—на него произведено впечатление.

Пастырь и его хозяин производят между собой дележку.

Война? Разве война не ад?

Она побивает ад.

Но все это «к лучшему»—как-то таинственно!

Проповедник, обладающий совестью «прожженной, словно раскаленным железом», присоединяется к политическому деятелю; и эта драгоценная парочка об'единяет свои отдаваемые в наем голоса в патриотической мелодии на поддержку капиталистического класса.

Брат—брат по рабочему классу—иудей, католик, православный, мирный буддист или мирный конфуцианец, или кто угодно другой—кто бы ты ни был, к какой бы религии ты ни принадлежал, поклоняясь, разыскивая, идя ощупью по вселенной в поисках Бога, поклоняйся кому хочешь, служи кому хочешь: мне не нужно заставлять тебя нарушать верность церкви. Но, сударь мой, чтобы спасти тебе жизнь, чтобы не дать жене твоей проливать слезы, чтобы защитить твоих детей, чтобы предохранить твой собственный рабочий класс, я хотел бы помочь тебе представить себе вполне *отчетливо*, что:

Рабочий класс должен вытащить штык из своей груди. Поскольку вопрос касается *войны*, рабочий класс должен об'единиться и дружно выступить против войны. Рабочий класс должен сам выступить на защиту рабочего класса против промышленной системы, благодаря которой его *грабят и предают.*

Рабочим всего мира нужна политическая партия из их же собственного класса—громадная, как широкий мир, интернациональная и преданная идее *справедливости*, а следовательно и *мира.*

Прислушайтесь к исповеди издателя одной из весьма могущественных капиталистических газет:

«Знаменательно, что социалисты, принадлежащие к различным расам, говорящие на разных языках, чуждые друг другу по крови и по обычаям, составляют повсюду—в Германии, Франции, Великобритании, Австрии и Италии—*одну великую всемирную партию мира*».

Прислушайтесь еще—прислушайтесь к словам самой хорошо известной и самой любимой женщины-христианки во всех Соединенных Штатах, мисс Джен Аддамс из Чикаго:

«Социалисты предпринимают почти единственную попытку проповедывать *достаточно всеоб'емлющую и интернациональ-*

Коршуны, жиреющие на страданиях невежества.

«Наполеон тратил в зените своей военной славы приблизительно около 80.000.000 долларов в год на армию и флот. В настоящее время Франция тратит в мирную эпоху 180.000.000 доллларов в год только на одну армию». — Яков Шэрман, ректор Корнеллевского университета.

В данное время, в эпоху мира милитаризм обходится ежегодно Соединенным Штатам наличными деньгами в шесть раз дороже, чем обходился милитаризм Франции ежегодно в самый разгар Наполеоновских войн. См. стр. 175—177 и 178—179.

ную мораль, чтобы не отставать хотя бы от материалистического интернационализма, который установил однообразные величины (даже) для винтовой нарезки и для размера болтов, так что стало возможным производить обмен машинами между различными странами... Существующая коммерция уже давным-давно производится в международном масштабе, но развитие ее является результатом коммерческих операций, которые отличались агрессивным характером, является результом постоянных призывов к военной защите и к укреплению за собой силой новых рынков».

Идите вы, чей удел быть обманутым и расстрелянным у дверей фабрик и на полях сражений, идите в публичную библиотеку, возьмите книгу «Христианство и социальный порядок» и прочитайте слова проповедника, достаточно великого для городского собора Лондона, вполне достойного, чтобы быть ценным заместителем всемирно-известного Джозефа Паркера, прочитайте слова достопочтенного д-ра Кэмпбэлля, блестящую дань, которую он платит социалистической партии, называя ее единственной политической партией мира, относящейся с презрением к принижающей зависти капиталистических сановников и успешно работающей ради международного братства.

Читатель, читатель из рабочего класса, я хочу прибавить для тебя еще несколько особенно важных слов:

Быть-может, сын твоего соседа рабочего впал в данный момент в патриотический транс, строит наивно разные планы относительно вступления в состав местной милиции, постоянной армии или морских команд и размышляет о бойне. Ступай к нему! Встряхни ему хорошенько мозги (если они у него есть), разбуди его, заставь встать, заставь его очнуться от расового проклятого сна, сними с него чары, которые в течение тысячелетий тяготели над его классом. Будь ласков. Будь терпелив. Но—разбуди его! Разбуди его для *мирового* движения ради *рабочего* класса. *Разбуди его для войны*—для войны без меча, для войны без пушки,—для войны при помощи печатного слова, для войны при помощи книги. *Учи его, что спасение приходит через осведомление!* Учи его, что «истина принесет ему свободу». Зажги в мозгу его огонь, божественное беспокойство, стремление, которое не может угаснуть, стремление к миру, рожденному от справедливости.

Иначе сказать, остерегайся, чтобы сына твоего соседа не заманили как-нибудь на службу в милиции или в постоянной армии или во флоте, чтобы сделать его *готовым* пожертвовать собой, быть принесенным в жертву, быть предназначенным для оптового убийства, *готовым* в качестве милиционера, казака или солдата запятнать свою освященную саблю кровью своих соседей и грубо (патриотически) хохотать над слезами женщин и детей.

Прочти своему соседу следующую главу: «Ну, а что же нам делать теперь?»

Ежегодные расходы на милитаризм в Соединенных Штатах (по тщательным вычислениям многих выдающихся авторитетов) достигают пятисот миллионов долларов. Эта сумма вчетверо больше общей суммы жалования, выплачиваемого в данное время всем проповедникам Соединенных Штатов.

Господа священнослужители, я по-братски советую вам ознакомить вашу паству со следующими словами величайшего солдата Германии:

«В наши дни Биржа приобрела такое влияние, что она обладает властью призвать армии под ружье исключительно для охраны своих интересов. Мексика и Египет были наводнены европейскими армиями единственно для того, чтобы удовлетворить требования высших финансовых кругов». — Фельдмаршал Хельмут фон-Мольтке: «Франко-германская война 1870—71 гг.» том I.

Читатель, произносит ли твой священник хоть две проповеди в год против войны и милитаризма, не считаясь ни с какими препятствиями? Во время обсуждения этих чрезвычайно важных, неотложных вопросов, служит ли твой священник со смелостью Христу или угождает молчанием Цезарю?

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Ну, а что же нам делать теперь?

Ну, а что же нам делать теперь?

«Ни один народ не станет трудиться и обливаться потом, чтобы дать возможность какому-нибудь классу пребывать в лености, если только его *не заставят лаской или силой* делать это... Есть много различных средств, при помощи которых какая-нибудь кучка людей может вонзить клыки в себе подобных и существовать на их счет. Рабство... есть первоначальная форма паразитических отношений. Видоизменив его в крепостничество, паразитический класс, не ослабляя ничуть своей власти, при помощи которой он обеспечивает себе пропитание за счет других, ставит себя в более удобное положение и в менее раздражающее эксплоатируемых... В конечном итоге, институт собственности получает такую форму, которая допускает косвенную эксплоатацию, позволяющую одному классу проводить жизнь в лености. Паразитический класс — всегда правящий класс, и он утилизирует столько других классов, сколько может подчинить своему контролю». — Проф. Эд. Росс, социологического факультета Висконсинского университета.

«Разнообразные институты, политические, церковные, профессиональные, промышленные и т. п., относя сюда и правительство служат способами, средствами, возникавшими постепенно, для обслуживания тех интересов, которые развиваются внутри государства».— Проф. Альбион Смолл, декан социологического факультета Чикагского университета.

«Не-промышленные или *паразитические* классы часто бывают наиболее деятельными... Они удивительно успешно способствуют *созданию мнения*, что они являются наиболее важными из всех социальных элементов». — Д-р Листер Уорд, социологического факультета Броунского университета.

Как мы надеемся, предыдущие главы несколько помогли читателю уяснить себе, с каким невероятным презрением относятся к рабочему классу в нашем хвастливом цивилизованном обществе — до какой степени обманывают и предают рабочий класс, обращаются с ним жестоко и заставляют истекать кровью, развращают и пре-

зирают, грабят, морят голодом и терзают—разрывая на части тела, проливая кровь, бросая трупы на с'едение коршунам и могильным червям и даже оскорбляя вдов и сирот тридцатью гнусными сребренниками в уплату за жизнь, любовь и радость, утраченные на войне. После того, как я попытался выяснить и это и многое другое, позвольте мне теперь об'яснить вам, «что же нам надо делать».

Что же в-самом деле должен сделать *рабочий* класс, чтобы избавиться от проклятья, называемого войной, и тем самым добиться справедливости и свободы?

Мы ничего не можем сделать, абсолютно ничего, с полной неоспоримостью, пока не поймем трех главнейших вещей: 1) *структуры*, 2) *целей* и 3) *главнейших результатов существующего* порядка или плана организации общества, а также пока мы, *как класс*, не поймем искусства *самозащиты — политической* и *промышленной* защиты нашего *класса.*

В предыдущих главах я говорил неоднократно о двух классах. Действительно ли *их два?*

Представьте себе отчетливо три следующих положения, устанавливающих *три самых крупных факта* из всех, относящихся к существующему устройству общества:

Первое положение — относительно *нынешней формы общества*: *общество* при современном капиталистическом строе делится на *два класса*, на два промышленных класса: *капиталистический* и *рабочий.*

Второе положение — относительно *целей* существующей формы общества: в промышленном отношении общество организуется и контролируется для *специальной выгоды* одной *части* общества — для одного класса, *для класса капиталистов.*

Третье положение — относительно *главнейших результатов* формы и целей существующего общественного строя: у каждого из этих двух классов есть *свои классовые промышленные интересы;* эти промышленные *классовые интересы сталкиваются* между собой, и поэтому *происходит постоянный классовый конфликт*, являющийся *частью* и *следствием классовой структуры* и *классовых целей* общества.

Позвольте мне попробовать раз'яснить эти три положения. Пожалуйста, обращайте внимание на точную формулировку об'ясняемых положений.

Об'яснение,—первое положение:

Вы, конечно, хотите жить и пользоваться удобствами. Чтобы жить и пользоваться удобствами, вы должны потреблять разные полезные вещи. Но, раньше чем приступить к потреблению этих полезных вещей, их надо произвести. А так как все это одинаково относится ко всем членам общества, то легко заметить, что *первой* задачей общества, первоначальной социальной функцией, является производство. Таким образом вы видите, что—

производство, промышленность есть *основа* общества.

Далее, *при выполнении такой промышленной работы*, исполняя эту первую задачу, *мы пользуемся* сырыми материалами, копями, лесами, полями, заводами, фабриками, орудиями, машинами, железными дорогами и т. д. Все это называется *средствами производства.* Мы пользуемся всем этим, этими средствами производства, *прилагая свою рабочую силу*, то-есть *производя* все то, что общество желает *потребить.*

Но:

Один класс владеет по праву частной собственности каменноугольными копями и железными рудниками и покупает рабочую силу.

Другой класс работает на каменноугольных копях и в железных рудниках и продает рабочую силу.

Один класс владеет по праву частной собственности строевыми лесами и мраморными ломками и покупает рабочую силу.

Другой класс работает в лесах и на мраморных ломках и продает рабочую силу.

Один класс владеет по праву частной собственности бумагопрядильнями, сталелитейными заводами, мельницами и т. д. и покупает рабочую силу.

Другой класс работает на бумагопрядильнях, сталелитейных заводах, мельницах и т. д. и продает рабочую силу.

Один класс владеет по праву частной собственности железными дорогами и покупает рабочую силу.

Другой класс работает на железных дорогах и продает рабочую силу.

Или, короче сказать,

один *класс*, класс *капиталистический*, *владеет по праву частной собственности главнейшими* матерьяльными *средствами производства*—и *покупает рабочую силу*.

Другой *класс*, класс *рабочий*, *пользуется при работе главнейшими* материальными *средствами производтва*—и *продает рабочую силу*.

Вы, наверное, поняли, что тут два *промышленных класса*.

При капиталистическом строе существует не только два промышленных, но и два социальных класса. Промышленные классы становятся классами социальными.

Иоганн-Каспар Блюнчли, один из самых выдающихся германских писателей по вопросам политических наук, говорит следующее:

«Очень часто базисом для основания классов служила собственность. При таком установлении... *собственность* делается *решающей политической силой*, и граждане оцениваются по величине их доходов... Пролетариат... главным образом состоит из подонков других классов, из тех частиц населения, которым нет места в установленном строе общества, вследствие их разобщенности и бедности (то-есть они не находятся в господствующем положении по отношению к промышленно-жизненной собственности).

«Наоборот, социальное положение зависит от экономических условий; государство... консервативно... в силу экономических отношений, лежащих в его основе...

«Быть-может, наиболее важное общественное ее (собственности) значение состоит в том, что обладание собственностью столь обычно является основой социального различия. В раннюю эпоху основанием для общественной дифференциации являлась физическая сила, позднее—кастовые установления. Источником могущества повсеместно признается богатство, поэтому социальное положение часто определяется обладанием богатством». — Проф. Фэрбенкс, Иэлского университета.

А теперь второе положение: Действительно ли все эти и другие отрасли промышленности эксплоатируются для специальной *выгоды* одной *части* общества? Ответ ясен из следующей иллюстрации:

Если бы прибыль, получаемая от всех отраслей промышленности, в течение ближайших двенадцати месяцев повысилась на два мил-

лиарда более обыкновенного, *возросла ли бы в той же пропорции заработная плата* рабочих, занятых в этих отраслях промышленности? Наверное, нет! Вы прекрасно знаете, что она не была бы повышена. Но почему же? Просто потому, что эти отрасли промышленности, как и все остальное, эксплоатируются при капиталистическом строе для специальной выгоды тех лиц, принадлежащих к капиталистическому классу, которые владеют по праву частной собственности этими отраслями промышленности, покупают рабочую силу и, благодаря такому устройству, живут на барыши— на прибавочную стоимость (см. главу третью, об'яснение).

И, наконец, третье положение: Сталкиваются ли, в основе своей, промышленные интересы этих двух промышленных классов? Быть-может, ответ на такой вопрос будет яснее, если мы прибегнем к такой простой иллюстрации.

Продавая лошадь, вы хотите продать ее, скажем, за триста долларов. Но покупатель хочет купить лошадь, скажем, за сто пятьдесят долларов.

Ясно, что здесь есть столкновение интересов между покупателем *лошади* и продавцом *лошади.*

Рабочий, продавая свою рабочую силу, хочет продать, скажем, восемь рабочих часов за шесть долларов.

Капиталист-предприниматель, покупая рабочую силу, хочет приобрести, скажем, девять рабочих часов за два с половиной доллара, чтобы получить прибавочную стоимость—этот заманчивый излишек (см. главу третью).

Таким образом происходит серьезный конфликт между промышленными интересами такого покупателя рабочей силы и продавца ее.

То же самое происходит и у промышленных классов.

Происходит серьезное столкновение промышленных интересов класса предпринимательского, покупающего рабочую силу, и класса рабочего, продающего ее.

Между этими двумя промышленными классами происходит война, борьба, классовая борьба для защиты своих столкнувшихся промышленных интересов — один *класс* прилагает все усилия, ведет войну за *большую прибыль,* другой прилагает все усилия, ведет войну за *большую заработную плату.*

Эта классовая борьба принимает самые разнообразные формы, но основа ее *всегда* одна и та же—классовая борьба *в промышленности*.

Три поясненных выше положения являются самыми важными. Ясное *представление* себе этих трех положений *всегда* революционизирует *политическое* мышление рабочего класса, каждого рабочего, каждой работницы, которые раньше не понимали этого. Эти три истины уничтожают старые политические предрассудки и обычаи, перерезывают поводья, на которых политические обманщики ведут за собой по ложному пути рабочих, очищают воздух от «тяжелой атмосферы», выводят из тупиков старой партийной политики, указывают рабочему классу дорогу к власти и свободе и закладывают крепкий, как скала, фундамент для политической философии, политики и тактики рабочего класса.

Капиталистический класс (правящий над тружениками и ведущий их к гибели) считает эти три положения *более опасными учениями, чем какие-либо другие, доходившие когда-либо до ума рабочего класса*. В интересах капиталистов, чтобы рабочие не ознакомлялись с этими тремя истинами. Но в интересах рабочего класса, чтобы рабочие ознакомились с ними.

Предприниматель всегда надеется, что рабочий вечно будет настолько слеп, чтобы верить, что предпринимательские интересы и интересы рабочего «одни и те же», что они одинаковы—словно, знаете ли, родные братья-близнецы.

Усвоив себе ясно эти три основных факта, оказывающих влияние на структуру современного общества, пойдем далее.

Капиталистический класс обладает во время классовой борьбы еще *тремя особыми преимуществами* над рабочим классом, кроме своего *могущественного положения*, занимаемого им, как капиталистическим *собственником средств производства:*

1. Капиталистический класс в данное время *более сознателен*, чем рабочий класс. То-есть капиталисты более отчетливо представляют себе, что, являясь капиталистами, они составляют один класс, интересы которого нужно защищать.

2. Так как капиталисты, как класс, более сознательны, то они, естественно, в данное время более лойяльны по отношению к своему классу, чем рабочий класс. В силу *биологического закона само-*

сохранения, всякий класс, так же, как и отдельный индивид, будет защищать себя, как класс, то-есть будет лойяльным по отношению к своему классу, в полном соответствии со своей классовой сознательностью или в соответствии с тем, насколько ему известны и понятны интересы его класса. Капиталисты, конечно, понимают, что они составляют один класс с классовыми интересами, но тем не менее всегда нежно воркуют тем рабочим, кто настолько невежественен, чтобы внимать их речам, сладко воркуют, что, мол, «классов никаких нет», «все мы плывем в одной ладье», «существует полная гармония интересов», «капитал и труд братья» и т. п.

3. Капиталисты *изучают* тактику ведения классовой войны— тактику промышленной борьбы гораздо больше, чем делает то же в настоящее время рабочий класс. Будучи более сознательным по отношению к своему классу и следовательно более лойяльным по отношению к нему, а стало-быть, и более способным, как класс, к самозащите, капиталистический класс, естественно, изучает более терпеливо пути и средства для защиты своего класса. А так как он *больше изучает, то и на самом деле он больше знает* в настоящее время обо всем, что касается политики, что касается состязания, именуемого классовой борьбой, что касается искусства самозащиты, защиты *класса в промышленности* *).

Во всех различных современных формах этой злосчастной классовой борьбы, одна из фаз которой называется войной, капиталистический класс бдителен и осторожен, он об'единен и победоносно восседает на седле власти во главе процессии, а рабочий класс сонлив и смущен, раз'единен и разгромлен—он ковыляет пешечком в смешном виде, в хвосте великого шествия мировых событий.

Все великие полководцы во всех войнах, во всякой борьбе, во все времена пользовались всегда двумя следующими тактическими приемами:

Во-первых: *внести*, если возможно, *раздор в неприятельскую среду* и предоставить одной партии сокрушить другую; или,

*) «Классы отличаются друг от друга по своей готовности подчинить общественный контроль своей собственной выгоде... В общем, чем более определенно, более тесно между собой связано и более сознательно влиятельное меньшинство, тем больше вероятности, что общественный контроль будет окрашен классовым эгоизмом».—Проф. Э. Росс.

Во-вторых: Если обстоятельства мешают первому тактическому методу, то *раз'единить* неприятеля и сокрушить его по частям.

И ныне генералы-от-промышленности, капиталисты, как раз и прибегают с успехом к таким тактическим приемам во время *классовой войны* в современной капиталистической промышленности, основанной на системе *заработной платы и получения прибылей*. Сами они об'единяются, но *раз'единяют* рабочий класс и *правят* им. Более сознательные, более лойяльные по отношению к своему классу и более осведомленные в способах и средствах борьбы, чем рабочий класс, капиталисты действуют следующим образом:

А. *На экономическом поле сражения* капиталисты *раз'единяют* рабочий *класс* и заставляют его *драться друг с другом*. Таким образом капиталистическому классу очень легко во всякое время и где угодно разгромить рабочий класс и прижать его. Рабочие, не играющие никакой главной роли в обладании и распоряжении средствами производства и в силу этого не допущенные к первенствующему положению в экономической жизни общества, коварно одураченные лживыми учениями о «гармонии интересов труда и капитала», страдающие и покорные от разочарования, подстегиваемые бичом голода, доведенные до отчаяния, сбитые с толку и оклеветанные подкупными любимчиками, шпионами и предателями*), рабочие, со злости, со-слепу *разбиваются на отдельные соперничающие между собою группы*, позорно обращаются друг против друга, дерутся друг с другом, сбивают друг у друга цены, «штрейкбрехерствуют», покидают один другого—разбивают один другого на голову. Более того, часть рабочего класса идет на лесть и гнусные взятки, добровольно соглашаясь организоваться, вооружаться и горделиво защищать капиталистов от собственных

*) В руках капиталистического класса целые миллиарды, при помощи которых можно «посмеяться» над практическими планами активных работников, входящих в состав разных рабочих организаций. Все рабочие организации, трудовые союзы и местные партийные организации должны всегда остерегаться, быть настороже, наблюдать и следить за поступками каждого, кто хронически «срывает» практические планы работы или обычно позволяет себе инсинуировать по адресу старательного активного работника, входящего в состав организации.

братьев. Таким образом рабочие шпионят и доносят друг на друга, арестуют друг друга, сажают в кутузку, «заточают», колют штыками и расстреливают друг друга—при капиталистическом строе, при нынешней системе классоваго труда.

Конечно, таким путем рабочий *класс* легко разгромить и ограбить в промышленной жизни.

Людские рабочие пчелы жалят друг друга и лишаются меда своего собственного промышленного труда.

И все это чрезвычайно удовлетворяет хозяев-промышленников, как крупных, так и малых (см. стр. 197).

Правители управляют.

Б. *На политическом поле сражения* капиталистический класс *делит* рабочий класс на *две или более группы* и заставляет их выступать в политике друг против друга, заставляет всегда всех рабочих *жалить* один другого и обрекать друг друга *на поражение*, то-есть — заставляет их *сводить на нет политическую классовую власть* рабочего класса.

Одна часть рабочего класса голосует за одну партийную программу капиталистического класса, другая—за другую, третья—за третью, и так далее. Таким путем миллионы сбитых с толку рабочих обрекают на разгром, в политическом смысле слова, рабочий класс и поддерживают в политике своих хозяев промышленников, поддерж ся в политике *те политические партии* (искусно наклеива щие на себя различные ярлыки), *которые единодушно стоят за капиталистический строй.*

Так одураченный рабочий *класс* позволяет легко *разгромить себя в политике*, что дает возможность гораздо легче *ограбить его в области промышленности.*

Призывая к *политической* власти *какую бы то ни было* политическую партию, стоящую за *любую* форму капиталистической системы *классового труда*, рабочий класс дает в руки капиталистическому классу *полный контроль* не только надо всеми *политическими* установлениями, но также и надо всеми другими установлениями, которые могут быть использованы каждым классом в самозащиту, потому что *контроль над политическими установлениями связан с законным правом контроля над всеми другими установлениями.* При такой политической не-

разберихе, *разделении* и затмении рабочий класс столь же беспомощен, как овца, и его, словно овцу, и стригут политические и промышленные овчары.

И это тоже чрезвычайно удовлетворяет хозяев-промышленников, как крупных, так и мелких.

Правители управляют.

Мы должны усвоить себе следующее: Всюду, всегда и при всех обстоятельствах рабочему классу нужно *держаться сообща* при использовании *всех* видов власти, которою мы обладаем для защиты своего *класса*.

Затем, представив себе отчетливо все эти важные предварительные сведения, а главным образом тот факт, что, как бы нам ни приходилось действовать, мы должны действовать, *как один объединенный класс*, перейдемте к дальнейшему рассмотрению причин—к рассмотрению того источника раздора, именуемого классовой борьбой, форм которой обычно называется войной.

Общество должно выполнять множество различных *функций. Чтобы выполнять их, оно должно быть организовано.*

Общество первоначально неизменно сорганизовывается (и это чрезвычайно важно заметить) при почтительном отношении к тем занятиям, которые производят богатство, ибо производство тех благ, которые дают возможность существовать, всегда ставится выше всех социальных функций.

Для выполнения этой функции производства богатств, общество, достигшее той стадии развития, которая идет за родовым коммунизмом, может быть организовано двояким образом и только двояким образом.

Первая возможная форма организации общества: на основе взаимности, — при этой форме промышленные основы общества строятся на принципе общественной собственности.

Общество может быть организовано на основе взаимности для выполнения великой промышленной функции производства — *все* люди являются совладельцами и все они обладают правом контроля над *главными материальными средствами производства*, все люди соответственного возраста и при надлежащем состоянии здоровья выполняют полезную, необходимую общественную работу. При таком строе нет промышленного хозяйского класса и нет

промышленного зависимого класса. Промышленная независимость каждого члена общества об'ясняется тем, что каждый является собственником, *со-собственником*, главных материальных средств производства. Стало-быть, всякий *занимает первенствующее положение* по отношению к добыванию абсолютно необходимых *средств к существованию*. При равенстве в обладании собственностью и при равенстве в осуществлении контроля над вещами, которыми пользуются при добывании средств к существованию, все люди становятся *равными* в получении *возможности* снискать себе средства к жизни, то-есть свободными в промышленном отношении. Главнейшим установлением будет институт общественной собственности на главнейшие средства, которыми пользуются при выполнении главнейшей социальной функции. Все это делает невозможным господство над обществом *одной группы* или *одного класса* внутри самого общества—*все* члены общества будут всегда чувствовать под ногами почву, будут чувствовать, что их существование обеспечено, будут знать, что в их руках средства к жизни, средства производства, которых их не могут лишить или отнять частные собственники этих жизненных основ.

Такая форма общественного строя может быть соответственно названа промышленной демократией.

Целью такой формы общественной организации является *благосостояние всех* членов общества.

При такой форме общественного строя не *было* бы никаких промышленных классов, и следовательно не было бы *никакого* классового грабежа и нельзя было бы его организовать, узаконить и облегчить.

Вторая возможная форма организации общества: на основе *антагонизма*—то-есть при системе *классового* труда, при которой промышленные *основы общества* являются *частной собственностью*, находятся в частном обладании у одного класса и применяются для производства благ другим классом.

Общество может, конечно, быть организовано для выполнения великой промышленной функции производства на основе системы классового труда: когда одна часть общества находится в стратегическом положении промышленников-хозяев, в положении правящего класса, господство которого об'ясняется тем, что он владеет на праве

частной собственности *главными материальными средствами производства;* другая часть общества находится в беспомощном положении зависимых в промышленном отношении лиц, в положении рабочего класса, причем их зависимость в промышленном отношении об'ясняется тем, что они не играют никакой деятельной роли в обладании главными материальными средствами производства и в контроле над ними.

Такую форму общественного строя мы можем соответственно назвать промышленным деспотизмом.

Целью этой формы общественной организации является *специальное благосостояние части* членов общества.

При такой форме общественного строя, основанной на системе классового труда, классовый грабеж *организован, узаконен и облегчен.*

Основным институтом всякого деспотизма является институт частной собственности на экономические основы общества— то-есть на средства производства. Этот институт—краеугольный камень организованного, узаконенного и легкого грабежа рабочих шулерами.

Исторически, общество, организованное на основе классового труда, прошло через три различных стадии, а именно:

1. Личное рабство, возникшее за тысячи лет до нашей эпохи; это была система *классового* труда—организованный, узаконенный удобный повод для оптового классового грабежа. При такой форме системы классового труда, для которой легально *применялся* классовый грабеж, этот грабеж был, конечно, занятием почтенным, прибыльным, легким и следовательно неизбежным.

Мир был невозможен.

Цели такой формы общественного строя были *необщественны*

При этой форме общественного строя хозяева были в законном обладании средствами производства, а также им принадлежали крепости, суды и законодательные учреждения (поскольку такие существовали). Поэтому хозяева находились в превосходном положении для защиты и распространения своего промышленного грабежа.

Таким образом собственники рабов были паразитами, общественными паразитами, с агрессивными наклонностями.

Это можно признать за достоверное *).

2. Крепостничество, всего лишь сто лет тому назад бывшее обычным явлением в Европе, было тоже одной из систем классового труда—было организованным и узаконенным удобным поводом для оптового классового грабежа. И при этой форме общественного строя, к которой был легально приспособлен классовый грабеж, этот грабеж был, разумеется, занятием почтенным, выгодным, легким и следовательно неизбежным.

Мир был невозможен.

Цели такой формы общественного строя были *необщественны*.

При таком строе хозяева все еще были в законном обладании средствами производства, а также им принадлежали крепости, суды и законодательные учреждения. Поэтому они были в прекрасном положении для защиты и распространения своего промышленного грабежа.

Помещики и хозяева, которым принадлежали некогда крепостные, были таким образом тоже паразитами, общественными паразитами с агрессивными наклонностями.

Это можно признать за достоверное.

3. Капитализм, современная система общественного строя, является также системой классового труда, организованным, узаконенным средством для оптового классового грабежа, и при этой форме системы классового труда, к которой законно приспособлен классовый грабеж, этот классовый грабеж является в нынешнее время, конечно, занятием безусловно почтенным, чрезвычайно выгодным и соблазнительно-легким, и поэтому, естественно, неизбежным.

Цель нынешней капиталистической организации общества состоит в достижении особого благосостояния одной только частью общества, классом капиталистов, и является, следовательно, целью необщественной.

Мир невозможен, пока существует капиталистический строй.

При этой форме общественного строя хозяева, класс капиталистов, находятся в обладании средствами производства, то-есть в

---

*) См. в одиннадцатой главе сведения о происхождении враждебных стремлений паразитов крупного калибра и о происхождении и истории рабочего класса и формы общественного строя, основанного на классовом труде.

законном обладании промышленными основами общества, а также им принадлежит законный контроль над арсеналами, пушками, солдатами, крепостями, судами и законодательными учреждениями, и таким образом этот класс находится в прекрасном положении для защиты и для дальнейшего расширения своего промышленного грабежа.

Таким образом капиталисты (поскольку они получают от общества свои доходы, не выполняя взамен этого никакой равноценной общественной службы) являются паразитами, общественными паразитами, с агрессивными наклонностями (см. примечание на стр. 341).

Это можно признать за достоверное. Это признано за достоверное, выяснено и осуждено даже президентом Американского Социологического Общества, д-ром Листером Уордом, профессором социологии в Броунском университете *).

Паразитизм капитализма можно легко видеть из такого примера: Вильям Вандербильт оставил по наследству своим восьми детям сумму, равноценную тремстам шестидесяти девяти тоннам золота (200.000.000 долларов).

Если бы дочь Джона Рокфеллера Старшего получила по наследству половину его нынешнего состояния, равняющегося шестистам миллионам долларов, то она получила бы, не выполняя взамен этого никакой работы, состояние, равноценное пятистам пятидесяти трем тоннам золота.

---

*) См. «Динамическую социологию», том I.—«Психические факторы в цивилизации», глава 24.

Обратите особенное внимание на выдержку из «Социального контроля» д-ра Росса, трактующую о методах, которыми пользуются общественные паразиты. Эта выдержка помещена в начале указанной главы. Профессор Росс пользуется общим признанием в качестве одного из самых серьезных и блестящих исследователей вопросов социологии.

Важно затем еще отметить, что д-р Франклин Гиддингс, декан социологического факультета Колумбийского университета, как социалист, считает, что капиталистический класс является по отношению к обществу классом паразитическим. Все университеты мира считают, что д-р Гиддингс имеет малоравных себе в вопросах социологии.

Общественные паразиты всего мира никогда не простят ученому социалисту д-р Торштейну Веблену, Чикагского университета, его смелой и изумительной книги «Теория праздного класса».

Миллиарды долларов в стоимости копей, железных дорог, фабрик, лесов и других средств производства попадут законно—*по наследству, без выполнения каких-либо функций*, т.-е. без несения какой-либо службы—в руки детей нынешних капиталистов, все равно, умны ли эти дети, добродетельны, трудолюбивы или глупы, порочны и праздны. И таким путем они, словно дети королей или лиц благородного происхождения, окажутся в *состоянии выиграть приз на жизненных скачках, не принимая в них непосредственного участия*, окажутся в состоянии *сделать своей добычей других* во время борьбы за существование, будут получать *средства к жизни, не выполняя никакой работы.*

Вся эта грандиозная система грабежа—этот социальный паразитизм является «вполне правильным» и «надлежащим»,—то-есть такой процесс *старательно узаконен.*

Паразитизм—это грабеж.

Паразитизм останется паразитизмом и грабеж—грабежом, когда он, подобно институту личного рабства, хитро обеспечивает себе организацию, благословение и законность существования в качестве «весьма почтенного», прибыльного и справедливого установления для совершения постоянной кражи в громадных размерах (см. третью главу, «Об'яснение»,—излишек).

Так, в настоящее время, как и в прошедшую эпоху во время рабства, как и в минувшую эпоху во время крепостничества, правящий класс, будучи классом интеллигентных паразитов, подготовляется к классовому наступлению, к классовому грабежу. Капиталисты, как класс, создают и обеспечивают себе возможность удобного случая для того, чтобы ограбить законным образом производительный класс, подчиняя себе контроль над промышленной структурой общества и, тем самым, контроль над *выполнением промышленной функции*,—то-есть основной, *первейшей общественной функции.*

Управляемый и ограбляемый рабочий класс должен представить себе отчетливо и не забывать, что основой всех общественных форм, покоящихся на системе классового труда, основой, которая предоставляет *части* общества *контроль надо всем обществом*, основой, на которой покоится промышленный паразитизм, источник всякого деспотизма, что этой основой является *институт частной*

собственности на главные материальные средства производства. Этот институт *расщепляет общество на два класса*, а именно—на производителей и паразитов. Политические партии не создают классов. Политические партии являются *следствием* существования промышленных классов, и их предназначение—*защищать* промышленные классы. Иногда, чтобы быть уверенными в победе, капиталисты пользуются во время битвы несколькими политическими партиями—под различными *наименованиями, умышленно хитро сбивающими с толку*.

Система классового труда, любая такая система, всякая такая система—*обеспечивает при помощи различных институтов* условия *законного* существования и дает удобный случай для использования промышленных основ общества в интересах части общества, одного класса, который посредственно или непосредственно действует, как класс паразитический. *И вполне естественно*, что эта часть общества при достижении своих собственных интересов будет пользоваться предоставленными ей возможностями для того, чтобы действовать, как паразит. И вполне естественно также, что со стороны производителей будет всегда встречаться сопротивление, значит, произойдет классовая борьба, классовая война. Действительно, все формы общественного строя, основанные на классовом труде, так невероятно *несправедливы* и, стало-быть, так *раздражают людей* в области промышленности, что главнейшим событием в подобных обществах является вечное, внутреннее, ужасное столкновение классовых промышленных интересов,—в промышленности происходит бесконечная гражданская война, классовая война, классовая борьба, кипящая вокруг промышленных *основ общества* (см. стр. 189—191).

Таким образом в основе общества, построенного на классовом принципе, лежит *антагонизм*.

Все это помогает уяснить себе смысл прошлых и нынешних конфликтов.

Отсюда явствует, что источник войны нужно искать в промышленных основах общественного строя.

Война—если рассматривать ее широко—классовая борьба на протяжении истории цивилизованного общества есть не больше, не меньше, как естественный агрессивный грабеж, совершаемый частью

общества, которой предоставлен для грабежа удобный случай, и естественное сопротивление того класса, который грабят.

Война, всякая война—это агрессивность и сопротивление—грабеж и сопротивление—разбой и протест:

1. Агрессивный промышленный грабеж со стороны одного класса и

2. Сопротивление промышленному грабежу со стороны другого класса.

Это естественное посягательство и такой естественный протест мы видим повсюду на протяжении тысячелетий не только в истории цивилизованных народов, но также наблюдаем и в наше время при капиталистическом строе общества.

В результате, как теперь, так и во время оно, происходит борьба, война, классовая война—между паразитами и производителями.

Война—это *классовая* война.

Современные «внешние» войны—просто лишь стычки между различными группами капиталистов (рабочие, конечно, сражаются и истекают кровью), чтобы *расширить площадь возможностей* для промышленного классового грабежа. Поэтому все такие войны являются просто *фазами и более широким толкованием* классовой войны.

Итак, война начинается с посягательства, продолжается при посягательстве; и в настоящее время размеры ее расширяются вследствие агрессивных внешних войн, ради промышленного или коммерческого завоевания.

Сделаем общую сводку.

а. Война, столкновение, классовое посягательство и классовое сопротивление присущи всем формам общественного строя, основанного на системе классового труда.

в. Капитализм—это одна из форм общественного строя, основанного на системе классового труда.

с. Следовательно, при капитализме будут существовать, при капитализме должны существовать, поскольку существует самый капитализм,—классовое посягательство и классовое сопротивление, столкновение классов—классовая война.

Отсюда нам не миновать такого вывода: при капиталистическом строе мир невозможен.

Миллионы проповедей и миллионы банкетов не смогут исцелить жгучие раны на груди ограбленного труженика, не смогут вытащить клыков капиталистов из тела тружеников, *покуда существует капитализм.* Организованное красноречие не сможет остановить полет пушечного снаряда или убедить правителей отказаться от власти.

При капиталистическом строе, как и при рабстве и при крепостничестве, предприниматели, находясь *у самых* корней *промышленных основ общества*, могут легально красть средства к существованию у рабочего класса; это происходит так: капиталистам принадлежат по праву частной собственности средства производства и в их руках находится контроль над ними, рабочие должны пользоваться при работе этими средствами производства, чтобы получить средства к существованию. Таким образом капиталисты, как пиявки, присосались к самым основам общества. Здесь в промышленных основах общества образуется промышленная кровь общества—богатство. И здесь-то и присосались пиявки. И здесь-то им и принадлежит полнейший контроль над промышленной кровью общества. И естественно, совершенно естественно, что здесь—в таком положении, пользуясь таким удобным случаем, они, как пиявки, будут сосать такую промышленную кровь, то-есть вести себя, как паразиты.

При таком устройстве общества, капиталисты действительно имеют полную возможность грабить мир оптом, держать в своих руках всех истомленных тружеников по всей земле.

Подобный организованный и узаконенный захват и сопротивление такому захвату и есть война, как таковая.

Полицейский, милиционер, казак и солдат, все они всегда готовы ринуться на мировую сцену, чтобы предложить свои услуги.

Кому?

При всех столкновениях, об'ясняющихся организацией общественного строя на основах классового труда, правящий класс, как уже было указано, всегда обладает тяжелым кулаком, социальным оружием—*вооруженной охраной*, в роде милиции, крупных полицейских сил и постоянных армий, предназначенной для расширения области грабежа и для защиты промышленного правящего класса,

занимающего несправедливую, необщественную позицию узаконенных разбойников, грабящих рабочий класс.

Всякая болтовня, всякие надежды, всякие мольбы о мире, спокойствии и гармонии совершенно праздны, пока общество организовано на несправедливых началах, то-есть организовано «несоциально» у «самых своих корней», когда одна часть его занимает положение промышленных хозяев, другая—положение подвластных. Таким образом через создавшуюся в обществе *зияющую пропасть* между двумя воюющими классами никогда нельзя будет перекинуть мост ни при помощи пожеланий, надежд и молитв, ни при помощи мирных конференций, на которых преобладают начиненные барышами хозяева со своими упитанными рабами (в интеллектуальном смысле слова), не смеющими указать на основную причину войны.

Таким образом выясняется, что̀ повлечет за собою будущее для рабочего класса,—покуда существует капитализм.

При капитализме, вопреки всем искренним и неискренним надеждам и молитвам о мире, всегда будет узаконенный оптовый грабеж рабочих капиталистами-предпринимателями—особая форма агрессивного социального паразитизма предпринимателей—*и упорное сопротивление со стороны рабочих, тем бо̀льшее, чем лучше они понимают такой грабеж,* — и следовательно всегда будут столкновения из-за заработной платы, урезывание заработной платы, принудительное сокращение размеров потребления, «перепроизводство», безработица, хлебные очереди, летучие кухни, возмущения из-за арендной платы, выселения, «шествия» безработных, требующих куска хлеба, забастовки, пикеты, штрейкбрехеры, бойкоты, локауты, судебные приговоры, «кутузки», черные доски, высылка за пределы штатов, а также налеты на пикеты, полицейские, Пинкертоны, шерифы, полицейские отряды, казаки, милиционеры и стрельба «регулярных» по скверно оплачиваемым, скверно питающимся рабочим; всюду будут унижать рабочий класс и проливать его кровь.

И всегда будет все бо̀льшее ограничение свободы собраний, ограничение свободы слова, ограничение свободы печати, чтобы помешать обсуждению и остановить распространение знания того, что дурно в своей основе (запомните, это

пророчество и защищайтесь, защищая свое право обсуждать *что угодно).* Неограниченное (и защищаемое государственной властью) право *обсуждать что угодно*—обсуждать все, невзирая на то, нравится ли или нет такое обсуждение королям, царям, императорам, президентам, губернаторам, городским управлениям, шерифам, полицейским, церквам, политическим партиям, отдельным личностям, меньшинству или большинству,—вот это право и только это право и есть *свобода слова.* В ту минуту, как всем этим лицам или кому-либо из них предоставляется право помешать обсуждению какого-либо вопроса на каком бы то ни было собрании—в этот момент на свободу слова делается посягательство и оно уничтожается. И в этот момент виновные изуверы, поставив трусливо ногу на поверженную свободу, *заявляют о своем физическом* превосходстве и *признаются* в своем умственном ничтожестве.

Все, что не в силах переносить свободу слова, заслуживает смерти.

И кроме того при капиталистическом строе будут, естественно, время от времени попрежнему продолжаться завоевательные войны для расширения поля эксплоатации, для новых удобных случаев для агрессивного промышленного паразитизма, войны для открытия иностранных рынков, для защиты иностранных рынков, на которые будут выбрасываться те продукты, которых не смогут потребить предприниматели, а рабочие не будут иметь возможности потребить, не получая достаточно оплаты за свой труд. И повсюду над миром будет бушевать буря, буря трубных звуков: «К оружию! К оружию!», буря коварных и сбивающих с толку криков: «На фронт! На фронт! Под знамена!», буря пронзительных звуков флейт, грохочущих барабанов, треска ружейных выстрелов, сверкающих сабель, буря, разражающаяся под тяжкий гром пушек, среди пылающих городов, тонущих броненосцев и грузного топота скачущих во всю прыть кавалерийских лошадей; повсюду будет происходить классовая борьба в тысячах видимых жестоких форм. И повсюду будут горы, груды трупов, трупов рабочих людей, повсюду будут истерзанные тела, разорванные кровеносные сосуды, потоки крови и слез рабочих; повсюду будет ад, кроме домов наших «самых *лучших* людей», которые, как в смутное, так и в мирное время, всегда кормятся пре-

спокойно (словно пиявки, социальные пиявки, социальные, вечно кормящиеся паразиты), об'едаясь излишком, отнятым по закону от рабочего класса.

Так капиталистическое общество повсюду страдает гноящейся социальной болячкой, неисцелимой язвой, отравляющей, изнуряющей всё, что есть лучшего в обществе, разрушающей самые высшие формы жизни и чувства братства и мира. Повсюду жизнь тружеников опошляется, грубеет и растрачивается зря. И все это будет всегда естественным, неизбежным, будет всегда встречаться при всякой организации общества, основанной на классовой системе труда, во всяком обществе, организованном не на принципах общественности, при несправедливости организованной, узаконенной и удобной, проникшей до самых глубинных промышленных основ общества,—всегда будет существовать в промышленности бесконечная гражданская война между двумя, только двумя классами, двумя промышленными классами.

Ну, так что же нам делать теперь?

Это просто, как азбука.

Война и все формы классовой борьбы—это социальный нарыв:

а. Несправедливость в сильнейшей степени вредит обществу.

б. Социальный паразитизм—явление чудовищно-несправедливое.

в. Следовательно социальный паразитизм вредит обществу, и его необходимо уничтожить.

а. Всякая форма общественного строя, которая порождает и охраняет класс социальных паразитов, будет всегда вредна для общества, и следовательно ее необходимо уничтожить.

б. Капитализм порождает и охраняет класс социальных паразитов и таким образом вредит обществу.

в. Стало-быть, капитализм должен быть уничтожен.

Справедливость умиротворяет общество.

Общество должно быть организовано так, чтобы в *структуре его* лежала справедливость.

Нам нужно искать справедливости—для новой *социальной структуры*.

Мы должны построить такое общество, которое «облегчало бы возможность поступать по справедливости и затрудняло бы возможность поступать дурно» (В. Гладстон).

Будем ли мы непротивленцами?

Нет, нет, ни в каком случае.

Непротивление не естественно (в особенности для класса сознательных рабочих)—для рабочих, *понимающих свои классовые интересы*. Непротивление неразумно, небезопасно и невозможно. Непротивление обозначало бы раз навсегда разгром и деградацию рабочего класса *).

Значит, мир—это детские бредни, и война должна быть бесконечным раздором и кровопролитным кошмаром—для рабочего класса?

Нет, это вовсе не необходимо!

Мы должны сопротивляться!

Но мы не должны сопротивляться только путем одной физической силы.

Рабочему классу нужно *думать*—иначе рабочие всегда будут бороться, истекать кровью, плакать и ждать—ждать и хныкать, словно дети, заблудившиеся в лесу, ждать, пока «кто-нибудь», пока «какие-нибудь добрые люди» не придут и не «спасут» их.

Рабочие должны *думать, пока они не найдут такой формы общественной организации*, при которой основная причина войны—то-есть *классовый грабеж*—не будет иметь под собой *удобной почвы* и поэтому перестанет существовать.

То, что д-р Уорд называет «духом агрессивности», будет выдыхаться и в конце концов выветрится, когда будет *уничтожено условие* (удобный случай для паразитизма), которое *культивирует* этот «дух агрессивности».

Основатели Американской республики безбоязненно сопротивлялись тоже путем силы. Но рабочий класс Соединенных Штатов в данное время не мог бы и не может теперь сопротивляться, с надеждой на успех, путем силы и только одной силы, и вот почему:

Во-первых: Мы, рабочие Соединенных Штатов, можем воспользоваться сейчас для защиты своего класса другой, лучшей силой, силой менее опасной для нас, менее дорогой, более спокойной, более

*) «.... Непротивление повело бы к фатальным последствиям... Если когда-либо с войной будет покончено, то это случится лишь в том случае, если угаснет дух агрессивности, а не защиты». — Листер Уорд.—«Динамическая социология», том I.

законной и поэтому более выгодной в стратегическом отношении — *силой*, которая заставляет капиталистический класс бояться *пробуждения рабочего класса*, а именно—нашей политической силой—нашим об'единенным голосованием.

Во-вторых: Пока мы не станем настолько разумны, чтобы защищать стратегически свой класс об'единенным голосованием, мы будем слишком тупоумны, чтобы, в случае надобности, использовать с успехом для себя силу оружия, подняв его на защиту рабочего класса. Будет нецелесообразно советовать обратиться к грубым методам вооруженной силы, пока мы, развив в себе нужную сознательность, не попробуем *испытать, как следует*, свою мирную мощь, свою политическую силу,—свое об'единенное голосование (см. стр. 346).

В-третьих: Мы не готовы еще в политическом отношении, то-есть, мы не находимся в легальном обладании правительственной властью, и поэтому наша позиция недостаточно сильна для защиты нашего класса всеми видами власти, принадлежащей нам законно. А пока мы не подготовлены, нами будут пользоваться и угнетать нас.

Таким образом ясно, что мы не можем воспользоваться с пользой для себя физической силой.

Что же мы должны делать?

Мы должны уничтожить капитализм и закончить классовую борьбу.

Во всех разнообразных видоизменениях столкновений или капиталистических войн рабочий класс нанимают, заманивают, одурачивают или заставляют силой брать на себя активную роль в драке.

С этим должно быть покончено как можно скорее, и это будет подготовительный шаг.

С этим будет покончено, когда сознательные рабочие сумеют об'яснить *сущность капитализма и войны* сбитым с толку и обманутым членам рабочего класса. Война прекратится, когда мы раз'ясним злые национальные и международные козни капиталистического класса. Война прекратится, когда мы разбудим рабочих всего мира своим *раз'яснением*.

Путем раз'яснения мы осведомим.

Путем осведомления мы добьемся лучшего понимания.

Путем лучшего понимания мы усилим самоуважение и стремление к более высокой жизни и к свободе, необходимой для более высокой жизни.

Поэтому:

Об'ясняйте—в своей среде и вне ее—повсюду—в мастерских, на заводах, на копях и на фермах.

Об'ясняйте, пока императоры и президенты не *станут бояться своих собственных набранных* или *«добровольных» армий.*

Об'ясняйте, пока убийство за стол, одежду и 16 долларов в месяц не будет казаться гнусным.

Об'ясняйте, пока молодые люди из рабочего класса, как находящиеся в строю, так и вне его, не увидят света.

Об'ясняйте, пока об'явления, зазывающие мясников и набирающие их на военную службу в качестве кулаков и клыков, не станут внушать рабочему классу полное отвращение.

Об'ясняйте, пока наш класс не станет сознательным классом, пока он не познает себя, не познает собственных классовых интересов и своего классового могущества.

Об'ясняйте, пока нельзя будет одурачивать, нанимать, заманивать или заставлять наш класс убивать или быть убиваемым.

Об'ясняйте, пока наш класс не поймет, подобно классу капиталистов, политических методов классовой защиты.

Об'ясняйте, пока миллионы очнувшихся рабочих всех политических партий не стиснут друг другу руки у баллотировочных ящиков, об'единившись в одну политическую партию своего собственного класса для смелой самозащиты собственного класса.

Об'ясняйте, пока наш класс не увидит ясно и не об'явит гордо, что мы должны разрушить капиталистическую форму организации общества на основе классового труда и *воссоздать общество на основе рациональной взаимопомощи* (см. главу седьмую, отдел 12).

Все такие об'яснения, все такие учения оказывают самое могущественное влияние на пробуждение рабочего класса, побуждают его к самосознательности, заставляют его ревностно стремиться к самозащите, как в области *промышленности*, так и в области *политики*, прибегая к помощи *всех видов принадлежащей ему власти.*

Личное рабство было уничтожено. Разумеется. Разве не верно? Крепостничество было уничтожено. Конечно. Разве не так? Капитализм должен быть уничтожен. Конечно.

Что! Нужно ли нам уничтожать богачей, уничтожать капиталистов? Нет, конечно, нет!

Это не будет справедливо. Капиталисты являются капиталистами на *законном основании*—им позволял быть капиталистами рабочий класс.

Благодаря изданным политиками законам и созданным ими установлениям, капиталисты занимают свою позицию вполне законно и с разрешения закона правят рабочим классом и грабят его.

И благодаря издаваемым политиками же законам и создаваемым ими установлениям, правящий класс перестанет удерживать за собой такую позицию.

Физическое истребление тысяч или сотен тысяч капиталистов ни на одну иоту не поправит дела. Дети рабовладельцев становились сами рабовладельцами в силу созданных политиками законов наследования. Точно так же дети капиталистов становятся капиталистами не в силу своих добродетелей или пороков, они становятся капиталистами в силу созданных политиками законов наследования.

Законное право владения по праву частной собственности промышленными основами общества должно быть законно же уничтожено. Если же капиталисты сделаются анархистами и станут противозаконно сопротивляться законным методам, то они не смогут разумно восставать против того, чтобы по отношению к ним самим неукоснительно применялись их собственные законы против анархистов.

Конечно, никто не спорит, что капиталисты все время лишают рабочий класс прибавочной стоимости и многие из капиталистов поступают по отношению к рабочим гадко и жестоко и тысячью разных преследований наводят на мысль о своем собственном физическом истреблении. Некоторые капиталисты уничтожили себя сами, совершили самоубийство, чтобы избежать позора своих преступлений. Некоторые из капиталистов сидят сейчас в тюрьме, еще большему количеству не мешало бы попасть в тюрьму, как свидетельствуют многие из их же класса. Гораздо большее количество капиталистов в случае издания соответствующего закона поспешило бы сейчас же покинуть страну, чтобы избежать тюрьмы,—кое-кто уже так и сделал.

Значительное количество капиталистов дает также взятки судьям и судебным следователям, чтобы избежать тюремного наказания; многие выдающиеся дельцы, участники трестов, изменили закон, направленный против организации трестов, чтобы обеспечить себе возможность с большим удобством ускользнуть от тюрьмы,—так сказал президент Тафт в Колумбусе, Огайо, 19-го августа 1907 года.

И капиталистический класс всячески оскорбляет рабочий класс. Все это совершенно верно. Множества обид со стороны капиталистов вполне достаточно, чтобы вызвать мщение. Но мы не стремимся к мести. Месть нехороша. Месть не благородна. Более того, мы не сможем избежать войны, прибегая к мести, и, кроме того, что еще более важно, богачи и богачки не составляют общественного *строя*. Они являются *членами* общества и ведут себя вполне *естественно—сообразно с обстоятельствами*. Иными словами, будучи правящим классом при общественном строе, основанном на системе *классовой*, они и ведут себя, как хозяева.

Капитализм, как форма общественного строя, должен быть уничтожен.

Значит ли это, что мы уничтожим и все средства производства—заводы, копи, леса, железные дороги и тому подобное?

Разумеется, нет! Средства производства—это разные материалы, разные механические предметы. Они не составляют общественного строя.

Ну, а как же тогда? Должны ли мы «разрушить общество»? Должны ли мы перевернуть все общество вверх дном, вывернуть его «наизнанку», так сказать, внезапно «среди тьмы ночной»?

Ничего подобного!

Вот что нам нужно сделать:—мы должны поскорей, как можно скорее разрушить нынешний общественный строй, основанный на системе классового труда, называемый капиталистическим строем,—для этого мы должны ударить по основанию, на котором зиждется капиталистический *строй* общества, и выбить из-под него это основание.

Но что же является основанием такого капиталистического строя общества при системе *классового* труда?

Основанием, на котором зиждется капиталистический строй, является, как уже было выяснено, *право частной собственности на средства производства*.

Капиталисты, предприниматели, правящий класс стоят на законном основании между средствами производства и теми, кто пользуется этими средствами при работе; таким образом между рабочими и вещами, над которыми они работают для добывания средств к существованию, встает стена *законной помехи.*

Капиталистический класс на законном основании *подчиняет своему контролю те условия*, при которых рабочие могут пользоваться средствами производства, исполняя какую-нибудь работу.

Капиталистический класс находится в узаконенном положении паразитов по отношению к *средствам производства* или в связи с *ними.*

Это отношение служит «замком» в арке капитализма; это отношение является главнейшим элементом нынешнего общественного строя.

Это паразитическое отношение всегда и везде дает капиталистам возможность управлять рабочим классом, грабить его и разорять.

Это отношение необходимо уничтожить; это деспотическое, паразитическое отношение должно быть пресечено.

От капиталистического класса нужно законно избавиться, освободиться, законно лишить его, как *частного собственника*, главнейших материальных средств производства.

Да, нужно уничтожить этот грабеж, этот узаконенный, организованный грабеж, называемый капитализмом.

«Громадные состояния, принадлежащие отдельным лицам или обществам, громадные скопления капиталов, знаменующие собою развитие нашей промышленной системы, создают *новые условия* и принуждают *пересмотреть* прежние взгляды государства и нации на *собственность*» (из речи Теодора Рузвельта).

Этот случай, это положение вещей требуют решительного вмешательства со стороны социальной хирургии.

Вы верите в значение хирургии, не так ли? Конечно, верите. Всем миром признано, что хирургическое вмешательство является рациональным и необходимым средством для спасения жизни, для спасения жизни какого-нибудь индивида.

Прекрасно, так распространите применение этого принципа на общество и используйте практику хирургии на *теле общества* *).

Паразиты никогда не откажутся по доброй воле от захвата того источника, который питает их, они никогда не оставят добровольно в покое тех живых существ, из которых высасывают средства существованию. И паразитический класс капиталистов будет вечно цепляться за средства производства, владея ими по праву частной собственности, покуда его не оттеснят, покуда его не лишат законным путем этих средств. Все, что здесь написано относительно социальных паразитов, не должно быть понято в смысле злостного порицания древних рабовладельцев, феодальных помещиков или современных капиталистов. В общем ходе развития человеческого общества появление и деятельность социальных паразитов составляли, да и теперь составляют, столь же естественное явление, как и появление и образ действия тех паразитов, которые встречаются в низшем животном мире и в растительном царстве. И стремление к вытеснению из общества людей-паразитов не должно было бы быть *связано с какой-либо личной злобой*, поскольку это возможно с точки зрения гуманности **).

*) «Если бы государственный экономический строй какой-либо страны мог быть организмом, то мы убедились бы в том, что разные пертурбации, от которых этот строй страдает, имеют некоторую аналогию с болезнями, поражающими живые существа. Поэтому мы можем надеяться научиться многому из проверенных методов медицины, что могло бы оказаться полезным на практике». — Рошер, «Политическая экономия».

**) Ради большей ясности (и правильности) нужно еще прибавить:

1) что *некоторые* члены капиталистического класса чувствуют отвращение к капиталистическому строю; что они сожалеют о том необщественном отношении, в котором стоят ко всему обществу, и что, поскольку они живут при капиталистической системе, их положение почти столь же затруднительно, как положение демократа в России. Можно верить в России в демократию, но нельзя осуществлять на практике ее принципы при существовании в России самодержавного строя. Так и при капитализме: можно верить в промышленную демократию, но нельзя применять на практике ее принципов при системе промышленного деспотизма;

2) что некоторые члены существующего общества принадлежат отчасти к капиталистическому классу, отчасти—к рабочему.

Особому вниманию читателей рекомендуется блестящая книга д-ра Торштейна Веблена — «Теория праздного класса», весьма полезная для понимания сущности социальных паразитов.

Однако в сельском хозяйстве нужно самым суровым и решительным образом уничтожать паразитов, охраняя полезные растения или животных, невзирая на то, что паразит, поражающий пшеницу или стадо баранов, может быть очень маленьким, беспомощным, красивым на вид или безобидным. Точно так же и в обществе, каким бы красивым, вежливым, благочестивым, образованным, человеколюбивым, выдающимся благодаря заслугам предков, с какой бы голубой кровью ни был человек-паразит, живущий трудом рабочих, такого паразита, стар он или молод, мужчина это или женщина, нужно немедленно сбросить, нужно силою стащить с плеч рабочего класса. Те же, кто во время перестройки общества стараются защитить себя, занимаясь полировкой фамильного герба и карабкаясь на свое родословное дерево в поисках верительных грамот, будут просто строить из себя обезьян. Они будут даже более смешны, чем роялисты во время американской революции. Людям «благородного происхождения» придется выучиться благородному искусству добывать себе пропитание, *производя средства к существованию*. Ужасная фраза «Кто не работает—не ест», будет иметь все большее и большее значение.

Итак, рабочий класс должен законным путем делать все, что нужно, чтобы защититься от губительных об'ятий капиталистического класса.

И вот что нужно делать:

Рабочий класс должен сам стать *организованной политической властью*, должен взять в свои руки правительственную власть и тем самым обеспечить за собой законный контроль над суверенной политической властью, которая влечет за собою *законное право* *) контролировать, ревизовать, отменять или реорганизовывать промышленные институты; таким образом рабочий класс должен обеспечить за собою законное право (и власть) создать и провести в жизнь такую промышленную систему общественного строя, которая уничтожит капитализм с его организованным и узаконенным клас-

*) «Правительству, которому принадлежит право издавать законодательный акт и вменять в обязанность выполнение этого акта, следует предоставить возможность выбирать те или иные средства, согласно указаниям разума». — Высший суд Соединенных Штатов, решение его от 7-го марта 1819 года.

совым грабежом и которая в то же время предоставит каждому члену общества, вполне организованно и законно, возможность добывать средства к жизни без боязни быть ограбленным, возможность жить, не тратя своей жизни и не опошляя ее в борьбе с себе подобными.

И такое уничтожение необщественного по природе своей капитализма и одновременное создание вместо него необходимого нового социального строя может быть выполнено посредством промышленной реорганизации общества на следующих основаниях:

Основания рациональной взаимопомощи.

1. Общественная собственность на средства производства.
2. Общественный контроль над средствами производства.
3. Равная для всех возможность пользоваться средствами производства при соблюдении постановлений, изданных самими рабочими.
4. Производство благ прежде всего *для всего общества*, вместо производства их *прежде всего* для *получения барышей частью общества.*
5. *Служба у самих себя* всех тех, кто хочет заняться какой-нибудь полезной работой—в силу самого факта общего владения собственностью и общего контроля над теми предметами, которыми рабочие должны пользоваться при производстве сообща, причем вознаграждение каждого не может быть уменьшено благодаря ренте, процентам или прибыли.
6. Обладание правительственной властью и контроль над ней, предоставленные тем и в пользу тех, кто стремится к свободе рабочего класса, предоставленные тем, кто стремится к уничтожению тиранической капиталистической системы заработной платы и обеспечивает тем самым промышленную свободу.

Такой план организации общественного строя дает возможность каждому приобщиться к источнику жизни.

Такой план дает возможность всем членам общества стать твердой ногой на почву *промышленных основ общества.*

Безопасно.

Безбоязненно.

Свободно.

Такая взаимопомощь в области промышленности не будет иметь ничего общего с разными частными делами, как, например, религиозные убеждения, семейная жизнь или общественная жизнь,— ведь и теперь общественной библиотеке, находящейся в общем пользовании, нет ровно никакого дела до разных частных отношений.

Таким образом, короче сказать, мы должны *социализировать общество*—путем социализации частной собственности, социализации контроля, управления и целей промышленных основ общества.

Все это было бы уничтожением системы классового труда, называемой системой капитализма, которая ныне покоится на институте частной собственности на средства производства. *Одновременно* это привело бы к установлению рационального нового строя— социального по самой своей природе.

Таким образом общественный строй зиждился бы на основе взаимопомощи.

Цель такой системы общественного строя была бы безусловно целью социальною, а именно она заключалась бы в благосостоянии всех членов общества, желающих трудиться.

Капиталистический класс, как таковой, прекратил бы свое существование.

Рабочий клас, как таковой, прекратил бы свое существование.

Все, все люди были бы в тесной, жизненной связи с промышленными основами общества, с главными материальными средствами производства, не боясь никакой помехи, никакого грабежа. Все люди соответствующего возраста и подходящего здоровья стали бы заниматься работой. Исчезли бы характерные черты промышленных классов. Исчезло бы промышленное господство. Исчезла бы промышленная зависимость.

Это было бы основой промышленной демократии.

Это было бы реорганизацией.

Это было бы революцией.

Революция—это внезапная, основательная перемена, происходящая в *основных* установлениях.

Ныне происходит быстрая реорганизация промышленности, превращающейся в так называемые тресты,—и это не что иное, как революция.

Магнаты, участники трестов, являются революционерами — *поскольку это отвечает их экономическим интересам.*

Революции происходят без шума и без кровопролития, *если только не препятствуют силой росту общества.*

Что же касается боязни революций, то почему же мы должны хлопать в ладоши, восхваляя американских революционеров (которые прибегли к помощи сабли, ружья, штыка и пушки во время революции), и строго осуждать мирных социалистов, которые стоят за мир по всей земле и всегда рекомендуют прибегать к законным методам борьбы в проведении революции (основной перемены), которую они стараются вызвать. (Перечтите еще раз главу восьмую, отдел 10).

Не бойтесь.

К счастью, от миллионов американских школьников и школьниц требуется, чтобы они запечатлели в памяти следующие слова, полные прекрасной смелости и самоуважения:

«Эти истины понятны сами собой... Что правительства устанавливаются в людской среде, получая свои справедливые полномочия с согласия тех, которыми они управляют; что всякий раз, когда *любая форма правления* начинает угрожать этим целям (неот'емлемым правам... на жизнь, свободу и стремление к счастью), *народу предоставляется право изменить или упразднить ее и установить новую форму правления,* учредив ее на таких принципах и организовав правительственную власть в такой форме, какая будет казаться народу *наиболее желательной* для обеспечения его безопасности и счастья... Когда длинный ряд злоупотреблений и незаконный захват власти, преследующие неизменно одну цель, свидетельствуют о намерении подчинить людей полнейшему деспотизму, то *их право, их обязанность* свергнуть такое правительство и выбрать *новых* защитников своей будущей безопасности». — Американская декларация независимости.

Не бойтесь.

«Государству следует проверять время от времени отношение правительства к свободе... По мере того, как жители государства становятся все более цивилизованными, область свободы должна расширять свои пределы».—Проф. Джон Бэргес, ректор факультета политических наук Колумбийского университета.

Не бойтесь.

Для рабочих настало время использовать свою политическую свободу для обеспечения *промышленной* свободы—для «расширения пределов области свободы», для обеспечения равных условий соревнования, для обеспечения равных для всех условий существования.

Равных? Да—равных для всех. Ну, разумеется! Почему же нет?

«Для признания скачки правильной требуется, чтобы у всех был одинаковый старт (т.-е. момент отправления)... Государство должно стремиться к постоянному возобновлению удобных случаев жизни для каждого отдельного класса или лица». — Д-р Джон Баском, Висконсинский университет.

Не бойтесь.

Не будет ни шума ни кровопролития. Все будет в порядке, все произойдет законно и дружелюбно—если только капиталисты не уподобятся анархистам и не станут отказываться повиноваться закону. Конечно, в этом случае *пробужденный* гордый и могущественный рабочий *класс* будет достаточно *смел, чтобы поступить* с *анархистами-капиталистами* так, как его принудят к этому.

Нужно отчетливо запомнить:

Пробужденный рабочий класс, проникнувшийся самоуважением, начавший ясно видеть, благодаря изучению фактов, понявший сущность того зла, которое причиняли и причиняют рабочим, познавший свои права и, как класс, осуществляющий свою власть — такой рабочий класс (при знании, смелости, твердости характера и могуществе) будет совершенно иным, чем теперешние смиренные, слабые, обманутые, признательные рабы.

Не бойтесь.

Мы устали от антагонизма.

Мы стремимся ко взаимопомощи.

Американские революционеры прямо упомянули в своей декларации, что при некоторых обстоятельствах возникает *обязанность преобразовать общественный строй.*

При *существующих* обстоятельствах мы теперь сознаем *свою* обязанность.

Мы вовсе не кичимся каким-нибудь мелочным презрительным вызовом.

Перед нами цель, к которой мы стремимся, — мир и свобода.

Мы заложим мир и свободу в основу общественного строя.

И мы начнем с *промышленности*, положив в ее основу *справедливость*.

Мы относимся с презрением ко всякому льстецу, кто захотел бы сбить нас с правильного, прямого пути к избранной цели. Никаких уступок. Никаких сделок. Никакого политического торгашества.

Но с другой стороны мы принимаем *любой* вызов со стороны тех, кто захотел бы *насильно* расстроить наши намерения.

Преобразование промышленного строя — вот наша прямая *обязанность*.

С этой точки зрения мы, рабочие, должны об'единить всё общество, то-есть социализировать его, перестроить на принципах взаимопомощи.

С исчезновением в перестроенном обществе капиталистического класса прекратится и классовое посягательство этого класса. А с исчезновением в перестроенном обществе возможности грабить рабочих прекратится и классовое сопротивление со стороны рабочего класса.

Таким образом не будет иметь места и необщественное по своему характеру столкновение классовых интересов при борьбе классов, а также исчезнут главнейшие мотивы для «внешних» или «внутренних» войн.

Таким путем рабочий класс сможет уничтожить войну как в мастерской, так и на поле битвы.

Таким путем мы могли бы установить на земле мир, просто уничтожив причину войны.

Нужна ли для такой политической работы рабочего класса какая-нибудь политическая партия рабочего же класса?

Для выполнения плана промышленного переустройства мы должны прежде всего обеспечить за собой политическую правительственную власть и таким путем обеспечить за собой право, законное право и законную власть заняться таким переустройством.

Политическая партия является просто законной организацией для захвата и использования суверенной власти — для того, чтобы стать властью (см. стр. 322).

Политическая власть и привилегии, необходимые для выполнения плана промышленного переустройства общества, могут быть обеспечены только при помощи политической партии, и такая партия должна быть, конечно, вполне *преданной* идее промышленного переустройства общества *).

Только политическая партия *рабочего класса* может быть *искренно* предана работе промышленного переустройства в интересах *рабочего класса.* Действительно, ни одна политическая партия, стоящая за ту или иную форму капитализма, никогда не позволит себе перейти искренно к такому быстрому, решительному переустройству.

Поэтому рабочие, об'единившись в политическую партию рабочего класса,

должны захватить политическую власть, чтобы издавать законы,

должны захватить политическую власть, чтобы толковать законы,

должны захватить политическую власть, чтобы заставить повиноваться законам.

Тогда и только тогда мы *будем иметь возможность* защищать себя, защищать свой класс, *законно обладая правительственной властью.*

Тогда и только тогда мы будем иметь возможность уничтожить агрессивные стремления паразитического класса, классовый грабеж, который приводит к классовой борьбе—к гражданской войне в мастерской и к войне, к гражданской войне, происходящей на полях сражений между истомленными тружениками, братьями по рабочему классу.

Тогда и только тогда мы будем иметь прекраснейшую возможность об'явить войну—войне.

---

*) «Особенность социальной борьбы, что ее должен вести целый коллектив... Каждое общество (или класс) должно обратиться к помощи какого-нибудь подходящего органа для ведения социальной борьбы.

«Таким образом правящий класс осуществляет законодательную власть при посредстве парламента и имеет возможность преследовать при помощи законных установлений свои собственные интересы за счет других... Так правящий класс сам выковывает оружие, вооружаясь которым подчиненные и не обладающие властью классы успешно нападают на правителей и завершают естественный процесс». — Гумплович, «Социологические очерки».

Тогда мы навсегда перестанем орошать по своей глупости землю слезами и кровью, перестанем подвергаться грабежу в мастерской и на фабрике и потребуем для себя личной жизни, жизни более высокой.

Поэтому единственным спасением для рабочих всех стран является их об'единение, организация собственной политической партии, международной политической партии рабочего класса, и *терпеливая работа* над расширением своей партии, пока она не станет настолько могущественной, что каждая отдельная национальная группа рабочих сумеет завладеть в своей стране политической правительственной властью и будет всюду и всегда громко об'являть войну войне.

Но во всем мире есть всего одна политическая партия рабочего класса. Эта партия провозглашает искренно: «Свобода рабочему классу! Не нужно больше войны!». И громко и настойчиво эта партия шлет бессмертный клич братства, обращаясь ко всем рабочим всего обагренного кровью мира:—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих цепей. Вы можете приобрести целый мир».

Эта партия рабочего класса—партия социалистов.

Эта рабочая партия, громко провозглашая «свободу в мастерской и избавление от войны», уже начинает спасать кровь и слезы, дома и радости рабочего класса.

Каждый работник и каждая работница должны ознакомиться со следующей страницей истории, с четырьмя историческими событиями, и научить детей рассказывать об этом в школе.

Первое событие: В 1847 году два человека, два гения, написали очень маленькую, но могущественную книжку *). Эта книжка была опубликована в 1848 году. Короли, императоры, цари и президенты смертельно побледнели, когда их простой народ начал понимать эту маленькую книжку. Первое положение этой изумительной книжки гласит: «История каждого ныне существующего общества—это история классовой борьбы». Это факт колоссального значения. Заметьте его себе. Эта фраза широко распахнула умственные окна у миллионов работников и работниц. Последняя фраза этой книги, осветившей, как молния, весь мир, такова:—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Вам нечего терять кроме своих цепей. Вы мо-

*) «Коммунистический Манифест».

жете приобрести целый мир». Это возвышенный зов. Этот зов заставил вздрогнуть миллионы истомленных рабочих. С каждым годом он увлекает все новые миллионы. *Когда-нибудь этот зов проникнет и в твою душу.* Тогда ты уяснишь себе значение следующего события.

Второе событие: В 1870 году два выдающихся коронованных убийцы послали сотни тысяч рабочих на границу между Францией и Германией для того, чтобы убивать и быть убитым *). Даже тогда—сорок лет тому назад—наиболее сознательные рабочие Германии, Франции и других европейских стран понимали, какое значение имеет война для *рабочего* класса. Они были об'единены в Международный Союз Рабочих. Эти проницательные, вдумчивые труженики предостерегали рабочий класс от войны. В 1870 году они обратились с таким всеобщим воззванием: «Они (члены Интернационала) чувствуют глубокое убеждение, что, какой бы оборот ни приняла предстоящая ужасная война, все же союз рабочих классов всех стран убьет в конечном итоге войну». Парижская секция Интернационала выпустила такое обращение: «Рабочие Франции, Германии, Испании! Об'единим наши голоса в общем крике протеста против войны... Рабочие всех стран! Каков бы ни был результат наших общих усилий, мы, члены Международного Союза Рабочих, которые не знаем никаких границ, шлем вам, как поруку неразрывной солидарности, лучшие пожелания и привет от рабочих Франции». Берлинская секция Интернационала прекрасно ответила: «Мы присоединяемся к протесту от всего сердца и жмем вам руки... Торжественно обещаем вам, что ни грохот барабанов, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не отвратят нас от работы, направленной к об'единению рабочих всех стран». Германские делегаты в Хемнице, представители пятидесяти тысяч рабочих, также ответили благородно: «Мы счастливы пожать братскую руку, простертую к нам рабочими Франции.... Мы никогда не забудем, что рабочие всех стран—наши друзья, а деспоты всего мира—наши враги».

Великий, старый Интернационал стал нынешней партией социалистов. Партия социалистов действительно есть политическая партия рабочего класса.

---

*) Перечтите главу седьмую, отдел 4.

Недавние парламентские выборы в одной стране, в самой образованной стране Европы, показывают, что эта политическая партия рабочего класса, партия социалистов, имеет за собой свыше трех миллионов четырехсот тысяч об'единившихся и дружно голосующих серьезных и преданных партии рабочих. С каждым годом все большее и большее число рабочих занимает места в законодательных учреждениях передовых стран мира. В десяти европейских государствах эта партия насчитывает от одного до восьмидесяти членов рабочего класса, заседающих в законодательных учреждениях страны и обладающих законной возможностью защищать рабочий класс. И наши мужественные товарищи самым настойчивым образом защищали рабочий класс, пользуясь каждым удобным случаем. С возрастанием числа побед, одерживаемых на выборах партией рабочего класса, рабочие получают все большую возможность защищать себя. И повсюду партия борется с войной. Влияние партии на вопросы войны уже обнаружилось в значительной степени. Громадное влияние, которое оказывает партия, борясь с войной, признано самыми злейшими и могущественными врагами рабочего класса.

Третье событие: В 1905—1906 гг. норвежской и шведской армиям (конечно, состоявшим из рабочих) было приказано отправиться на фронт и избивать друг друга. Армии были сосредоточены на государственной границе. Опустели десятки тысяч жилищ. Сердца множества женщин и детей сжались от ужаса и страданий. Со всех концов мира с'ехались корреспонденты, чтобы разнести по свету с быстротой молнии вести о начавшейся бойне. Союз капиталистов-гробовщиков пришел в невероятный восторг—наклевывалось хорошее дельце. Расфранченные командиры уже готовились отдать команду: «Стройся! Пли! Заряжай! Умерщвляй!».

Повидимому, «все было готово».

Вдруг что-то случилось. Случилось что-то возвышенное и новое в печальном и мрачном «шествии человечества вперед».

Не было обнажено ни одной сабли.

Не загремела ни одна пушка.

Ни один пулемет не начал скашивать тысячи людей.

Не было ни одной яростной кавалерийской атаки.

Ни на одном перевязочном пункте не было ада проклятий, стонов, воплей изувеченных людей.

Тем не менее «все было готово»—все было приготовлено к защите священной чести «царственных» и «благородных» негодяев-паразитов.

Было готово все, *кроме одного*—не было согласия рабочих.

Солдаты-социалисты, состоявшие на военной службе в армиях, и социалисты обеих стран *указали на братство рабочих*, стали указывать на это и обеим армиям и обеим странам: «Мы, рабочие,—братья. Не будем пускать друг другу кровь просто ради того, чтобы удовлетворить порочную гордость наших низких властелинов. Сбережем свою кровь и слезы».

Такой международный братский зов был великолепной вспышкой молнии в глухую ночь. В темную, непроглядную ночь капитализма братья увидели братьев, братьев по классу. Обе страны от всей души откликнулись на призыв: «Братья! Братья! Мы понимаем!». Казалось, улыбнулся весь род людской. Шведы смешались с норвежцами. Вооруженные рабочие стали брататься. Вооруженные люди обнимали вооруженных людей. Они кричали и плакали—от радости.

Они посмеивались над сердитыми взглядами своих командиров. Немедленно и гордо они отказались убивать и быть убитыми *).

Все уладилось. Никакой войны не было.

Не было убито ни одного рабочего, и международное недоразумение было улажено без вскрывания кровеносных сосудов у тружеников. Ведь, конечно, вам известно, читатель, что расфранченные господа капиталисты этих стран были слишком трусливы, чтобы драться самим на войне.

И теперь в Норвегии и Швеции гораздо больше счастливых жилищ, счастливых жен, матерей и детей, чем их было бы, если бы покорные рабочие этих обеих стран позволили почтенной компании золотообрезных трусов возбудить себя, сбить с толку и потом натравить на чье-нибудь горло.

Войны не может быть, если только рабочий класс не будет ослеплен низким, невежественным, местным *национализмом, маскирующимся патриотизмом*, и не согласится итти на войну.

---

*) Боясь, что известие о таком значительном событии дойдет до ушей рабочих и разбудит дремлющий рабочий класс, капиталистическая пресса всего мира хранила молчание, как устрица, о поведении прозревших солдат Норвегии и Швеции. Только печать рабочего класса дала точный отчет об этом дивном событии.

Четвертое событие: Совсем недавно, в 1906—07 гг. социалистическая партия Германии и Франции помешала войне между Германией и Францией из-за «марокского вопроса». Это признано даже выдающимися европейскими врагами партии социалистов. Угрожавшая война легко могла обойтись в пятьсот тысяч жизней—жизней рабочих—и в пять миллиардов деньгами и разорила бы сотни тысяч жилищ, омрачив обе страны международной ненавистью, которая длилась бы сотню лет.

Но социалисты помешали игре.

Несколько раз социалисты протестовали на международных с'ездах против войны и милитаризма, которые являются для рабочего класса не чем иным, как тяжелым бременем и проклятьем *).

Политические и промышленные хозяева всего мира,—*те* признают партию социалистов политической партией рабочего класса **).

Ты, брат мой, тоже должен признать социалистическую партию своей политической партией рабочего класса.

Перечти еще раз положения, перечисленные под номерами 1, 2, 3, 4, 5 и 6 на стр. 343.

Приведенный в этих шести положениях план промышленного переустройства есть план созидательной программы, есть платформа политической партии рабочего класса, разделяемая повсюду партией социалистов ***).

---

*) О борьбе социалистов с войной и милитаризмом смотри превосходную книгу Вернера Зомбарта «Социализм и социальное движение» и книгу Морриса Хиллквита «Социализм в теории и на практике».

**) «Нелегкая задача открыть и проследить еле заметные стези прогресса, на которые указывает нам пролетарий, не стесненный ничем, кроме своей жизни и способности к труду. Стези ведут к такому типу правления, которое основано на мире и товарищеских отношениях, в противоположность стеснению и обороне... Благодаря природе вещей тот, кто направится по этим стезям, должен будет итти вместе с бедными и угнетенными и сможет подойти к ним лишь благодаря любви и пониманию. Идеалы милитаризма отлучили бы его навсегда от этого нового товарищества».—Мисс Джен Аддамс.

***) Остановится ли перед ложью тот класс, который настолько вас презирает, что хотел бы умертвить на поле сражения? Конечно, нет! И он солгал вам относительно «различных течений в социализме», относительно того, что «социалисты, повидимому, сами не знают, чего хотят»... и т. д. и т. д. Но втайне капиталисты беспокоятся, ибо они знают, что социалистам всего мира прекрасно известно, чего они хотят и как надо организовать необходимую власть, чтобы добиться того, чего им нужно.

Потому что социалистическая партия понимает и указывает на столкновение классовых интересов при ныне существующей системе классового труда,

потому что социалистическая партия предлагает рабочему классу промышленную свободу,

потому что социалистическая партия предлагает разрушить систему классового труда, называемую капитализмом,

потому что социалистическая партия предлагает, чтобы каждый, кто выполняет полезную общественную службу, получал стоимость своего труда, которая не должна быть уменьшена нынешними узаконенными формами грабежа, а, именно, рентой, процентами и прибылями,

потому что социалистическая партия предлагает, чтобы рабочий класс об'единялся и спасал себя сам.

По всем этим причинам социалистическая партия является политической партией рабочего класса.

Социалисты настаивают:

чтобы рабочие больше не хныкали, забиваясь под крылышко странной политической птицы, под крылышко рослого ангела мужеского пола, именуемого «добрым человеком»,

чтобы рабочие больше не соглашались по-детски на изменнический совет политической лошади, за которой прячется при облаве охотник, политической лошади, называемой «политиками-реформаторами» или «политическими спасителями»,

чтобы рабочие больше не полагались по глупости на совет капиталистических «народных вождей», которые весьма не прочь достигнуть каких-нибудь высоких степеней,

чтобы рабочие больше не ходили доверчиво в день выборов по пятам за сытыми «сановниками»,

чтобы рабочие больше не торчали в глупом ожидании у задних дверей законодательных палат, вымаливая у гладких, откормленных капиталистов-сановников законов о труде,

чтобы рабочие об'единились и избавились от войны, от оптового грабежа, тирании и кровопусканий, устраиваемых капитализмом.

Рабочий класс, об'единившийся в общем порыве, связанный единой думой, единым желанием и надеждой, должен читать сообща, учиться сообща, сообща мыслить, действовать, бороться и в

ности должен держаться друг за друга в политической партии рабочего класса, должен единодушно голосовать и завладеть правительственной властью для свободы и защиты рабочего класса.

Будем же уважать свой собственный рабочий класс.

Будем же верить в свой собственный рабочий класс.

Будем же защищать самих себя.

«Давайте, поднимемся с колен—и хозяева не будут казаться такого большого роста!»

Долой промышленный деспотизм и его войны!

Да здравствует промышленная демократия и ее мир!

(Перед тем, как приступить к чтению следующих строк, просмотри еще раз последние страницы шестой главы).

Еще одно слово.

Остерегайтесь, братья.

Гордо и смело поднимите головы и подумайте.

Приготовьтесь сказать: *«мы отказываемся»*.

Берегитесь. Назревает новая война.

«Новая война необходима!»—скажут вам сейчас ваши предатели.

Верно! С капиталистической точки зрения новая война в данное время будет, разумеется, необходима; новая война становится необходимостью все более и более повелительно—и по новым, все более значительным причинам.

Все больше обдираемый рабочий люд начинает размышлять. Размышление революционно. Мысль—это тонкая острая пила, при помощи которой дух может совершить побег из мрачной темницы предрассудков. Мысль—это интеллектуальный нитроглицерин для взрыва кремнистых скал предрассудка. Мысль совершенно уничтожает весь умственный мусор. Мысль убивает то, что должно умереть. Размышляющие рабы немедленно становятся смелыми и решительными в борьбе за свободу. Мысль убивает—убивает рабство.

Но мысли можно все-таки помешать. Даже блестящая мысль о мире и свободе может быть все же задушена диким бредом, называемым «патриотической» войной. Отсюда всякое подкупное человеческое существо, пользующееся влиянием, может сыграть свою роль проститутки, воскрешая и питая дикую жажду войны.

Для капиталистических целей новая война является необходимой.

Следовательно—души чувство братской любви!

*

Следовательно—удушай великую сладкую мечту человека о мире!

Для промышленных пиратов и их изнеженных баловней и бесстыжих лизоблюдов исчезла бы всякая дальнейшая возможность наслаждаться жизнью в полнейшей праздности, если бы хозяева не могли попрежнему заставлять рабочий люд вцепляться друг другу в глотку, проливать пот и кровь друг друга в злобном припадке международной эпилепсии, именуемой «патриотической» войной.

Следовательно—опьяняйте рабочий народ!

Следовательно—читайте снова истомленной толпе самые кровавые страницы истории и заявляйте людям, что раньше, чем об'явить какой-нибудь поступок великолепным, нужно сперва вымочить его в братской крови. Народ должен снова загореться дикой яростью, испытать новый дикий порыв ярости, называемой войной.

Поэтому мы видим, что военным флагом капитализма начинают коварно размахивать перед вытаращенными, легко загорающимися глазами толпы: «Храбрые воины—война», «молодые люди, не только желающие, но горящие нетерпением сражаться—война», «герои, герои—война», «слава, военная слава—война», «доблестные, доблестные солдаты—война», «наше самое усовершенствованное в свете оружие—война», «величайший флот на земле—война», «блестящие победы—война», «лучшая милиция, самая большая армия—война», «наше национальное достоинство—война», «мы никогда не уступим—война», «Америка на Востоке—война», «мы должны защищать свои иностранные рынки—война», «посмотрите на этих молодцов у пушек—война», «пошлите эскадры вокруг земли и бросьте миру вызов», «мы все готовы к войне, к войне, к войне»; неизменно этот красноречивый флаг, этот безбожный словарь кровожадной жестокости, постоянно и постоянно, год за годом—пока эти отвратительные фразы не врежутся в вашу память, дымясь от потоков крови, пролитой во время долго потом оплакиваемого побоища.

Новая война необходима.

Поэтому заваливайте траншеи трупами граждан и, примкнув штыки, шествуйте все вперед да вперед к громкой славе, все вперед к красному безумию кровожадного поля сражения. Это языческий текст, на который ссылаются продажные литераторы и ораторы перед толпой христиан и мирных евреев; бесчувственный припев, которым оглушают краснеющих школьниц; это воинствен-

ный клич, испускаемый перед легко возбудимыми, поддающимися чужому влиянию мальчиками; это обагренное кровью знамя, которым доблестно важничают на праздниках перед ослабевшими от слез глазами печальных старушек-вдов и ковыляющих калек гражданской войны; этот клич, проклятие людского рода, с которым обращаются к девяностомиллионному народу, чувствующему омерзение от глупых споров посредством меча и пушки, стремящемуся обнять друг друга в порыве братских чувств. Отвратительное эхо жестокого голоса Цезаря, дикое гиканье, доносящееся из могилы Наполеона, убийцы Франции, варварский вой, поднимающийся с проклятых равнин, на которых произошли когда-то, давно-давно тому назад, ужасные битвы, все это, да, это все дает понятие о той величественной высоте, которой достигает средний правоверный учитель или проповедник патриотизма.

И при этом едва прикрытом деспотизме хитрых, как лисицы, промышленных царей везде раздаются восторженные одобрения всех таких учений; их одобряют начиненные прибылями пиявки, чьи распухшие губы сосут и теребят кровеносные сосуды трудящейся толпы; их одобряют надменные выскочки, шатающиеся по модным курортам; их одобряют в передовицах продажные газетчики субсидируемой прессы; их одобряют «передовые граждане», раскатывающие на резиновых шинах по тщательно вымощенным улицам; их одобряют те, кто бросает презрительные взгляды сквозь роскошные стекла окон вагонов на обыкновенные «рабочие руки», управляющие поездами и ремонтирующие железнодорожный путь; их одобряют хозяева, заводчики и копевладельцы, которые презрительно показывают язык сотням тысяч безработных или бастующих ради нескольких лишних копеек в день; их одобряют «крупные дельцы», которые рыскают по всему свету в поисках рынков для сбыта товаров, производимых обливающимися потом рабами заработной платы, которым коварно дают слишком ничтожную плату, чтобы они могли покупать то, что создают их усталые головы и распухшие мозолистые руки. И что всего печальнее, их одобряют миллионы застенчивых рабочих, которых злостно обманули пустыми ироническими речами о «преуспеянии», захлороформировали пышной военной риторикой, ошеломили гордым чванством и низкой похвальбой «выдающихся» и «образованных» пошляков. Да, их одобряют также

эти скромные современные рабы, в чьей крови еще сохранился, повидимому, унаследованный остаток долгого, смиренного рабства.

Новая война «необходима».

Поэтому от Миссисиппи до Миннезоты, от Флориды до Орегона, в дворцах и клубных помещениях промышленных господ Америки раздается довольное причмокивание, когда легко сбиваемая с толку толпа хлопает своими мозолистыми руками, беспечно одобряя подкупленного оратора, который с гипнотизирующим обаянием выходит свирепой воинственной поступью на сцену перед простой одураченной толпой. Таким способом искусно увеличивают восхищение народа оружием; и благодаря этому, как стена предрассудка, так и гордые твердыни сверкающей стали, за которыми от'евшиеся господа толпы жирели на протяжении веков и посылали угрозы, сидя в безопасности, благодаря всему этому твердыни предрассудков и силы все больше укрепляются—с все возрастающим прилежанием, с каждым удобным случаем, всеми возможными средствами.

Новая война.

Ждите и готовьтесь к ней, твердо решив не итти на войну в следующий раз, пока банкиры и сановники не будут сами истекать кровью на передовых позициях по крайней мере в течение шести недель.

Да, да,—это правда, что предпринимательские твердыни, вооруженные пулеметами, еще сильны, невероятно сильны. Нет никакого сомнения, что еще некоторое время будет продолжаться попрежнему с успехом игра, которой увлекаются грабители, хозяева нашей великой и славной страны, попрежнему будет продолжаться игра, заключающаяся в присвоении ренты, процентов и прибылей, игра кулачных битв, захватов и грабежа. Вне всякого сомнения, что миллионы наших беспечных молодых людей, принадлежащих к рабочему классу, будут попрежнему готовы бросаться в бой по хитрому науськиванию плутократов, сенаторов и членов конгресса, и благодаря некоронованной кровожадности Белого Дома, когда раздастся: «Лупи их, ребята, лупи!».

Но уже начинает светать.

С каждым днем, повсюду труженики всего мира начинают прислушиваться, все с большим уважением, все с большим пониманием, все с большей признательностью, к радостной новой проповеди справедливости и мира.

Наступает перемена, и она должна наступить. Чары жестокости, которыми отуманивают мозг толпы продажные ораторы, подкупленные писатели, жаждущие крови «люди верхом на конях» и дальновидные хозяева-промышленники, эти чары спадут, они должны спасть. Железные оковы, сковывавшие тружеников по рукам и по ногам, уже разбиты. Оковы рабов заработной платы тоже должны быть сняты, не только промышленное, но и умственное рабство современных рабочих должно быть уничтожено.

И теперь все быстрей распространяется кроткое, но всепобеждающее евангелие мира и свободы, свободы для немых, безгласных толп, у которых сейчас все чувства притупились от оглушительного грохота машин, от удушливой пыли и изнуряющего жара на заводах, от ядовитых газов на копях и в рудниках, свободы для масс, которые скоро будут радостны, счастливы, любящи, которые скоро будут улыбаться в кооперативной республике, в стране взаимопомощи, братства и социализма.

Смелее, смелее! Надавите сильным плечом своих миллионов избирательных голосов на «колесо пресыщенного мира» и толкайте! Одним ударом! И вперед, вперед к рассветающей над нами заре мира.

Знай, толпа измученных тружеников: это коварное фиглярское слово—война—слово, при помощи которого себялюбивые до свинства хозяева на протяжении веков заманивали доверчивые толпы во рвы, разгуливая потом с насмешечками и хихиканьем в полной целости и невредимости, это таящее в себе злые чары слово, дымящееся от крови и зловонное от гниющей в течение целых столетий крови, это слово—война—и все, что относится ныне к этому слову, должно быть выброшено из братского словаря, должно быть уничтожено из дел человечества, забыто навсегда, должно быть заменено раз навсегда смягчающим миром и здоровой, прочной властью не знающего войны социализма.

Братья по рабочему классу, где бы вы ни были на земле, давайте скажем все вместе:

Мир—это патриотизм для всего человеческого рода.

Нам не нужно крови других людей, и мы отказываемся проливать собственную.

На протяжении тысячелетий правящий класс заставлял нас истекать кровью. Все пушки всегда направлялись на нас—нашими же руками.

Мы не видели этого. Нам слепила глаза наша же кровь, наш ум был парализован ложью.

Но теперь мы прозрели. Теперь мы понимаем. И поэтому теперь мы выпрямляемся с гордостью, с самоуважением. Теперь в порыве искреннего братского чувства мы протягиваем руку братства всем рабочим, всем работницам, всем детям всего мира и всем им даем обещание:

Мы больше не будем воевать.

Мы отказываемся вонзать штык в чью-либо грудь.

Мы отказываемся умерщвлять отцов нежных детей.

Мы отказываемся убивать братьев и возлюбленных женщин.

Мы отказываемся истреблять мужей преданных жен.

Мы отказываемся кричать «ура» в честь побед, которые надрывают сердце и заставляют мир слепнуть от слез.

Мы отказываемся от низкой роли вооруженной охраны, состоящей на службе, в качестве наемных убийц у грабительского подлого правящего класса коронованных и некоронованных паразитов.

Если хозяевам нужна кровь, пусть они перерезывают друг другу глотки.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Краткий урок истории рабочего класса.

(Нужно всегда внимательно различать тех, кто злоупотребляет властью, от тех, кто благородно пользуется своей громадной властью и положением).

«Мы уже неоднократно указывали на то, что всякий социальный институт облекает себя в защитный покров блестящей идеализации, словно колония гусениц на яблоне. Например, везде, где господствует милитаризм, идеализируется война при помощи монументов и картин, поэзии и песни. Вонь госпиталей и могильные черви полей сражений остаются в тени, и воображение народа за-

полняется развевающимися перьями и кликами атакующих колонн».— Вальтер Раушенбуш, проф. Рочестерской теологической семинарии.

Знание истории рабочего класса, относя сюда и историю войны, спаяет неразрывной связью рабочих, как в сфере общественной, так и в политической и промышленной, и тем самым во много раз увеличит их способность к самозащите.

Когда рабочий класс поймет историю своего класса, то бронзовый монумент, воздвигнутый в честь великого генерала, покажется рабочим знаком признательности Властителю Ада, а пушка, выставленная в общественном парке,— гадюкой, заползшей на пиршественный стол, раскинутый для братского празднества.

В общественных школах всего мира историей рабочего класса почти совершенно пренебрегают. Учебники не приводят фактов, и ни одному учителю не разрешают поведать всю правду, рассказать, как следует, о мученичестве труда, начиная с самой зари классового «цивилизованного» общества. Рабочие союзы мира могли бы с большой пользой для своего класса издать небольшую книгу, назвав ее «Историей труда—трагедией тружеников». (Перечтите, пожалуйста, еще раз первые страницы предисловия к нашей книге).

Нижеследующие страницы предлагаются вниманию читателя, как темы для получасового урока, посвященного главным образом истории происхождения рабочего класса. Читателю из рабочего класса рекомендуется ознакомить с этим уроком своих детей и детей соседей.

Так вот, ни одно живое существо не может быть, как следует, понято без изучения его истории, а изучение истории живого существа требует особого внимания, обращенного на происхождение изучаемого существа.

Рабочий класс—живая реальность, и, чтобы понять самого себя, рабочий класс должен изучить историю своего класса, обратив особенное внимание на свое происхождение, как класса.

Много, много лет тому назад—тысячи лет тому назад—наши предки жили отдельными племенами. Эти племена разрастались, расширялись, пока, наконец, увеличение населения не заставляло племена расширять занятые территории. Таким образом племена нарушали права чужой собственности—нападали на чужие земли.

Это приводило к войне—к междуплеменной войне.

Это послужило причиной возникновения войны.

Это привело к открытию врат ада—для рабочих.

И спустя немного появился рабочий класс—и началось его падение в ад. Вот как это происходило:

Долгое время в течение этих междуплеменных войн пленников не брали (кроме молоденьких женщин), но обычно всех убивали, убивали и убивали, потому что победителям нечего было делать с пленными. Однако, когда общество настолько развилось в промышленном отношении, что победителям стало выгодно пользоваться живыми людьми, как рабочими животными, то *новое условие породило новую идею:* одну из величайших и наиболее революционных идей, которые когда-либо возникали в мозгу человека. Эта идея заключалась просто в том, что живой человек стоит дороже мертвого, если им можно воспользоваться, *как рабочим животным.* Когда для победителей представилась возможность использовать в промышленности силу живых людей, захваченных в плен на войне, то очень быстро возник обычай брать побежденных в плен, оставлять их в живых, заставлять их подчиняться—приручать их—и таким образом заставить их работать вместо рабочего скота, делать их рабочим скотом.

Так и пустился в путь человек-вол, подставивший шею под ярмо, взваливший на себя бремя мира, пустился в путь на протяжении целых столетий, столетий печальных от слез и красных от крови и пламени.

Таким путем возник *класс* рабочих, *рабочий класс.*

Таким путем возник также и правящий класс. Таково происхождение «передовых граждан».

Так с самого же начала во время войн рабочие свалились в бездонную пропасть бедствий. Вот таким-то путем и раскрыла война жадную пасть ада, предназначенного для рабочих.

Таким-то путем и поделилось человеческое общество много лет тому назад на промышленные классы—на *два* промышленных класса.

Конечно, интересы этих обоих классов были совершенно противоположны, и таким образом возникла классовая борьба.

Конечно, правящий класс был полнейшим обладателем всей правительственной власти и ему принадлежал контроль над нею—

и, разумеется, у него *хватило смысла использовать правительственную власть* для защиты своих собственных классовых интересов.

Конечно, правящий класс издавал все законы и наблюдал за всеми установлениями в интересах правящего класса—это вполне естественно.

Конечно, правящий класс презирал рабов с общественной точки зрения, то-есть презирал рабочий класс; этот «высший» класс чувствовал пренебрежение к «низшему» классу—это вполне естественно. Таким образом возникла общественная деградация, общественное позорное клеймо, которое до сих пор тяготеет на рабочем классе, которое до сих пор так заметно на рабочем, что, например, дочь банкира не выйдет замуж за плотника, живущего на заработную плату; сын копевладельца не женится на служанке. Человек, занимающий положение в рабочем союзе, вовсе не желанный гость в роскошных гостиных и бальных залах, где «самые лучшие люди» потягивают прекрасное шампанское и обнимаются под музыку, делая ритмические движения во время танцев. Прислуга, белая или черная, в первоклассных отелях (в отелях «высшего разряда») не имеет права даже напиться воды из приготовленных для гостей сосудов, хотя в списке живущих могут быть десятки старых пресыщенных негодяев, десятки паразитов-многоженцев, десятки самых от'явленных мерзавцев, самых жадных нарушителей законов, людей с самой скверной репутацией во всем мире. Над рабочим классом, право, даже теперь посмеиваются и презирают его открыто или тайком «лучшие» люди.

И вот много веков тому назад во время войны, на войне и благодаря войне, возникла первая форма общественного строя, основанного на системе классового труда, возник институт, называемый рабством *). Таким путем появился класс презренных людей, рабочих животных и класс господствующих хозяев. Эти два класса развились, развился и самый метод производства, до таких громадных пределов, что эта система классового труда сделалась *основанием промышленного строя общества.* Вот этим-то способом одна

*) Правда, что еще перед этим женщина занимала рабское положение и, собственно говоря, составляла промышленный класс. См. Авг. Бебель, «Женщина».

часть общества забралась много веков тому назад на плечи другой и сделалась паразитом, социальным паразитом и, как класс, запустила паразитический клюв в промышленное тело тех, кто сделался рабочим. (Перечтите внимательно три цитаты, помещенные в начале десятой главы. Они имеют весьма большое значение).

Разумеется, промышленная кровь рабочих пришлась хозяевам по вкусу—иными словами, чем больше работали рабы, тем меньше нужно было работать хозяевам, это было приятно—приятно для хозяев, для «передовых граждан». «Передовые граждане» знали, что им пришла в голову блестящая мысль, конечно, иной мысли не бывает у «передовых граждан». Новая мысль сделалась популярной, разумеется, она стала чрезвычайно популярной. «Передовые граждане» приходили *в такой восторг*—от себя самих и от своей «умной» идеи. Они были «выше других»—это, конечно, доказывалось тем, что им пришла в голову такая идея. В этот период истории человечества правящий класс начал льстить себе сам и болтать очень громко и красиво относительно «самых лучших людей», относительно «права управлять низшими», относительно «прогрессивной, предприимчивой части общества» и так далее. «Правящим гражданам» было прекрасно известно, что у них есть «недурные вещи»—для «передовых граждан», для высшего класса, который таким путем устроился весьма недурно в качестве *высшего класса*—то-есть забрался на промышленные плечи «низшего класса», рабочего класса. (Обратите внимание на цитату, приведенную из книги д-ра Уорда, в начале десятой главы).

Вполне естественно, что правящий класс сразу же занялся *поощрением и покровительством* своему новому плану классовой работы, своей новой идее. Идея пришла *ему* в голову и она была так великолепна. Действительно, рабство было столь восхитительной, чудесной выдумкой для правителей, что, будучи «людьми настойчивыми и предприимчивыми», они стали весьма ревностно изучать проблему развития способов и средств для более широкого использования своего выгодного положения. Они стали размышлять. Они стали строить разные планы—как бы заполучить себе новых людей-мулов.

Их первая мысль была о силе.

Лупи мула кнутом и правь потом!

Поэтому был постепенно организован особый институт—институт вооруженной охраны для того, чтобы силой держать рабов в повиновении, чтобы заставить «низший класс» повиноваться, чтобы схватить тружеников за руки. Но содержание вооруженной стражи обходилось дорого, так как один вооруженный страж не мог заставить силой *нескольких* рабов выполнять заданную им работу. А древний рабовладельческий правящий класс, подобно современному капиталистическому правящему классу, был, разумеется, очень заинтересован в том, чтобы «уменьшить расходы и увеличить выработку». Таким путем правители додумались до новой идеи, до новой блестящей идеи. Следи хорошенько за хозяевами.

Вторая идея, пришедшая им в голову, была—обман.

Дурачь мула скорей и правь смелей!

Блестящая мысль об использовании *обмана* при управлении рабами, т.-е. при управлении рабочим классом, заключалась всего лишь в следующем:

Нужно обзавестись *невооруженным* стражем, который бы *учил* людской рабочий скот «стоять со спутанными ногами», как это и бывало, или, скорее,—работать, как выдрессированная лошадь, не требующая присутствия вооруженного погонщика, который ее подхлестывал бы и силой гнал на работу. Такой невооруженный страж должен был бы удерживать рабочих на работе, цепко овладев их умом, их мозгами, вместо того, чтобы держать их силком за руки.

Такой прием был более «утонченным».

Кроме того он был гораздо дешевле. *Такой способ всегда был дешевле.* А обходится он дешевле вот почему: один безоружный обманщик, исполняющий роль стража, может удерживать на работе посредством воздействия на ум, на *мозги* рабочих, *в сто раз больше людей*, чем один *вооруженный страж*, прибегающий к воздействию посредством *силы*. Это была самая счастливая идея—для правящего класса.

Началась новая эра.

Правитель улыбнулся обманщику. Обманщик—правителю. Они поняли друг друга и пришли к обоюдному согласию относительно «наилучших интересов общества».

Вот так это и было!

Так возникла гнусная роль интеллектуального блюдолиза, низкое ремесло профессионального льстеца, занимающегося хлороформированием рабочего класса. Вот здесь, как раз в этот момент истории человечества, раздушенный лакей присоединился к обрызганному кровью солдату, поступил на службу к правителю, чтобы держать в повиновении обкрадываемый и разоряемый рабочий класс. Льстец учил обреченных на труд рабочих быть послушными, благодарными, покорными, смиренными, кроткими и довольными, позабыть, что они «бедны здесь», и помнить, что «каждому воздастся на том свете», «там—на небесах» (над, выше, по ту сторону звезд), где все они «будут щедро вознаграждены, когда наступит блаженное время, за все страдания, перенесенные в этом мире»; учил их, что им не следует «быть злопамятными», но «переносить все страдания терпеливо»—даже переносить душевные страдания, когда правители насилуют их дочерей, а сыновья падают мертвыми под ударами копий.

Так труженика и заставляли «знать свое место» (за работой), прибегая к помощи солдата и льстеца, принуждая домашнюю рабочую скотину—человека—к работе силком или действуя на нее лаской.

Они крепко его держали.

Один держал его за руки, другой овладел разумом; один прибегал к силе, другой к обману; один действовал кнутом, другой приманкой; один употреблял дубинку, другой хлороформ; один грозно хмурил брови, другой вкрадчиво улыбался. При помощи брани и хитрости эти двое научили труженика *закону и порядку*—закону и порядку, созданным *господами для господ.*

И тот и другой страж были «необходимы»—при занятии грабежом рабочего класса. Оба они подобострастно служили правящему классу, служили долго и верно. На протяжении долгих, печальных столетий эти трое,—правитель со своими двумя «подручными», с солдатом и льстецом,—везли тяжелое бремя на рабочей скотине—на рабочем классе. Бронированный кулак наемного убийцы и мягкий голос продажного льстеца делали рабочего совершенно беспомощным, пока правитель грабил его.

Оба стража получали вознаграждение—одному давался паек вкупе с лестью, другому доставалось богатство вместе с популярностью. Палач и обманщик рабочего класса, убийца и соблазнитель

тружеников были особо излюбленными патриотами, гнусная роль которых состояла в том, чтобы помогать защищать систему классового труда.

Рабочих лупили и обманывали в течение десяти тысяч лет, но главным образом их надували, вовлекали в заблуждение, *заставляя беспомощно соглашаться и высказывать глупое одобрение.* Чем больше обманов, тем меньше нужно силы.

Без сомнения, овладение умом рабочего класса имело несравненно большее значение, чем физическое покорение его. Несомненно, что мысль учить раба продолжать оставаться рабом, быть довольным своим рабским состоянием и таким образом делать из раба, из крепостного, из наемного рабочего *автомата*, вьючное животное, несущее на себе и волокущее за собой бремя мира, работающее в безмозглой покорности и тупой приниженности, несомненно, такая мысль оказала несправедливости бо̀льшую услугу, чем какая-нибудь другая мысль, зародившаяся когда-либо в мозгу тиранов.

Правящий класс всегда заботливо старался заручиться услугами многих самых способнейших в мире людей, готовых исполнять роль Иуды по отношению к Плотникам—по отношению к рабочему классу. Глубочайшего ума люди, люди одаренные, образованные, красноречивые, наслаждающиеся самой лучшей на свете пищей, блаженствующие за стаканом лучшего в мире вина, живущие в домах, полных роскоши и удобств, одетые в тончайшие одежды, многие такие люди предавали без всякого стыда раба, крепостного и наемного рабочего. Хотя дивный Христос сказал: «*Истина* освободит вас», однако эти Иуды учили рабочий класс, что учение не приносит пользы и является бедствием для *рабочего люда;* что бедность тружеников существует по воле Господа; что *неоплаченный* в сем мире труд получит «особо щедрую награду *на том свете*». Все такие оплачиваемые и влиятельные людишки, расточающие льстивые слова относительно «достоинств честного труда», относительно «радостной *надежды* получить награду *там*» (вечно «*там*»)—все эти люди *сами* чрезвычайно практичны и весьма заботятся о том, чтобы получить побольше за свои услуги, весьма стараются получить щедрое и быстрое воздаяние *здесь* и *теперь же*, в *этом* мире, хотя они в то же самое время советуют и уговаривают раба, крепостного и наемного рабочего согласиться

принять *неподписанные чеки, по которым уплата последует «на небесах»*.

«*Вы* заброшены на бесплодные равнины... В то время, как другие пользуются всеми благами мира в полном изобилии, вы находитесь в стесненных обстоятельствах. На это я отвечу, что нам следовало бы благодарить *Бога*... за огорчения и унижения, которыми *Он посетил нас* (хлороформ).

«... *Мы должны целовать руку, ударяющую нас* (хлороформ)...

«... Он обнаружит скрытое (хлороформ)... Что значат огорчения, если сносить их терпеливо, они лишь сырой материал, из которого мы можем соткать царственные одежды... чтобы облачиться в них на царском пиршестве (хлороформ)...» (Из недавней проповеди, произнесенной одним из самых влиятельных проповедников мира).

И всегда, всегда эти социальные «хлороформщики», эти люди, которые так *льстят* и *улещают*, сами *набивают себе брюхо* жареными цыплятами, предпочитая *не дожидаться* «царского пиршества» в будущей жизни, «там—над нами», «в небесах», *позднее*.

Для рабочего всего лишь: «Твоя очередь *впереди*», то-есть на том свете. Не *теперь*. Нет. *Позднее*.

Стремясь за такой фальшивой приманкой, сотни миллионов тружеников буквально шли босиком по осколкам стекла и укладывались на свои жалкие постели, *будучи умственно парализованы в вопросе справедливости*. Сотни миллионов тружеников не только соглашались принимать такие учения, но, что хуже всего, *соблазнялись на обучение тому же самому своих детей*.

Вот таким-то путем и приручали почти весь рабочий класс и довели его за много столетий до состояния *безмозглой смиренности*, до состояния *послушной покорности*, до беспомощности, держали его в повиновении при помощи *предрассудков и страха*, основанных на *невежестве*, которое всегда *хитро поддерживалось*.

«Рабы, повинуйтесь господам своим»,—так в течение десяти тысяч лет проповедывали на тысячу ладов сытые пророки на пользу лопающихся от прибылей правителей, правящих над ограбленными и разоренными рабочими всего мира. *Удовлетворенный, скромный раб*—всегда *примерный раб*.

Все это, быть-может, несколько поможет уяснить себе *нынешнее умственное состояние рабочего класса.* Благодаря этому можно легче понять, почему рабочих поучали (да и теперь учат), чтобы они «довольствовались своей участью», почему им говорят «о тожестве и гармонии интересов капитала и труда». Этим об'ясняется покорность толпы, послушание большинства и его глупая *политическая скромность.*

Баранье смирение, самоуничижение и покорное *повиновение* уже давным-давно заняли место смелого, прекрасного и мятежного *самоуважения*—в характере и мышлении рабочего класса.

При каждом удобном случае на руки и мозги рабочих возлагались оковы—для чего?—чтобы поддерживать систему классового труда. Во времена рабства, во времена крепостничества и при капиталистическом строе законы, конституции, обычаи, религиозные учения, светские учения и все общественные институты коварно приноравливались или приспособлялись к *господствующему методу производства* для *защиты* этого метода с целью *поддержки того класса,* который в борьбе за существование получал *грубо несправедливое преимущество,* благодаря такому методу производства.

Дикая несправедливость старательно превращалась в важнейшие установления. Например, похищение людей и увод в рабство сделались главным занятием могущественнейшего из древних языческих обществ, Римской Империи, а также пышно процветали у таких самых развитых современных христианских обществ, как Британская Империя и Американская Республика. Английская королева Анна, христианка, которой не укорял ни один из ее духовных наставников, была благочестивой участницей в торговой компании, занимавшейся торговлей невольниками и составленной из выдающихся и благочестивых дам и джентльменов христиан. Не так давно христианские церкви, колледжи, газеты Соединенных Штатов, как Севера, так и Юга, почти единодушно защищали рабство, защищали красноречиво и благочестиво. Такое занятие было весьма почтенным, занятие, заключавшееся в легальном (и благочестивом) высасывании промышленной крови из существа, себе подобного, в жизни паразита, занятие, состоявшее в том, что можно было ничего не производить и жить на результаты рабочего труда.

Таким образом запомните [1]):

1. Происхождение рабочего класса.

2. Происхождение первой системы классового труда.

3. Происхождение классовой борьбы.

4. Происхождение общественной деградации,—понижения, перехода на низшие ступени общественной лестницы; потерю рабочим людом своего социального положения.

5. Происхождение и рост унижения рабочего класса, бараньей покорности рабочего класса, покорности, которая ныне обнаруживается в образе действия большинства рабочих, вечно подозревающих и презирающих свою собственную политическую партию рабочего класса, вечно таскающихся в наши дни по пятам за какими-нибудь вылощенными, прекрасно одетыми проходимцами, кандидатами капиталистических классовых партий.

6. Вечное невежество рабочего класса.

7. Происхождение людей, проституирующих себя в интеллектуальном смысле, моральных скопцов.

Ну, помоги же своему удовлетворенному сотоварищу-рабочему, помоги ему понять, почему он удовлетворен!

Без злобы, без некультурных предрассудков, без противорелигиозной ненависти, без раздражения против церкви, но с полным пониманием естественности человеческого поведения, над которым властвует *экономическая необходимость*, с полным знанием великого исторического процесса, с прояснившимся зрением, с полным любви сердцем, с большей смелостью и с братским намерением—об'ясняй, об'ясняй своему смиренному, довольному соседу, наемному рабочему, раз'ясняй ему смысл этой смиренности. Раз'ясни ему, что много лет тому назад рабочего силой принудили и научили быть послушным и покорным. Во времена рабства, позднее во времена крепостничества и затем еще позднее в эпоху капитализма, на протяжении тысячелетий, рабочий *покорялся*, покорялся в области промышленной, общественной и политической. Его к этому принуждали. Его учили этому.

Он привык.

---

[1]) И пусть ваши дети это запомнят. Если учитель ближайшей школы ничего об этом не знает, то пусть дети научат учителя.

Мужество и смелость были выбиты из него, выколочены, выманены лаской.

Он упал духом.

Он покорно занял свое место—как принадлежащий к классу рабов, как относящийся к классу крепостных, к классу наемных рабочих.

Он стал производить богатства.

Он стал рождать новых рабов.

Крылья его стремлений были подрезаны. Он не мог рассчитывать для себя ни на что более высокое, чем работа. Он не питает для своих детей никаких надежд на что-нибудь более высокое, чем работа.

Венец всех планов его жизни—труд.

И поэтому даже теперь, будучи наемным рабочим, он учит собственных детей «уважать господ», уважать своих нанимателей.

Он забывает.

Он так раболепно признателен за работу, что позабывает о том, что должен пользоваться не только правом дышать воздухом, любоваться солнцем, заниматься чтением в библиотеке, гулять по дороге, сидеть в парке, но также и правом *работать*, *правом работать, не боясь грабежа*, *правом работать при достойных условиях* и тем самым поддерживать свое существование на земле, достигнув *наивысшего уровня жизненных условий*, наслаждаясь полным результатом своего затраченного труда, а не хныкая о *позволении приступить к работе.*

Он забывает.

Он все еще покорен.

При системе заработной платы он вынужден исполнять приказы всю свою жизнь на фабрике, в мастерской и на копях. Поэтому он так привык к повиновению, что готов исполнить любой приказ. Он гордится своим повиновением. Подчиняясь приказу, он даже всадит штык в грудь своего сотоварища-рабочего—в интересах капиталистического класса. Он забывает о тысяче обид, которые выпали на его долю за всю его измученную жизнь и на долю его класса.

Он и на самом деле забывает.

Он все еще пребывает в тупой и тяжелой дремоте.

Но он уже *начинает просыпаться* от покорного сна—от общественного проклятия, обрекающего его на безмозглое повиновение.

*

Он начинает изучать историю своего класса и поэтому начинает просыпаться, начинает восставать.

Ниже приводится несколько выдержек, относящихся к истории рабочего класса, заимствованных из книг выдающихся писателей и ученых. Мы надеемся, что эти цитаты побудят рабочий класс к дальнейшему изучению своей истории. Эти выдержки подтверждают главнейшие выводы нашего урока.

Профессор Листер Уорд:

«До сих пор мир еще ни разу не доходил до той стадии, когда физические и временные интересы не имели бы такого громадного значения, и это те именно интересы, на которых экономисты основывают свою науку. Самосохранение всегда было главнейшим законом природы, и тот, кто лучше всего защищен, больше всех выигрывает... Всякие мысли о гордости и самоуважении отпадают перед повелительным законом наибольшего выигрыша при наименьшем усилии. Всякие понятия о справедливости, которая заставляла бы возмещать равностоимость, *исчезают* перед этим законом».

Вот что пишет сэр Генри Мэн:

«Простое желание использовать физическую силу другого, как средство доставить себе удобство или удовольствие, является несомненно основой рабства».

А вот слова профессора Сэмнера:

«Желание доставить себе удобство или получить какое-нибудь благо благодаря труду другого и в связи с этим суетное стремление являются, повидимому, основными принципами рабства (если подходить к этому вопросу с философской точки зрения), после того, как установилась власть одного человека над другими... Оказывается, что рабство началось исторически с появлением военнопленных, если мужчина или женщина не предавались смерти, как это могло бы быть по законам войны... Повидимому, установлено, что оно (рабство) началось с той поры, когда экономическая система достигла той стадии, при которой стоило превратить военнопленного в раба, вместо того, чтобы убить его... Побежденных (на войне) обращали в рабство силой и приучали к подчинению... Казалось забавной потехой и мудрой политикой заставлять членов соперничающей группы исполнять разные работы, разбив врагов на голову во время войны. Так как рабство возникает из жадности и суетности, то оно

относится к первичным побуждениям и с самого же начала переплетается с себялюбием и другими главнейшими пороками... Оно приводит к таким интересам, которые владычествуют надо всеми другими... Мотивы рабства гнусны и жестоки с самого же начала... Интересы обычно подчиняют своему контролю жизнь... Рабство—это инстинкт, который безусловно одерживает верх над всеми запретами и коррективами... Это нечто в роде западни для цивилизации».

Ниже несколько строк из книги профессоров Эли и Уикера:

«Вследствие недостатка в больших земельных пространствах (при стадии охотничьей жизни) война становится экономической необходимостью там, где не встречаются в изобилии незанятые земли. Такое же положение вещей приводит нас к причинам людоедства. Все увеличивающийся прирост населения доводит постепенно народ до пределов полного голодания; мало-по-малу он доходит до обычая с'едать врагов, захваченных на войне... Позднее начинают понимать, что пленники могут принести пользу своим победителям, и таким образом на смену людоедству приходит рабство...

«Происхождение рабочего класса. Быть может, важнейшим результатом перемены, которую произвела земледельческая стадия хозяйственного развития, было возникновение рабства, как особого института. Как мы сказали, рабство получило свое начало в предшествовавший период (охотничий и пастушеский), но только при земледельческой стадии хозяйственного развития оно сделалось важным, почти главнейшим экономическим институтом. Пасти стада было не так уж трудно, но прозаическое вспахиванье земли было уже настоящей, неподдельной работой, а первобытные люди не очень любили работать.... Нет ничего странного в том, что они начали оставлять в живых своих пленников, намереваясь возложить на них обязанности по обработке земли».

Знаменитый французский социолог, Габриэль Тард, пишет по вопросу о происхождении рабства:

«Что значат все наши современные изобретения по сравнению с таким важнейшим изобретением, как приручение животных. Это была первая решительная победа над животным царством. Итак, из всех исторических событий самое величайшее и самое изумительное это, несомненно, то, которое одно сделало историю возможной,— триумф человека над окружающей его фауной (животныя данной

области)... Для нас выдрессированная лошадь, то-есть лошадь, слушающаяся узды, является просто известной мускульной силой, подчиненной нашему контролю... Мысль об обращении людей в рабство вместо того, чтобы убивать и с'едать их, должна была возникнуть после мысли о приручении животных, вместо обращения их в пищу, по той же самой причине, почему война с дикими зверями должна была предшествовать войне с чужими племенами. Когда человек обратил в рабство и приручил себе подобных, то он заменил мысль об употреблении людей в пищу мыслью о превращении их во вьючных животных».

А вот из статьи Уоллиса:

«Но каковы бы ни были его заслуги, рассмотрение рабства приводит нас к гораздо более обширной теме—к тому месту, которое занимают классовые отношения в социальном развитии, как целое. В своем материальном виде право собственности на людей является институтом, при помощи которого один из классов населения завладевает продуктами труда другого класса без всякого экономического вознаграждения. *Это отношение поддерживается* (также) *иными институтами*, чем *рабство*. Например, если один класс присваивает себе земли, принадлежащие другим, и принуждает остающееся население выплачивать себе ренту натурой или деньгами за право пользоваться землей, то такой образ действия превращается, как и рабство, в поглощение продуктов труда высшим классом без всякой экономической уплаты.

«Мы проследили происхождение социального раскола на высший и низший слои на этом общем основании в самом начале социального развития. Если внимательно исследуем эту область, то станет ясно, что одним из величайших и имеющих громадное значение фактов древней цивилизации, поскольку она восстает из тьмы доисторических времен, а также одним из наиболее значительных фактов последующей истории является именно этот *раскол на два главнейших класса*».

Герберт Спенсер писал:

«Возникновение рабства в древности, вследствие войн, мы видим в летописях всех народов...

«Готовность к повиновению земному владыке естественно сопровождается готовностью к повиновению предполагаемому небесному

владыке... Исследование раскрывает связь между церковной и политической властью... и в обществах, развивших в высокой степени принудительную светскую власть, обычно существует и высокая степень принудительной религиозной власти...

«Духовные особы не были теми людьми, которые настаивали на отмене рабства, ни теми, кто осуждал постановления, которыми повышались цены на хлеб для сохранения ренты. Служители религии не указывают, как единое целое, на несправедливость того посягательства, которое мы совершаем постоянно по отношению к более слабым обществам».

Д-р Уорд пишет:

«Оставляя в стороне грабеж и воровство, которые не признаются обществом, хотя они и преобладают повсюду, обратимся на один момент к рассмотрению войны, как не-промышленного способа приобретения. В современную эпоху громадное большинство войн ведется под каким-нибудь предлогом, кроме того, который заключается в укреплении победоносных партий, заинтересованных в войне, хотя почти во всех случаях этот-то предлог и является действительным casus belli (оправданием войны). Это показывает, что мир настолько продвинулся вперед, что ему становится стыдно мотивов, управляющих его поведением, впрочем, не настолько, чтобы повредить этому поведению материально. В прежнее время не делалось никакого секрета из целей военной экспедиции, являвшейся средством к приобретению богатств побежденного народа... Поэтому мы можем, строго говоря, смотреть на войну как на некоторый вид стяжания... Итак, война, которая ведется с завоевательными целями, есть просто грабеж, производимый в таком большом масштабе, что по грубым понятиям людей она пробуждает чувства чести».

В учебнике социологии Дили и Уорда есть такое блестящее место:

«Стадия расового антагонизма достигнута, и начинается эра войн. Охота за мясом животного превращается в охоту за человеческим мясом, и появляются племена антропофагов (людоедов), внушая всем ужас.... Употребление в пищу тел более слабых племен являлось, конечно, простейшей формой эксплоатации, которая напрашивалась сама собой. Но за этой стадией последовала социальная ассимиляция, благодаря завоеваниям и покорениям. Сильнейшее неравенство, вызванное этими покорениями, было использовано дру-

тими формами эксплоатации. Женщины и воины обращались в рабство, и возникшая вслед за сим система каст превратила покоренное племя и на самом деле в служилый класс, тогда как эта служба и закрепляемые ею из'ятия превратили вождей победоносного племени в праздный класс.

«Таково было происхождение рабства, того экономического института, который мы находим на самых ранних ступенях развития всех исторических народов».

Следующие избранные выдержки сделаны из книги проф. Симона Паттена.

«Шайки людей нападали друг на друга, и их бродяжничанье в поисках сомнительных запасов продовольствия с течением времени повело за собой «войны цивилизации». Там, где природа производила больше всего, редко когда бывал мир, и народы-завоеватели, захватившие лучшие земли, правя и охраняя благодаря победе, основывали целые государства на преданиях и практике битв... Сановники и философы восхваляли необходимость и выгоду разрушения. И вот в таком-то мире, где смерть одного была выгодна для другого, и было положено основание нашим социальным институтам... Хищнические привычки, привившиеся на охоте, развились и придали вкус охоте па людей, как только завоевания и владение рабами сделали более желательными земледельческие богатства долин, чем гор и нагорных областей... Завоевания привели к социальным институтам, которые попрежнему оставляют в силе, сохраняют и не улучшают приспособления человека к природе. Отсюда начинается различие между *социальными* институтами... и экономическими... Первые устанавливают статус и права владения и эксплоатации; другие придают большее благородство людям и бо́льшую ценность товарам, поощряют к дальнейшему развитию промышленность и дают каждому поколению новую силу устанавливать их в теснейшей связи с природой.

«В результате этих условий являются двоякого рода препятствия, которые мешают дальнейшему продвижению вперед. С одной стороны, существуют препятствия экономического порядка, трения между человеком и *природой*, которые в прошлом принуждали людей подчиняться бедности, от которой они не знали, как освободиться; с другой стороны, существуют препятствия порядка социаль-

ного, которые не возникают в природе, но в тех прежних (социальных) условиях, поддерживающих ныне существующую власть, которые разбили людей на полные антагонизма классы внутри страны и на враждебные народы вне ее. Препятствия *экономические* медленно ослабевают, благодаря знанию, науке и искусству, но *социальные* не будут никогда преодолены, пока революция в умах не освободит человеческого разума от глупых социальных традиций, которые передают из рода в род ненависть, и не даст мысли свободу, которая ныне создает промышленную деятельность. Распространение цивилизации сверху вниз не зависит теперь в такой степени от одержания новых побед над природой, как от разрушения социальных препятствий, разделяющих людей на классы и мешающих международной демократии, к которой могли бы привести развивающиеся без помехи экономические силы. *Социальный* статус, собственно говоря, определяемый способностью человека к работе, вмешался теперь между ним и его отношением к природе, если только *удобный случай*, который не должен был бы иметь отношения к определенной личности и каждый раз должен был бы возобновляться у колыбели человека, не разрушит этого статуса и не окажется на стороне человека».

Таким образом профессор Паттен, хотя он консерватор, а не социалист, откровенно указывает на необходимость такого социального переустройства, которое разрушило бы *искусственные* перегородки и уравняло бы шансы каждого на пользование всем в изобилии. И безусловно верно, как отмечает проф. Паттен, что мы достигли той стадии нашего знания природы и промышленной эволюции, которая делает промышленное переустройство общества логически необходимым как для того, чтобы избежать войны, так и для того, чтобы обеспечить рабочему классу справедливость и свободу в области промышленности.

Касаясь этого вопроса, одна из самых благородных и самых образованных американок, мисс Джен Аддамс, пишет так:

«Существующая ныне торговля уже давным-давно достигла своей международной стадии, но это результат агрессивной политики и постоянного обращения к военной защите и к добыванию силой новых рынков... Она логически склонялась к военным действиям и является, конечно, современной представительницей завоевания.

Как ее прототип основывался на рабстве и вассальных отношениях, так и она основывается на презрении к рабочему и думает, что он может жить на низкую заработную плату. Она считает все его законные желания чисто животными и касающимися только пищи, крова и стоимости его переездов».

Фредерик Гаррисон пишет так:

«Внутри нашей социальной системы свирепствует борьба классов, интересов и честолюбий; стремление к богатству, беспокойные желания. Будущее промышленности, учебное дело, социальная справедливость, самая жизнь бедняка, все это брошено на чашку весов, как в нашей стране, так и в остальных; тот или другой шаг решит судьбу будущих поколений».

Войны давно прошедшего времени возникали вследствие того, что было невероятно *трудно* добывать средства к жизни из природных складов запасов, когда люди были незнакомы с природными богатствами и не ведали, как можно заставить природу производить все в изобилии. Эти войны были главным образом обязаны своим происхождением незнакомству с силами природы, они об'яснялись нашей неспособностью вступить в *надлежащие отношения с силами природы.*

а) Мы так хорошо знаем силы природы и природные богатства, что теперь очень легко получать средства к жизни из естественных запасов, легко производить все в изобилии.

б) При системе заработной платы способность рабочего производить в изобилии настолько больше его потребительной способности, которой ему позволяют пользоваться, что излишек производства становится столь большим, что необходимо найти внешний рынок, мировой рынок; и

в) С той поры, как многие народы уже достигли, а еще больше народов быстро приближаются к этой стадии развития в производстве, но все еще остаются при прежней системе распределения по принципу установления заработной платы и получения прибыли, *мировой рынок не может удовлетворить их всех.*

Отсюда войны всегда будут, если рабочий класс будет их допускать.

Будущие войны будут главным образом обязаны своим возникновением незнакомству с социальной природой, будут об'ясняться

нашей *неспособностью вступить в надлежащие отношения друг с другом в области промышленности.*

Война породила рабство, личное рабство. Личное рабство превратилось в крепостничество. Крепостничество превратилось в рабство наемных рабочих. А наемные рабочие производят в таких больших размерах, а им позволяют потреблять столь незначительную долю всего того, что они производят, что капиталисты должны приказывать рабам заработной платы сражаться за иностранные рынки, за то, что рабочие производят, а капиталисты-предприниматели не потребляют или не размещают и что рабочим не позволяют потребить. Таким образом война породила рабство, и ныне рабство (рабство наемных рабочих) кончается с войной.

Война, столкновение, борьба, антагонизм входят в социальную структуру повсюду, где только есть рабство.

Рабство в основе своей несоциально—антисоциально.

Капиталист-предприниматель настаивает на том, что наемный рабочий и предприниматель находятся в *надлежащих* отношениях друг к другу. Капиталист вполне удовлетворен тем, что две первых формы общественного строя, основанных на классовом труде (рабство и крепостничество), уже миновали. Но он считает *нынешнюю* форму общественного строя, основанного на классовом труде (систему заработной платы), *вполне правильной.* Она удовлетворительна для него. И он лукаво поучал в высших школах, колледжах и университетах, что предприниматель и наемный рабочий находятся в настоящее время в надлежащих отношениях друг к другу.

Капиталист наслаждается своей собственной свободой *за счет свободы рабочего.*

Он очень старается, чтобы наемный рабочий *поверил,* что и он свободен, и в качестве свободного человека был удовлетворен и *сидел спокойно.*

Капиталисты раз'ясняют, что наемные рабочие свободны, потому что им предоставлена *привилегия заключать контракт,* контракт для работы за *плату;* что рабочие, получая таким образом возможность быть, наконец, свободными для заключения контракта, достигли конечного статуса, идеального статуса; и что таким образом (благословен Господь!) *эволюция завершила, наконец, свое великое дело*—дело сделано и сделано *хорошо.*

Капиталисты и их лакеи делают все, что могут, чтобы мир поверил следующему положению:

Эволюция человеческих отношений в области промышленности закончилась, закончилась прекрасно, и поэтому наемные рабочие глупы и неблагодарны, если они недовольны тем, что достигли нынешней стадии промышленной свободы.

Ниже приводится образчик фамильярного льстивого поздравления по поводу того, что мы достигли нынешней благородной формы промышленной свободы и цивилизации; профессор Фэрбенкс пишет так:

«Когда можно было использовать для работы взятых на войне в плен, вместо того, чтобы убивать их или с'едать, то этим обеспечивались настоящие средства производства... Феодализм означал решительный шаг вперед по сравнению с рабством... У раба были некоторые собственные интересы, не вполне совпадавшие с интересами его господина... Затем хозяева постепенно поняли, что наемный труд (система заработной платы) был более выгоден, чем принудительный труд и принципы крепостничества, как перед тем принципы рабства должны были уступить место более высокой форме организации производства (системе заработной платы)...

«Работник (в настоящее время, при системе заработной платы) ничем не связан со своим хозяином, кроме той связи, на которую он добровольно соглашается».

Как откровенно указывается, что прибыль являлась мотивом, повлиявшим на возникновение системы заработной платы!

А как смехотворен последний вывод, приведенный выше! Какая презренная болтовня о свободе! Какое шутовское кривлянье, приятное для королей—для промышленных королей! Право, промышленным цезарям должно быть очень приятно заставлять профессора совершать сальто-мортале, чтобы вызвать у рабочего радостную улыбку и чтобы он мог залюбоваться рабскими цепями, которыми он скован по рукам. Не поставлено ли на этих оковах клейма—«Свободен»?

Обратите внимание, что проф. Фэрбенкс употребляет слова «хозяин», «связан», говоря об отношениях, существующих между предпринимателем и «свободно договаривающимся» наемным рабочим.

Свободный человек не будет *добровольно связывать* себя с *хозяином* *).

*) «Восставший дурак бесконечно мудрее наиученейшего философа, который находит извинение для его цепей».—Л. Кошут.

Под бичом подхлестывающего его голода, с волками нужды, хватающими за горло его жену и детей, «свободно договаривающийся» наемный труженик, живущий на заработную плату, поспешно и добровольно ищет предпринимателя-«хозяина» и «добровольно» «заключает контракт» на производство разных благ на доллар за двадцать или тридцать центов заработной платы и таким путем «добровольно» понижает себя, «добровольно» подчиняется тому, чтобы у его жены и маленьких ребят отнимали те обильные средства к существованию, которые он хотел бы доставить им. Вот это свобода, свободный договор при системе заработной платы, при нынешней (третьей) форме общественного строя, основанного на системе классового труда.

«Свобода» наемного рабочего при заключении такого контракта, когда за спиной стоит голод, законы о бродяжничестве, полиция, милиция, солдаты, «кутузки», тюрьмы, такая свобода почти напоминает ту, которой пользуется гражданин, повстречавшийся нос к носу с вооруженным и грозным разбойником, командующим: «Руки вверх!». Наемный рабочий и остановленный разбойником гражданин имеют полную свободу соглашаться, уступать и дать себя ограбить, но могут также и отказаться, неся все связанные с отказом последствия—разумеется, всё совершенно «добровольно».

Никто, однако, не свободен, если ему не предоставлено свободы в главнейшей деятельности—свободы добывать средства к существованию.

В эволюции человеческого рода, рабочий обеспечил себе в некоторых странах света:

Свободу исследований,
Свободу мысли,
Свободу собраний,
Свободу слова,
Свободу печати,
Свободу голосования—для рабочих-мужчин,
Свободу организации политических партий и союзов.

Это показывает, до какой стадии мы дошли в развитии свободы рабочего класса. Эти предварительные формы свободы являются средствами, при помощи которых мы, если у нас хватит гордости, обеспечим себе, разумеется, свободу—свободу в добывании средств

к жизни, освобождение от капиталистов-предпринимателей, которые, благодаря солдатам и бичу голода, принуждают нас силком заключать контракты,—освобождение от социальных паразитов, людей с голубой кровью, которые презирают нашу обыкновенную кровь в социальном отношении, сосут нашу кровь в промышленном отношении и проливают ее на войне *).

В эволюции человечества древний свободный варвар, протестовавший громко и благородно, когда его брали на войне в плен, превращался в раба, которому не давалось никакой свободы; раб превратился в крепостного, не пользовавшегося свободой в области промышленности, да и не имевшего никакой иной действительной и полной свободы; крепостной стал наемным рабочим, рабом заработной платы, не пользуясь свободой в области промышленности, то-есть не пользуясь основной свободой, свободой добывания средств к существованию. Тем не менее, в очень недавнее время наемный рабочий начал вступать во владение некоторыми из тех чрезвычайно важных форм свободы, при помощи которых он может защищать себя, как только у него будет достаточно самоуважения, чтобы поступить так.

Таким образом и поэтому *вопрос, стоящий в порядке нашего дня, таков:*

Достаточно ли горд и проницателен рабочий класс, чтобы воспользоваться предоставленной ему свободой для обеспечения той свободы, в которой он более всего нуждается—а именно свободы в области промышленности, свободы добывания средств к существованию в социалистическом обществе, в обществе, где всем предоставлены одинаковые возможности, где все мы можем стать ногой на твердую почву, вступив в коллективное обладание промышленными основами общества, общества, которое покоится на разумной взаимопомощи, общества, в котором царствуют справедливость, изобилие и мир?

*) За вескими доводами, указывающими на умственное равенство рабочего и правящего класса, отсылаем к книге проф. Листера Уорда «Прикладная социология». Политическая глупость рабочего класса об'ясняется вовсе не недостатком мозгов, но недостатком книг, книг, которые проповедуют истину, истину, просветляющую зрение, зарождающую стремление к свободе и указывающую на путь к ней.

Читатель, если ты с нами в нашей мирной борьбе, в которой мы можем приобрести целый мир для рабочих, зажигай огонь—в уме своего соседа (если он у него есть), вручи ему факел, факел истины! Пожмем друг другу руки и будем сражаться с врагом—при помощи света!

Светом истины мы остановим бешено несущуюся кавалерию, заставим умолкнуть пушки, «сложить оружие» и прекратить классовую борьбу—в кооперативной республике.

Купив литературы на доллар, ты сможешь найти дорогу к сотне мозгов.

Теперь твой ход!

Умножь свою силу, *двигаясь вместе с движением!* *).

---

*) Относительно того, что читать, автор говорит, что для понимания основных вопросов, для уяснения себе настоящей причины всякой войны, необходимо обратить особое внимание на: 1) экономическое толкование истории, 2) классовую борьбу с исторической точки зрения и с точки зрения современности и 3) теорию прибавочной стоимости. Поняв и твердо представи в себе все это, легко разобраться в национальной и международной политике, понять значение войны и мира. По мнению автора, разные книги, посвященные красотам мирного жития, отдельные речи и научные труды, которые не будут подходить к вопросу с точки зрения экономического толкования истории, а будут лишь заключать въ себе сентиментальные рассуждения, не приведут ровно ни к чему, как бы они ни были изящно написаны, прекрасно отпечатаны и изданы, сколько бы в них ни было слезливости. Иными словами, «это все случайные литературные снежки, которыми по незнанию пошвыриваютъ по направлению к аду, хотя и с соблюдением правил изящества и грамматики. Но такие снежки не влияют на понижение той высокой температуры, которой подвержен ад», говорит автор. Столь же бесполезными считает автор все труды, издаваемые различными «Обществами Мира». Пока «Мирные Общества» «не поднимут своего голоса против капитализма»,—пишет автор,—«сердце которого—система заработной платы, до тех пор их литература не будет иметь никакого значения».

В заключение автор приводит целый ряд книг, которые он горячо рекомендует вниманию читателя, особенно читателя, принадлежащего к рабочему классу. Исключив из списка все те книги, которых нет на русском языке, а также все те, которые представляют интерес лишь для американца, мы в свою очередь указываем на книги, с которыми не мешало бы ознакомиться всем интересующимся этим вопросом.

Список книг, рекомендуемых читателю, желающему ознакомиться с литературой, посвященной вопросам антимилитаризма.

Андреев, Л. «Красный Смех».
Аничков. «Война и Труд».
Антонов, Н. «Германская социал-демократия и война».
Барбюс, Анри. «Свет».
Его-же. «В огне».
Боголепов, Д. «Война и финансы».
Бухарин, Н. «Долой международных разбойников».
Его-же. «Мировое хозяйство и империализм».
Быстрянский. «Империализм».
Жорес. «Мир и пролетариат».
Зиновьев, Г. «Австрия и мировая война».
Его-же. «Англия и Германия перед мировой войной».
Его-же. «Тройственный союз и тройственное согласие».
Его-же. «Война и кризис социализма».
Зиновьев, Г., и Ленин, Н. «Социализм и война».
Зиновьев и Ленин. «Против течения».
Золя, Э. «Разгром».
Зуттнер, Берта, Ф. «Долой оружие!».
Каменев, Ю. «Экономическая система империализма».
Его-же. «Империализм и Балканская Республика».
Его-же. «Борьба за мир».
Каутский, К. «Патриотизм, война и социал-демократия».
Керженцев, В. «Английский империализм».
Его-же. «Союзники и Россия».
Коллонтай, А. «Кому нужна война?».
Лауфенберг. «Мировая война». С предисловием Г. Зиновьева.
Ленин, Н. «Империализм, как новейший этап капитализма».
Либкнехт, К. «Антимилитаризм».
Его-же. «Мой судебный процесс».
Лилина, З. «Солдаты тыла».
Луначарский, А. «Италия и война».
Милютин, В. «Сколько стоит война».
Его-же. «Сельскохозяйственные рабочие и война».
Павлович, М. «Франция накануне мировой войны».
Его-же. «Милитаризм и война 1914—1918 г.г.».

«Первая Циммервальдская конференция».
«Вторая Циммервальдская конференция».
Ромэн Роллан. «В стороне от схватки».
Степанов, И. «Кто богатеет и кто разоряется от войны?».
Его-же. «Народ и война».
Троцкий, Л. «Программа мира».
Его-же. «Когда же конец проклятой бойне?».
Его-же. «В плену у англичан».
Его-же. «Годы великого перелома».
Его-же. «Советская власть и международный империализм».
Уэльс, Г. «Война в воздухе».
Цеткин, К. «Борьба за свободу и мир в России».
Чикколини, С. «Происхождение современной войны».
Эрве. «Антимилитаризм».

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Цена. Р.	К.
Зиновьев, Г. „Речь о создании красной армии". 2-е изд.	—	25
Его-же. „Социализм и война"	1	10
Его-же. „Н. Ленин, жизнь и деятельность"	1	25
Его-же. „Письмо к крестьянам"	—	50
Его-же. „Слово к красноармейцам"	—	85
Его-же. „Чехо-словаки, белогвардейцы и рабочий класс"	—	35
Его-же. „Что делать в деревне"	—	70
Его-же. „О мятеже левых эс-эров"	—	60
Его-же. „Франц Меринг"	—	30
Его-же. „Из истории нашей партии"	1	10
Его-же. „Война и кризис социализма"	15	—
Его-же. „Задачи рабочей и крестьянской молодежи"	—	90
Его-же. „Русская революция и международный пролетариат"	4	50
Его-же. „Работница, крестьянка и Советская власть"	—	70
Его-же. „Интернационал молодежи и его задачи"	4	—
Его-же. „Что должен знать и помнить коммунист-красноармеец"	—	70
Его-же. „За что борется красная армия"	2	75
Зиновьев, Г., и Ленин, Н. „Против течения". 2-е изд.	10	—
Зиновьев, Г., и Троцкий, Л. „Карл Либкнехт и Роза Люксембург". Речи, произнесенные на заседании Петр. Совета	2	—
„Интернационал и мировая война". Грюнберг. Документы о войне	60	—
Ионов, Илья. „Алое поле". Стихотворения. 2-е изд.	1	50
Калер, Э. „В. Вейтлинг, его жизнь и учение"	5	—
Кампанэлла, Томас. „Государство солнца". Утопия	4	30
Карпинский, В. А. „Мир или война"	—	15
Катая, С. А. „Террор буржуазии в Финляндии"	1	40
Каутский, К. „Наука, жизнь и этика"	—	30
Его-же. „К. Маркс и его историческое значение"	1	25
Его-же. „Экономическое учение К. Маркса". 2-е изд.	3	50
Его-же. „Этика"	2	25
Его-же. „На другой день после социал. революции"	—	75
Его-же. „Классовые интересы"	—	40
Его-же. „Карл Маркс". Биограф. очерк	—	45
Его-же. „Томас Мор и его Утопия"	12	—
Его-же. „Ирландия"	1	40
Его-же. „Возникновение брака и семьи"	2	25
Керженцев. „Как вести собрание"	—	70
Кий. „Что такое социализм?"	1	10
Его-же. „Республика Советов". 4-е исправленное и дополненное изд.	—	40
Его-же. „От крестьянской общины к социалистической коммуне"	—	35
Его-же. „Сельская коммуна"	—	40
Киркпатрик, Дж. „Война... ради чего?"	60	—
Клюев, Н. „Медный кит"	2	40
Князев, В. „Красные звоны и песни"	2	50
Его-же. „Красное Евангелие"	1	20
Его-же. „Песни красного звонаря"	4	50
Коллонтай. „Работница-мать"	—	35
„Коммунистический Интернационал к трудящимся всего мира. Да здравствует 1 мая"	1	—
Конколь. „Коммуна 71 г."	2	—
„Конституция Советской Республики"	—	40
Королькевич, Б. Е. „Финансовые и экономические законы и мероприятия Германии против держав согласия за время нынешней войны"	—	35
Красный Север, №№ 1 и 2. Журнал иллюстраций	4	—
Лазар, Бернар. „Антисемитизм и революция"	—	70
Лассаль, Ф. „Принципы труда в современном обществе"	—	60
Его-же. „Дневник"	6	75

	Цена. Р.	К.
Лафарг, П. „Происхождение религиозных верований"	—	60
Его-же. „Благотворительность и право на труд"	—	60
Его-же. „Миф о непорочном зачатии"	—	35
Его-же. „Буржуазия и наука"	—	—
Его-же. „Вера в Бога". Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	75
Его-же. „Труд и капитал"	7	50
Его-же. „Патриотизм буржуазии"	1	10
Его-же. „Право на леность"	1	10
Ленин. „Доклад и заключительная речь на 3-ем Всероссийском С'езде Советов"	—	25
Его-же. „Борьба за хлеб". Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	40
Его-же. „За 12 лет". Собрание статей	20	—
Его-же. „Пролетарская революция и ренегат Каутский"	3	—
Его-же. „Главные задачи наших дней"	—	65
Его-же. „Уроки революции". 2-е изд.	—	40
Его-же. „Империализм, как новейший этап капитализма". (Популярный очерк)	4	50
Его-же. „Успехи и трудности Советской власти"	2	20
Либкнехт, В. „Два мира"	1	60
Его-же. „Никаких компромиссов, никаких избирательных соглашений"	1	30
Его-же. „1848 год и коммуна". Разошлось. Печатается 2-е изд.	2	—
Его-же. „Воспоминания о К. Марксе"	2	—
Его-же. „К юбилею мартовской революции"	—	—
Либкнехт, Карл. „Мой процесс". (По документам). С предисловием Зиновьева и портретом К. Либкнехта	12	—
Лилина, З. „Солдаты тыла". „Женский труд до и после войны". Разошлось. Печатается 2-е изд.	2	10
Ее-же. „Организуйте женщин"	—	50
Ее-же. „Что дала революция народу"	—	35
Литературный сборник, посвященный памяти Г. В. Плеханова	3	45
Логинов. „На страже". Стихотворения. Сатиры	1	80
Его-же. „Накануне". Стихотворения	3	50
Лидеман, Г. „Коммунальная политика социализма"	1	40
Лунин, Н. „Церковь и государство"	—	50
Луначарский, А., и Зиновьев, Г. „К. Маркс и социальная революция". Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	65
Луначарский, А. „Комедии". 2-е изд.	2	60
Его-же. „Карл Маркс". Ко дню 100-летия со дня рождения	—	50
Его-же. „Королевский брадобрей" (Власть). Пьеса	3	—
Его-же. „Первый пророк и мученик революции Радищев"	1	20
Лурье, М. (Ю. Ларин). „Суд над К. Либкнехтом"	—	45
Его-же. „Крестьяне и рабочие в русской революции"	—	40
Его-же. „Состав пролетариата". 2-е издание	—	65
Люксембург, Роза. „Реформы или революция"	9	—
Любимов. „Танки, их боевые свойства и борьба с ними"	3	—
Майская, Татьяна. „Полустанки"	3	50
Маркс, К. „Либералы у власти"	2	—
Его-же. „Наемный труд и капитал"	1	80
Его-же. „Заработная плата, цена и прибыль"	—	85
Его-же. „К еврейскому вопросу"	3	75
Его-же. „Речь о свободе торговли"	1	40
Его-же. „Классовая борьба во Франции 48 г."	7	50
Его-же. „Кельнский процесс коммунистов"	7	—
Его-же. „Критика Готской программы"	1	80

Название	Цена. Р.	К.
Марко, К., и Энгельс, Ф. „О коммунизме“	1	40
Их-же. „Манифест коммунистической партии“	1	40
Мархлевский. „Что такое политическая экономия?“	1	10
Меринг, Фр., и Лафарг, П. „Фридрих Энгельс“	1	40
Мещеряков, В. „Деревенская беднота и путь к социализму“	—	[illegible]
Мирбо. „Жан и Мадлена“. Драма	1	50
Моррис, В. „Вести ниоткуда“. Утопия	4	50
Мор, Т. „Утопия“	7	20
Муйжель. „Бабья жизнь“	3	50
Его-же. „Старухина земля“	2	25
Его-же. „Прохожий“	4	—
Его-же. „Старый Камора“	2	—
Его-же. „Дача“	4	—
Его-же. „Проклятие“	3	—
Его-же. „Дом на площади“	3	30
„Наш рабочий праздник 1 мая“	—	20
Немирович-Данченко, Вас. „Вся чужая“	2	75
Его-же. „Волчий сын“	7	—
Его-же. „В дудке“	5	—
Его-же. „Ранние огни“	30	—
Его-же. „Правда сказок“	35	—
Его-же. „Бодрые, смелые, сильные“	40	—
Его-же. „Вечная память“	35	—
Его-же. „Банкирский дом“	—	—
Его-же. „Их было пять“	8	—
Его-же. „Свет—Свет—Свет“	10	—
Его-же. „Хотел бежать“	8	—
Новорусский, М. „Грибы“	10	—
Олар. „Политическая история французской революции“	24	—
„Памяти К. Маркса“. Сборник статей. 2-е издание	4	50
„Памяти К. Либкнехта и Розы Люксембург“. Сборник статей	5	50
Первый социалистический Советский настольный календарь	[illegible]	—
Первая годовщина пролетарской революции	6	—
Петрович. „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“	—	50
Пименова, Э. „История интернационала“.	3	50
Ее-же. „Как немцы боролись за свою гражданскую свободу“	4	[illegible]
Ее-же. „Вильгельм II“	3	—
Плеханов, Г. „Речь о Белинском“	1	[illegible]
Под знаменем интернационала. Сборник революционных песен	3	—
Программа Российской коммунистической партии	1	50
Равич, С. „Что такое республика Советов“	—	75
Радек. „Анархисты и Советская власть“	—	12
Раковский. „Социалисты и война“	1	—
Рионов, Ник. „Как совершать записи рождений, брака, развода, внебрачных детей и установления отцовства у народных нотариусов“	—	75
Ромен, Роллан. „Жан Кристоф“. „Заря“, т. I.	4	—
Его-же. „Утро“, т. II	7	50
Его-же. „Юность“, т. III	—	—
Его-же. „Бунт“, т. IV	—	—
Его-же. „Ярмарка на площади“, т. V	5	20
Его-же. „Сердце Франции“, т. VII	2	25
Его-же. „Неопалимая купина“, т. IX	12	—
Его-же. „В стороне от схватки“	5	20
Рубакин. „Вода на земле, под землей и над землей“. С многочисленными иллюстрациями	3	—
Его-же. „Приключения в стране рабства“. С многочисленными иллюстрациями	5	50
Его-же. „Дедушка время“. Новогодняя сказка	3	—
Его-же. „Что такое кометы“	3	50

Название	Цена. Р.	К.
Рубакин. „Как и когда разные народы научились говорить каждый на своем языке“	2	—
Его-же. „Рассказы о делах в царстве животных“	6	—
Его-же. „Среди тайн и чудес“	9	—
Его-же. „Подземный огонь“	6	60
Его-же. „Как, когда и почему появились люди“	4	—
Его-же. „Рассказы о великих и грозных явлениях природы“	4	—
Рязанов, Д. „Две правды“. Марксизм и народничество. Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	90
Его-же. „Обуховское дело“. Разошлось. Печатается 2-е изд.	—	70
Его-же. „19 февраля“. Разошлось. Печатается 2 изд.	—	75
Его-же. „К. Маркс и русские люди 40-х годов“	1	80
Его-же. „Г. В. Плеханов и группа Освобождение труда“	—	90
Его-же. „Англо-русские отношения в оценке К. Маркса“	3	75
„Советская Россия и народы мира“. С предисловием Максима Горького.	5	—
Самойлова. „Современная безработица и борьба с нею“	1	10
Ее-же. „Продовольственный вопрос и Советская власть“	—	90
Ее-же. „Что дала рабочим и крестьянам Великая Октябрьская революция“. 1-е издание	—	50
2-е издание	1	20
Сафаров, Г. „Общество и государство“	14	—
Его-же. „Буржуазный порядокъ и коммунистическая революция“	11	—
Сборник декретов и постановлений, касающихся коммун Северной области. За два тома в папке	100	—
Сборник инструкций, положений и правил по организации сельско-хозяйственных коммун	—	20
Срединский, С. „Основы газетного дела“	2	30
Стеклов, Ю. „Черная сотня во Франции“. Разошлось. Печатается 2-е изд.	1	20
Его-же. „Революция 1848 г. во Франции“	2	—
Его-же. „Прудон“	—	80
Его-же. „Поль Лафарг“. 2-е изд.	—	55
Его-же. „Новейшее течение во французском антисемитизме“	1	—
Его-же. „Интернационал“, ч. I	4	80
Его-же. „Интернационал“, ч. II	2	25
Степанов. „Жан-Поль Марат“	—	40
Его-же. „Твердые цены на хлеб“	—	10
Его-же. „Кто богатеет и кто разоряется“	—	35
Стринберг, А. „Муки совести“	—	70
Стогов, М. „Кому нужны погромы“	—	80
Струмилин. „Богатство и труд“ (популн. научн. очерк)	2	10
Троцкий. Труд, дисциплина и порядок“	—	30
Его-же. „Слово к рабочим и крестьянам“	—	45
Его-же. „Советская власть и международный империализм“	—	25
Тун, А. „История револ. движ. в России“.	4	80
Тюрлан. „Парижская коммуна“.	2	—
Финн-Енотаевский „Экономическая система Карла Маркса“	4	—
Хвольсон. „Значение науки для человечества“	2	—
Ходоровский. „Памяти коммуниста на фронте“	—	20
„Цена крови“	—	40
Цеткин, К. „Борьба за свободу и мир в России“	—	12
Ее-же. „Женский вопрос, интелл. пролетар. и социал.“	—	70
Ее-же. „За большевиков“	—	45

Первая Государственная Типография, Гатчинская, 26.

